

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 2 2021 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 25.02.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

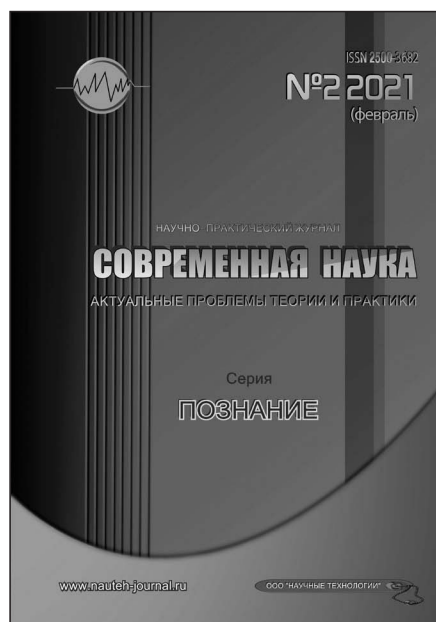
Серия: Познание №2 (февраль) 2021 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Дружинина И.А., Гимазетдинова А.Х. – Культура человека и человечества в современной онтологической реальности

Druzhinina I., Gimazetdinova A. – Culture of man and humanity in modern ontological reality..... 5

Дылькова С.В. – Музыкальная культура личности: обзор исследовательских подходов
Dylkova S. – Musical culture of the individual: a review of research approaches 8

Ивинских Г.П. – Культура памяти и культура забвения в развитии отечественного театра
Ivinskikh G. – Culture of remembrance and culture of oblivion in evolution of Russian theatre..... 14

Кашлатова Л.В. – Зооморфные ипостаси Земли в фольклоре северных народов
Kashlatova L. – Zoomorphic hypostases of the Earth in the folklore of the Northern peoples..... 19

Лебедева П.В. – Канонизация Ильи Чавчавдзе и ее роль в современной грузинской культуре
Lebedeva P. – Canonization of Ilya Chavchavdze and it's role in modern Georgian culture 24

Пляхотко А.С., Акулич Е.М. – Роль библиотеки нового типа в процессе аккультурации в региональном культурном пространстве
Plyakhotko A., Akulich E. – The role of a new type of library in the process of acculturation in the regional cultural space..... 27

Сачкова Н.А. – Теоретические основания понятия «инкультурация»: конкретизация терминологических границ»
Sachkova N. – Theoretical foundations of the concept of "inculturation": specification of terminological boundaries" 32

Психология

Бобровская Е.Ф. – Нарушение пищевого поведения и толерантность к стрессу

Bobrovskaya E. – Eating disorder and stress tolerance 36

Будауд Карим – Диагностика профессиональной идентичности: важный аспект качества в работе
Boudaoud Karim – Diagnostics of professional identity: an important aspect of quality in work . . . 40

Жигулина М.А. – Факторы профессионального выгорания специалистов социальной сферы: результаты регрессионного анализа данных
Zhigulina M. – Factors of professional burnout of social specialists: results of regression analysis of data 47

Иваненко А.С. – Анализ структуры ментальной модели социальной ответственности бизнеса в предпринимательской среде и населения, не связанного с бизнесом
Ivanenko A. – Analysis of the structure of the mental model of social responsibility of business in the business environment and the population not associated with business 51

Ларионова Н.А. – Психологическое сопровождение детей-сирот
Larionova N. – Psychological support of orphan children 57

Ларионова Н.А. – Психологические аспекты подростковых конфликтов
Larionova N. – Psychological aspects of adolescent conflicts 61

Маркман Е.В. – Отношение общества к перинатальным потерям
Markman E. – Study of the factors associated with the attitude of society towards perinatal losses 65

Мачуха А.М., Васильева О.С. – Анализ показателей самооотношения и нарциссизма, а также отношения к вере как предикторов личностной зрелости-незрелости у современной молодежи
Machukha A., Vasilyeva O. – Analysis of indicators of self-attitude and narcissism, as well as attitude to faith as predictors of personal maturity-immaturity in modern youth 72

Минко Э.А. – БОС-тренинг в реабилитации пациентов, перенесших аортокоронарное шунтирование <i>Minko E.</i> – BOS-training in rehabilitation of patients under aortocoronary bypassing 86	Лолаев Т.П., Габараев А.Д., Дряев А.Г. – Сравнительный анализ динамической и функциональной концепций времени <i>Lolaev T., Gabaraev A., Dryaev A.</i> – Comparative analysis of dynamic and functional concepts of time 122
Мясникова З.В. – Теоретическое осмысление феномена «правовое поведение» в психологии личности <i>Myasnikova Z.</i> – Theoretical conceptualization of the phenomenon "legal behavior" in psychology of personality 89	Майснер Т.Н. – Духовные факторы десакрализации природы в условиях становления индустриального города <i>Maisner T.</i> – Spiritual factors of desacralization of nature in the conditions of formation of an industrial city 127
Самойлюк Л.А., Логунова К.Г., Хрипко О.С. – Взаимосвязь саморегуляции и социальной адаптации подростков с интеллектуальными нарушениями <i>Samoilyuk L., Logunova K., Khripko O.</i> – Interrelation between self-regulation and social adaptation of adolescents with intellectual disorders 93	Морозова Е.Н. – Духовное возрождение общества посредством формирования толерантного сознания <i>Morozova E.</i> – Spiritual revival of society through the formation of a tolerant consciousness 131
Чернобродов Е.Р., Галкина Н.Ю. – Стресс и стресс-менеджмент в деятельности участковых уполномоченных полиции <i>Chernobrodov E., Galkina N.</i> – Stress and stress management in the activities of district police commissioners 98	Петухова Т.Н. – Социальные функции религии: церковь как социальный институт передачи культурно-исторических традиций <i>Petukhova T.</i> – Social functions of religion: the Church as a social institution for the transmission of cultural and historical traditions 136
Ядрищенская Т.В. – Психофизиологический статус студентов в аспекте когнитивных стилей обучения <i>Yadrishenskaya T.</i> – Psychophysiological status of students in aspect cognitive learning styles 103	Потапчук В.И., Кшеввин Н.В. – Философский анализ коммуникационных технологий в системе человек - экономика <i>Potapchuk V., Kshevin N.</i> – Philosophical analysis of communication technologies in the system of human - economy 139
Философия	
Белкин В.В. – К вопросу о происхождении права и правового нигилизма. Социально-философский анализ <i>Belkin V.</i> – To the question of the origin of law and legal nihilism. Social-philosophical analysis 108	Сирин С.А. – Рецепция философских идей в парадигме правового нигилизма <i>Sirin S.</i> – Reception of philosophical ideas in the paradigm of legal nihilism 144
Кононов С.В. – Моделирование социальной безопасности региона в контексте социально-философского и регионалистского дискурсов <i>Kononov S.</i> – Modeling of the social safety of the region in the context of socio-philosophical and regionalist discourses 111	Фусу Л.И. – Потенциальность лиминальности в период ковида <i>Fusu L.</i> – Morality during the liminal quarantine period 149
Кульжанова Г.Т. – Система образования - уровень и качество человеческого капитала <i>Kulzhanova G.</i> – Education system - level and quality of human capital 118	Шатилов С.Ф. – Трансцендентное бытие человеческой субъективности <i>Shatilov S.</i> – Transcendent existence of human subjectivity 153
Информация	
	Наши авторы. Our Authors 158
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 160

КУЛЬТУРА ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

CULTURE OF MAN AND HUMANITY IN MODERN ONTOLOGICAL REALITY

*I. Druzhinina
A. Gimazetdinova*

Summary: The article deals with philosophical ideas and concepts related to spiritual values in today's ontological reality. It is argued that spiritual development is important for human and human health human and human.

Keywords: culture, man, humanity, body, soul, challenge-response concept, spiritual development, axial time.

Дружинина Илона Анатольевна

*К.и.н., доцент, Казанский национальный
исследовательский технический университет им. А.Н.
Туполева – КАИ
IADruzhinina@kai.ru*

Гимазетдинова Алия Хазиахметовна

*К.ф.н., доцент, Казанский национальный
исследовательский технический университет им. А.Н.
Туполева – КАИ
aliya.gim@gmail.com*

Аннотация: Рассматриваются философские идеи и концепции, касающиеся духовных ценностей в сегодняшней онтологической реальности. Утверждается, что для здоровья человека и человечества важно духовное развитие.

Ключевые слова: культура, человек, человечество, тело, душа, концепция вызова-ответа, духовное развитие, осевое время.

Изучение современной реальности бытия человека и человечества невозможно без обращения к философским и культурологическим практикам. В статье рассматриваются проекции концептуальных идей Платона, К. Ясперса, А. Тойнби, Л.Н. Гумилева на онтологическую реальность современности и аргументируется актуальность культурологических и философских практик. Процесс переосмысления мира и открытие в нем «страха и трепета» бытия воспроизводится постоянно. И такое переосмысление происходит с человеком и человечеством в 2020 году, когда осознается беспомощность перед вирусом, видимым только в мощный микроскоп лабораторий. Прочность человеческого существования нарушается. И в этой ситуации важно сохранить культуру, важность ее еще столь остро не ощущалась никогда [2]. Общество и мир в целом, все человечество находятся сегодня в очень трудной ситуации. Мы оказались не готовы к отражению пандемической атаки, сегодня для спасения необходимы опоры, считаем, что их необходимо найти именно в духовном мире, поэтому нормы этики, морали, нравственности выходят на передний план.

Пользуясь методом историзма и логической реконструкции, покажем с помощью базовых теорий предыдущих философских эпох каким образом можно поменять в лучшую сторону эту современную ситуацию.

Около 500 лет до н.э. при приближении, согласно К. Ясперсу, к духовной оси бытия человечества шли такие духовные процессы, которые позволили сформировать отличное от животного мира человеческое бытие и человечество выработало правила для чистоты тела и души в различных духовных практиках. И в это же время

сближения с осью бытия возникла философия в очагах цивилизации, так в Греции в это время расцветает творчество поэта Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона. А в Китае на этот период приходится начальный период развития Конфуцианства, на ближнем Востоке зарождается Зороастризм, в этом мировоззренческо-религиозном учении постулируется ведение борьбы добра и зла. [7]. В этот же период известный древнегреческий философ Сократ, поставивший на первое место сущность человека, считал, что искусство врачевания связано с душой человека. Самым искусным врачом мог бы стать тот человек, который с ранних лет изучал медицину. Но главное то, что сам, ставший врачом человек, изначально от природы не был слишком здоровым человеком и сам в процессе становления должен переболеть разными болезнями. По справедливому утверждению Платона, вложенному в уста Сократа, «лечат не тело телом, а лечат душой». К составу космической души Платона, которую он понимает не абстрактно, а вполне конкретно, присоединяется и «телесность» в ее энергетических центрах. [3] Эта душа, которая простирается от центра и до пределов вращающегося космоса, является непреходящей и разумной во все времена. Она невидима, но именно ей организуется рассуждение и гармония и в человеке как в микрокосмосе. Поэтому душа, соединившись с волеизъявлением, всей сущностью приходит в движение и выражается в слове, действии, поступке. Это можно увидеть как в креативности, так и в консерватизме человеческого бытия.

В диалоге Платона «Соперники» Сократом задается вопрос: Кого привести к постели больного, врача или философа? И дается ответ, что философа важнее, так

как именно он излечит душу. А это целительство сложнее, чем вылечить тело. Во время эпидемий прошлого, врачи не заражались, входя в «холерные бараки», этому способствовали знания санитарно-эпидемиологических норм и настрой. Сегодня человеку и человечеству жизненно необходимо иметь шкалу приоритетов, которая определяет жизненный стержень каждой личности. Такие культурные ценности как глубокое не узкопрофильное, а дающее широкий кругозор образование, принцип ненасилия, свобода, чувство любви, состояние счастья, экологическое благополучие, и другие являются важными в современном мире [3].

Неординарные, яркие личности являются движущей силой в истории общества и человечества. Известный ученый Л.Н. Гумилев выдвинул идею пассионарности. Эта идея горения, стремления творческого меньшинства преобразовать мир, направить мировое сообщество на решение важных проблем и задач. Эта целеустремленность помогает человеку и человечеству решить множество задач, а главное в пассионарности – это душевный порыв, движение. Он вызывается космическими силами, которые еще Платон определил как метемпсихоз – припоминание души своего существования в космическом бытии.

Английский историкосиф Арнольд Джозеф Тойнби разработал концепцию «вызова-ответа» элиты (творческого меньшинства) на вызовы истории, социума, Бога, которую можно представить методологической опорой для рассмотрения ситуации сегодня. Сущность концепции А. Тойнби, которую именуют «концепцией вызова и ответа», в методологическом плане в том, что возникновение и формирование цивилизации может быть осуществлено только лишь при условии влияния на общество разнообразных причин (вызовов!), которые требуют от этого общества адекватного ответа на каждый конкретный вызов. [6] Только вызов, поставленный обществу окружающей средой в облике здравоохранительных, медицинских, экономических, политических и иных задач, может освободить именно те творческие силы, с поддержкой которых социум решит данную проблему. Так Природа (Бог) бросает людям вызов. Своим ответом на вызов цивилизация / общество и каждый человек решает вставшую перед ту или иную трудную задачу и, в процессе решения, переходит в возможно более совершенное состояние. Чем сильнее этот вызов – тем более элита должна дать сильный и оригинальный ответ. Если это творческое меньшинство неспособно дать хороший ответ, то цивилизации грозит моральное разложение и гибель. Невозможность адекватной реакции на вызов означает деградацию общества, отсутствие вызова означает отсутствие стимула к росту и развитию.

Если на вызов дан подходящий ответ, то это формирует подходящие обстоятельства для перехода обще-

ства на более высокий уровень и для возникновения последующего вызова. Если же общество не совладеет с предлагаемым вызовом, то оно замирает в развитии и понемногу близится к упадку и гибели. При этом вызов вынужден являться средним по силе, который даст вероятность его благополучно выстоять. В случае же чрезмерно податливого или чересчур строгого вызова общество или останется в начальном состоянии, или «перенапряжётся» и будет не способно давать ответ на последующие вызовы. В наше время для общества вызовом стал новый вирус – COVID-19. Каким образом решат люди проблему, вставшую перед нами, рассмотрим на примере Китая. По официальной статистике в октябре 2020 года, известно, что в этой стране активно падает число заболевших коронавирусом, кроме того, китайская экономика начинает расти за счёт быстрого восстановления промышленного производства. Данная страна дала подходящий ответ на современный вызов. При вспышке вируса власти Китая незамедлительно ввели карантинные ограничения, максимально изолировали зараженные зоны, инвестировали колоссальные средства в различные инновации, в том числе медицинские, ввели новые технологии по контролю здоровья каждого человека «Код здоровья». Всё это способствовало переходу страны на более высокий уровень.

Конфуцианские этические ценности: такие как почитание старших и уважение младших, необходимость поддержания семейного уклада присутствуют в духовной жизни этой страны и сегодня, поэтому, будем надеяться, что в современном мире победит шкала духовных ценностей. Вслед за Платоном и Декартом полагаем, что чем больше философов в государстве, тем это государство лучше. Следуя, крылатому античному выражению «mens Sana in corpore Sano» у здорового духа – здоровое тело. [3, с.268]. Это касается не только одного человека, но всего общества в целом, поэтому ценности добра, альтруизма, здоровья, морали, стремления к познанию и Благу в Платоновском смысле могут сформироваться в определенную шкалу вместе с любовью, свободой, красотой, творчеством. Не случайно в гуманитарно-культурных перипетиях бытия выражается глубина личности человека и духовной сферы жизнедеятельности общества [5, с.34]. Этот глубинный смысл передан в словах известного казанского поэта Н. Беляева – «...Крылья помогут – вынесут, / Если грянет беда. / Только беды не хочется. / Царило бы на земле / Жизни вечное творчество / с думой на светлом челе. / И была бы единственной и не горше того – горечь тысячелистника белого моего»... [1]

Мы полагаем, что в процессе осуществления человеком каких-либо открытий в химической или физической науке, в создании вещей материального мира обязательно обнаруживается имманентное присутствие философско-культурологического мировоззрения создателя [4, с.255], будь это главное открытие на сегодняшний мо-

мент – создание российской вакцины «Спутник-V» или совершившие прорыв открытия прошлых веков – неевклидова геометрия Н.И. Лобачевского, периодический закон и периодическая система химических элементов

Д.И. Менделеева, явление электронного парамагнитного резонанса Е.К. Завойского, различные «Ту» Андрея Николаевича Туполева, который был убежден, что «Хорошо летают только красивые самолеты!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Н. Чуть ли не буколистика... [Электронный ресурс] URL: <http://nb.arda.ru/book/tysyachelistnik/>
2. Дружинина И.А., Царева А.М. Актуальность развития культурологического знания (в компетентностном аспекте) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 7. С. 69-71.
3. Дружинина И.А., Сабирзянов А.М. Университет - преподаватель: психоэнергетическое равновесие в контексте экологической философии и экологии культуры // Современный ученый. 2017. № 5. С. 267-269.
4. Дружинина И.А., Сиразеева Т.Т. Мода и стиль - миры утопии в социуме // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 250-256.
5. Гимазетдинова А.Х., Дружинина И.А. Нравственные ценности в трудах философов и сочинениях студентов // Научное мнение. 2019. № 12. С. 33-37.
6. Тойнби А. Постижение истории [Электронный ресурс] URL: <http://www.avorhist.ru/publish/Toynbee104.htm> Дата обращения: 16.10.20
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991 с. 32-50 [Электронный ресурс] URL: http://ec-dejavu.ru/j/Jaspers_axis.html. Дата обращения 1.12.2020

© Дружинина Илона Анатольевна (IADrzhinina@kai.ru), Гимазетдинова Алия Хазиахметовна (aliya.gim@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

Дылькова Светлана Викторовна
Директор, МБУДО «Детская школа
искусств №6» г. Магнитогорска
dylkova@gmail.com

MUSICAL CULTURE OF THE INDIVIDUAL: A REVIEW OF RESEARCH APPROACHES

S. Dylkova

Summary: The article summarizes research approaches to understanding the influence of musical art on the formation of musical culture of the individual.

The article analyzes the constituent elements of a person's musical culture: perception, the process of listening to music, the formation of musical intelligence, and the presence or absence of innate musicality.

Attention is drawn to the «Mozart effect» and «transference effect» as the ability of music to influence the cognitive and cognitive abilities of a person, to create positive incentives to study and activate creative and creative thinking.

The positive-stimulating effect of music on the mental properties of a person is shown. The author demonstrates the grounds for recognizing the presence of such immanent properties as «musical mind» and «musical intelligence», which guide the choice not only in favor of a particular music (determining the listener's tastes and preferences), but also affect the General social self-realization practice.

Keywords: musical culture of the individual, musical taste, the musical and auditory mind, «Mozart effect» and «transfer effect», musical intelligence.

Аннотация: Статья обобщает исследовательские подходы к осмыслению влияния музыкального искусства на формирование музыкальной культуры личности.

Анализируются составляющие элементы музыкальной культуры личности: восприятия, процесс слушания музыки, формирование музыкального интеллекта, наличие/отсутствие врожденной музыкальности. Обращается внимание на «эффект Моцарта» и «эффект переноса» как возможности музыки влиять на познавательные и когнитивные способности человека, на создание положительных стимулов к учебе и активизации творческого и креативного мышления. Показано положительно-стимулирующее воздействие музыки на психические свойства человека. Продемонстрированы основания для признания наличие у человека таких имманентных свойств как «музыкальный ум» и «музыкальный интеллект», направляющих его выбор не только в пользу той или иной музыки, (определяющих слушательские вкусы и предпочтения) но и влияющих на общесоциальную самореализационную практику.

Ключевые слова: музыкальная культура личности, музыкальный вкус, музыкальный и слуховой ум, музыкальные способности и музыкальность, «эффект Моцарта» и «эффект переноса», музыкальный интеллект.

Актуальность статьи состоит в обобщении существующих исследовательских подходов к осмыслению влияния музыкального искусства на формирование личности. Музыкальная культура формируется в процессе эволюции всей системы культуры социума. В то же время, она может оказывать сильное обратное влияние на данную систему. Очевидно, что музыка может способствовать как развитию позитивных потенциалов личности, так и ее деградации в условиях массовой культуры. Являясь фактором социализации и способом объединения людей в пространстве и времени, музыка становится языком коммуникации и передачи зашифрованных смыслов бытия, энергий, эмоций и иных мироощущений. Сегодня музыка, выступая одной из составляющих государственной культурной политики, рассматривается как необходимый ресурс формирования личности с заданными культурными характеристиками и способностями. В современной гуманитарной науке, музыкальная вовлеченность начинает интерпретироваться как индикатор, определяющий созвучность личности актуальным цивилизационно-культурным процессам и генератор интеллектуализации социума

[9, 10].

Культурный взрыв, произошедший во всем мире в XX веке создал массовую, всеобщую потребность общения с художественным творчеством, в первую очередь, с разными видами музыкального искусства. Интересно и, отчасти, парадоксально то, что в процессе постоянного рождения новых видов и жанров, стабильно востребованной остается академическая музыкальная классика, истоки которой берут свое начало на рубеже 17-18 веков.

Музыка со времен античности всегда привлекала пристальное внимание мыслителей как важный феномен человеческого сознания и бытия. В процессе дифференциации наук, музыка сохранялась в качестве объекта изучения во многих из них. Известно, что колыбелью современного академического музыкального искусства является Европа. В связи с этим, представляется актуальным обобщение взглядов европейских исследователей (к которым мы относим и российских ученых) на роль музыкальной культуры в формировании личности

и общества.

Первые шаги в направлении научного исследования психофизиологических возможностей слуха (в контексте восприятия музыки) осуществляются немецким физиологом, психологом и акустиком Германом Гельмгольцем (1821-1894), создавшим «Учение о слуховых ощущениях как физиологической основы для теории музыки» (1862) [4]. Его ученики Вильгельм Вундт (1832 – 1920) и Иван Михайлович Сеченов (1829-1905) закладывают основы самостоятельной экспериментальной науки – психологии, открывая возможности изучения феномена музыкальной трансформации психической жизнедеятельности человека.

Немецкий врач, психофизиолог Фридрих Штейнгаузен (1859-1910) впервые, анализируя исполнительскую деятельность пианистов и скрипачей, обращает внимание на то, что в основе музыкального творчества лежат психофизиологические процессы (1903 г. – «Физиология ведения смычка», 1909 г. – «Техника игры на фортепиано») [13]. В это же время немецкий музыковед и композитор Герман Кречмар (1848-1925) создает учение о музыкальной герменевтике (1902), возродив поиски истолкования содержания музыки в теориях музыкальной риторики и теории аффектов 17-18 веков (Р. Декарт, И. Маттезон, Ф.В. Марпург и др.).

Немецкий пианист, музыковед и музыкальный педагог Карл Мартинсен (1881-1955) своим этапным исследованием «Индивидуальная фортепианная техника» (1930) ставит во главу музыкального творчества такие психологические установки, как «звукотворческая воля», «ритмо-воля», «линиеволя», «воля к форме» (по аналогии с философским трудом Артура Шопенгауэра (1788-1860) «Мир как воля и представление» (1818), где искусству и музыке отводится важное место [8]).

Вслед за тем ряд общественных наук – социология, культурология, этика, эстетика, музыкальная психология, психотерапия уже во второй половине XX века, рассматривают искусство и, прежде всего, музыкальную культуру как важный элемент эффективного образования, интеллектуального развития, культурного просвещения, психического здоровья личности (Т. Адорно, Х. Гембрис, Дж. Дэвидсон, Дж. Слобода, С. Кельш, Х. Бастиан, Р. Шумахер и др.).

Множество концепций развития музыкальной культуры говорит о том, что она является сложной, многоаспектной системой, элементами которой становятся виды музыкальной деятельности, и само музыкальное искусство, оказывающее возвышающее, объединяющее, организующее воздействие на людей.

Одним из элементов этой системы является музыкальный интеллект. Существует мнение французского

психолога Ж. Пиаже (1896-1980), что в целом развитый интеллект проявляется в универсальной адаптивности, в достижении «равновесия» индивида со средой. Ж. Пиаже постулирует интеллект как высшую форму духовного приспособления человека к окружающей его среде путем мгновенной организации стабильных пространственно-временных логических структур [5, с. 128]. Это подводит к выводам о том, что:

- существует индивидуальный интеллект, который формирует индивидуальные черты поведения человека;
- на качество индивидуального интеллекта оказывает влияние прослушиваемая (предпочитаемая) его носителем музыка.

Индивидуальный интеллект как сочетание ряда разных независимых способностей описан в книге современного американского психолога Говарда Гарднера (род. в 1943 г.). В его теории «множественного интеллекта» определены восемь типов интеллекта: лингвистический, логико-математический, визуально-пространственный, музыкальный, экзистенциальный, межличностный, телесно-кинестетический, натуралистический. Одним из основных типов интеллекта назван музыкальный интеллект, как способность к порождению, передаче и пониманию смыслов, связанных со звуками, «интонационных смыслов» (по Б.В. Асафьеву), которые определяются как слуховой ум. Теория Г. Гарднера связывает музыкальный интеллект с другими специальными способностями и стимулирующими их развитие занятиями музыкой [6, с. 194]. Это позволяет ученому говорить об особом «музыкальном интеллекте», в формировании которого участвуют оба полушария головного мозга, а не только «правополушарная» сфера эмоциональных реакций [7, с. 40-41].

Исследователи отмечают сложное многоаспектное взаимодействие интуиции, эмоций и интеллекта в музыкальном творчестве и восприятии музыки. Предметом дискуссий западных ученых стал «Эффект Моцарта». Эмпирически подтверждено, что упорядоченная музыка Моцарта является некоей подпиткой мозга для развития пространственно-временного мышления. «Эффект Моцарта» позволяет увидеть благотворное влияние музыки на все стороны обучения ребенка. Обнаружилась ее стимулирующая роль в жизнедеятельности не только человека, но и животных [20]. Впоследствии высказывались мнения, что любая классическая музыка, а не только музыка Моцарта, может стимулировать интеллект и тонус человека. Доктор Ральф Шумахер из Берлинского Университета имени Гумбольдта, в статье «Делает ли музыка Моцарта тебя умным?» рассказывает о активизации формирования познавательных навыков через слушание музыки Моцарта [22, с. 13]. В то же время, Р. Шумахер приходит к выводу, что существует еще целый ряд стимулов, которые положительно влияют на когнитивные

способности. Это и слушание читаемых вслух рассказов Стивена Кинга, и слушание музыки Баха, Шуберта и даже поп-музыки. При этом когнитивные познавательные процессы усиливаются как при хорошем и благоприятном рациональном впечатлении от прослушанной музыки, так и при разного рода положительных эмоциях, способствующих пробуждению креативных способностей, усвоению нового.

Исследования влияния музыки на активизацию ума представлены в научно-исследовательском сборнике «Делает ли нас музыка действительно умнее?», который включает ряд теоретических и практических статей об экспериментах в детской студии музыкального искусства Германии. Автор и составитель данного сборника Хайнер Гембрис в своей статье «Музыка, интеллект и личностное развитие» определяет музыкальную учебу как трансфер-эффект для реализации личности, воспитывающий в детях интеллект [16, с. 199-212].

Эффект переноса активности музыкальных занятий на восприятие школьных предметов и на формирование ценностных компетенций поднимает Эльке Вуллнер, практикующий дирижер оркестра медных духовых инструментов (Die Österreichische Blasmusikverband). Она в своей квалификационной работе, в рамках семинара австрийского объединения медных духовых инструментов, определяет следующие компетенции, которые развиваются у детей и молодежи в процессе общения с музыкой: социальные ориентации, эстетика и этика общения, интеллект, волевая концентрация. Анализируя детскую педагогику, она говорит о длительном воспитательном процессе, об эмоциональной неустойчивости подростков, о том, что музыка может помочь преодолеть эту неустойчивость и утвердить веру в самого себя [25, с. 34].

Особое значение в изучении музыкальной культуры личности отводится музыкальности, как ее основе. Во второй половине 20 века исследования Х. Гембриса [15, с. 17-25] в области музыкальной антропологии выявили историческую и культурологическую вариативность понятия музыкальности как феномена культуры. Ученым было установлено, что характер музыкальности личности, ее структура зависит как от национальных и временных особенностей языка музыки, так и от эстетических принципов конкретной эпохи. В то же время существует внекультурная универсальность базовых слуховых (музыкальных) способностей человека.

Такая концепция коррелируется с языковой (речевой) концепцией американского лингвиста и философа Авраама Ноама Хомского, говорящего о врожденных, генетических задатках речевых мыслительных операций. Стал использоваться этот психолингвистический подход и в музыкальной нейродидактике, когнитивной музыкальной нейронауке. Успешно стало развиваться

направление психотерапии с доказательствами неоспоримого положительно-стимулирующего воздействия музыки как на физиологические, так и на психические функции человека. Музыкальный психолог Джон Слобода (Великобритания) ввел понятие «музыкальный ум» человека [23, с. 17-25]. Он пишет, что взаимодействие музыки и сознания можно видеть во всем разнообразии музыкальной деятельности. Изучать феномен музыкальности нужно, так как музыка проявляет себя, оказывая влияние на человеческую личность.

Понятие «музыкальные способности» синонимично понятию «музыкальность». Существует утверждение, что каждый человек музыкален. Это утверждение оппонирует точке зрения о музыкальности как об индивидуальном природном даре отдельных личностей (Б.В. Теплов – «Психология музыкальных способностей», критика европейских исследователей Г. Ревеша и К.Э. Сишора, утверждавших врожденность музыкальных способностей). Научная установка в определении музыкальных способностей, данная отечественным ученым Б.В. Тепловым, указывает, что эти способности определяются только в целенаправленной музыкальной деятельности. Они имеют индивидуальную направленность (определенный музыкальный инструмент, исполнительство, композиция). Они большей частью проявляются неравномерно, имеют кризисное развитие. Существуют потенциальные способности, имеющие разный характер и сочетание высотного, ритмического, ладового, тембрового слышания, разный уровень и направленность музыкальных интересов и привязанностей [11].

В книге немецкого исследователя Кристофа Дроссера есть такое суждение: «Музыкальность – это, скорее всего, такое качество, которым обладает практически каждый из нас... хотя мы все больше слушаем музыку, все меньше мы играем (музицируем)» [14, стр.3]. Он отмечает, что музыкальность кроме специальных музыкальных задатков включает в себя целый ряд свойств и качеств личности: ритмическое чувство, удовольствие от музыкальных упражнений, радость от занятий искусством в школе, удовольствие от музыки в целом. [14, стр.275].

Другим элементом музыкальной культуры личности является формирование музыкальной культуры восприятия.

Воздействие музыки на подсознание человека, на его внутреннюю природу, определяется латентным – интуитивным отношением к музыкальному содержанию, ассоциирующемся с «неявными знаниями» (М. Полани). Как отмечает Г.В. Воронин, «в современной музыкальной системе многовековой слуховой отбор, направленный мелодико-гармоническим инстинктом человека, обеспечил высокую степень ее соответствия какой-то системе внутренних психофизиологических процессов». На этом основании Г.В. Воронин делает вывод: «музыка как-то из-

начально заложена, скрыта внутри нас, но этого мы не осознаем» [3, с. 609].

Восприятие музыки это всегда событие для человека, который умеет слышать и воспринимать ее (понимать ее язык). Особое значение имеет воспитание музыкой в дошкольном и младенческом возрасте, особенно первые эмоциональные реакции пробуждения на события окружающей звуковой среды. В связи с этим ценным представляются первые музыкальные впечатления, зафиксированные известными композиторами. М. Равель отмечает присутствие уже в своем младенческом возрасте острого интереса к музыкальным звукам: «Будучи маленьким ребенком, я был чувствителен к музыке – к любому виду музыки» [21, с. 23].

Процесс психологии восприятия рассматривает в XX веке (с 1912 года) гештальтпсихология, представленная в трудах немецких ученых М. Вертгеймера, В. Келера, К. Кофки. Основная идея этого научного направления в том, что люди воспринимают окружающий мир в целом, а не его отдельные элементы. Они воспринимают гештальты – завершенные образы. Но целое не равно сумме его отдельных частей. Мозг достраивает услышанное и увиденное глазом, включая ассоциативный, виртуальный ряд. Наследственные интеллектуальные потенции позволяют музыкальному интеллекту развиваться в процессе активного взаимодействия индивидуума и музыкальной среды. Использование этих «неявных знаний» помогает педагогам как пониманию процесса восприятия музыки, так и выработке оптимальных методик обучения музыке.

Проблема восприятия связана с ценностной позицией в отношении прослушиваемой музыки. И хотя, всегда существует субъективное мнение о музыке, определение хорошей, и плохой музыки, правильного и неправильного слушательского вкуса дают относительно объективные ориентиры ценностных оценок в музыкальном искусстве. На основе какого состояния человек отвергает или принимает ту или иную музыку? Изучением проблем эстетического опыта занимается немецкий «Институт эмпирической эстетики», созданный в 2013 году во Франкфурте на Майне [12] на базе Общества научных исследований имени Макса Планка (открывшим квантовую природу света и тесно связанным на протяжении всей жизни с музыкальным искусством). В институте существуют: исследовательская группа «Истории музыки разума и тела», исследовательская группа «Вычислительное слуховое восприятие», исследовательская группа «Нейронные и экологические ритмы». Институт занимается исследованиями, используя метод анкетирования людей, не занимающихся профессионально искусством, или наоборот, занимающимися им по разным специальностям и направлениям. Тематами исследований являются характеристики, причины и функции «бракованной» музыки или описание оценки и эффекта

вокальной выразительности. Многие исследования посвящены рассмотрению возникающих ассоциативных связей, рождаемых восприятием музыки. Так, глава исследовательской группы «Нейропознание музыки» Стефан Кельш (профессор биологической психологии и психологии музыки в кластере передового опыта «Языки эмоций») изучал нейронные реакции на эмоции радости, горя, страха. В работах 2006 года немецкого ученого проводятся результаты исследования эмоций, рождаемых музыкой [18]. Он использует «приятную» и «неприятную» музыку для того чтобы понять, какое действие на личность вызывает музыка разных жанров. Он проводил исследования с помощью томографа со студентами, которые никогда не играли на музыкальных инструментах и не имели музыкального образования. Исследователь проигрывал им гармонично звучащие аккорды, иногда включая так называемые фальшивые звуки. В эти моменты, у слушателей возбуждались те области мозга, которые отвечают за грамматические ошибки в текстовом предложении. Ошибочные аккорды вызвали нервные импульсы в обоих полушариях. Измерение нейронных потоков мозга (ЭЭГ) подтвердило магниторезонансное изображение (МРТ). Благодаря сканированию мозга с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии ученый выяснил, что опыт музыкального удовольствия отражается в трех участках мозга: миндалине, гиппокампе и слуховой коре. Вывод ученого таков: «у нашего мозга есть отдел смыслового значения и структуры музыки, который функционирует по существу также, как при анализе семантики и синтаксиса языка» [17].

Не менее интересными являются исследования о том, какую музыку человек предпочитает слушать. Ученые Германии (Иоганн Мюллер, Стефан Кельш, Хайнер Гембрис), Англии (Диана Омиджи), Соединенных Штатов Америки (Дэвид Гринберг) пришли к выводу, что предпочтение, оказываемое той или иной музыке, соответствует характеру конкретного слушателя. Характер же формирует среда. Британские психологи Питер Джейсон Рентфрью и Сэмюэль Гослинг из Кембрижского Университета определяют поклонников энергичной вокальной музыки как экстравертов, а музыка кантри по их данным характерна для эмоционально устойчивых людей (сангвиников). Любители джаза определялись ими как интеллектуалы. Известно, что искусство является зеркальным отображением жизни. Но все же музыкальный вкус часто определяется не только эпохой, а и личностным впечатлением. К такому выводу приходит Иоганн Мюллер в книге «Вопросы музыкального вкуса» [19, с. 133].

Исследования эстетических вкусов человека при восприятии музыки отражали интерес к этой проблеме уже в 18 веке. Дэвид Юм (1711-1776) пытался определить, как человек оценивает эстетические объекты. Его эмпирическая эстетика развития, открыла путь оценки таких объектов. По Д. Юму человек имеет скрытое внутреннее эстетическое чувство, которое меняется в разные пери-

оды жизни («Schlüsselerlebnis» – в переводе с немецкого языка «ключевой опыт») определяет изменчивость эстетического восприятия. Сегодня ряд исследований и программ по культуре в Германии поднимают проблему личностного восприятия человека, слушающего разную музыку. В частности одна из статей Хайке Стювела раскрывает тезис, определяющий характер человека и его личностную характеристику: «Скажи, что ты слушаешь, и я скажу кто ты» [24].

Мысль о том, что нам нравится то, что нам уже знакомо, раскрывается в целом ряде исследований о «сознательности вкуса». О сознательности вкуса французский социолог и философ Пьер Бурдьё писал в книге «Различение: социальная критика суждения» (1979) [2]. Он говорит о формировании эстетического вкуса при восприятии произведений искусства в связи с базой экономических и культурных различий реципиента. Он определяет художественный вкус как один из продуктов социализации человека. Несмотря на подсознательное мировосприятие и личностный строй эмоциональных жизненных реакций в младенческом возрасте, восприятие в дальнейшем всегда фильтруется через заранее заданные средой интеллектуальные коды, которые перерастают в культивированную способность эмоционально воспринимать и выполнять сложные практические задания. Такое восприятие принадлежит только тем, кто овладел этим языком сложных понятий или кодами. Если культурный код автора и того, кто воспринимает его произведение не совпадает, то у последнего теряется возможность его понять. О таком непонимании говорит Т. Адорно (1903-1969), описывая развлекательный тип слушателя. «Развлекательный тип исторически подготовлен типом потребителя культуры благодаря отсутствию у последнего конкретной связи с объектом, музыка для него не смысловое целое, а источник раздражителей. Здесь играют роль элементы эмоционального и спортивного слушания... Одержимый манией человек находит путь примирения и с ситуацией социального гнета, и с ситуацией своего одиночества тем, что изображает их в определенном смысле как реальность своего собственного существования: известное обращение «Оставьте меня в покое» он превращает в некое иллюзорное царство личного и частного существования, полагая, что в этом царстве он может быть один» [1, с. 23]. Таким образом, музыка выполняет и предназначенную ей особую социальную функцию. «Эти условия коренятся в глубоких слоях общественного устройства, в разделении умственного и физического труда, высокого и низкого искусства, далее – в половинчатом образовании, привившемся в обществе, и наконец, в том, что правильное сознание невозможно в ложном мире, и в том, что способы общественной реакции на музыку следуют за ложным сознанием» [1, с. 25].

Подводя итог можно сделать следующие выводы. Музыкальная культура личности имеет исключительную

общественную значимость как база ее полноценной общественной реализации. Музыка выполняет коммуникативную и социальную функции и, в то же время, является психологическим феноменом, отражающим как индивидуальную психику конкретного человека, так и психологию социальных групп.

В работах западно-европейских исследователей культурологическая парадигма исследований музыкальности складывается из двух исследовательских направлений.

Первое связано с определением музыкальной культуры личности как базовой характеристики личностно-психологических свойств, обусловленных восприятием музыки и формированием музыкальной слушательской культуры. Это музыкальный интеллект, музыкальные способности, музыкальность. Эти качества лежат в основе музыкальной культуры личности и задают уровень слушательской культуры и культуры общения с музыкальным материалом. В многочисленных работах западно-европейских исследователей показано влияние музыки на гармонизацию эмоций, на организацию мышления, на координацию психических состояний человека. Определяется некая индивидуальная музыкальность, которая обозначается как возможность каждой личности приобщиться к музыкальному искусству. Большое внимание уделяется вопросу воздействия музыки и музыкальных занятий на познавательные и когнитивные способности человека, связанные с «эффектом Моцарта», а также на воспитание культурной базы, культурного потенциала для саморазвития личности.

Второе исследовательское направление связано с интерпретацией музыкальной культуры личности как стимулятора любой интеллектуальной деятельности индивида. В этом определяется главная, социальная значимость академического музыкального искусства. Оно становится средством интеллектуального развития не только конкретной личности, но и социума.

В то же время, в процессе общения с музыкой, личность формирует свой характер взаимодействия с ней. Вкус и предпочтения человека могут меняться вместе с изменениями человеческого характера. Музыкальная культура личности связана не только с личностным выбором, но и зависит от социальных и, даже, государственных установок. Один из принципиальных выводов, который можно сделать на основании проведенного анализа, следующий: музыкальный фон, окружающий человека с рождения, влияет на формирование его мышления и качество его интеллектуальной деятельности в дальнейшем. Широкий спектр проблем взаимодействия музыкальной культуры и личности говорит об особой важности и социальной значимости данной культурной составляющей жизнедеятельности социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно, Т. Избранное: Социология музыки / Т. Адорно. – Москва-Санкт-Петербург.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 446 с.
2. Бурдьё Пьер Различение : социальная критика суждения /пер.с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 680 с.
3. Воронин Г.В. Современная музыкальная система как самоотражение организации бессознательного // Бессознательное: Природа, Функции, Методы исследования: в 4 т. / под общ.ред. и с предисл. А.С. Прангишвили и др. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – Т.2. – С. 607-621.
4. Гельмгольц Г. «Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки: пер.с нем. изд.3-е.- Москва.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 592.
5. Интеллект // Новая философская энциклопедия [Текст] : в 4 т. — Москва : Институт философии РАН, 2010. —Т.2. — С. 128-277.
6. Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П.Ильин. — Издательство «Питер», 2011. – 444 с.
7. Как учат музыке за рубежом. – М.: Классика- 21, 2009. –206 с.
8. Мартинсен К. Индивидуальная фортепианная техника / К.Мартинсен. — М.: Музыка, 1966. – 230 с.
9. Синецкий, С.Б. Искусство и интеллектуализация общества: новый старый смысл культурной политики (Начало) [Текст] / С.Б. Синецкий, Т.М. Синецкая // Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств. – 2014. – № 3(39). – С. 41-45.
10. Синецкий, С.Б. Искусство и интеллектуализация общества: новый старый смысл культурной политики (Окончание) [Текст] / С.Б. Синецкий, Т.М. Синецкая // Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств. – 2014. – № 4(40). – С. 46-50.
11. Теплов Б.В. Психология музыкальных способностей / Б.В.Теплов. – М.: Планета музыки. – 1953. – 488 с.
12. Цифры и факты // Наука и жизнь. – 2013.– № 1. – С. 108.
13. Штейнхаузен Ф. Физиология ведения смычка [Текст]: сокращенный перевод с немецкого издания Марка Мейчика в сотрудничестве с В.Н.Алексеевым (с 36-ю рисунками) / Штейнхаузен. – Москва: Музторг ПТО МОНО, 1930. – С. 108.
14. Drösser Christoph Der Musik-verführer: Warum wir alle musikalisch sind / Ch. Drösser. – Reinberg bei Hamburg: RowohltTaschenbuchVerlag, 2011. — p. 316.
15. Gembris H. Historical phases in the definition of musicality. Psychomusicology: журнал исследований в области музыкального познания, том 16 (1-2), Spr 1997, pp. 17-25
16. Gembris Heiner, Kraemer R.D. Macht Musik wirklich klüger : Musikalisches Lernen und Transfereffekte», band 8, Wisner-verlag, 2006. –p. 154.
17. Hollricher Karin Konzert im Kopf: журнал Bild der Wissenschaft, – 2003. – № 8 – pp. 24-31.
18. Koelsch S., Fritz T, Yves D, Cramon V, Mueller K., Angela D. Friederici Investigating emotion with music: журнал Human Brain Mapping Том (vol) 27, An fMRI study, 2006, – pp. 239-250.
19. Müller J.H. Fragen des musikalischen Geschmacks / J, Müller.– Köln und Opladen: Musik, – 1963. – p. 157.
20. Rauscher F.H., Gordon L. Shaw, Linda J. Levina, Katherine N. Ky. Music and spatial task performance: A. Causal Relationship: Los Angeles: Nature. – 1994. – p. 611.
21. Rolland R. Maurice Ravel: Esguise biographique. Paris. – 1928. – p. 150.
22. Schumacher Ralph Macht Mozart schlau? Die Förderung kognitiver Kompetenzen durch Musik / R. Schumacher.-Bundesministerium für Bildung und Forschung, Berlin. – 2006. – p. 183.
23. Sloboda, J. Musical ability текст /J. Sloboda //The origins and deveiopment of high ability. G. R. Bock, K. Ackrill (eds). – Chichester: Wiley. – 1993, pp. 106-118.
24. Stüvel, Heike : die Zeitung «Welt». – 2007. Электронный пецурп: <https://www.welt.de/wissenschaft/artikle1226422/Sage-mir-was-du-hörst-und-ich-sage-dir-wie-Du-bist.html>.
25. Wullner E. Musika als Begleiter / E. Wullner, Abschlussarbeit Jugendreferentenseminar, 2009. – p. 68.

© Дылькова Светлана Викторовна (dylkova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ И КУЛЬТУРА ЗАБВЕНИЯ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Ивинских Галина Павловна

*К. культурологии, доцент, Пермский государственный
институт культуры
iwinskikh@mail.ru*

CULTURE OF REMEMBRANCE AND CULTURE OF OBLIVION IN EVOLUTION OF RUSSIAN THEATRE

G. Ivinskikh

Summary: The paper deals with problems of theatre during Russia's transitional periods when novelty is, in a certain sense, fetishized. The study covers sharpening of collisions between traditions and avant-garde: traditions come to be billed as routine, traditionalism as social retrogradism. Comparative historical analysis of theatrical life on the cusps of the 19th and 20th and of the 20th and the 21st centuries discovered the potentialities of the transition phenomenon, its algorithm and specific features. Inference is drawn that previous cultural achievements must be developed, not destroyed, as the new is implemented.

Keywords: transitional periods, theatrical life, traditions and avant-garde, remembrance, oblivion.

Аннотация: Статья посвящена проблемам театра в переходные эпохи России, когда происходит своеобразная фетишизация новизны. Исследуется обострение коллизий между традициями и авангардом: традиции начинают приравнивать к рутине, традиционализм – к общественной реакционности. При сравнительно-историческом анализе театральной жизни на рубежах XIX – XX и XX – XXI веков выявлены потенциальные возможности феномена перехода, его алгоритм и специфические черты. Сделан вывод о необходимости при внедрении нового не уничтожать, но развивать предшествующие культурные достижения.

Ключевые слова: переходные эпохи, театральная жизнь, традиции и авангард, память, забвение.

Память и забвение как целостные социокультурные явления духовной жизни представляют интерес для культурологического исследования в разных аспектах. В центре внимания автора – трансформации памяти и забвения в сфере театра в переходные эпохи России на рубежах XIX – XX и XX – XXI веков. Компаративистский подход позволяет соотнести и проанализировать рассматриваемые феномены во взаимосвязи с аксиологическим контекстом обозначенных рубежей.

В условиях переходности, наряду с многообразием открывающихся перспектив по обновлению культурной семантики, возрастают и риски, связанные с дестабилизацией, с ослаблением основополагающих функций культуры по интеграции и передаче социокультурного опыта.

Чтобы предотвратить негативные сценарии развития, не утратить чувства преемственности с прошлым, необходима память, «память культуры», опора на исторический опыт. По определению Ю.М. Лотмана, «смыслы в памяти культуры не «хранятся», а растут», прошедшее сохраняется как «пребывающее» [9, с. 674, 675], По мысли ученого, «несмотря на видимое сходство, между забыванием как элементом памяти и средством ее разрушения – глубокая разница. В последнем случае происходит распад культуры как единой коллективной личности, обладающей непрерывностью самосознания и накопления опыта» [там же . 490].

В отечественной истории, к сожалению, немало примеров подобных «распадов». Революционное сознание генерирует пафос отрицания, культ новизны, что, в свою очередь, ведет к радикализации, к осуждению и забвению того, что противоречит доминирующим установкам в обществе, в той или иной сфере деятельности.

На рубеже XIX – XX веков дух модерна, дух обновления, проник во все сферы жизни. В России этот период связывается с понятием «Серебряного века», в котором уникально зафиксирована главная особенность времени – блеск и ускоренный ритм. Культурное пространство стремительно дробилось на школы и направления, на группы и группировки (часто противоположные). На смену символизму (с его идеей преемственности культурных традиций) пришли постсимволистские течения, с ярко выраженным вектором отрицания прошлого, особенно в футуризме. Характерен нигилистический пафос поэмы «Облако в штанах», обозначенный Владимиром Маяковским как «четыре крика четырех частей»: «Долой вашу любовь», «Долой ваше искусство», «Долой ваш строй», «Долой вашу религию».

Особенно зримо изменения представлений о «новых формах» и «старых традициях» обозначились в пространстве сцены. В начале XX века театр вызывал ожесточенные споры. В ходе дискуссий под вопрос ставились не только его традиционные формы, но и самостоятельность театра как вида искусства, сущностное

значение основных участников театрального процесса – актеров, режиссеров, художников, зрителей.

Скандалный резонанс вызвал сборник – «В спорах о театре» (1914). Скандализовала общество главным образом статья Ю.И. Айхенвальда «Отрицание театра», отрицающая театр не как эмпирическую реальность, а «как эстетический феномен» [5, с. 9–38]. В полемику вступили В.И. Немирович-Данченко, В.Э. Мейерхольд, Ф.Ф. Комиссаржевский, В.Г. Сахновский, М.М. Бонч-Томашевский другие деятели театра (и не только на страницах сборника).

Если обличения Ю.И. Айхенвальда в адрес современного театра большинство оппонентов были готовы принять, то почти никто не согласился с его тезисами о том, что театр «не самостоятелен», «безнадежно зависит от литературы», что он «ложный и незаконный вид искусства». В сборнике, в частности, был напечатан отрывок из книги А.И. Сумбатова-Южина «Театр». По мнению опытейшего театрального деятеля, «из всех переоценок начала XX века ни одна переоценка не была произведена с такой легкостью, чтобы не сказать развязностью, как переоценка театра» [там же, с. 169].

Конечно, процессы переоценки театра были болезненными, но именно они активизировали его радикальную трансформацию, изменения сценического языка. В ключевом противоборстве между реализмом и условностью на рубеже веков возобладала тенденция «бунта против реальности» (А.В. Луначарский) [16, с. 31]. Характерно письмо М. Горького А.П. Чехову (январь 1900 года) с максималистским отрицанием реализма как отжившей (консервативной) формы: «Право же – настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше ее, лучше, красивее» [6, с. 113].

Как и другие виды искусства, театр той поры все активнее отказывался от жизнеподобия. Особенным нападкам подвергался сценический натурализм. Отрицание тождества театра и жизни, как и стремление преодолеть отчуждение театра от бытия, расширяло пространство для различных концептуальных подходов, для взаимодействия эстетики декаданса и реалистических принципов.

При этом происходило не только противостояние, но и взаимодействие разных принципов. В сценической практике это приводило и к модификации реализма как метода изображения действительности, отнюдь не сводимого лишь к копированию, и к обогащению различных форм «условного театра» сущностным познанием мира и человека. В итоге театр в своих лучших образцах оказался в центре общественного внимания, стал чем-то большим, чем искусство, – жизненно значимым явлением.

После 1917 года новая власть, выдвинув, с одной стороны, демократические лозунги: «Культуру – в массы!», «Искусство принадлежит народу», с другой, – ради блага того же народа уничтожала ценности, якобы чуждые ему. В ходе «культурной революции» под знаменем борьбы с «пережитками царского самодержавия» стало ниспровергаться и предаваться забвению многое из культуры прошлого.

Архиреволюционные силы требовали немедленной реорганизации или вообще упразднения бывших императорских театров и ряда других, вошедших в 1919 году в ассоциацию академических театров. Принадлежащее им имущество предлагалось передать самодеятельным и профессиональным коллективам, созданным после революции.

Если определять основную линию разлома, то по одну сторону «театрального фронта» оказались «старые» театры, ставившие в центр творчества, прежде всего, человеческую личность, по другую находился «левый фронт» искусства, возглавляемый В.Э. Мейерхольдом.

Провозглашенная им программа «Театрального Октября» предполагала подчинение искусства политике и полное обновление сценического искусства на принципах «коллективизма масс». Выступая в декабре 1920 года на Первой всероссийской конференции заведующих подотделами искусств, В.Э. Мейерхольд прямо заявил: «На тех театрах, которые теперь функционируют, надо повесить замок» [10, с. 70].

«Вестник театра», печатный орган театрального отдела Наркомпроса, после того, как Мейерхольд возглавил ТЕО, превратился в рупор идей «Театрального Октября» (редактором «Вестника...» был В.И. Блюм, верный мейерхольдoveц). «Лозунги Октября Искусств», опубликованные в «Вестника театра» в феврале 1921 года призывали к борьбе против «гипноза мнимых традиций», «вредной косности» за «установление подлинно марксистского подхода к искусству в области его производственных отношений», за «искание форм для вулканирующего содержания современности» [8, с. 1].

Гегемонию в строительстве нового театра активно отстаивал и Пролеткульт. Организация, основанная еще в сентябре 1917 года с целью «культурного вызревания пролетариата», после Октября выросла в массовую разветвленную сеть губернских, городских, районных, фабрично-заводских, подразделений. В отличие от сторонников «Театрального Октября», возлагавших надежды на трансформацию театра усилиями профессиональных мастеров-новаторов (футуристов, кубистов, конструктивистов), пролеткультовцы ориентировались преимущественно на «творчество масс», декларируя отказ от профессиональных драматургов, режиссеров, актеров.

Согласно пролеткультовским установкам, «Театральный Октябрь могут сделать лишь те классы, которые сделали Октябрь политический» [18, с. 23–24].

Главные идеологи Пролеткульта и его лидер – А.А. Богданов, образованнейшие люди, отнюдь не отрицали важности культурного наследия. Но, признавая пролетариат «законным наследником» культуры прошлого, они считали, что пролетарское искусство не должно выходить из своих рамок, – не должно смешиваться с искусством старого мира», чтобы наследство не поработило наследников [3, с. 159].

Подобные теоретические тезисы, спускаясь на «низовые» уровни неизбежно редуцировались, вульгаризировались, приобретали не только искаженный, но и противоположный смысл, который сводился к призывам отправить «искусство прошлого на свалку истории».

К.С. Станиславский, выступая на Всесоюзном совещании по вопросам театра, состоявшемся в мае 1927 года, пытался объяснить, что из политических заказов получается на сцене «агитка», а попытки перетолковать пьесу по-советски ведут к ее разрушению. Аргументируя свою точку зрения, он говорил, что, когда «пробовали в существующие пьесы вложить новую тенденцию, вынимали из пьес душу и вкладывали новую, – из этого ничего не получалось, произведение умирало, как только вынимали из него душу, которая его родила, и так всегда бывает» [15, с. 6]. Этой позиции противостояли взгляды тех, кто исходил из идеологических критериев оценки творчества, ориентировался на политические установки.

Современный переходный период, как и рубеж XIX – XX веков, отмечен очередным отрицанием прошлого, обострением коллизий между традицией и авангардом, понимаемом в данном случае в широком смысле, не как определенное направление, а как метаисторическая категория, стремление к новому. За столетний период, разделяющий обозначенные рубежи искусство прошло путь от модерна к постмодерну.

Театр как социокультурный институт и вид искусства (при видовой неизменности), адаптируясь к меняющимся обстоятельствам, испытывает трансформацию практически всех сторон своей деятельности: организационно-экономической, функциональной, творческой.

Если в конце XIX века, в пору становления модерна, эстетические сражения в искусстве происходили между натурализмом, реализмом и модернистскими течениями, что «на театре» выражалось главным образом в борьбе сценического реализма с условностью, то к концу XX века, пожалуй, наибольшие дискуссии в философско-культурологическом и художественном дискурсах вызывают именно постмодернистские тенденции, се-

миотическая парадигма, концепции перформативности, постдраматического театра.

В пространстве сцены в роли основного антагониста постмодернистских практик опять выступает реализм. Реализм именно в переходные эпохи начинает подвергаться ожесточенным нападкам. Почему это происходит? Остановимся на двух факторах.

Во-первых, реализм как взгляд на действительность и метод ее художественного выражения в искусстве является воплощенной и яркой традицией с глубокими корнями. Отторжение традиции как таковой, отождествляемой с консервативностью и общественной реакционностью, особенно усиливается в эпохи «бури и натиска», когда происходит активное отрицание устоявшихся норм, канонов. Деформация самого понятия традиции просматривается еще в эпоху Просвещения. Согласно просветительской философии истории, пронизанной духом антитрадиционализма и верой в прогресс, на традиции стали смотреть как на старые обычаи, суеверия, «пережитки», которые следует искоренять. Эта давняя «прогрессистская» установка – «новое лучше старого» и в XXI веке не преодолена.

Во-вторых, в неприятии реализма проявляется терминологическая неопределенность, ведущая к узкому толкованию понятия, к упрощенному и искаженному взгляду на смысл и возможности реалистического подхода в искусстве. В живописи его часто уподобляют умению копировать, в театре приравнивают к жизнеподобию. Реализм в разных модификациях неоднократно провозглашался отжившим, уже само его отрицание считалось признаком авангардности.

Еще на рубеже 1960 – 1970-х годов, при обострившихся поисках сценического языка, в театрах значительно возрос интерес к творческим системам Б. Брехта, В.Э. Мейерхольда, Е.Б. Вахтангова, А.Я. Таирова, М.А. Чехова, которые долгое время замалчивались. Тогда театральная мода явно качнулась в сторону эстетики условного театра,

Появился своего рода «эстетический вопрекизм» по отношению к системе К.С. Станиславского, вызванный многолетним, почти директивным ее внедрением. Хотя Станиславский в этой ситуации неповинен. Учитывая его собственное горькое признание, – «через мои руки прошли сотни учеников, но только нескольких из них я могу назвать своими последователями, понявшими суть того, чему я отдал жизнь» [14, с. 375], – становится очевидным, что всеобщая причастность к его системе была иллюзией. По словам режиссера, «некоторые из артистов и учеников приняли мою терминологию без проверки ее содержания или поняли меня головой, но не чувством. Еще хуже то, что это их вполне удовлетворило

и они стали преподавать якобы по моей “системе”. <...> Так называемая “система” принята была понаслышке» (выделено нами. – Г.И.) [13, с. 349–350].

Если еще при жизни автора «система принята была понаслышке», то, что говорить о ее толкованиях, спустя десятилетия. Длительная подмена сущности терминологической оболочкой (в учебном процессе и на практике) привела к выхолащиванию смысловой основы системы. И в таком виде (фактически выхолащенном) она стала вызывать отторжение.

В некий жупел начал превращаться и «психологический театр». В нем, особенно в молодежной творческой среде, видят примитивный, скучный театр. Конечно, недостатки у «психологического театра», сводимого к бытовому, к устаревшей стилистике, были и есть. Но если современный художник будет соотносить себя с образчиками плохого театра, который и раньше был объектом критики, то планка окажется невысока. К сожалению, с отрицанием ложно понятого психологического театра «выплескивается» и собственно психология.

Солидарны с позицией В.В. Иванова, выраженной в первом сборнике «Мнемозины»: «Перестроечная мода на “белые” и “черные” пятна советской истории коснулась и русского театра, не дав сколь-нибудь существенных результатов, более того, налицо урон, связанный с нецеломудренными попытками наскоро переписать прошлое применительно к нынешним вкусам» [7, с. 4].

Примечательна точка зрения на психологический театр, которую высказали в беседе с Ю.М. Барбоем в 2004 году режиссеры разных театральных школ: Александр Галибин, Лев Эренбург, Анатолий Праудин, Сергей Женовач. Все они высказались в том смысле, что «не психологического театра вообще не бывает»:

- Лев Эренбург: «Если театр не психологический, то кому он нужен? Что же он тогда исследует? Как режиссер и как врач я считаю, что психология возникает через физиологию и никак иначе. А обозначаешь ли ты эту физиологию балетом или “один к одному” (скатерть, чашки, чай, сердца разбиваются) – это вопрос языка, жанра, эстетики».
- Анатолий Праудин: «Все социальные, философские вопросы требуют конкретизации, психологической зацепки. А иначе не получится спектакль, будет лекция».
- Сергей Женовач: «Психологический театр – это наивысшее проявление театра как такового. “Психологический театр” и театр – это одно и то же. <...> Психологизм – это свойство театрального искусства. <...> Дело не в жанрах, не в подходах, ни в эстетиках, а дело в самой природе» <...> [1].

Кстати, в этом же ключе высказывался Анатолий Ва-

ильев, отвечая на вопрос, чем отличается русская театральная школа от европейской: «Европейская школа не предполагает обучения базовым дисциплинам. Она обучает только прикладным». Базовыми режиссер назвал те дисциплины, структуры, «которые относятся к психологическому театру». И, по его мнению, «всякий, кто херит это, рано или поздно к этому вернется», напомнив, что «последние лекции Мейерхольда о театре очень напоминают те речи, которые мог бы произнести Станиславский» [4, с. 72–73].

В данном контексте примечательна точка зрения известного греческого режиссера Теодороса Терзопулоса, который, начиная с 1993 года, ставит спектакли в России: «Во время перестройки я был в России, <...> я на себе почувствовал все эти разрушительные тенденции. Русские творцы – их настолько поразила западная театральная постмодернистская форма, это их заставило уйти от русской театральной традиции. Они стали все больше обращаться к театру как к продукту, но не к театру как к сущности <...>. В русском театре много человечности» [17].

Задача по обновлению сценического языка, искоренению отживших приемов, никогда не может считаться окончательно решенной. Свойства переходности отличают саму природу творческого сознания. Эта природа активизируется при дополнительных внешних импульсах. В неустойчивой ситуации для театра (как целого) важно взаимодействие двух исходных элементов – эксперимент/традиция, – порождающих в диалоге жизнеспособное тройственное единство, которое потенциально содержит многообразие вариантов воплощений.

Абсолютизация любой компоненты запускает деструктивные процессы. Если происходит консервация устаревшей стилистики, система теряет динамику, утрачивает связь со зрителями. Когда театр срывается в хаотическое экспериментирование, новые обретения (если таковые случаются) не успевают укорениться и завоевать публику за рамками фестивалей.

Сопоставление прошлых и нынешних эстетических противостояний демонстрирует засилье бинарных установок («или-или»), по которым лишь одна позиция (своя) трактуется как единственно верная. Исходная агрессивность бинаризма опасна (и не только в искусстве), поскольку способна превращать различия в непреодолимые противоречия.

Если же противоборство разных стилей, направлений, не переходит в крайние, воинствующие формы, это может благотворно воздействовать на развитие эстетической театральной платформы, в сущности, служить движущей силой трансформации. В стабильные фазы происходит взаимодействие новых открытий с предыду-

щими пластами культуры и приращение смыслов.

Так, Е.Б. Вахтангов, синтезировав условный театр Мейерхольда с мхатовским психологизмом, создал свою школу фантастического реализма с преобладанием игровой стихии, самоиронии. В результате вахтанговская школа, развиваясь, модифицируясь, остается до сих пор живой, а Театр им. Е.Б. Вахтангова – одним из самых востребованных.

Нетерпимость доктринальных установок, не всегда подкрепленная художественными достоинствами, кроме очередного «цитирования» и других постмодернист-

ских кодов, порождает в последнее время (в России и на Западе) контртенденции, рассуждения о новом реализме, о новой архаике, романтизме, о неоклассике, о «возвращении автора», о роли канона [2, с.10–11; 11; 19].

Как показывают успешные примеры театральной практики, «память культуры», а не забвение является источником развития. Традиции не могут препятствовать современным функциям, если они служат фундаментом и одновременно дополнением последующего поиска. И в силу этого следовать той или иной системе или традиции можно, только развивая ее. Тогда она не будет истощаться, как и сама жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбой Ю.М. Психологический театр // Петербургский театральный журнал. – 2004. – № 35. – URL: <http://ptzh.theatre.ru/2004/35/> (дата обращения: 19. 12. 2020).
2. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен. – М.: НЛО, 2017. – 672 с.
3. Богданов А.А. [240, с. 159]. О пролетарской культуре. 1904–1924 – Л.; М.: Книга, 1924 (на обл. 1925). – 344 с.
4. Васильев А. «А теперь разберемся с базой» // Театр. – 2013. – № 10. – С. 68–75.
5. В спорах о театре. – М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. – 199 с.
6. Горький М. Письма, телеграммы, надписи // Собр. соч.: в 30 томах. АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М., Л., 1954. – Т. 28. – 599 с.
7. Иванов В.В. . От составителя // Мнемозина. Документы и факты из истории русского театра XX века. – М.: ГИТИС, 1996. – С. 4–6.
8. Лозунги Октября Искусств // Вестник театра. – 1921. – № 82. – 8 февраля.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2001. – 704 с.
10. Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы: 2 частях. Ч. 2: (1917–1939). – М.: Искусство, 1968. – 643 с.
11. Пелипенко А.А. Постмодернизм в контексте переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов / отв. ред. Н.А. Хренов. – М.: Наука, 2002. – С. 383–397.
12. Савчук С. Эпштейн М. Светлой памяти постмодерна посвящается // Художественный журнал. – 2007. – № 64. – URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/27/article/472> (дата обращения: 15. 12. 2020).
13. Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве // Собрание сочинений: в 8 томах. Т. 1. – М.: Искусство, 1954. – С. 7–446.
14. Станиславский К.С. Работа актера над собой // Собрание сочинений: в 8 томах. Т. 2.: Ч. 1. – М.: Искусство, 1954. – 424 с.
15. Теасовещание в Наркомпросе // Жизнь искусства. – 1927. – № 19. – С. 2–7.
16. Театр. Книга о новом театре. – СПб.: Шиповник, 1908. – 289 с.
17. Теодорос Терзопулос о Курентзисе, «Носферату» и философии театра: [интервью] // ИА REGNUM. – 2018. – 27 ноября. – URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2526709.html> (дата обращения: 23. 12. 2020).
18. Тихонович В. О театральных Октябрях // Вестник работников искусств. – 1921. – № 4–5. – С. 21–24.
19. Хренов Н.А. Методологический потенциал культурологии в изучении мирового и отечественного художественного процесса // Textarchive.ru : [сайт]. – [Б. м.], 2020. – URL: <https://textarchive.ru/c-2511596.html> (дата обращения: 20.12.2020).

© Ивинских Галина Павловна (iwinskih@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗООМОРФНЫЕ ИПОСТАСИ ЗЕМЛИ В ФОЛЬКЛОРЕ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

Кашлатова Любовь Васильевна

К.культурологии, БУ «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок», пгт. Берёзово
kashlatovalv@mail.ru

ZOOMORPHIC HYPOSTASES OF THE EARTH IN THE FOLKLORE OF THE NORTHERN PEOPLES

L. Kashlatova

Summary: The oldest layer of Ugric mythology is saturated with evidence of the existence of ideas about the organic relationship between man and animal, the leading role of the female principle in the creation of Nature. One of the Oldest Mothers of nature is mother Earth, represented in zoomorphic form. Folklore materials of the Ob Ugrians indicate that the earth itself was thought of as a living being and was identified in the ideas about it with images of animals. The purpose of this article is to introduce readers to the ancient ideas of the Ob Ugrians.

The materials of the study were folklore texts published in various collections, historical sources of famous Russian and foreign ethnographers. The research materials can be useful for folklorists, ethnographers, historians, religious scholars and students studying the language and culture of the Ob-Ugric peoples, and can also be used in the preparation of theoretical materials on the history and culture of the peoples of Western Siberia.

Keywords: Mother of nature, Great mother, zoomorphic appearance, elk, bear, Kattas-Imi.

Аннотация: Древнейший пласт угорской мифологии насыщен свидетельствами существования представлений об органичной взаимосвязи человека и животного, ведущей роли женского начала в процессе творения Природы. Одна из древнейших Матерей Природы – это Мать Земля, представленная в зооморфном облике. Фольклорные материалы обских угров указывают, что сама земля мыслилась живым существом и отождествлялась в представлениях о ней с образами животных. Целью данной статьи является познакомить читателей с древними представлениями обских угров.

Материалами исследования послужили фольклорные тексты, опубликованные в разных сборниках, исторические источники известных российских и зарубежных этнографов. Материалы исследования могут быть полезны фольклористам, этнографам, историкам, религиоведам и студентам, изучающих язык и культуру обско-угорских народов, а также могут быть использованы при подготовке теоретических материалов по истории и культуре народов Западной Сибири.

Ключевые слова: Мать Природы, Великая Мать, зооморфный облик, культ лося, медведя, Каттась-Ими.

Все традиционное миропонимание северных народов пронизывает идея последовательного рождения того или иного класса предметов, существ или явлений определенной матерью. В качестве основных рождающих начал можно назвать Землю-мать, которая осмыслялась как прародительницей, всего, что есть на земле. Ханты в своих мифологических представлениях внешнего мира таинственную вселенную изображали доступно и просто, как картину жизни людей. Сама вселенная мыслилась живым существом и отождествлялась в представлениях о ней с образами животных.

Многие сибирские народы представляют, что Земля рождала самостоятельно, без участия мужского начала. Она представлялась наиболее близкой людям: «Мы сидим на голове Моу-нямы». Иногда Земля-мать выступает как лосиха или олениха, на спине которой живут нгансаны [4, 21].

Люди представляли Землю телом громадного зверя, где реки – это вены, озера – глаза, деревья – шерсть [3, 260]. Ханты Землю представляли живой, поэтому ей нельзя было наносить раны, тыкать острым предметом.

«Земля – живое существо», – говорят саами. – Деревья и травы – её волосы. Зеленый дёрн, тундровые мхи – её кожа. Нельзя делать больно Земле, нельзя её ранить...» [26, 18]. По мнению Т.А. Молдановой «в настоящее время символ Земли-Матери всё ещё обладает жизненностью и мощной силой воздействия, а нефтяное освоение территории проживания хантов формирует у них образ Земли как женщины с искалеченным лицом» [15, 269, 271].

В фольклоре её эпитеты: «кожистая земля, волосатая земля» [13, 15; 19, 34-35; 3, 260], это означает, что она (земля) приобрела покров в виде растительности, покрылась «кожей» (мхом, травой) и «волосами» (лесом). В верованиях манси есть женское божество и называют её *Калтась Сянь*, где *Сянь* – это 'Мать'. Иногда в обращении к богине употребляют выражение *пунынг Сянь* 'шерстистая Мать' это говорит о древности её происхождения [20, 26]. Один из её эпитетов «черная Земля-мать, шубная Земля-мать, пушная Земля-мать» связан с названием Земли [18, 586]. Ханты усть-казымского Приобья богиню *Калтац* называют Мать-земля, поэтому «детям нельзя копаться в земле и тыкать железными предметами, чтобы не причинить земле боль». Они считают, что *Калтац*

символизирует всё, что рождается на земле, «она нас кормит» [22, 41].

Связанная с землей, Богиня-мать дает жизнь не только людям, но и зверям, птицам. Б. Мункачи весь ряд женских образов считал возможным называть одним термином – Мать-земля. Он считал, что «первой стадией существования образа было осмысление как земля со своими её свойствами [34, 71-72]. Образ Земли, прежде всего, вмещает в себя такие идеи, как жизненная энергия, плодovitость и изобилие, мудрость женского естества. Тайна женского полового созревания – во власти Земли-Матери и скрыта в ней. Девушек во время первых месячных укладывали на травяной покров для того, чтобы впитать в себя плодоносящую силу Земли [15, 268-269].

Ряд советских этнографов полагают, что наиболее архаичными в мировоззрении современных коренных народов Сибири являются представления о Матерях Природы, восходящих первоначально к единой Великой Матери; Г.Н. Грачева [4], Н.Б. Хлобыстана [30], Сагалаев [24], Напольских [17] и др. Именно в этот период археологи находят многочисленные женские статуэтки [30, 10, 69]. Г.Н. Грачева провела исследование традиционного мировоззрения охотников Таймыра и считает, что «самой главной все-таки считалась Земля-Мать. Она как будто родит всё живое и без вмешательства Солнца и Луны, но, тем не менее, делит с ними свои функции» [4, 25].

Особая заслуга в изучении религии и традиционно-мировоззрения народов Западной Сибири принадлежит К.Ф. Карьялайнену, опубликовавшему три тома в 1921, 1922, 1927 гг., на русском языке они были выпущены в 1994-1996 гг. в переводе Н.В. Лукиной. Для К.Ф. Карьялайнена было особенно ценным то, что вогулы (манси) и остяки (ханты) смогли сохранить в своих обрядах и обычаях наследие ранних ступеней развития, которое у других народов почти исчезло [7, 15].

С 1990-х годов научными исследованиями в области духовной культуры стали заниматься сами представители национальной интеллигенции, выходцы из традиционной среды, к числу которых относится и автор. В науке появились сведения о локальных особенностях отдельных групп хантов и манси в работах Е.А. Ромбандеевой, Т.А. Молданова, Т.А. Молдановой, М.А. Лапиной, С.А. Поповой, Т.Р. Пятниковой и др.

В основу данной статьи легли фольклорные материалы, отражающие традиционное мировоззрение обских угров, касающиеся нашей темы. Древнейший пласт угорской мифологии насыщен свидетельствами существования представлений об органичной взаимосвязи человека и природы, ведущей роли женского начала.

Несмотря на то, что к настоящему времени накоплен значительный материал о различных сторонах традиционных представлений обских угров (В.Н. Чернецов, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин, Е.П. Мартынова, А.М. Зенько, В.В. Напольских, Е.А. Шмидт и др.), остается ещё немало вопросов в области изучения древних взглядов о происхождении женских божеств. В этнографических исследованиях мировоззренческий образ женщины трактуется, прежде всего, как образ Матери Природы, богини-матери, подательницы жизни. Данная статья является продолжением исследований автора по женским божествам в культуре обских угров. Необходимость исследования женских божеств в первую очередь обусловлена тем, что в представлениях многих народов, в том числе и народа ханты, в руках богинь находятся рождение, жизнь и смерть людей.

Одна из древнейших Матерей Природы – это Мать Земля, представленная в зооморфном облике. В хантыйском фольклоре есть эпитеты *сухынг мув анжки*, *пунынг мув анжки* 'в одеянии земля-мать, в шерсти земля-мать', которые подтверждают данное высказывание, что ранее в устной традиции народа ханты Земля олицетворялась в зооморфном облике. По представлениям хантов, Земля представляется в образе Лосихи, «изначальная ипостась Земли – Лосиха» [15, 238-240, 269].

Поскольку и лось, и дикий северный олень являются главными объектами охоты, приносят людям еду, тепло, то именно они составляют основу идеи спасения жизни в экстремальных условиях Заполярья и тайги. Данный образ зафиксирован у многих народов Севера: у эвенков – хозяйка мира имела вид огромной лосихи или самки дикого оленя. У орочей в образе изначальной гигантской восьминогой лосихи выступает Земля. Землю орочи называют «Спинной хребет Земли» или дословно «Спинной хребет лосихи» [33, 63]. Символ Лося (Лосихи), олицетворяющий архетип Матери, изначальное воплощает в себе такие понятия, как изобилие, плодородие, женскую воспроизводящую силу [15, 268-269].

Лось занимал центральное место в производственном культе древних охотников, в тех верованиях и обрядах, которые были связаны с самой основой существования. У многих народов Севера и Сибири есть представление о космическом лосе. Всем известен хантыйский миф о шестиногом лосе «О млечном пути на небе» [13, 68, 297]. В данном мифе, говорится о том, что лось был таким быстроногим, что его не могли догнать люди. Чтобы люди могли охотиться на него, сын Торыма догнал его и отрубил у него две задние ноги [11, 41]. У эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски есть сказание о смене дня и ночи, где рассказывается об охоте на Лосиху с Лосенком. Каждую ночь они выходят на пастбище, и становятся видимыми людям – космическая лосиха Хонглэн отождествляется с созвездием Большая Медведица.

дица и Лосёнок — это Малая Медведица [30, 72]. В некоторых текстах объединены сюжеты о происхождении звезд и экзогамных объединений Пор – Мось. Медведица с медведями, родившая первую женщину Пор или Мось, – это три звезды на небе [13, 227-232, 232-233] либо, по другому варианту, созвездие из семи звезд – Малая Медведица. Представления о небесных лосихах свойственны многим охотничьим народам, у которых существуют мифы о двух небесных владычицах мира, наполовину женщинах, наполовину лосихах, от которых зависит всё благополучие охотничьих племен [23, 81].

Значение лося в жизни и мировоззрении хантов было чрезвычайно велико. В прошлом у хантов повсеместно был распространен лосиный праздник по случаю его добычи. В настоящее время такой праздник перестал существовать. По мнению С.А. Поповой, «праздники и обряды в честь женских духов-хозяев леса, воды, гор были широко распространены в древности, через них прошли потомки манси как через одну из ступеней развития религиозных представлений, представлений о мироздании, круговороте жизни, установлении норм и обычаев» [21, 41]. Отзвуком архаичных воззрений является то, что в настоящее время при охоте на этого зверя, разделывании туши, приготовлении блюд из мяса лося до сих пор соблюдаются строгие правила, связанные с табуированием древнего животного [10, 167; 28, 45]. В том месте, где добыли лося, обычай требовал устраивать обряд жертвоприношений небесному богу, так как он имел небесное происхождение. Целый ряд обрядовых действий был направлен на то, чтобы обеспечить возвращение поеданного зверя в прежнее состояние. Нельзя было небрежно обращаться с костями, опаливать губы, железным ножом перерезать сухожилия, скармливать мясо собакам. Поедание лосиного носа предвещало охотникам удачную охоту на этого зверя. Следы культа лося по сей день наблюдаются у хантов [8, 22-24; 9, 86-88, 101; 6, 196; 28, 44-45].

Равное положение с культом лося занимал медведь. Культ медведя ученые находят у многих народов, своими корнями он уходит в глубину веков. Сибирские народы видели в могучем звере, хозяине тайги первопредка, культурного героя. Почитание медведя, предка и культурного героя имеет долгую историю, отражено во многих мифах и ритуальных традициях. Медвежий праздник по случаю добычи зверя и ритуальная забота о черепе и костях медведя имела самое широкое распространение по всему Северному полушарию. Существование медвежьего праздника отмечено в Европе у древних карелов, финнов и саамов; в Азии – у ханты, манси, ненцев, алтайцев, кетов, тувинцев, эвенков, эвенов, якутов, юкагиров и т.д. [25, 418].

В традиционной культуре хантов медведь занимает центральное место. Он относится к священным живот-

ным, приходится сыном *Нуми Торыма*, имеет небесное происхождение, поэтому не принято было называть медведя на прямую, у него было табуированные названия *Нюрым вой* 'болотный зверь', *Ошни ойка* 'зверь в шубе', *пупи* 'божество, дух', *куншынг ойка* 'когтистый зверь' *Торым эви* 'Дочь бога'. «Медведь раньше человеком был. Он понимает человеческий язык. Он самый младший у нас, у людей» рассказывает информант-селькупка [30, 112].

Ханты и манси по случаю его добычи устраивают праздник, смысл которого заключается в стремлении помирить душу медведя с добывшим его охотником. Таким образом, самые древние локальные периодические Медвежий танцы посвящались «хозяйке леса», где говорится, что первой на Земле появляется медведица [21, 31]. В «Медвежьей песне о спуске с неба» поется: «*Жадный зверь могучий, моя доченька, Мною сказанные слова не послушала.*

– *Батюшка, на землю отпустил бы ты меня!*

– *Ну, как хочешь, доченька, если сильно так захотелось, спущу тебя я на землю»* [13, 303-304].

Отзвуком небесного происхождения медведицы является обряд разделывания туши добытого медведя охотниками «*Коль медведица я, то четыре завязки развязывают»* [3, 114]. Шкуру со зверя снимают так, как будто развязывают четыре-пять завязок женской шубы *сах* [16, 99; 20, 39]. Традиционная мужская одежда ханты – малица, она глухая и не имеет застежек, а женская одежда распашная, имеет разрез спереди и полы шубы соединяются завязками [13, 509; 29, 127, 174; 12, 71].

В фольклорных текстах мы находим: «вносят меня в дом... На широкий стол из трех досок, на широкий стол из четырех досок, сажусь я, как лесная женщина, как горная женщина» [14, 148]. С.А. Поповой сообщает, что суть праздника не в том, кто его добыл и какого пола зверь, а в роли женщины в древнем обществе как хозяйки, главы большой семьи, разные поколения которых проживают в отдельных углах одного жилища. Появившись на Земле, как первая женщина и первая Мать, она организует миропорядок, устанавливает нормы поведения, систему ценностей, то есть всё, что мы называем традиционным мышлением, мировоззрением, религией [21, 34]. В мансийской мифологии обозначена целая эпоха, когда женщина была социально активнее мужчины – со времени рождения первого ребенка-человека первой Матерью «старухой» от первого мужчины «старика» до времени, когда её дети, а затем и внуки разошлись по разным территориям и стали там хозяевами» [10, 32-34].

В хантыйском мифе «О сотворении земли» именно женщина творит растительность, животных «много черного зверя стало бегать, много красного зверя стало бегать». Затем позволяет охотникам убивать их.

На медвежьем празднике песни о медведе считаются священными, их ещё называют *вой ар* 'звериные песни'. В них поется о происхождении медведя, о спуске его с неба и поднятии вверх. Согласно одной из трех версий, медведица (медведь) приходится дочерью (или сыном) Верховного бога *Нуми-Торыма*, который воспитывает её (его) в «задней комнате своего дома», в меховом гнезде. В священной песне от имени медведицы поется, как «Золотой Карыс-Батюшка, Золотой Карыс-Отец, (меня) возмужалого сильного зверя на человеческую обжитую слоистую Землю спустил (с небес)» [2, 249]. В другом варианте медведица рождает женщину *Пор*, то есть выступает в качестве прародительницы фратрии. Данный миф, по мнению исследователя, является самым древним, в сказке «Маленькая женщина *Мось*» появление медведицы «воспринимается как само собой разумеющееся» [32, 7-9]. На Казыме записан отрывок из медвежьей песни, в котором говорится о том, как он был сыном женщины, но заслушание был наказан и, обидевшись, ушел в лес, там поздней осенью он стал замерзать, после чего обрел иной образ, сделавшись медведем. Многократно он выходил к поселку, чтобы подкараулить мать и отомстить ей, но каждый раз находил причину этого не делать [9, 165]. На Вахе медведя помещали в почетный передний угол со словами: «Здравствуй, лесной старик». Затем происходил обряд гадания, при котором устанавливалось, кем из умерших родственников он является. Ваховские ханты считали, что человек после смерти превращался в медведя [10, 170]. Если в архаическое время медведица (медведь) называлась «хозяйкой леса», то со сменой родового строя, с насаждением духов в мужском облики медведь (медведица) считается «хозяином тайги».

В.Н. Чернецов, занимаясь исследованием фратриального устройства у обских угров, замечает: «Интересно отметить, что предком фратрии (*пор*) является, следова-

тельно, не медведь, а медведица, что более согласуется с нормами материнского рода. Очевидно, что медведем она была замещена в последующее время» [31, 27].

Таким образом, рассмотренные выше мифологические персонажи и религиозные воззрения северных народов дают представления о Великой Матери Природы – Земле-матери. Земля многолика – она предстает в различных зооморфных образах: как в сверхъестественных (фантастических) существах, так и в зверином – реально существующие представители животного мира (лось, медведь), которые рассматривались в данном исследовании. Архетип богини-матери, Земли-матери, Великой матери в мифологии никогда не концентрируется на каком-то одном образе. Чем к более древней эпохе мы обратимся, по мнению Ю.В. Балакина, тем более «монологичным» следует ожидать явление этого архетипа, с ходом времени, неизбежно подвергающегося дроблению и стратификации [1, 213]. Древнейший пласт угорской мифологии насыщен свидетельствами существования представлений об органичной взаимосвязи человека и природы, ведущей роли женского начала. В одном лице совмещать черты Матери-земли, жизнеподательницы и фратриального предка – результат естественного развития древнейших представлений о значении материнского начала. Во времена первотворения женщина взяла на себя жизнеотворяющую роль.

Образ Земли в ипостаси лосихи является самым ранним этапом в эволюции женского божества. Выше мы упоминали о том, что первооснову образа медведя составляли древнейшие архетипы матери и мудрой старухи, впоследствии вытесненные мужскими архетипами отца и мудрого старика. Необходимо подчеркнуть, что в проведенном исследовании в результате предпринятой реконструкции далеко не охватывает всего многообразия деталей и вариаций зооморфных ипостасей облика Земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск, 1998. – 288 с.
2. Героический эпос народа манси (вогулов): Песни святых покровителей. Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010. – 648 с.
3. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
4. Грачева Г.Н. Традиционные культы нганасан // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) Сб. Музея антропологии и этнографии, Т. XXXIII. – Л. Наука, 1977. С. – 217-228.
5. Земляной братец: Мансийские сказки, предания, песни, загадки / Записи, перевод, сост. и примеч. В.Н. Чернецова. – Томск; Екатеринбург: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 136 с.: ил.
6. Источники по этнографии Западной Сибири – Томск: Изд-во Том. ун-та. 1987. – 284 с.
7. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер с немец. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 1994. Т 1. – 152 с.
8. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер с немец. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 1996. Т 2. – 284 с.
9. Кулемзин В.М. Человек и природа в воззрениях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1984б. – 192 с.
10. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX–XX начале вв. Этнографические очерки. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1977. – 225 с.
11. Лукина Н.В. Предисловие // Мифы, предания сказки хантов и манси» / Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков, сост., предисл. и примеч.

- Н.В. Лукиной; под ред. Е.С. Новак. М: Наука, 1990. – С. 5-58.
12. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. – 236 с.
 13. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., пред. и примеч. Н.В. Лукиной. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
 14. Мифология манси / Под редакцией И.Н. Гемуева. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 196 с.
 15. Молданова Т.А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск, 2001. – 354 с.
 16. Молданов Тимофей Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных ханты. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1999. – 141 с.
 17. Напольских В.В. Древние финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск, 1990. – С. 5-21.
 18. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом / З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.И. Милуха-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007. – 342 с.
 19. Патканов С.К. Остяцкая молитва. Сочинения в 2-х т. Т.1. Тюмень: Ю. Мандрики, 1999. – 395 с.
 20. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2003. – 180 с.
 21. Попова С.А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2008. – 138 с.
 22. Пятникова Т.Р. Традиционные обряды хантов усть-казымского Приобья / Тамара Романовна Пятникова: Екатеринбург. – 2008. – 80 с.: ил.
 23. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – Москва, «Наука» 1997. – 357 с.: ил.
 24. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991. – 155 с.
 25. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. Издательство «Наука», М., 1966. – 576 с.
 26. Семенова М. Мы – славяне! СПб.; 1998. – 560 с.
 27. Соколова З.П. *Уй йикв* – Медвежьи игры. . . // Мифология манси. Под редакцией И.Н. Гемуева. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – С. 148-149.
 28. Успенская С.С. Сотворение Земли зооморфными персонажами // Мифология хантов: материалы научно-практического семинара. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 34-49.
 29. Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994. – 285 с.
 30. Хлобыстина М.Д. Говорящие камни. Сибирские мифы и археология. Новосибирск: Издательство «Наука». 1987. – 128 с.
 31. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-угорского общества // СЭ. 1939. № 11. – С. 20-43.
 32. Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров / Пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 48 с.
 33. Шаньшина Е.В. Мифология первотворения у тунгусо-язычных народов юга Дальнего Востока России. (Опыт мифологической реконструкции и общего анализа). Владивосток, 2000. – 157 с.
 34. Munkacsı B. Voqul népköltési gyűtemény. I. kötet. Regék és énekek a világ teremtéséről. Vogul szövegek és fordításaik. Bd. 3/1. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1906. 593 s.

© Кашлатова Любовь Васильевна (kashlatovaly@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАНОНИЗАЦИЯ ИЛЬИ ЧАВЧАВДЗЕ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Лебедева Параскева Викторовна

Аспирант, Санкт-Петербургский

Государственный Университет

paraskevalebdeva@mail.ru

CANONIZATION OF ILYA CHAVCHAVDZE AND IT'S ROLE IN MODERN GEORGIAN CULTURE

P. Lebedeva

Summary: The article analyzes the process of canonization and further veneration of the writer and prominent public figure Ilya Chavchavadze. The figure of Chavchavadze stands at the origins of the modern Georgian national identity. His understanding of the Georgian nation is still considered classic for the Georgian national idea. On the basis of the material presented, a conclusion is drawn about the root causes of this canonization.

Keywords: national culture, religion, modern Orthodoxy, modern religious cults, Georgia, Georgian culture, Ilya Chavchavadze.

Аннотация: В статье анализируется процесс канонизации и дальнейшего почитания писателя и видного общественного деятеля Ильи Чавчавадзе. Фигура Чавчавадзе стоит у истоков современного грузинского национального самосознания. Его понимании грузинской нации по сей день считается классическим для грузинской национальной идеи. На основе приведенного материала делается вывод о первопричинах этой канонизации.

Ключевые слова: национальная культура, религия, современное православие, современные религиозные культы, Грузия, грузинская культура, Илья Чавчавадзе.

Общеизвестно, что центр православия на Кавказе находится в Грузии. Христианство неизменно являлось основополагающим элементом традиционной грузинской культуры с момента принятия христианства в начале IV века н. э. После распада СССР, при строительстве нового независимого государства, Грузинская Православная Церковь (далее ГПЦ) стала принимать активное участие в общественно-политических и культурных процессах.

Из-за большого количества социальных проблем, образовавшихся в грузинском обществе после распада СССР, гражданское общество являло собой институт, не вызывающий доверия, в то время как церковь стала оплотом стабильности и традиционных воззрений. Всё чаще в обществе стал возникать вопрос, как понимать национальную идентичность, и насколько она связана с православием. Все эти процессы способствовали все большему вовлечению церкви во внутреннюю жизнь страны и активным попыткам создать идеологическое поле, которое смогло бы объединить нацию [4].

Характерный пример присваивания ГПЦ культурного наследия Грузии — это канонизация грузинского писателя, публициста и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе.

Илья Чавчавадзе родился 8 ноября 1837 г. в кахетинском селе Кварели, его семья принадлежала к древнему княжескому роду. В 1857 г. он был зачислен на Юридический факультет Императорского университета в Санкт-

Петербурге, но не смог его закончить, т.к. был исключен в 1861 г. по причине участия в студенческих антиправительственных забастовках. По возвращению на родину он начал службу в государственных учреждениях, успешно совмещая её с литературной и переводческой деятельностью (переводил, в том числе на грузинский язык, и произведения русской классики). Активно выступал за освобождение крестьян, развитие сельского хозяйства, демократизацию общества. В 1879-1885 гг. он был заместителем председателя, а затем вплоть до своей кончины — председателем Общества распространения грамотности среди грузинского населения. Общество занималось организацией народных школ, издательством учебников, проведением различных научно-просветительских лекций и т.п. Чавчавадзе внес важный вклад в формирование современного грузинского языка. Он выступал против громоздкого, архаичного грузинского языка, активно вводил в употребление неологизмы, отстаивал необходимость преподавания грузинского языка в школах, издавал литературный журнал «Иверия», где публиковал произведения многих начинающих писателей и поэтов.

В 1906 г. он был избран членом Государственного Совета от дворянских обществ. Призывы Ильи Чавчавадзе к национально-демократической борьбе пользовались большой популярностью у народа, что, в свою очередь, привело к борьбе за идейное влияние с марксистами. В августе 1907 г. Чавчавадзе был застрелен в собственной коляске рядом с селом Цицамури. Обстоятельства его смерти до сих пор неясны.

Чавчавадзе был сторонником либерально-националистического развития Грузии, из-за огромного влияния его именовали «некоронованным королем Грузии». Сегодня писателя называют «отцом отечества», а его имя часто фигурирует в текстах даже без фамилии или с эпитетом «великий».

Многие цитаты Чавчавадзе невероятно популярны сегодня в Грузии. Одна из самых цитируемых, используемая в качестве неформального девиза: «Три божественных сокровища осталось у нас от отцов и дедов: Родина, Язык, Религия. Если всем этим не овладеем, какой ответ отдадим потомкам» [1, с.24]. Суть государственной идеи, по Чавчавадзе, заключается в сохранении фундаментальных религиозных, культурных и национальных ценностей, он считает, что «защита этих ценностей — это вечная обязанность грузинского народа» [1, с. 25].

Возникновение современного грузинского национального самосознания неразрывно связано с идеями Чавчавадзе. Как отмечает Зедания Г., первым манифестом современного грузинского национализма можно считать его произведение 1861 г. «Записки проезжего. От Владикавказа до Тифлиса», где проявляются все «характерные аспекты, которые были на духу в течение последних 130-ти лет у грузинского национального движения» [5, с. 17]. Среди них — желание обрести независимость и избавиться от чужой власти, конфликт между традицией и современностью, убежденность в необходимости модернизации и пр. Автор статьи особо отмечает, что мы не видим в этом списке религиозной проблематики. Чавчавадзе призывает именно к секулярному национализму. Он считал, как пишет Зедания, что позиция православия незначительна для установления идентичности грузин, а главная роль в этом процессе принадлежит истории: «По нашему мнению, ни единство языка, ни единство религии и даже ни родство людей друг с другом не могут объединить так, как объединяет единство истории» [5, с. 17]. Именно идеи секулярного национализма Чавчавадзе разделяло грузинское общество вплоть до конца 80-х годов XX-го века, когда в 1987 г. (еще во времена существования СССР) ГПЦ канонизировала Чавчавадзе в лике праведных.

Противники канонизации приводят некоторые факты, которые с их точки зрения не совместимы с канонизацией, как то: убийство известного писателя было не за Христа (что не позволяет считать его христианским мучеником), а за родину, признание святого не было всенародным явлением, а главное, канонизация была совершена «в угоду националистическим настроениям в обществе».

Официальные представители ГПЦ отрицают все предъявляемые обвинения и в ответ приводят доводы о благочестивой жизни Чавчавадзе и его преданной

любви к родине. Канонизировав самого популярного грузинского общественного деятеля, церковь обозначила свои права на эту фигуру. Теперь в общественном пространстве обсуждение роли Чавчавадзе желательно только в дискурсе «Илья Праведный». Характерный пример — проведение научных конференций, посвященных Чавчавадзе, всегда знаменуется присутствием представителей ГПЦ.

Для примера рассмотрим конференцию, состоявшуюся в ноябре 2017 г. в Тбилиси. Научная конференция, посвященная «180-летию со дня рождения и 110-летию со дня смерти святого Ильи Праведного» [3] была проведена в патриаршей резиденции в присутствии самого католика и многочисленного сонма духовенства. После некоторого количества прочитанных докладов основатель благотворительного фонда имени св. Ильи Праведного, режиссёр Георгий Саванели, объявил об учреждении специальной премии в юбилейный год писателя. По единодушному решению членов фонда первым номинантом этой премии (им. Ильи Чавчавадзе) с формулировкой за «выдающийся вклад в развитие общества и объединение нации» стал католикос-патриарх Илья II [2]. С заключительной речью выступил сам католикос-патриарх, подчеркнув искупительную роль смерти писателя: «Илья Чавчавадзе был рождён агнцем. Он агнец Божий, взявший на себя грехи своего народа» [2].

Традиционно широко отмечаются всевозможные годовщины, связанные с писателем. Кроме огромного количества светских мероприятий (конференций, выставок, спектаклей, приуроченных передач и пр.) в программе торжеств всегда присутствует молебен св. Илье Праведному, который обычно открывает праздничные мероприятия.

В современной грузинской повседневной культуре И. Чавчавадзе также уделена значительная роль. Улицы, названные в честь «отца отечества», многочисленные памятники, музеи, его профиль на денежной купюре в двадцать лари, иконы с его изображением, которые обязательно присутствуют в каждом грузинском храме и пр.

Выводы

Опираясь на свое возросшее положение, грузинская церковь смещает акценты и во внутрикультурном поле. Ярчайшим примером служит канонизация князя Ильи Чавчавадзе, которая произошла за несколько лет до распада СССР. Чавчавадзе в своих произведениях осмыслял единство грузинской нации, которое он предлагал создать вокруг религиозных, культурных и национальных ценностей. Канонизировав этого общественного деятеля, грузинская церковь присвоила себе и его идеи, сменив секулярный дискурс на религиозный.

В современном грузинском государстве церковь играет важную роль. Соединив национальные настроения с возрастающим интересом к традиционной религии, она смогла усилить свое влияние в обществе, что, в конечном итоге, сделало самым популярным гражданским институтом в стране.

Вот уже почти 40 лет, как церковь также заявила свои права на видного грузинского общественного деятеля, Илью Чавчавадзе. Его светские идеи трактуются теперь в рамках религиозного дискурса, а существующий светский культ постепенно обрастает деталями, свойственными культу традиционных православных святых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буадзе Т., Христианские ценности и общественно-политическое устройство // Гули гониери. 2017. № 18. с. 24-42.
2. В патриархии прошла научная конференция, посвященная юбилею св. Ильи Праведного // официальный сайт ГПЦ. 13.11.2017. URL: <http://patriarchate.ge/geo/wminda-ilia-martlis-iubilesadmi-midzghvnili/>, (Дата обращения: 04.11.2020).
3. Конференция, посвященная 180-летию со дня рождения святого Ильи Праведного // Официальный сайт Тбилисской духовной академии и семинарии. 15.11.2017. URL: <http://tsas.ge/ge/?p=2511> (Дата обращения: 04.11.2020).
4. Рцхиладзе Г. Религиозный фактор и конфликтный потенциал в Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 3. С. 65-67.
5. Zedania G. Nationalismus und Reigion in Georgia // G2W. 2011. № 6. S. 1-19.

© Лебедева Параскева Викторовна (paraskevaledeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

РОЛЬ БИБЛИОТЕКИ НОВОГО ТИПА В ПРОЦЕССЕ АККУЛЬТУРАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

THE ROLE OF A NEW TYPE OF LIBRARY IN THE PROCESS OF ACCULTURATION IN THE REGIONAL CULTURAL SPACE

**A. Plyakhotko
E. Akulich**

Summary: This article reveals the regional specifics of the socio-cultural role of a new type of library in the process of mutual influence of cultures. The author substantiates the idea that in the conditions of a new type of library, the activity and vital activity of a person, moral and creative, is activated. It is established that the universality of a new type of library consists in the acculturation of a person in the conditions of a regional cultural environment, in the possibility of a person's entry into culture, assimilation of cultural and behavioral norms and values of national culture.

Keywords: integration, acculturation, telecommunication technologies, a new type of library, mutual influence of cultures, educational projects, cultural practices.

Пляхотко Александр Сергеевич

Преподаватель, Тюменский государственный
институт культуры
sanek_tyumen@mail.ru

Акулич Евгений Михайлович

Д.с.н., профессор, Тюменский государственный
институт культуры
akulich.em@gmail.com

Аннотация: В данной статье раскрывается региональная специфика социокультурной роли библиотеки нового типа в процессе взаимовлияния культур. Обосновывается идея о том, что в условиях библиотеки нового типа активизируется активность и жизнедеятельность личности, нравственной и творческой. Установлено, что универсальность библиотеки нового типа заключается в аккультурации человека в условиях региональной культурной среды, в возможности вхождения человека в культуру, усвоении им культурных и поведенческих норм и ценностей национальной культуры.

Ключевые слова: интеграция, аккультурация, телекоммуникационные технологии, библиотека нового типа, взаимовлияние культур, просветительские проекты, культурные практики.

В последнее время трудно недооценивать роль интеграционных процессов в экономической, социальной и образовательной сферах. Со второй половины XX в. объём накапливаемой информации и интенсивность обменных потоков стали нарастать лавинообразно. Информационная революция стремительно меняет мировые коммуникационные процессы. Человечеству предоставляются принципиально новые решения и возможности во всех сферах его жизнедеятельности, но при этом информационная революция актуализирует совершенно новые проблемы. Успешность разрешения таких проблем является немаловажным фактором, влияющим на развитие глобального информационного общества. Процессы взаимовлияния культур, связанные с восприятием одним народом полностью или частично культуры другого народа, как правило, более развитого, принято определять как процессы аккультурации. В основе аккультурации лежит коммуникативный процесс. Для того чтобы выявить роль и место современной библиотеки в процессе межкультурной коммуникации, целесообразно углубиться в исторический аспект, сфокусировав внимание на системе социокультурных практик взаимовлияния и взаимодополнения культур.

Как отмечает известный американский антрополог

Ф. Боас, последние коллекции фольклора американских индейцев показывают, что аборигены североамериканского континента ассимилировали немало европейского материала. Многие сюжеты, обнаруженные у индейцев, оказываются при ближайшем рассмотрении версиями хорошо известных европейских сказок [3, с. 172]. Проведя масштабную исследовательскую работу, Боас выявил, что первые французские колонисты принесли в Америку собственные верования и сказки. Всюду, где побывали французские купцы, встречаются сказки о Семиглавце и Джоне-Медведе. Испанские сказки также распространились от Калифорнии, Аризоны, Нью-Мексико и Техаса к югу континента, охватывая все районы контактов испанцев с аборигенами. Большое распространение получили также сказки на библейские темы – нравоучительные басни, предназначенные для духовного назидания. К ним принадлежит ряд сюжетов древнегреческого поэта-баснописца Эзопа. Отмечается, что сказки этой группы видоизменялись очень мало. Многие североамериканские сказки о потопе также явно связаны с библейскими источниками. При этом есть немало и туземных сказок такого рода. Обе группы подверглись очень глубокой взаимоассимиляции, поэтому библейский сюжет в ряде случаев трудно отличить от аборигенного. Таким образом, вполне очевидно, что романские источники соста-

вили значительную часть аборигенного предания Америки и что в некоторых случаях в туземном фольклоре обнаруживаются даже стилистические черты романоязычной сказочной традиции [3, с. 179].

Процессы аккультурации также заметно прослеживаются при анализе социокультурной революции провинциальных российских городов, расположенных к востоку от Уральских гор, в районе, который достаточно условно определяется как Северное Зауралье, происшедшей в период конца XVIII – начала XX в. Как отмечает исследователь М.Ф. Ершов, города Северного Зауралья близки по своему происхождению. Наличие общей исторической памяти сближало население, содействовало выработке единых аксиологических установок и формированию необходимых образов городов [6, с. 44]. С освоением территории Зауралья происходит развитие торговли, требующей от местного населения коммуникации с иногородними и даже иноязычными торговцами, а следовательно, координации усилий местных жителей. Приезжие, не зная специфики конкретного населённого пункта, могли провоцировать те или иные конфликты. Это было связано с особенностями межкультурной коммуникации, подразумевающей связи и общение между представителями различных культур. Таким образом, происходит переход от стабильного существования к социальной динамике. Коммуникативные функции начинают выполнять различные социальные институты, в первую очередь, система образования. Незрелость школьного образования восполнялась литературными журналами. В центральной прессе стало появляться всё больше краеведческих заметок. При этом передача информации часто была двусторонней. Так, например, публикуя в столичном издании сведения о местной провинциальной действительности, автор тем самым включал в систему межкультурных коммуникаций большой России себя и своё социальное окружение [6, с. 48].

Особую историческую роль в формировании общественной и культурной жизни Сибири сыграли сосланные декабристы. Так, 121 декабрист был приговорен к высылке в Сибирь на каторжные работы. Как отмечается в исторических документах, представленных в фонде Президентской библиотеки, измученные физическим трудом, они всё же находили время и для удовлетворения своих умственных запросов: читали друг другу целые курсы различных наук, поэты писали стихи, художники рисовали, музыкальные люди организовывали хор и т.д. Бедное рабочее население мест ссылки видело в декабристах мучеников за народное дело, за волю и не могло не быть им благодарно за широкую благотворительность и помощь личным трудом и советами. Сибирская интеллигенция ценила в декабристах большое образование, либеральные убеждения, независимость и честность [8, с. 8].

Длительная практика в огородничестве в Чите и в Петровском создала из многих декабристов опытных огородников. Свой опыт они принесли в поселения, где жили, и охотно делились им с крестьянами. Они выписывали из родных мест семена, уделяли часть их крестьянам, устраивали парники, делали опыты с различными овощами и следили за сельско-хозяйственной литературой. Не только декабристы, но и жёны их часто с увлечением отдавались огородничеству. Наряду с этим декабристы старались привить местному крестьянству интерес к новым для них промыслам. Декабристы охотно делились своими познаниями с окружающими их. Они давали различные практические советы и оказывали медицинскую помощь, наконец, заботились об их просвещении. [2, с. 44]. Также декабристы занимались научным изучением Сибирского края, собирали коллекции сибирской флоры и фауны, коллективно вели метеорологические наблюдения, которые они передавали в Берлинскую Академию Наук. Отдельные декабристы принимали участие в научных экспедициях. Таким образом, декабристы и их жёны внесли неоценимый вклад в исследование Сибири, оказали существенное влияние на культуру и образование.

В настоящее время процессы аккультурации тесно связаны с современными информационно-техническими возможностями передачи информации. Благодаря современным телекоммуникационным технологиям культурное наследие было переведено в цифровую форму, тем самым обеспечив его сохранение. В данных технологиях межкультурная коммуникация представляет собой механизм обмена информацией в глобальных информационных системах. С одной стороны такие технологии, являясь инновационной формой коммуникации, раскрывают обществу невиданные ранее возможности, с другой – могут являться инструментом информационной войны и привести к кризису культуры, разрушая её ценностные основания. Мы согласны с утверждением канадского философа М. Маклюэна, который отмечал, что решение человека модифицировать используемую им визуальную технологию посредством обращения к технологии электрической неизбежно приводит к трансформации индивидуализма. Предъявлять по этому поводу какие-либо моральные претензии и жалобы равносильно тому, что ругать циркулярную пилу за то, что она отрезала пальцы [9, с. 280]. Таким образом, необходимо системное изучение влияния инновационных форм коммуникации как на процессы аккультурации, так и на всю культуру, являющую собой систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях [11, с. 11]. Элементом данной системы выступают библиотечные учреждения. Библиотеки являются одним из древнейших, в то же время самых уникальных культурных институтов человечества, поэтому

в современном культурном пространстве они всё чаще становятся предметом междисциплинарных исследований и по достоинству считаются центрами межкультурной коммуникации. Мы разделяем позицию исследователя Е.Ю. Гениевой, которая отмечает, что в последнее время происходит преобразование библиотек в центры взаимодействия культур, формирующие поликультурную личность, способную адекватно реагировать на вызовы современного мира, успешно преодолевать барьеры понимания и культурные стереотипы [4, с. 8].

Особенностью социокультурного пространства информационного общества, даже его начальной фазы, является такая ситуация информационного взрыва, когда объём информации даже по узкой профессиональной сфере деятельности превышает возможности человека её воспринимать и анализировать в полном объёме. Нарастающая сила потока информационного обмена между людьми породила *новый тип культуры*, в которой всё подчинено необходимости классификации, унификации с целью наибольшей компрессии и повышения эффективности при передаче от человека к человеку [7, с. 52]. Любые технические новшества и идеи становятся эффективными в социальном плане в тех случаях, когда они оказываются неотъемлемой частью общей культуры. Это в значительной мере меняет представления, взгляды, поведение, образ жизни и мышление современного человека и предъявляет к нему новые требования. Главным из них является овладение информационной культурой. Возникает потребность осознания информационной культуры как важнейшего показателя развития информационного общества и становления нового характера взаимодействия человека и окружающей среды [1, с. 123]. Таким образом, уровень развития информационного общества определяется не только уровнем становления технической сферы, но и уровнем информационной культуры его членов.

Применение новых технологий существенно изменило современные библиотечные процессы и способствовало повышению уровня обслуживания читателей, что стало причиной появления новых форм и методов работы, а также создало условия, наряду с традиционной библиотечной деятельностью, для широкой пропаганды электронного библиотечного дела. Интенсивное проникновение информационно-телекоммуникационных технологий в библиотечную деятельность привело к появлению в России библиотеки нового типа – современного библиотечного учреждения, в котором активно применяются современные технологии в обслуживании пользователей, направленные на повышение эффективности работы с информацией. Такие библиотеки не являются застывшим образованием, а представляют собой динамичный и растущий организм. 27 мая 2009 г. в Санкт-Петербурге открылась Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Она функционирует как общегосу-

дарственное электронное хранилище цифровых копий важнейших документов по истории, теории и практике российской государственности, а также русскому языку и имеет статус национальной библиотеки России. Оцифрованные материалы имеют неоспоримое преимущество, поскольку, как утверждает Е.Б. Грузнова, электронный документ может быть предоставлен в любом месте, в любой момент времени и одновременно нескольким пользователям [5, с. 45]. Именно поэтому при создании Президентской библиотеки было предусмотрено открытие её филиалов и удалённых читальных залов во всех регионах страны. В настоящее время функционирует более тысячи центров удалённого доступа во всех 85 субъектах Российской Федерации, а также за рубежом. По состоянию на начало 2020 г. фонд библиотеки насчитывает более 850 тысяч электронных копий книжных и периодических изданий, фотографий, архивных документов, аудио- и видеозаписей, научно-просветительских фильмов, видеолекций, вебинаров и других материалов.

Просветительские проекты Президентской библиотеки ориентированы на использование мультимедиаформ, которые доступны через Интернет для всех заинтересованных пользователей. Эти проекты основываются на ресурсах Президентской библиотеки и стимулируют пользователей обращаться к ее фондам. Кроме того, они ориентированы на активное взаимодействие с вузами и школами страны, реализацию совместных образовательных проектов.

С 2011 г. учреждение проводит видеолекторий «Знание о России», тематика которого связана с юбилейными датами российской истории. Для участия в проекте приглашаются яркие и интересные лекторы, слушатели из числа студентов и школьников. Один из лекторов выступает в режиме видео-конференц-связи и представляет «региональный» взгляд на тот или иной вопрос. Также ряд аудиторий подключается удалённо и принимает участие в обсуждении лекций. Ведется прямая трансляция видеолектория в Интернете, что позволяет существенно расширить число участников.

Наиболее масштабным образовательным проектом Президентской библиотеки является олимпиада «Россия в электронном мире». Она адресована подрастающему поколению и нацелена на привлечение внимания к вопросам государственности, нравственным и культурным ценностям, на воспитание гражданственно-патриотических чувств. Олимпиада призвана выявить молодые таланты в области изучения гуманитарных дисциплин и популяризовать гуманитарное знание среди молодежи. Жюри олимпиады формируется из авторитетных ученых и преподавателей. Олимпиада проходит в три этапа: первый и второй — дистанционно, третий — в Президентской библиотеке и ее региональных представительствах. На последнем этапе участники в том числе полу-

чают доступ к фондам электронного читального зала: выполняют поиск необходимой литературы по теме и на ее основе пишут небольшое сочинение. В 2018/2019 учебном году общее количество участников олимпиады составило 6080 человек.

23 мая 2011 г. на базе Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева состоялось официальное открытие Тюменского филиала Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, который осуществляет тесное сотрудничество с системой образования Тюменской области.

Одним из проектов филиала является развитие с 2012 года сетевого партнёрства с Тюменским высшим военно-инженерным командным училищем имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова (ТВВИКУ), дислоцированным в городе Тюмени. Библиотечными специалистами было проведено обучение по работе с ресурсами Президентской библиотеки более ста преподавателей и более трёх тысяч курсантов. Большая часть прошедших обучение завели личные учётные записи для входа в электронный читальный зал (ЭЧЗ) Президентской библиотеки. Курсанты старших курсов, реализуя свой творческий потенциал, получили возможность сопровождать процесс индивидуального образования курсантов ТВВИКУ в качестве тьютора, обучая курсантов младших курсов работе с ресурсами библиотеки. В настоящее время в ТВВИКУ проходят обучение военнослужащие из 34-х иностранных государств ближнего и дальнего зарубежья. В училище на постоянной основе функционирует центр удалённого доступа к ЭЧЗ, благодаря чему у преподавателей и студентов данного учебного заведения есть полный доступ ко всему контенту Президентской библиотеки.

С ноября 2013 года действует соглашение о сотрудничестве между ГАУ Северного Зауралья и Президентской библиотекой. ГАУ Северного Зауралья один из старейших вузов региона, преемник Александровского реального училища и Тюменского сельскохозяйственного техникума. Вуз имеет богатую историю, традиции и устойчивую систему учебно-образовательного и научного процесса. Государственный аграрный университет – это не только учебное заведение, но и научный центр, в состав которого входят различные структуры: научные и инженерные лаборатории, исследовательские центры и др. Одно из направлений совместной деятельности ГАУ Северного Зауралья и Президентской библиотеки, – это продвижение научных разработок ученых университета. В фондах университетской библиотеки хранится более двухсот ценных научных работ: 60 монографий, более 30 сборников научных трудов, выпуски журнала Вестник сельскохозяйственной академии за двадцать лет. Научный интерес для исследователей представляют монографии классиков агрономии: Каретина Л.Н., Мер-

шаловой А., физиологии: Юдичева, биологов-ветеринаров Ямова В.З., Сивкова Г.С., Солопова Н.В., зооинженера Головина В.А., а также тех, кто продолжает начатое ими дело: профессоров Абрамова Н.В., Федоткина В.А., Иваненко А.С., Лящева А.А. и др. Информационное поле Президентской библиотеки позволяет при передаче трудов тюменских ученых познакомить с ними научное сообщество не только России, но и всего мира. С другой стороны, тюменские ученые сельскохозяйственного и экономического направления, могут найти в фондах Президентской библиотеки интереснейший материал для своих исследований, способствующих превращению информации в знание.

Тюменским филиалом Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина совместно с ГАУ Северного Зауралья был выработан просветительский проект «Агроцивилизация», который реализуется в Тюменской области с 2015 года. Для решения цели проекта – поднятия престижа сельского образа жизни и аграрных профессий были разработаны специальные инструменты: уроки, семинары, квест-игры, конференции и прочие мероприятия, способствующие формированию аграрного сознания у детей и подростков в возрасте 7-18 лет. Наилучшей формой реализации было признано социальное волонтерство. Волонтерами-тьюторами выступили студенты аграрного вуза, которые прошли обучение по основам детской психологии, педагогики, методике обучения и работе с ресурсами Президентской библиотеки. Тьюторы работали в средних школах, обучая детей по двум направлениям – уроки-лекции «Жизнь села и аграрные профессии» и уроки семинары «Учись работать в президентской библиотеке». С 2016 года включились наставники и тьюторы в подготовку школьников к школьной научной конференции. Конференции показали неподдельный интерес сельских детей к аграрным проблемам и желание эти проблемы решать.

В 2017 году было заключено соглашение между Тюменским институтом повышения квалификации сотрудников МВД России (ТИПК МВД России) и Президентской библиотекой им. Б.Н. Ельцина о стратегическом партнёрстве в деле формирования единого информационного пространства в области истории, теории и практики российской государственности [10, с. 72]. ТИПК МВД России является полнофункциональным специализированным учебным комплексом, отвечающим всем современным требованиям дополнительного профессионального образования и осуществляющим обучение сотрудников подразделений и служб территориальных органов МВД России 9 федеральных округов и 85 субъектов Российской Федерации. За 3 года сотрудничества сотрудниками Тюменского филиала Президентской библиотеки было проведено более 40 практикоориентированных занятий с работниками правоохранительных органов со всей Российской Федерации. Более 400 сотрудников по-

лиции ознакомились с возможностями Президентской библиотеки и также завели личные учётные записи для входа в электронный читальный зал для того, чтобы работать с её ресурсом непосредственно по месту проживания.

Опыт функционирования библиотеки нового типа на примере Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина и её Тюменского филиала демонстрирует эффективность современных электронных библиотек, обеспечивающих доступ к информационным ресурсам в удалённом режиме на основе телекоммуникационных технологий. Очень значимым для проведения научных исследований гуманитарного цикла является доступ к архивным материалам, который обеспечивается использованием поисковой системы библиотеки. Культурные практики,

разрабатываемые и реализуемые Президентской библиотекой совместно с организациями-партнёрами и направленные, в первую очередь, на учащуюся молодёжь, носят интегративный, комплексный характер. Благодаря им молодёжь осваивает социокультурные нормы и образцы деятельности, получает опыт работы с электронным ресурсом в доступном формате. Участники данных мероприятий имеют возможность трансляции полученных знаний и навыков работы с уникальным ресурсом не только на территории Российской Федерации, но и за её пределами. Таким образом, мы полагаем, что роль библиотеки нового типа в процессе взаимовлияния культур является колоссальной, поскольку современная библиотека не только обеспечивает сохранение культурного наследия, но и выступает его активным транслятором, объединяя народы России и всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева, А.Т. Электронные библиотеки в формировании информационной культуры / А.Т. Абдуллаева // Научные и организационно-технологические основы интеграции цифровых информационных ресурсов: [сборник научных трудов] / Президент. б-ка им. Б. Н. Ельцина. Вып. 4. – Санкт-Петербург: ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», 2013. – 378, [1] с.: ил. – С. 120-128.
2. Базилевич, В.М. Декабристы: Очерки: 1-3. – Киев: Типография Киевского Политехн. ин-та, 1926. – 48 с.
3. Боас, Ф. Романский фольклор у американских индейцев / Ф. Боас // Антология исследований культуры. Отражения культуры / сост. Л. А. Мостова. – Москва: Петроглиф, 2011. – 421, [1] с. – С. 172-180.
4. Гениева, Е.Ю. Библиотека как центр межкультурной коммуникации / Е.Ю. Гениева. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – 208 с.
5. Грузнова, Е.Б. Национальный электронный ресурс Президентской библиотеки: основные подходы к формированию / Е.Б. Грузнова // Электронная библиотека: интеграция информационных ресурсов: [сборник научных трудов] / Президент. б-ка им. Б.Н. Ельцина. Вып. 1. – Санкт-Петербург: ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», 2011. – 191, [3] с.: ил. – С. 36-46.
6. Ершов, М.Ф. Социокультурная эволюция отечественной провинции конца XVIII – начала XX в.: по материалам городов Северного Зауралья / М.Ф. Ершов; Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. – 123 с.: ил., табл.
7. Информационное общество: проблемы становления и закономерности развития [Текст]: монография / [В.Н. Гончаров и др.]; Центр развития научного сотрудничества. – Новосибирск: ЦРНС, 2014. – 183, [3] с.: ил.
8. Коптилов, М.П. Декабристы в Тобольском крае: 1825-1925 / М. Коптилов. – Тобольск: Издание Комиссии Тобольского окрисполкома по ознаменованию столетия со дня восстания декабристов и Общества изучения края при Музее Тобольского Севера, 1925. – 38 с.
9. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга [Текст]: становление человека печатающего / М. Маклюэн; пер. И.О. Тюриной. – 2-е изд. – Москва: Гаудеамус; [Б. м.]: Академический Проект, 2013. – 495 с.
10. Пляхотко, А.С. Возможности современной библиотеки в повышении информационной культуры работников правоохранительных органов / А.С. Пляхотко // Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров: материалы XX Межд. научно-практ. конф. / Межд. академия наук пед. образования; Челяб. институт перепод. и пов. квал. работ. образ.; отв. ред. Д.Ф. Ильясов. – М.; Челябинск: ЧИППКРО, 2019. – 412 с. – С. 71-76.
11. Степин В.С. Цивилизация и культура / В.С. Степин. — СПб.: СПбГУП, 2011. — 408 с.

© Пляхотко Александр Сергеевич (sanek_tyumen@mail.ru), Акулич Евгений Михайлович (akulich.em@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ИНКУЛЬТУРАЦИЯ»: КОНКРЕТИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ»

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF "INCULTURATION": SPECIFICATION OF TERMINOLOGICAL BOUNDARIES"

N. Sachkova

Summary: The concept of enculturation has not been given its articulate definition. Therefore, it has been used inconsistently in anthropology as well as in other fields. Various anthropologists have tended to regard enculturation as consisting of such processes as socialization, the acquiring of culture, and cultural internalization, excluding an innovative process of enculturation. The article analyzes some approaches to the delimitation of the concepts «enculturation», «socialization» and «acculturation», the specifics of using the concepts of this semantic field in the of foreign researchers. The definition of the concepts «inculturation» and «acculturation» is proposed, the specifics of the assessment of the corresponding processes are described.

Keywords: culture, enculturation, acculturation, socialization, man, socio-cultural practices, cultural transmission, culture transmutation.

Сачкова Наталья Александровна

Преподаватель, ГБПОУ «Оренбургский областной колледж культуры и искусств»; аспирант, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры»
sachkova-natalya@mail.ru

Аннотация: Понятию инкультурации не дано четкого определения. Следовательно, оно непоследовательно используется в антропологии, а также в других областях научного знания. Антропологи склонны рассматривать инкультурацию как состоящую из таких процессов, как социализация, приобретение культуры и культурная интернализация, исключая инновационный процесс инкультурации. В статье анализируются подходы к разграничению понятий «инкультурация», «социализация» и «аккультурация», специфика использования понятий данного семантического поля в работах зарубежных исследователей. Предложены определение понятий «инкультурация» и «аккультурация», описана специфика оценки соответствующих процессов.

Ключевые слова: культура, инкультурация, аккультурация, социализация, человек, социокультурные практики, культурная передача, трансмутация культуры.

Учитывая продолжающуюся драматическую расовую и этническую диверсификацию западноевропейской культуры и, в частности, Соединенных Штатов, необходимость понимания уникальных культурных особенностей этносов, представляет собой серьезную проблему. Полезной конструкцией в этих усилиях является инкультурация.

Однако понятию инкультурации не дано четкого определения, как часто бывает с новыми понятиями, получающими широкое распространение за относительно короткое время, его смысл трактуется довольно свободно. Следовательно, оно непоследовательно используется в антропологии, а также в других областях научного знания.

В 1948 году Мелвилл Дж. Херскович впервые описал инкультурацию как процесс социализации и поддержания норм местной культуры, таких как основные ценности, идеи и концепции. Оно включает в себя изучение культурных характеристик, таких как язык, традиции и обычаи, которые отличают членов одной группы людей

от другой. Это, в сущности, процесс сознательной или бессознательной адаптации, осуществляемой в пределах, которые диктует определенная традиция. В рамках данного процесса достигается не только приспособление к новому образу жизни, но и удовлетворение интересов как части социального опыта, которые являются больше индивидуальными производными, нежели групповыми [6].

Антропологи до него были склонны рассматривать инкультурацию как состоящую из таких процессов, как социализация, приобретение культуры и культурная интернализация, исключая инновационный процесс инкультурации. Однако определение Херсковича более детально и, кроме того, включает процесс новых изменений и исследований.

По его словам, можно выделить две фазы инкультурации: «бессознательную» стадию ранних лет человеческого роста, когда человек «бессознательно» усваивает свою культуру; «сознательный» этап более поздних лет, который включает инновации, инициированные отдель-

ными людьми.

Он утверждает, что эти две фазы составляют общий процесс инкультурации. Проблема, присущая произвольному отделению Херсковицем ранних лет от более поздних в человеческом обучении, заключается в том, что это разделение противоречит психологическим открытиям, экзистенциальному, гештальт и персонологическому. Из этих результатов очевидно, что культурное обучение в детстве (как формальное, так и неформальное) также является рефлексивным и осознанным, хотя следует признать, что большая или меньшая степень культурной интернализации действительно происходит «бессознательно» у людей и культур [6].

Необходимо уменьшить разрыв между двумя фазами и подчеркнуть преемственность, которая развивается на протяжении всего процесса человеческой жизни. Предположение, что большинство людей в данной культуре успешно достигают однородной интернализации этой культуры, создавая ее микрокосм в структурах личности индивидов, также сомнительно.

Инкультурация — это процесс, посредством которого люди изучают культуру своей группы на основе опыта, наблюдения и обучения. Учиться — значит развить знания и навыки, необходимые для участия в общественных культурных практиках и стать полноценным членом общества. В то же время культуры постоянно развиваются с появлением новых культурных практик и новых инструментов для улучшения их взаимодействия с физической и социальной средой.

Простыми словами мы можем сказать, что это процесс, с помощью которого человек изучает традиционные содержание культуры и усваивает ее практики и ценности. Адамсон Хобель утверждал, что инкультурация — это как сознательная, так и бессознательная обусловленность, процесс, в котором человек, как ребенок, так и взрослый, достигает компетентности в своей культуре, усваивает культуру и становится полностью инкультурированным [5].

Антрополог Маргарет Мид четко определила инкультурацию в 1963 году как отдельный процесс от социализации. Это процесс, с помощью которого человек приобретает ментальные представления (верования, знания и т. д.) и модели поведения, необходимые для функционирования в качестве члена культуры. Его можно рассматривать как аналог на уровне культуры процесса социализации [7].

Инкультурация в основном рассматривается для коренных представителей культуры как происходящая в детстве часть процесса обучения и воспитания детей. Однако, обряды инициации и другие формы обучения в более позднем возрасте также могут иметь инкультури-

рующую функцию.

Со времени новаторского исследования Маргарет Мид это постоянная тема исследований и теорий в антропологии. Сама Маргарет Мид (1963) провела различие между инкультурацией, процессом познания определенной культуры и социализацией, которую она определила как требования, предъявляемые к людям человеческими обществами повсюду [7]. Мид рассуждала, как слова социализация и инкультурация могут использоваться взаимозаменяемо.

В отличие от нее ученый Н. Шимахара, не отождествлял, а разводил понятия «социализация» и «инкультурация». Он рассматривал инкультурацию как «аналитическое средство понимания культурного процесса. Его генезис и применение носят антропологический характер» [8]. Социализацию Н. Шимахара описывал как социологический инструмент, при этом он признавал, что термины социализация и инкультурация часто используются как взаимозаменяемые. Н. Шимахара определял инкультурацию как поведенческий процесс приобщения к существующей культуре и процесс в социальном плане изменчивый через обучение и изучение в существующей культуре.

Культура обычно передается из поколения в поколение взрослыми детям и от специалистов в определенной культурной области новичкам. Но это представление о прямой культурной передаче может ввести в заблуждение, если оно предполагает, что обучение — это, по сути, пассивный процесс без активного участия учащегося.

Встречи, которые заставляют людей воплощать определенную культуру в их собственном опыте и тем самым позволяют им интегрироваться в поток социальной жизни, могут быть разных видов. Люди сталкиваются с культурой в форме значимых других (родителей, учителей, героев), которые воплощают культуру и с которыми они приходят, чтобы идентифицировать себя. Или они могут столкнуться с культурой в форме ритуалов, в которые включены и прославляются образы жизни (например, ритуалы полового созревания, брака, деторождения и смерти). Человек усваивает мечты и ожидания, правила и требования не только для общества в целом, но также и для своей индивидуальной природы. Общество делает все необходимое, чтобы помочь любому из своих членов научиться правильному и подходящему поведению в любой социальной обстановке и при решении любых задач. Инкультурация начинается от рождения и продолжается до смерти.

Термин, который часто путают с инкультурацией — это аккультурация. Термин аккультурация использовался для описания процесса контакта между членами двух культурных групп, особенно когда группы людей мигрируют из своих стран происхождения в другие страны.

Определение аккультурации еще больше усложняется из-за постоянно меняющегося контекста, в котором происходит аккультурация, в основном из-за социально сконструированной, динамической природы культуры.

Первоначальный интерес к аккультурации вырос из беспокойства о последствиях европейского господства над колонизированными коренными народами. Позже акцент сместился на то, как иммигранты (как добровольные, так и вынужденные) изменились после их переезда и проживания в принимающих обществах. В последнее время большая часть исследований была связана с тем, как этнокультурные группы соотносятся друг с другом и как изменяться в результате их попыток жить вместе в культурно плюралистических обществах.

Окончательная концептуализация широкого термина аккультурация и более конкретная конструкция аккультурации на индивидуальном уровне были труднодостижимыми, поскольку ученые расходятся во мнениях о том, как разграничить аккультурацию как концепцию, уникальную от других связанных понятий, таких как этническая идентичность или культурные изменения, и как понять механизмы культурной адаптации.

Джон В. Берри и его коллеги описали аккультурацию как состоящую из (а) контакта и участия и (б) культурного поддержания. Процесс контакта и участия отражается в том, насколько люди вовлекаются в другие культурные группы или остаются преимущественно между собой. С другой стороны, процесс сохранения культуры представлен в той степени, в которой культурная самобытность и характеристики считаются важными и сохраняются [1].

Однако последняя часть определения аккультурации проблематична, поскольку в значительной степени пересекается с определением инкультурации. Хотя характеристика аккультурации с точки зрения сохранения культуры может хорошо работать для мигрантов, которые были социализированы в рамках своих коренных культурных норм до прибытия в новую страну, она может неточно описывать опыт всех представителей расовых или этнических меньшинств, особенно тех, кто был рожден в новой стране. Эти люди, несколько поколений которых, проживали в новой стране и возможно, никогда не были полностью приобщены к культурным нормам своей этнической группы своими родителями и семьей, для этих людей применение процесса сохранения культуры может быть неуместным, потому что они, возможно, никогда не были полностью социализированы в рамках своих коренных культурных норм [4].

Кроме того, эти люди могут более полно приобщиться к своему культурному наследию коренных народов в более позднем возрасте и, следовательно, участвовать в процессе инкультурации в это время. По этим причинам

термин инкультурация лучше отражает разнообразие расовых и этнических меньшинств с точки зрения их поколений с момента миграции и вытекающую из этого вариативность уровней приверженности нормам культур их предков по сравнению с культурным содержанием. концепция в конструкции аккультурации. Следовательно, теперь инкультурация используется для описания процесса (ре) социализации и поддержания норм местной культуры, тогда как аккультурация используется для описания процесса адаптации к нормам доминирующей культуры.

При описании инкультурации также важно учитывать размеры, по которым можно наблюдать и оценивать конструктор. Первоначально инкультурация (и аккультурация) характеризовалась как изменение двух личных измерений: поведения и ценностей. Поведенческий аспект инкультурации включает использование языка и участие в различных культурных мероприятиях (например, потребление пищи), тогда как измерение ценностей отражает стиль отношений, отношения между человеком и природой, убеждения о человеческой природе и ориентацию во времени [3].

Определения инкультурации (и аккультурации) продолжают становиться все более всеобъемлющими и интегративными. В настоящее время инкультурация описывается как изменения на трех уровнях функционирования: поведенческом, аффективном и когнитивном.

Фактически, инкультурация — это не только метод фиксации культурных достижений и процесс приобщения к культуре, но и результат этого процесса. В каждом культурном акте человек создает себя через культуру, утверждает себя как личность. Таким образом, инкультурация включает в себя творческий момент. Собственно, привязанность к культуре приобретает для личности значимость и императивность, помогает ей гармонизировать практическую и духовную жизнь, придает противоречиям личности размеренные формы, помогает личности направить свой духовно-силовой потенциал в творчество, а не в разрушение.

Подводя итоги, мы можем определить инкультурацию как конструкцию и как процесс в поведенческом смысле, определяющий передачу и трансмутацию культуры на протяжении всего человеческого развития. Культурная передача — это процесс приобретения существующей культуры; культурная трансмутация, с другой стороны, представляет собой процесс психосоциальной мутации посредством преднамеренных, рефлексивных, функциональных, а иногда случайных процессов обучения.

Таким образом, инкультурация включает нововведения и исследования, которые представляют собой особый тип эпистемологической чувствительности к культуре. Это биполярный процесс и универсальная функция образования в культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берри Д. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы. URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html
2. Культурология. XX век [Электронный ресурс]: энциклопедия в 2 т. СПб., 1998. URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/index.htm>
3. Маркова С.Д. Аккультурация: к теории вопроса // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/60006>
4. Ступина, Т.В. Международная практика инкультурации мигрантов / Т.В. Ступина, Л.Н. Евменова // Культура и цивилизация. – 2016. – № 1. – С. 197–207.
5. Хобель, Адамсон Э. Закон первобытного человека. Гарвард, Массачусетс: Атенеум., 1954 г. с. 108
6. Herskovits, M.J. The Influence of culture on visual perception / M.J. Herskovits, M.H. Segall, D.T. Campbell. – Indianapolis: Bobbs Merrill Company, 1966. – 268 p.
7. Mead, M. Papers in honor of Melville J. Herskovits: socialization and enculturation / M. Mead // Current Anthropology. – 1963. – Vol. 4. – P. 184–188.
8. Shimahara, N. Enculturation – a reconsideration / N. Shimahara // Current Anthropology. – 1970. – Vol. 11, No. 2. – P. 143–154.

© Сачкова Наталья Александровна (sachkova-natalya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Оренбургский областной колледж культуры и искусств

НАРУШЕНИЕ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ К СТРЕССУ

Бобровская Елена Фаимовна

Аспирант, Новосибирский Государственный
Университет Экономики и Управления
babrovskaya@mail.ru

EATING DISORDER AND STRESS TOLERANCE

E. Bobrovskaya

Summary: The article examines the influence of stress factors and stress tolerance on the formation of eating disorders based on the analysis of modern domestic and foreign studies. Eating disorders (including anorexia nervosa and bulimia nervosa, food addiction) are manifested in the rewarding function of eating in a situation of overeating or fasting. The formation of food addiction is influenced by biological, social and psychological factors. Food addiction can be viewed as a maladaptive conflict resolution strategy. Stress tolerance (stress tolerance, stress resistance) is a person's ability to cope with stress factors. Resistance to stress is manifested as the ability to socially adapt and be active in a stressful situation. People with eating disorders are characterized by difficulty regulating emotional states, a predominance of coping avoidance strategies, a deficit in problem-solving strategies, an inability to accept social support, and the use of maladaptive cognitive schemas.

Keywords: eating disorder, food addiction, stress, coping behavior.

Аннотация: В статье рассматривается влияние стрессовых факторов и толерантности к стрессу на формирование расстройств пищевого поведения на основе анализа современных отечественных и зарубежных исследований. Расстройства пищевого поведения (включая нервную анорексию и булимию, пищевые аддикции) проявляются в подкрепляющей функции еды в ситуации переедания или голодания. На формирование пищевой аддикции оказывают влияние биологические, социальные и психологические факторы. Пищевая аддикция может быть рассмотрена как дезадаптивная стратегия разрешения конфликтов. Толерантность к стрессу (стресс-толерантность, стрессоустойчивость) представляет собой способность человека совладать со стрессогенными факторами. Стрессоустойчивость проявляется как способность к социальной адаптации и активности в ситуации стресса. Для людей с расстройствами пищевого поведения характерны затруднения в регулировании эмоционального состояния, преобладание копинг-стратегии избегания, дефицит стратегии разрешения проблем, неспособность принимать социальную поддержку и использование неадаптивных когнитивных схем.

Ключевые слова: нарушение пищевого поведения, пищевая аддикция, стресс, совладающее поведение.

Расстройства пищевого поведения являются актуальной медико-психологической проблемой во многих странах мира. При этом меры профилактики и коррекции, направленные на решение проблемы пищевых зависимостей, часто имеют лишь временный эффект, так как при их разработке не учитываются психологические факторы формирования аддиктивного поведения. Повышенная стрессогенность современного образа жизни безусловно оказывает влияние на формирование картины пищевых нарушений, так как пищевое поведение в целом поддается влиянию внешних стрессовых воздействий. В условиях хронического стресса происходит потеря ощущения безопасности, происходит формирование и закрепление дезадаптивных стратегий поведения.

Научная новизна

Несмотря на то, что исследования поведения человека в ситуации стресса широко представлены в научной литературе, влияние стрессовых факторов на риск развития нарушений пищевого поведения недостаточно представлено в современных работах. Анализ зарубежных исследований за последние годы имеет важное теоретическое и практическое значение для разработки

программ профилактики пищевых аддикций и работы с группами риска.

Пищевое поведение представляет собой ценностное отношение человека к употреблению еды, некий стереотип потребления пищи в стандартных и стрессовых условиях. Пищевое поведение – это установки, поведенческие стратегии, привычки, связанные с пищей и те специфические эмоции, которые она вызывает [1]. В зависимости от многих факторов, в том числе и психологических, пищевое поведение может принимать адекватную или девиантную форму.

Расстройства пищевого поведения (включая нервную анорексию и булимию, пищевые аддикции) проявляются в подкрепляющей функции еды в ситуации переедания или голодания. На формирование пищевой аддикции оказывают влияние биологические, социальные и психологические факторы [1].

Нарушения пищевого поведения (или пищевые аддикции) могут быть представлены в следующих видах.

Нервная анорексия – это расстройство, характеризующееся отказом от пищи с целью поддержания желаемого

мой физической формы, что часто вызвано неприятием собственного тела, приводящее к истощению организма (иногда с летальным исходом) вследствие голодания.

Булимия - это состояние, характеризующееся приступами неуправляемого аппетита, потерей контроля над процессом приема пищи, попытками избавиться от съеденного [1].

Среди наиболее распространенных причин нарушений пищевого поведения можно выделить следующие:

- Личностные особенности (эмоциональная лабильность, низкая самооценка, ориентация на мнение окружающих, чувство вины);
- Пищевые привычки семьи и близкого окружения, стиль воспитания;
- Общественные представления об идеале внешнего вида;
- Наследственная предрасположенность;
- Психические расстройства (нарушения пищевого поведения часто наблюдаются при депрессии, шизофрении, биполярном аффективном расстройстве);
- Стресс (пищевое поведение как средство компенсации эмоционального напряжения) [1].

Пищевая зависимость может быть рассмотрена как дезадаптивная стратегия разрешения конфликтов. Пища, в таком случае, выступает в роли замещающего способа коммуникации с субъективным ощущением собственной несостоятельности, несоответствия. Это ощущение возникает вследствие невозможности установления эффективного контакта с окружающими. Пищевая аддикция, в таком случае, представляет собой стратегию совладающего поведения, при которой еда и физическая форма являются наиболее значимыми [4].

Пищевая аддикция представляет собой способ регуляции аффективного состояния, который строится на механизме «двойного пути», когда неудовлетворенность своим физическим состоянием и внешним обликом вызывает ограничивающее пищевое поведение, что приводит к депрессии и последующему перееданию [18].

При пищевой аддикции наиболее значимым объектом, полностью подконтрольным и безопасным для изменений, становится тело, его физическая форма и внешний вид. А контроль над весом дает замещающее ощущение контроля над собственной жизнью [6]. Хотя стресс является одним из наиболее частых триггеров переедания, работ, посвященных изучению реакции на стресс у людей с этим расстройством, достаточно мало. Исследуя литературу, посвященную этой проблеме, К. Нэш отмечает, что переедание имеет прямую связь с повышенной реакцией на стресс [11].

Для ситуации стресса характерно постоянное эмоциональное и психическое напряжение, что может вызвать нарушение обмена веществ и привести к формированию пищевых аддикций [17].

Понятие «стресс» впервые употребил У. Кэннон в 1926 году в значении состояния высокого нервного напряжения, возникшего в результате сильного внешнего воздействия [14].

Г. Селье, продолжая работу У. Кэннона, определял стресс как неспецифическую реакцию организма на предъявленное ему требование среды [15]. Он ввел концепцию адаптационной энергии, которая позволила описать различные варианты распределения и объемы энергии адаптации в структурно-функциональной системе адаптации организма [16]. Адаптация является эволюционной системой реакции организма на стимулы среды, то есть перенаправления адаптационной энергии для устранения наиболее разрушительных воздействий.

Б. Голдстоун, развивая теорию Селье и признавая эффективность теории адаптационной энергии, установил, что адаптационная энергия не имеет заданного объема, как полагал Селье, а может восполняться и накапливаться [9].

Толерантность к стрессу (стресс-толерантность, стрессоустойчивость) представляет собой способность человека совладать со стрессогенными факторами. Стрессоустойчивость проявляется как способность к социальной адаптации и активности в ситуации стресса.

Многочисленные исследования поведенческих особенностей в ситуации стресса показали наличие копинг-стратегий или механизмов совладающего поведения, которые позволяют произвести успешную адаптацию в изменяющихся условиях жизни. Р. Лазарус и С. Фолкман выделили такие стратегии совладающего поведения как: разрешение проблем, избегание проблем и поиск социальной поддержки. Среди ресурсов совладающего поведения выделяют локус контроля, когнитивные ресурсы, позитивную Я-концепцию, эмпатию и аффилиацию [10].

С. Хобфолл описал следующие копинг-стратегии:

- асертивное поведение;
- установление социального взаимодействия;
- поиск поддержки;
- агрессивное поведение;
- манипулятивные действия;
- осторожное поведение;
- импульсивное поведение;
- манипуляция, избегание [7].

Каплан и Шехтер (1957) установили, что некоторые люди реагируют на стрессовую ситуацию как на голод (увеличение объема потребляемой пищи), если не научились различать голод и тревогу. При этом некоторые не научаются определять некоторые физиологические сигналы (сокращения желудка, например) как признак голода, и в ситуации стресса потребление пищи снижается. Многочисленные исследования (Коннер и пр. 1999, Оливер и Уордл 1999) показали, что в условиях стресса человек увеличивает количество приемов пищи (перекусов), но снижает количество пищи, потребляемой в течение дня. Таким образом, стресс оказывает влияние на структуру питания, что может вызвать изменения в пищевом поведении [2].

Исследуя особенности стресс-совладающего поведения у подростков, склонных к зависимому поведению, М.Н. Усцева установила, что деструктивные копинг-стратегии (дефицит навыков стратегии «разрешения проблем», преобладание стратегии «избегания», неспособность принимать социальную поддержку) оказывают влияние на формирование аддиктивного поведения. При этом подросткам, склонным к аддикциям, в целом характерна более выраженная стратегия «поиска социальной поддержки» [3].

Проведенное исследование влияния йоги, как способа развития стрессоустойчивости и регулирования своего эмоционального состояния, на риск развития пищевой зависимости показал, что включение занятий йогой в лечебные и профилактические программы дает положительный эффект и риск развития пищевой зависимости значительно снижается. Исследователи объясняют этот эффект тем, что йога способствует развитию большей осознанности, наблюдательности и внимательности к своему физическому состоянию и потребностям, что положительно влияет на формирование адаптивных копинг-стратегий [12].

В результате исследования взаимосвязи между глобальными и специфическими способностями и стратегиями регуляции эмоций (конкретными способностями регуляции эмоций, такими как: эмоциональное осознание, эмоциональная ясность; и стратегиями: принятие эмоций, переоценка, решение проблем, размышление, избегание эмоций и подавление) и расстройствами пищевого поведения, было установлено, что для людей, страдающих расстройствами пищевого поведения характерны неадаптивные стратегии регуляции эмоций [13].

Была выявлена взаимосвязь между отсутствием эмоциональной осведомленности, ясностью, принятием, переоценкой, решением проблем и расстройствами пищевого поведения. Избегание эмоций и подавление также

имели связь с нервной анорексией и нервной булимией. В целом регуляция эмоций не различалась при разных расстройствах пищевого поведения, что подтверждает трансдиагностический характер проблем регуляции эмоций при патологии пищевого поведения [13].

Отмечается, что пациенты с расстройствами пищевого поведения часто испытывают трудности с регулированием эмоционального состояния, что имеет взаимосвязь с толерантностью к стрессу, которая часто встречается у пациентов с импульсивными расстройствами. Однако элементы, которые составляют толерантность к стрессу, четко не определены, что затрудняет проведение реабилитационных мероприятий и составление программ помощи.

В результате исследования показателей толерантности к стрессу у людей, страдающих расстройствами пищевого поведения, было установлено следующее: люди с диагностированными расстройствами пищевого поведения показали более высокий уровень избегания аффекта, в то время как люди, не имевшие расстройств, имели более высокие баллы по шкале «Принятия и управления» [5].

Исследование взаимосвязи толерантности к стрессу, когнитивными схемами (эмоциональное торможение, дефектность / стыд, социальная изоляция и недостаточный самоконтроль) и риском развития расстройств пищевого поведения, проведенного на студентах показало, что неадаптивные когнитивные схемы проявляются при расстройствах пищевого поведения. Толерантность к стрессу опосредует ассоциации между конкретными схемами социальной изоляции и недостаточным самоконтролем, и риском расстройства пищевого поведения. Эти результаты предоставляют предварительные доказательства того, что определенные когнитивные схемы могут способствовать снижению толерантности к стрессу, что увеличивает риск развития нарушений пищевого поведения [8].

Заключение

В результате анализа исследований взаимосвязи стресса толерантности к стрессу и расстройствами пищевого поведения было установлено, что в условиях стресса человек может увеличивать количество приемов пищи, но снижать само количество потребляемой пищи. Стресс оказывает влияние на структуру питания, что может вызвать изменения в пищевом поведении. Пациенты с расстройствами пищевого поведения часто испытывают трудности с регулированием эмоционального состояния, что имеет взаимосвязь с толерантностью к стрессу, показывают более высокий уровень избегания аффекта и использование неадаптивных когнитивных

схем. Толерантность к стрессу опосредует ассоциации между конкретными схемами социальной изоляции и недостаточным самоконтролем, и риском расстройства пищевого поведения. Исследователями была выявлена взаимосвязь между отсутствием эмоциональной осведомленности, ясностью, принятием, переоценкой, решением проблем и расстройствами пищевого поведения. Избегание эмоций и подавление также имели связь с нервной анорексией и нервной булимией, а деструктивные копинг-стратегии (дефицит навыков стратегии разрешения проблем, преобладание стратегии избегания, неспособность принимать социальную поддержку) оказывают влияние на формирование аддиктивного поведения.

Представляется важным изучение как дезадаптивных, так и адаптивных стратегий совладания со стрессом при расстройствах пищевого поведения. Стратегии формирования толерантности к стрессу должны быть направлены как на снижение активности использования стратегии избегания, так и на развитие навыков управления эмоциями.

Результаты исследования могут быть использованы в профилактике, диагностике и коррекции аддиктивного поведения. Своевременная диагностика позволит прогнозировать формирование определенных личностных особенностей, в том числе копинг-стратегий, способствующих формированию расстройств пищевого поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Менделевич, В.Д. Руководство по аддиктологии. СПб.: Речь, 2007. 768 с.
2. Петров Г.Д. Влияние стресса на пищевое аддиктивное поведение. Проблемы эффективного использования научного потенциала общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: МЦИИ «ОМЕГА САЙНС». 2017. С. 262-264.
3. Усцева М.Н. Особенности стресс-совладающего поведения подростков с аддиктивным и неаддиктивным поведением. Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-1. С. 344-347.
4. Axtell A., Neulon B. Analysis of Adlerian life themes of bulimic women. *Individ. Psychol.* 1993. № 1. P. 58–67.
5. Corstorphine E., Mountford V., Tomlinson S., Waller. G., Meyer C. Distress tolerance in the eating disorders. *Eating Behaviors.* V. 8, I. 1. 2017. P. 91-97.
6. Dozier M., K. Chase Stoval, Kathleen E. Albus. Attachment and Psychopathology in adulthood. *Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*, 2008. P. 718–744.
7. Hobfoll S. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress. *American psychologist* 44 (3). 1989. P. 513.
8. Hovrud L., Simons R., Simons J. Cognitive Schemas and Eating. Disorder Risk: the Role of Distress Tolerance. *International Journal of Cognitive Therapy.* Springer. V. 13. 2020. P. 54–66.
9. Goldstone B., The general practitioner and the general adaptation syndrome, *S. Afr. Med. J.* 26 (1952). P. 106—109.
10. Lazarus R., Folkman S. *Stress, appraisal and coping.* New York: Springer. 1984. P. 445.
11. Naish K., Laliberte M., MacKillop J., Balodis I. Systematic review of the effects of acute stress in binge eating disorder. *Special Issue: Addiction.* V. 50, I.3. 2019. P. 2415-2429.
12. Pacanowski C., Diers L., Crosby R., Neumark-Sztainer D. Yoga in the treatment of eating disorders within a residential program: A randomized controlled trial. *Eat Disord.* 25(1), 2017, P. 37–51.
13. Preft A., Candea D., Szentagotai-Tatar A. Emotion regulation across eating pathology: A meta-analysis. *Appetite.* V. 143. 2019. P. 143-151.
14. Quick J. C., C. D. Spielberger, Walter Bradford Cannon: Pioneer of stress research, *International Journal of Stress Management*, V.1, N.2, 1994. P. 141—143.
15. Selye H., Experimental evidence supporting the conception of «adaptation energy», *Am. J. Physiol.* 123 (1938), 758—765.
16. Selye, H. *Stress in health and disease.* Boston: Butterworths. 1976. P. 226.
17. Schkade, J.K., & Schultz, S. Occupational adaptation. In P. Kramer, J. Hinojosa, & C.B. Royeen (Eds.), *Perspectives in human occupation: Participation in life.* 2003. P. 181- 221.
18. Slice E. A prospective test of the dual-pathway model of bulimic pathology: mediating effects of dieting and negative affect // *J. Abnorm. Psychol.* 2001. Vol. 110. № 1. P. 124–135.

© Бобровская Елена Фаимовна (babrovskaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИАГНОСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВАЖНЫЙ АСПЕКТ КАЧЕСТВА В РАБОТЕ

Будауд Карим

Аспирант, Казанский федеральный университет, Казань
K-Budaud@stud.kpfu.ru

DIAGNOSTICS OF PROFESSIONAL IDENTITY: AN IMPORTANT ASPECT OF QUALITY IN WORK

Boudaoud Karim

Summary: The challenge of professional identity in organizations undoubtedly places the human future at the center of the consequences of hypercompetitiveness. This is due to the fact that the pressure on the individual is increasing in organizations, but primarily because the generations entering the labor market are not ready to sacrifice their "I" on the altar of this hypercompetitiveness. ... At least not without reason or support. That is why, for the sake of understanding and explaining reality, we propose to focus on this study of identity building, examining it in an area subject to strong ethical, financial, social and human pressure and image - the banking sector. The manager and HR department will eventually find light in the field, the response to the observed behavior. That is why we decided to first reveal, not in an exhaustive way, but as clearly as possible, so rich is the literature on this subject, the concept of professional identity in its human structure, within its framework. work, then in interaction with the various vectors that carry it. A research survey in the form of a questionnaire will reveal the interaction of the company / individual in building this identity and identify the key points that contribute to improving the quality of a person's work.

Keywords: professional identity, organization, human construction, society, personality construction.

Аннотация: Сомнение профессиональной идентичности в организациях, несомненно, ставит будущее человека в центр последствий гиперконкурентоспособности. Это связано с тем, что в организациях усиливается давление на отдельного человека, но прежде всего потому, что поколения, приходящие на рынок труда, не готовы пожертвовать своим «Я» на алтаре этой гиперконкурентоспособности. Вот почему, ради понимания и объяснения реальности, мы предлагаем сосредоточиться на этом исследовании построения идентичности, исследуя его в области, подверженной сильному этическому, финансовому, социальному и человеческому имиджевому давлению - банковский сектор. Менеджер и отдел управления человеческими ресурсами в конечном итоге найдут свет в сфере деятельности, ответ на наблюдаемое поведение. Вот почему мы решили сначала раскрыть, не исчерпывающим образом, но как можно более четко, настолько богата литература по этому предмету, концепции профессиональной идентичности в ее человеческом построении, в ее рамках. работать, то во взаимодействии с различными векторами, которые ее несут. Исследовательский опрос в форме анкеты позволит выявить взаимодействие компании / отдельного лица при построении этой идентичности и определить ключевые моменты, способствующие повышению качества работы человека.

Ключевые слова: профессиональной идентичности, организации, человеческое строительство, общество, построение личности.

Данная статья является частью исследования под названием восприятие профессиональной идентичности психологов в Алжире и России.

Профессиональная идентичность начинается с собственной идентичности. Кроме того, опираясь на некоторые элементы гуманитарных наук, чтобы попытаться определить концепцию, видение раскрывается в нескольких цветах, позволяя приблизиться к процессу профессиональной идентичности.

В «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства среди людей» Жан-Жак Руссо (1775) предлагает вычлечь из определения человека все, что касается его изменений, произведенных обществом: мысль, разум, страсти, поведение. То, что остается от человека после этого процесса, – это существо, которое можно улучшить, то есть существо, которое может подняться к мысли, к сознанию. Такое существо ничто, которое может стать бесконечностью вещей. Следовательно, чело-

век не определен быть тем или иным, он свободен, он совершенен, потому что с самого начала он ни к чему не предназначен; он становится тем, чем он является, по мере развития его истории в случае его выбора.

Сартр (1946) рассмотрит этот тезис о существовании энциалистической философии: в человеке существование предшествует сущности. Он объясняет, что вещь есть то, чем она является, а не то, чем она не является. Человек, напротив, не то, что он есть (его профессия в данном случае не определяет его), и он то, чем он не является (он может заниматься другой профессией). Другими словами, человек может своим выбором создать то, что он есть (его существование предшествует его сущности), он свободен, поэтому несет ответственность за то, что он есть.

Но не только философы исследуют устройство человека и его будущее. Виникотт (1975) связывает телесную трансформацию с закреплением самого себя и под-

черкивает, что построение идеала эго переживается во взаимоотношениях с другими и требует определенного нарциссического вложения субъекта, это в психоаналитическом подходе. Гоффман (1973), используя более интерактивный подход и используя театральную метафору, развивает идею о том, что социальная жизнь подобна сцене (региону, где происходит представление), с ее актерами, аудиторией и кулисами: пространство позволяя актерам опровергать впечатление, производимое в спектакле. Он называет фасадом различные элементы, с которыми актер может играть, такие как декор, а также личный фасад (отличительные знаки, статус, одежда, мимика, пол, жесты и т.д.). Актеры выходят на сцену, предлагая зрителям образ, который они создают. У них может быть несколько ролей, причем одна из них не более верна, чем у другой, и дистанцироваться от них, играя на дозе уважения к правилу, которое они считают необходимым, или адекватный. Таким образом, будущее личности разыгрывается на этой сцене постоянного театра жизни.

Исходя из философских теорий о природе человека, мы понимаем, что человек совершенен и свободен. Следовательно, человек может стать бесконечным множеством вещей, но своим выбором он несет ответственность за свое существование. На этом этапе размышлений мы можем сказать, что работа человека придает ему ценность. Следовательно, если человек придает такое значение работе при определении своего эго, то это потому, что работа дает ему признание. Человек более или менее чувствителен к признанию, которое он получает от общества, других или самого себя, и именно эта степень чувствительности определяет место, которое он отводит работе в определении это я. Но если индивидуум, следовательно, может по закону стать бесконечным множеством вещей, он фактически станет только одним. Его существование, его встречи, его опыт заставят его делать выбор, в частности, в отношении его профессиональной деятельности. Мы осознаем здесь сложность и решающий характер выбора, который предоставляется человеку, особенно в профессиональной области, которая нас здесь интересует. Это объясняет, почему его идентичность действительно является конструкцией. Но о какой личности мы говорим?

Латинская основа названия «идентичность» помогает уточнить его значение: корень слова

«Идентичность» - это «idem», означающее «то же самое». Таким образом, мы можем определить идентичность как «то, чем одно отличает одно сообщество от другого или отдельного человека от другого». Различие, составляющее идентичность, всегда основано на том, что присуще существу и является исключительным».

Согласно Дубару, идентичность строится вокруг трех

измерений: эго, нас и других, представленных на диаграмме ниже (2000).

Рис. 1

Идентифицируемость и одновременно тождественность для себя и для других идентичности. Идентичность для себя, потому что она изначально относится к образу, который человек создает для себя. Идентичность для других - это также образ, который мы хотим отправить другим. Наконец, идентичность строится через образ, который нам присылают другие. Таким образом, идентичность - это результат процесса строительства. Это результат взаимодействия этих трех параметров. Исходя из этого определения идентичности, мы можем попытаться описать, что такое профессиональная идентичность, опираясь на различные положения.

Таким образом, профессиональная идентичность - это прежде всего компонент общей идентичности человека, и она будет развиваться на основе личной идентичности путем регистрации человека в формах социальной жизни (Gohier, 2000). С глобальной точки зрения понятие профессиональной идентичности включает три основных элемента:

- жизненный мир труда: объективная рабочая ситуация и значение, придаваемое ей человеком,
- рабочие отношения: субъективное восприятие межличностных отношений и чувство принадлежности к неформальным группам,
- трахе stoires профессиональное и восприятие будущего: описание различных этапов и изменения, связанные с бизнес - профессионала.

Профессиональная идентичность - это также то, как разные группы работников идентифицируют себя со сверстниками, лидерами и группой.

В более раннем исследовании отмечается, что 40% опрошенных и 54% работающих считают работу одним из элементов, которые лучше всего их определяют (Garnier, Meda, Senik, 2006). Таким образом, человек выбирает профессию в соответствии со своей личностью, стремлениями, способностями, опытом, а также своей чувствительностью к отрасли или конкретной деятельности. Выбор профессии является отражением лично-

сти человека, каким он является во время этого выбора: «профессия мужчины является одним из важнейших компонентов его социальной идентичности. , его это и даже его судьбы в его единственном существовании «

Теперь мы знаем различные элементы, которые формируют профессиональную идентичность человека. Нам остается пролить свет на различные особенности процесса построения идентичности. Процесс построения идентичности индивидуален в том смысле, что он является результатом личного выбора человека. Человек делает свои собственные выводы и уроки из своего опыта. Он присваивает жесты и правила своей профессии. Он наблюдает и индивидуализирует свои внешние переживания

Однако возможен ли этот индивидуальный процесс без социальных отношений и без коллективного равновесия? Этот вопрос заставляет нас думать, что идентичность индивида неизбежно включает определенные коллективные параметры. Как объяснялось ранее, человек строит свою личность на основе своего образования и начальной подготовки. Однако этой базы недостаточно. Создание идентичности требует обучения и ситуационной осведомленности. Именно в эти моменты возможны отношения с другими людьми, с компанией и с профессией. Без опыта других, без наблюдения, без обмена знаниями и советами построение идентичности сотрудников не то же самое. Коллективное измерение действительно облегчает и ускоряет этот процесс. Благодаря другим, человек может получить доступ ко всем существующим степеням признания. Здесь доказываются коллективное измерение процесса построения идентичности. Таким образом, построение идентичности хорошо построено как самим человеком, так и другими действующими лицами его профессиональной жизни.

Создание идентичности - это непрерывный, динамичный и интерактивный процесс. Другими словами, вторая характеристика процесса построения идентичности, разработанная здесь, состоит в том, что формирование профессиональной идентичности осуществляется на протяжении всей профессиональной жизни. Поэтому со временем он развивается. Он подвержен изменениям и развитию, навязанным компанией и ее экономической средой, а также самим человеком. Поэтому мы не можем говорить о профессиональной идентичности как о фиксированном или неизменном состоянии. Напротив, процесс устойчивый и непрерывно актуализируется взаимодействием различных факторов и индивидов. Идентичность адаптируется к контексту и опыту человека.

Сначала мы использовали философские теории, чтобы прийти к выводу, что человек совершенен и, следовательно, свободен выбирать, кем он будет в будущем,

как в личном, так и в профессиональном плане. Мы пришли к выводу, что у человека нет предопределенной идентичности. Это строится на жизненном опыте. Впоследствии мы показали, что работа играет важную роль в самоопределении. Таким образом, если профессиональная деятельность человека является вектором идентичности, то это потому, что она дает ему признание в различных формах.

Затем мы проанализировали процесс создания идентичности на рабочем месте. Такой подход позволил нам определить исходные элементы профессиональной идентичности: образование, профессию, группы и компанию. В то же время мы характеризовали процесс построения идентичности как индивидуальный, так и коллективный, но, прежде всего, как непрерывный и нестабильный процесс.

Наконец, мы изучили контекст, в котором человек конструирует свою профессиональную идентичность. Мы понимали, что сотруднику нужен индивидуальный подход и особое внимание к его личным ожиданиям. Мы можем также признать, что в условиях нынешнего кризиса, сотрудник видит, что его место расстройств стратегических изменений, реализуемых компаниями. Действительно, кажется очевидным, что компания и ее сотрудники должны идти на компромиссы в этот опасный период. Таким образом, ситуация кажется неблагоприятной для построения идентичности. Таким образом, ставка для компании состоит в том, чтобы облегчить этот процесс, поскольку он напрямую связан с производительностью и вовлеченностью сотрудников.

Методология

Анкета, разосланная различным сотрудникам, была разработана по вопросам, касающимся профессиональной идентичности: чтобы побудить людей позиционировать себя по шкале предложений, мы решили отображать только закрытые вопросы в наших бланках. Этот выбор во многом оправдан, поскольку рассматриваемая здесь тема относительно деликатна. Фактически, этот метод позволяет преодолеть любое отвращение к высказыванию своего мнения о своей профессии, своей компании или степени удовлетворенности условиями работы или управления. Заметьте все же, что этот метод не оставляет места для развития идей и личного мнения. Анкета, рассылаемая различным сотрудникам, состоит из двух частей. Первый объединяет определенное количество вопросов, касающихся профессиональной идентичности, а второй позволяет собрать информацию о внутренних характеристиках человека. Это на пересечении этих двух типов по данные, что мы получим некоторые интересные выводы. Для этого были разработаны три типа вопросов: вопросы с несколькими предложениями, позиционирование от «полностью согласен» до

«полностью не согласен» по предмету утверждения, классификация различных элементов ответа в порядке важности.

Наша сфера деятельности находится в банковском секторе, на уровне филиалов, в регионе BOUIRA ALGERIA, и ориентирована на респондентов, менеджеров по приему, консультантов по работе с клиентами, руководителей отделений. Для каждого опрошенного агентства у нас есть представители этих различных профессий, зная, что на директора агентства приходится от 3 до 15 менеджеров и советников, в зависимости от возраста. Из 43 человек, вовлеченных в эту работу (все сотрудники этих 6 агентств), 26 человек прислали нам свои ответы.

Наше исследование столкнулось с рядом ограничений. Они методологические и организационные.

Не все сотрудники, которым мы отправили копию анкеты, ответили. Однако мы зафиксировали более 50% возвратов. В результате полученные ответы теоретически не отражают мнение сотрудников глобального банка и, следовательно, не претендуют на то, чтобы предлагать истины, которые можно обобщить на банковский сектор в целом.

Объект исследования сложен: несмотря на стремление упростить вопросы, мы понимаем, что некоторые

элементы могут быть поняты по-разному в зависимости от опрошенных сотрудников.

Мы столкнулись с трудностями при заполнении окончательной анкеты. Некоторые сотрудники не хотели заполнять поля, отведенные для информации об их личности (пол, возраст и т.д.). Без сомнения, чтобы полностью защитить последнюю. Однако анкета была полностью анонимной и требовала только совокупной информации о человеке, полезной для нашего исследования. Таким образом, результаты были искажены из-за отсутствия информации, поэтому мы решили исключить эту часть исследования из нашей исследовательской работы. Поэтому мы не смогли перевести существующие корреляции между ответами сотрудников и их внутренними характеристиками или их профессиональными характеристиками (статусом, функциями и т.д.).

Таким образом, полученные результаты используются не так точно, как хотелось бы, но тем не менее, как нам кажется, выявляют общую тенденцию. В следующей таблице приведены основные вопросы и ответы. Они рассчитываются в соответствии с количеством ответов, степенью согласия по пятибалльной шкале или их максимальным цитированием в п 1.

– Обработка ответов

Принимая во внимание все ответы, даже самые раз-

Заданные вопросы	Ответы 1	соотношение ответа или позиция	Ответы 1	соотношение ответа или позиция
Причины вашей работы в банковском деле	Потому что вы ищете стабильную работу с возможностью карьерного роста в секторе, сочетающем различные профессии.	65%	Потому что вам приходилось работать, чтобы зарабатывать на жизнь, и появилась возможность	35%
Причины выбора этого банка	Независимо от банка, вы выбрали наиболее выгодное для вас предложение	50%	Для уровня remuneration и другие преимущества	46%
Опишите свою профессиональную деятельность как:	Деятельность, связанная с вашей профессией	46%	Деятельность банковского агентства в целом	31%
Элементы, оказывающие наибольшее влияние на построение вашей идентичности	Ваши навыки и предыдущий опыт работы в этом банке.	13 позиция n° 1	Мой опыт в этом банке	6 позиция n° 2
Степень согласия с моим предложением относительно присвоения его профессии?	В моей профессии есть свои правила, я не могу от них отклоняться.	Степень согласия: 3.8 / 5	Мои навыки и мой опыт имеют значение	Степень согласия: 3.6 / 5
Степень согласия с предложениями: предмет управления персоналом	Я только часть компании	Степень согласия: 3.8 / 5	Я буду признателен за большее индивидуальное признание	Степень согласия: 2.8 / 5
Вы работаете на:	Вознаграждение на первичные нужды	23 позиция n° 1	взорвано ответы	
Какие из предложенных тем позволяют вам определить себя?	Твоя семья	92%	Ваша работа, ваша профессиональная ситуация, учеба.	85%

розненные по количеству ответов, мы смогли выделить 5 основных тем: причина выбора банка, векторы идентичности, присвоение профессии, удовлетворенность сотрудников и место работы в самоопределении.

– От профессионального проекта до интеграции в банк

Подавляющее большинство сотрудников ответили, что именно различные преимущества карьеры в банковском секторе привели их к работе в финансовом учреждении. Действительно, их ответы отражают реальный энтузиазм по поводу стабильности работы, относительно характерный для банковского сектора. Они также указывают на то, что возможности карьерного роста и разнообразие профессий оказали очень большое влияние на выбор ими профессиональной деятельности. Некоторые добавляют, что важность человеческих контактов в повседневной банковской деятельности утешила их в их решении присоединиться к этой сфере. С другой стороны, связь между идентичностью самого банка или его культурой и их личностью не доказана. Таким образом, первый вывод нашего исследования состоит в том, что изначально выбор банковского сектора связан не с реальной привлекательностью для мира финансов, а, скорее, с мотивацией качества жизни, которое этот сектор может обеспечить с точки зрения стабильности и карьерный рост.

– Векторы идентичности

Сначала мы хотели узнать, с чем идентифицируют сотрудники этого банка: со своим бизнесом, группами, компанией или сектором деятельности. Профессия – важнейший вектор идентичности. 50% опрошенных ответили, что описали бы деятельность, связанную с их функцией, чтобы описать свою профессиональную деятельность. Этот результат демонстрирует индивидуальный характер профессиональной идентичности. Чуть более 30% респондентов описали бы свою профессиональную деятельность через деятельность банковского агентства в целом. Эти ответы отражают относительно сильную идентификацию с группой. Наконец, 20% респондентов описали бы деятельность и функционирование этого банка, чтобы определить свою профессиональную деятельность. Таким образом, компания действительно может рассматриваться как вектор идентичности, в то время как сектор, похоже, не оказывает прямого влияния на идентичность респондентов.

Так же мы хотели определить основные векторы идентичности в этом банке для физических лиц: навыки и предыдущий опыт являются основным вектором профессиональной идентичности для наших респондентов. Таким образом, образование, будь то семья или школа, служит основой для построения идентичности. Затем следует классификация, практика использования профессии и опыт, полученный в компании. Эти три элемен-

та имеют общие индивидуальные характеристики. Таким образом, как упоминалось выше, именно личный и индивидуальный опыт сотрудников в банковском секторе является наиболее творческой составляющей идентичности. Тогда именно элементы, относящиеся к группам, рассматриваются как второй вектор идентичности. Действительно, именно отношения с остальным персоналом и передача опыта были названы в честь первой группы элементов, изученных ранее. Это замечание подчеркивает важность «другого» в процессе построения идентичности. Здесь идентичность приобретает коллективный характер.

– Присвоение профессии

Как и следовало ожидать, сотрудники осознают, что банковское дело – это отрасль, которая строго регулируется и контролируется. Они ясно указывают на то, что у них мало места для маневра перед лицом этой реальности. Сотрудники признают, что они не могут персонализировать свою работу или использовать свои собственные стратегии и логику действий. На самом деле у них есть только несколько возможностей действия, пробуждения или воображения. Таким образом, банковский сектор не представляется идеальной основой для присвоения и персонализации профессиональных действий. Сотрудники каким-то образом связаны рамками, которые они не могут переопределить. Они должны следовать процедуре без малейшей возможности ее обойти. Их единственной альтернативой самореализации остаются их навыки, знания и личный опыт. Эти три элемента составляют их силу, позволяющую отличаться от своих сверстников.

– Удовлетворенность сотрудников

Эта часть исследования показывает, что у соответствующего банка есть некоторая удовлетворенность управлением. Действительно, с точки зрения респондентов, навыки и знания сотрудников кажутся относительно признанными обществом. Однако результаты обычно отражают отсутствие индивидуального признания. Большинство респондентов считают, что компания рассматривает их только как число: если сотрудники с эквивалентной функцией выполняют одинаковую деятельность и все они выполняют свои функции, соблюдая одни и те же правила и одни и те же цели, тогда все они взаимозаменяемы. Кроме того, компания не уделяет должного внимания личным требованиям сотрудников. И если компания действительно пытается внедрить индивидуализированное управление персоналом, она вынуждена идти через посредников, которые представляют собой различные подразделения национального, регионального и ведомственного управления человеческими ресурсами.

– Место работы в самоопределении

Когда мы попросили человека выбрать три элемен-

та, которые позволили бы определить их и сказать, что они собой представляют, 85% респондентов процитировали работу, рассматриваемую здесь в целом (то есть как работу, так и профессиональную ситуацию и исследования). Семья остается самым популярным элементом в ответах наших сотрудников: 92% сотрудников ссылаются на нее среди трех выбранных критериев. Третий по популярности предмет - «друзья». В этих двух элементах мы находим понятие коллективности в определении себя. Эта тенденция может отражать потребности других, а также привязанность к отношениям, которые нам удалось создать и поддерживать. Человек осознает, что он ничто без других. Таким образом, он выбирает эти элементы более инстинктивно, чем те, которые связаны с личными характеристиками; или: его увлечения, места, к которым он привязан, его географическое происхождение, его политические или религиозные взгляды или его внешний вид. Таким образом, работа действительно занимает преобладающее место в определении личности сотрудников в банковском секторе. Если это только второй фактор, который чаще всего упоминается нашими респондентами, он, тем не менее, свидетельствует о сильной идентичности на работе.

– Обсуждение

Эти результаты показывают, что большинство сотрудников не нашли себе работу по своей профессии. Более того, они считают, что адаптировали свою личность и личность к той профессиональной среде, которую они интегрировали. Только 19% опрошенных сотрудников нашли работу в банковском секторе, которая им подходила. При обработке ответов мы наблюдаем большую корреляцию между исходными причинами выбора профессиональной среды и адаптацией идентичности к трудовой деятельности. У каждой компании свой стиль, связанный с личностью ее менеджеров и сотрудников, а также с ее культурой и сектором деятельности. Таким образом, потратив время на поиск наименьшего общего знаменателя между своей идентичностью и идентичностью компании, индивид создает профессиональную идентичность, которая похожа на него. Поскольку профессиональная идентичность строится на основе образования, в данном случае она принимает направление, аналогичное исходной глобальной идентичности человека. Однако оказывается, что сотрудники для многих выбрали этот банк из-за качества жизни, которое он пытается принести своим сотрудникам, а не из-за имиджа, который он создает, или из-за существующей согласованности между ними. и идентичность в целом.

Затем мы можем пролить свет на взаимное влияние, которое существует между профессиональной идентичностью сотрудников и идентичностью компании. Для этого мы можем выделить две оси: «Как компания влияет на профессиональную идентичность своих сотрудников?»; но также: «Почему компания заинтересована в

продвижении идентичности своих сотрудников?»

Хотя компания теоретически является вектором идентичности, мы заметили, что она мало влияет на формирование идентичности сотрудников в банковском секторе. Именно индивидуальный опыт и навыки в сочетании с групповой социализацией в основном способствуют формированию идентичности сотрудников. Таким образом, в изучаемом контексте компания имеет лишь ограниченное влияние на процесс создания идентичности. Ранее мы разъясняли во введении основные проблемы для компании, связанные с успехом построения идентичности ее сотрудников. Напомним ключевую идею: профессиональная идентичность напрямую связана с удовлетворенностью и благополучием сотрудников, а также с качеством жизни на работе. Проведенный нами полевой анализ привел нас к различным наблюдениям на предмет расхождения между потребностями компаний и потребностями сотрудников. Сотрудники сожалеют об отсутствии индивидуального подхода к делу, хотя банк, похоже, делает все, чтобы адаптировать индивидуальное управление своим персоналом. Кроме того, рабочие сталкиваются с невозможностью адаптировать свои профессиональные действия к своей личности и своему воображению. К сожалению, это наблюдение может быть усилено в будущем, учитывая различные события, ставшие недавними новостями в банковском секторе. В этом контексте внутренний контроль уже начал расширяться. Можно представить, что они и дальше будут укрепляться. Таким образом, безопасность будет препятствием для персонализации профессии в банковском секторе. Таким образом, наша работа оставляет перспективы для дальнейших исследований и возможности углубления определенных осей. В частности, можно было бы поработать над ролью менеджера в процессе формирования идентичности, а также над влиянием ценностей компании и их влиянием на профессиональную идентичность.

Вывод

Эти результаты позволяют нам сделать вывод, что стремление к принадлежности и признанию в организациях, несомненно, представляет собой фундаментальное измерение профессиональной идентичности человека и важный параметр для оценки качества жизни на работе. Случай с банком, изученный в этой структуре, вероятно, подтвердит этот тезис.

Но если ключи к расшифровке профессиональной идентичности связаны с качеством жизни на работе, возникает следующий вопрос: как рассматривать пребывание в организации, в которой отсутствует ее собственная конструкция? Эти элементы действительно будут все больше и больше оцениваться будущими сотрудниками в форме самоанализа: почему бы мне работать в вашей

компании, а не в другой?

Ответ лежит как в организации, так и в индивидуальном и во взаимодействии между индивидуумом и бизнесом. В экономическом контексте, основанном на поиске конкурентоспособности, инвестирование в благополучие является мощным рычагом с точки зрения предотвращения несчастных случаев, мотивации на работе, чувства принадлежности и удержания руки. –работай. Сотрудники довольны собой: это не роскошь, а конку-

рентное преимущество. В организации работы на мотивацию в первую очередь влияет чувство эффективности: смысл работы заключается в отношениях, которые человек устанавливает между тем, что он делает на работе, и что это позволяет ей сказать о себе. Профессиональная идентичность, ее построение и то, как она воспринимается в организации, способствует этой эффективности, а еще лучше – чувству полезности как человека. И если это не существенное измерение, это хотя бы элемент построения человека на своем рабочем месте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альберт Э., Бурнуа Ф., Дюваль-Хамель Дж., Рожо Дж., Руссильон С., Сэнсаулье Р. (2003), Почему я пойду на работу, Eyrolles.
2. Дубар К. (2000), Кризис идентичностей, Интерпретация мутации, Париж. PUF.
3. Дубар К. (2000), Социализация. Построение социальной и профессиональной идентичности, Арманд Колин, сборник U (3-е изд.).
4. Франкфурт И., Ости Ф., Саинсаулиё Р., Ухальде М. (1995) Социальные миры компании, Desclée de Brouwer.
5. Гарнье Х., Мед а Д., Сенек К., (2006), Место работы в личности, Экономика и статистика - Insee - 393-394.
6. Гоффман Э. (1973), Представление самого себя, Éditions de Minuit, сб. Le Sens Commun, Париж.
7. Гойер К., Алин К. (2000), Преподаватель-форматер: построение профессиональной идентичности, L'Harmattan, Collection Education и др.
8. Оноре Л., (2002), Трансформация трудовых отношений, разрыв профессиональной идентичности и дисциплинарной динамики, Управление человеческими ресурсами, № 43.
9. Hugues EC, (1996), Le Relations sociologique, EHESS.
10. Ости Ф., (2008), Стремление к работе - приверженность, идентичность и признание в работе, Rennes University Press, Коллекция «des Sociétés».
11. Picoulean S., (2009), Профессиональная идентичность: пример построения идентичности в банковском секторе, магистерская работа, под руководством АМ. Fray, ESCEM, Tours.
12. Руссо Ж.Дж., (1755,) Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между мужчинами, Фолио, 1989, Париж.
13. Сартр Дж.П., (1946), Экзистенциализм - это гуманизм, Издание Gallimard, 1996 г. в коллекции Folio.
14. Sainsaulieu P., (1985), Идентичность на работе - эффекты культуры в организации - Нажмите National Science Foundation политики.
15. Winnicot DW., (1975), Игра и реальность, потенциальное пространство, Essais Folio, Париж.

© Будауд Карим (K-Budaud@stud.kpfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ

Жигулина Марина Андреевна

Соискатель, ГОУ ВО Московской области «Московский
государственный областной университет» (г. Мытищи)
Zhigulina_M_A@msph.ru

FACTORS OF PROFESSIONAL BURNOUT OF SOCIAL SPECIALISTS: RESULTS OF REGRESSION ANALYSIS OF DATA

M. Zhigulina

Summary: The article presents the results of a study of the professional burnout of specialists in the social sphere, in particular, specialists in social protection. The features of the manifestation of burnout in these specialists are considered. With the help of regression analysis, the factors influencing the professional burnout of this group were identified. Such factors, in addition to organizational ones, may include factors reflecting the personal, communicative, special competence of the helping specialists.

Keywords: regression analysis, professional burnout, social specialists, personal competence, a fully functioning person.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования профессионального выгорания специалистов социальной сферы, в частности специалистов социальной защиты. Рассматриваются особенности проявления выгорания у данных специалистов. С помощью регрессионного анализа выявлены факторы, оказывающие влияние на профессиональное выгорание данной группы. К таким факторам, помимо организационных, возможно отнести факторы, отражающие личностную, коммуникативную, специальную компетентность помогающих специалистов.

Ключевые слова: регрессионный анализ, профессиональное выгорание, специалисты социальной сферы, личностная компетентность, полноценно функционирующий человек.

Введение

Одной из важнейших характеристик постиндустриального общества является все возрастающая интенсивность труда. Совершенствование технологий и их внедрение в производственную деятельность требует от специалистов высокого уровня компетентности, как профессиональной, так и личностной, умения гибко реагировать на возникающие задачи, быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. Повышенные требования предъявляются и к качеству взаимодействия между поставщиками и потребителями услуг, что особенно важно в социальной сфере. В современных исследованиях отмечается, что работа в непосредственном контакте с людьми, требует от специалистов особой ответственности и эмоциональной включенности, что повышает вероятность возникновения профессионального стресса [7; 8]. По данным исследователей, профессиональному выгоранию подвержены свыше 30% специалистов социэкономических профессий (в том числе медицинский персонал, работники социальных служб, педагоги) [1]. Психологическое состояние персонала непосредственно влияет на эффективность и качество выполнения профессиональной деятельности [2].

Анализ литературы, посвященной феномену профессионального выгорания, показывает, что как зарубеж-

ными, так и отечественными учеными, проведено значительное количество исследований, направленных на изучение различных аспектов профессионального выгорания, закономерностей его формирования, его проявления [7]. Однако, методам первичной и вторичной профилактики профессионального выгорания, оценки их эффективности уделено значительно меньше внимания [4; 12].

Материалы и методы

Наше исследование посвящено изучению факторов, влияющих на предотвращение профессионального выгорания специалистов социальной сферы. Исследование проводилось на базе учреждений социальной защиты населения г. Москва. Общий объем выборки составил 338 человек (женщин -251, мужчин 87), в возрасте от 22 до 64 лет (средний возраст $44,9 \pm 10,7$ лет). Для сбора эмпирического материала использовались тестовые методики [10; 11; 13], позволяющие выявить уровень личностной, коммуникативной и специальной компетентности специалистов с целью определения мишеней терапевтического воздействия:

- оценка уровня общительности (В.Ф. Ряховского), позволяющая оценить уровень общительности, коммуникабельности человека;
- диагностика уровня профессионального выгора-

- ния (Бойко В.В. 1996г.), позволяющая увидеть ведущие симптомы выгорания;
- “Поведение в конфликте” (К. Томас, адаптация Гришиной Н.В.);
- “Уровень субъективного контроля” (Е.Г. Ксенофоновой (1999г.);
- Опросник SI-22 (E. Freire, 2009), определяющий уровень полноценного функционирования человека;
- Методика диагностики личностной зрелости (В.А. Руженков, В.В. Руженкова, И.С. Лукьянцева, 2016);
- Интегральная удовлетворенность трудом (Фетишкин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.);
- Диагностика самоактуализации личности (САМО-АЛ) (А.В. Лазукин, адаптация Н.Ф. Калина, 1998).

Обработка полученных данных проводилась с помощью пакета статистических программ SPSS 22.0.

Для определения силы влияния независимых переменных характеризующих компетентность специалистов, на зависимую переменную мы использовали множественный регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной выступало профессиональное выгорание, а в качестве независимых переменных предполагаемые предикторы компетентности [6].

Результаты исследования

Результат пошагового регрессионного анализа представлен в таблице 1. Коэффициенты регрессии, представляющие силу и тип взаимосвязи независимых переменных по отношению к зависимой, представлены в таблице 2.

Полученные значения позволяют говорить о том, что предикторные переменные объясняют около 40% дисперсии зависимой переменной (таблица 1). Значение критерия Дарбина-Уотсона (DW = 2,069) указывает на отсутствие автокорреляции, что является одним из подтверждений высокого качества модели [6].

Анализ коэффициентов регрессии β (таблица 2) указывает на то, что наибольшее влияние на зависимую переменную, оказывает параметр «Удовлетворенность трудом» (УТ_49_УОБЩ), который отражает субъективное, эмоционально-оценочное отношение работника к трудовой деятельности. В социальной сфере, где эффективность, производительность труда не имеет количественного измерения, а выражается субъективными характеристиками (например, качеством контакта) удовлетворенность трудом не может оставаться без внимания [5]. Причем, чем выше уровень удовлетворенности трудом, тем ниже уровень профессионального выгорания.

Таблица 1.

Результат регрессионного анализа
Сводка для модели^h

Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки	Дарбин-Уотсон
1	,485 ^a	,235	,233	42,31190	
2	,584 ^b	,341	,337	39,31389	
3	,599 ^c	,359	,353	38,84719	
4	,613 ^d	,375	,368	38,39947	
5	,624 ^e	,389	,380	38,03035	
6	,630 ^f	,397	,387	37,83046	
7	,637 ^g	,406	,393	37,61859	2,069

- a. Предикторы: (константа), УТ_49_УОБЩ
- b. Предикторы: (константа), УТ_49_УОБЩ, Ряховский
- c. Предикторы: (константа), УТ_49_УОБЩ, Ряховский, Томас_21_ПР
- d. Предикторы: (константа), УТ_49_УОБЩ, Ряховский, Томас_21_ПР, ПФЧ_39
- e. Предикторы: (константа), УТ_49_УОБЩ, Ряховский, Томас_21_ПР, ПФЧ_39, Томас_19_КОМП
- f. Предикторы: (константа), УТ_49_УОБЩ, Ряховский, Томас_21_ПР, ПФЧ_39, Томас_19_КОМП, УСК_22_ИО
- g. Предикторы: (константа), УТ_49_УОБЩ, Ряховский, Томас_21_ПР, ПФЧ_39, Томас_19_КОМП, УСК_22_ИО, Томас_20_ИЗБ
- h. Зависимая переменная: Бойко_16_ОБЩ

Следующая переменная, оказывающая влияние ($\beta = 0,293$) «Ряховский». Следует отметить, что высокие показатели данной методики характеризуют недостаточную сформированность коммуникативной компетенции респондентов (им трудно «прислушиваться» к собеседнику, они склонны навязывать собственное мнение) [8].

Так же, данные показывают, что переменные, характеризующие поведение респондентов в конфликтной ситуации:

«Томас_21_ПР» (Приспособление) $\beta = -0,188$;

«Томас_19_КОМП» (Компромисс) $\beta = -0,156$;

«Томас_20_ИЗБ» (Избегание) $\beta = -0,099$, оказывают влияние на зависимую переменную и имеют обратное направление связи. Возможно, применительно к специалистам социальной сферы, это объясняется тем, что специалисты, с одной стороны, чутко относятся к получателям социальных услуг, принимая во внимание их специфику, проявляют гибкость во взаимодействии, что указывает на сформированность коммуникативной компетентности компетентности. С другой стороны, реалистично оценивают действительность, заботятся о собственном психологическом благополучии, сохраняя ресурсы в ситуациях, в которых они не могут повлиять на их исход.

Результаты анализа данных свидетельствуют о влиянии переменной «ПФЧ_39» (Полноценно функциони-

рующий человек) $\beta = 0,140$. Чем выше показатели полноценного функционирования, тем ниже показатели выгорания. Критериями полноценно функционирующего человека, описанного К. Роджерсом, являются следующие характеристики:

- «открытость опыту» - способность принимать собственные переживания без защитных искажений не испытывая при этом чувства угрозы себе;
- «экзистенциальная жизнь» - способность полно проживать текущие моменты жизни без предубеждений и предвзятого мнения;
- «организмическое доверие» - способность принимать решения и выбирать поведение, основываясь на собственных внутренних ощущениях;
- «эмпирическая свобода» - способность проявлять гибкость и адаптивность, произвольную регуляцию, наличие внутреннего локуса контроля;
- «креативность» - способность проявлять творческое отношение к жизни [9].

Переменная «УСК_22_ИО» (Уровень субъективного контроля, интернальность общая) $\beta = -0,111$, которая охватывает все пункты опросника «Уровень субъективного контроля» и описывает человека уверенного в том, что он во многом сам влияет на собственную жизнь, проявляя активность и беря на себя ответственность за собственные выборы [3]. Переменная «УСК_22_ИО» также имеет обратную связь с зависимой переменной.

Таблица 2.

Коэффициенты регрессии

Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость	Статистика коллинеарности	
	B	Стандартная ошибка	Бета			Допуск	VIF
7(Константа)	283,360	30,995		9,142	,000		
УТ_49_УОБЩ	-4,688	,772	-,295	-6,073	,000	,763	1,311
Ряховский	3,286	,531	,293	6,191	,000	,803	1,245
Томас_21_ПР	-3,840	,931	-,188	-4,124	,000	,864	1,158
ПФЧ_39	-,776	,272	-,140	-2,855	,005	,746	1,341
Томас_19_КОМП	-4,851	1,476	-,156	-3,287	,001	,801	1,249
УСК_22_ИО	-,995	,433	-,111	-2,300	,022	,772	1,295
Томас_20_ИЗБ	-2,927	1,345	-,099	-2,177	,030	,871	1,148

Заключение

Таким образом, полученные результаты, позволяют говорить о том, что переменные, характеризующие личностную компетентность (УТ_49_УОБЩ, ПФЧ_39, УСК_22_ИО), коммуникативную и специальную компетентность (Ряховский, Томас_21_ПР, Томас_19_КОМП, Томас_20_ИЗБ) оказывают влияние на зависимую пере-

менную (Бойко_16_ОБЩ), отражающую уровень профессионального выгорания специалистов социальной сферы, в частности социальной защиты населения, указывая на области работы по предотвращению выгорания. Оказывая терапевтическое воздействие, повышающее личностную, коммуникативную, специальную компетентность специалистов, возможно снижать проявления профессионального выгорания и предотвращать его формирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВЦИОМ: национальный мониторинг здоровья россиян (электронный ресурс) <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=922> дата обращения 17.09.2020.
2. Долгова В.И., Гольева Г.Ю. Эмоциональная устойчивость личности: монография. – М.: Перо, 2014. – 196 с.
3. Жигулина М.А. О психологической поддержке специалистов социальной сферы / М.А. Жигулина // Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Ф.Е. Василюка: сборник материалов [электронное издание] / под ред. В.В. Архангельской, А.А. Голзицкой, Н.В. Кисельниковой, Е.А. Семеновой. – М.: ФБГНУ «Психологический институт РАО», 2018. – С. 85-89
4. Жигулина М.А., Кузовкин В.В. Методы предотвращения профессионального выгорания / М.А. Жигулина // Психология психических состояний: сб. статей магистрантов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. А.В. Чернова, М.Г. Юсупова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – Вып.13. – С. 355-358.
5. Жуйкова М.А. Удовлетворенность трудом как объект социологического изучения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-trudom-kak-obekt-sotsiologicheskogo-izucheniya-1> (дата обращения: 11.02.2020).
6. Наследов, А.Д. Математические методы психологического исследования: Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 392 с.
7. Платонов Ю.П. Феномен эмоционального выгорания личности: структурно-функциональный анализ // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2018. Том 29. № 1. С. 7–13.
8. Проничева М.М., Булыгина В.Г., Московская М.С. Современные исследования синдрома эмоционального выгорания у специалистов профессий социальной сферы // Социальная и клиническая психиатрия, 2018. -N 4. -С.100-105
9. Роджерс К. Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии. //Московский психотерапевт. журн. – 2002. № 1. С.54-69.
10. Руженков В.А., Руженкова В.В., & Лукьянцева И.С. Методика диагностики личностной зрелости // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация, 2016. № 26 (247). С. 65-70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-dagnostiki-lichnostnoy-zrelosti> (дата обращения: 17.12.2017).
11. Фетискин Н.П., В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – С. 297-303.
12. Ahola, K., Toppinen-Tanner, S., & Seppänen, J. (2017). Interventions to alleviate burnout symptoms and to support return to work among employees with burnout: Systematic review and meta-analysis. *Burnout Research*, 4, 1-11. <http://dx.doi.org/10.1016/j.burn.2017.02.001>
13. Freire E., Elliott R., & Cooper M. (2007). The Strathclyde Inventory: Validation of a person-centred outcome measure. Paper presented at the 13th Annual BACP Counselling and Psychotherapy Research Conference, York, UK.

© Жигулина Марина Андреевна (Zhigulina_M_A@msph.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ МЕНТАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ И НАСЕЛЕНИЯ, НЕ СВЯЗАННОГО С БИЗНЕСОМ

Иваненко Алина Сергеевна

Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
 maria.petrova2019@yandex.ru

ANALYSIS OF THE STRUCTURE OF THE MENTAL MODEL OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS IN THE BUSINESS ENVIRONMENT AND THE POPULATION NOT ASSOCIATED WITH BUSINESS

A. Ivanenko

Summary: The article presents an analysis of the structure of the mental model of social responsibility of business. The structure of the mental model itself is indicated on the basis of approaches to its study. The structure of social responsibility of business is presented from the position of various researchers and their view on the content structure of this concept. The data of an empirical study of the structure of the mental model of social responsibility of business in the business environment and the population are presented. The article shows the similarities and differences in the content of the structural components of the mental model of social responsibility of business.

Keywords: structure of business social responsibility, mental model, structure of the mental model of business social responsibility.

Аннотация: В статье представлен анализ структуры ментальной модели социальной ответственности бизнеса. Обозначена структура самой ментальной модели на основе подходов к ее изучению. Представлена структура социальной ответственности бизнеса с позиции различных исследователей и их взгляда на содержательную структуру этого понятия. Приведены данные эмпирического исследования структуры ментальной модели социальной ответственности бизнеса в предпринимательской среде и у населения. Показаны сходства и различия в содержании структурных компонентов ментальной модели социальной ответственности бизнеса.

Ключевые слова: структура социальной ответственности бизнеса, ментальная модель, структура ментальной модели социальной ответственности бизнеса.

Ментальная модель – обобщенное представление людей (группы людей) о каком-либо объекте или явлении, сформированном на основе практического опыта, прямого или косвенного. Соответственно, ментальная модель социальной ответственности бизнеса – это обобщенное представление о социальной ответственности бизнеса. Социальная ответственность бизнеса представляет собой совокупность ответственности и обязательств, которые несет организация, предприятие перед обществом. Социальная ответственность бизнеса, на сегодняшний момент, становится неотъемлемой частью политики предприятия, залогом социальной стабильности общества, фактором снижения социальной напряженности. Но, в связи с тем, что ментальные модели людей различаются, то неизбежно возникают разногласия в понимании социальной ответственности бизнеса, его содержания, что и приводит к повышению напряжения, недовольства со стороны представителей бизнеса, населения и государства и росту недопонимания между ними. Соотнесение ментальных моделей разных слоев населения позволит исключить обозначенную проблему.

Для понимания специфики ментальной модели в предпринимательской среде и у населения, необходимо, в первую очередь, исследовать структуру ментальной модели социальной ответственности бизнеса.

Анализ исследований, посвященных проблеме структуры ментальной модели социальной ответственности бизнеса, позволил выделить несколько подходов.

Первый подход – это исследование практического мышления, которое лежит в основе житейских обобщений, связанных с окружающей реальностью. Именно такого рода обобщения являются содержанием ментальной модели. Результатом исследований в рамках данного подхода стало понимание специфических особенностей обобщенных представлений о реальности, формирующейся в процессе практического мышления (Завалишина Д.Н., Корнилов Ю.К., Кулюткин Ю.Н., Коневой Е.В., Вагнер Р., Стернберг Р., С. Скрибнер и др. [6,7,8, 16,17,18].

Второй подход – это исследование ментальной модели в рамках теории конструкторов Дж. Келли. Ментальная

модель представляет собой результат структурирования индивидуального опыта человека. В рамках данного подхода ментальная модель представляет собой сложную иерархическую структуру, сходную со структурой конструкта [5].

Третьим подходом в понимании ментальной модели являются исследования социальных стереотипов и представлений. Так же как и социальный стереотип, ментальная модель характеризуется устойчивостью, структурированностью, схематичностью и обуславливается индивидуальным опытом человека [1,3]. В соответствии с этим подходом, ментальная модель является информационным компонентом социального стереотипа. Если понятие «информационный» понимать максимально широко, то в качестве структурного компонента ментальной модели можно выделить аффективный компонент, характеризующий отношение субъекта к объекту или явлению.

В качестве четвертого подхода можно выделить исследование ментальной модели, как образа мира. В соответствии с этим подходом, ментальная модель, как и образ мира, формируется в ходе анализа и осознания окружающей реальности, и так же имеет свою структуру, которая характеризуется иерархичностью, сложностью и многоуровневым характером. [2,10].

В рамках пятого подхода, опирающегося на когнитивную психологию, структура ментальной модели, рассматривается М.А. Холодной, которая предлагает две схемы анализа структуры ментального опыта: первая отражает уровневую иерархию структур, участвующих в процессе переработки информации. Вторая схема - анализ устройства ментального опыта, как психического образования и взаимосвязи его с другими сферами психического [11].

Что касается исследований непосредственно ментальной модели, то среди современных работ, можно выделить исследования И.Ю. Владимирова, посвященные анализу ментальной модели партнера по общению. В ходе данного исследования были выделены как характеристики ментальной модели, так и ее структура, которая включает в себя когнитивный компонент - это система знаний и представлений об объекте и явлении, и аффективный компонент, характеризующий отношение к объекту или явлению [4].

Кроме представлений о структуре ментальной модели, так же необходимо иметь представление о структуре самого объекта или явления, в нашем случае – это структура социальной ответственности бизнеса.

Исследование структуры социальной ответственности бизнеса, необходимо строить на основе представлений о данном понятии и его содержательной структуре.

Каждый исследователь, формулируя понимание о социальной ответственности бизнеса, делал акцент на своем представлении содержательной структуры этого понятия.

Так Х. Боуэн включал в содержание структуры социальной ответственности бизнеса ценностные ориентации, на которые необходимо ориентироваться предпринимателю в своей деятельности, чтобы она стала носить социально ответственный характер [13]. К. Уолтон, М. Хелд делали акцент на объектах, на которые должна быть направлена социальная ответственность бизнеса, - это и общество, в широком смысле, и общественные социальные институты [19]. Т. Джонс, выделяя в качестве основного компонента социальной ответственности бизнеса объект, расширял это понятие, включая в него собственников компании, отдельных людей и общество в целом.

С. Сеси включал в СОБ направленность деятельности предприятия и принципы, на которых должна быть основана реализация социальной ответственности бизнеса. В качестве направленности он выделял внешнюю направленность, целью которой является удовлетворение ожидания общества. А основным принципом, по его мнению, является ориентация на социальные нормы и ценности общества [15].

А. Кэрролл в качестве объекта социальной ответственности бизнеса выделял общество, а в качестве основных сфер, на которые направлена реализация социальной ответственности, - экономическую, правовую, этическую и дискреционную [14].

С.П. Перегудов, акцентируя внимание на принципах, выделял добровольность и выход за рамки закона. Объектами, по его мнению, выступают различные социальные группы [9].

Структуру социальной ответственности бизнеса можно строить, исходя из разных позиций. Так, если рассматривать структуру социальной ответственности бизнеса, делая акцент на объекте КСО [12], то она выглядит следующим образом:

1. объект КСО;
2. субъект КСО;
3. принципы, на которых строится взаимодействие между объектом и субъектом КСО

Объектами КСО является широкий круг заинтересованных лиц – это те, кто вложил деньги в предприятие – кредиторов, они заинтересованы в прибыли. Персонал, который стремится получать достойную заработанную плату и различные гарантии от предприятия. Потребители, которые заинтересованы в качественной и безопасной продукции. Общество, в целом, которое ждет от

предприятия ответственного поведения, бережного отношения к окружающей среде, социальную поддержку и т.д. Государство, которое ждет, что предприятие будет осуществлять свою деятельность в рамках законодательной базы и участвовать в различных социальных программах на государственном уровне.

В ходе осуществления социальной ответственности предприятие или организация выполняет различные социальные роли: оно может выступать в качестве работодателя, объекта инвестиции по отношению к акционерам и инвесторам, в качестве производителя по отношению к потребителям, в роли участника гражданского общества по отношению к сообществу, и участника социального развития, если в качестве объекта КСО выступает государство.

Взаимодействие между объектом и субъектом при реализации КСО строится на системе определенных принципов: принципа системности, принципа комплексности, принципа интегрированности, принципа подотчетности, принципа адресности, принципа динамичности, принципа инновационности мероприятий и технологий ее реализации, принципа открытости, принципа кооперации, принципа результативности, принципа последовательности деятельности.

Так же взгляд на структуру социальной ответственности бизнеса можно строить, акцентируясь на направлениях: внешняя направленность – это когда социальная ответственность реализуется в направлении экологической, социальной сфер, общества в целом и помощи

отдельным группам людей, в частности; и внутренняя направленность – это когда социальная ответственность реализуется в плане поддержки сотрудников предприятия.

Таким образом, анализ показал, что в качестве основных содержательных структурных компонентов социальной ответственности бизнеса можно выделить:

- а) ценностные ориентации и ценностные приоритеты организации (предприятия);
- б) объекты КСО;
- в) направления КСО.

Именно сочетание этих компонентов позволяет выделить уровни развития КСО на каждом предприятии или организации.

На основе представления о том, что ментальная модель имеет две составляющие – когнитивную и аффективную, можно простроить следующую структуру ментальной модели социальной ответственности бизнеса (рис.1).

Эмпирическое исследование представлений о структуре (направленность, система приоритетных ценностей, объекты) ментальной модели социальной ответственности проводился при помощи письменного опроса на основе неоконченных предложений.

Всего в исследовании приняло участие 82 человека, из них 24 мужчины и 58 женщин средний возраст по выборке- 48,15 лет. Из них представители бизнеса- 55 че-

Рис. 1. Структура ментальной модели социальной ответственности бизнеса

ловек, а так же испытуемые, занятые не в сфере бизнеса - 27 человек.

Анализ проводился на основе результатов предпринимателей высшего звена (руководителей, топ менеджеров крупного бизнеса) и населения, не занятого в сфере бизнеса.

Исследование объекта социальной ответственности в группе населения и предпринимательской среде позволило получить следующее распределение результатов (рис 2).

Анализ рисунка показывает, что в целом, представление об объектах социальной ответственности бизнеса у населения и предпринимателей высшего звена имеет существенные сходства. Различия заключаются в присутствии у предпринимателей такого объекта, как устойчивое развитие самого предприятия, т.е. непосредственно предприятие является объектом СОБ. Статистический анализ показал значимость различий в устойчивом развитии предприятия как объекта между руководителями и населением ($\varphi_{эмп}^* = 2,221$, при $p < 0,01$).

Анализ приоритетных объектов СОБ у разных предпринимателей населения показали, что в группе руководителей – это:

1. работники;
2. экология и - устойчивое развитие (одинаковая приоритетность);
3. выпуск качественных и безопасных товаров.

В группе населения приоритеты объектов СОБ рас-

пределились следующим образом:

1. экология;
2. работники;
3. выпуск качественных и безопасных товаров; - различные социальные программы (одинаковая приоритетность);

Таким образом, можно говорить о том, что в предпринимательской среде современных российских бизнесменов высшего звена социальные программы не относятся к приоритетным объектам СОБ. В то время как население считает это важным объектом и неотъемлемой частью социальной ответственности бизнеса.

Анализ направленности социальной ответственности бизнеса показывает, что в предпринимательской среде в приоритете внутренняя направленность - работников предприятия и качественные товары. У населения чаще встречается внешняя направленность: на общество в целом и отдельные группы населения.

Исследование представленности принципов в ментальной модели социальной ответственности бизнеса показывает, что единственный принцип, который выделяется в обеих группах, является принцип добровольности. Поскольку принцип добровольности был заложен рабочее определение социальной ответственности бизнеса, то акцент делался именно на анализе представлений о принципе добровольности СОБ у представителей бизнеса и населения. Вопрос был сформулирован следующим образом: Может ли социальная ответственность бизнеса быть добровольной? Распределение ответов представлено на рис.3

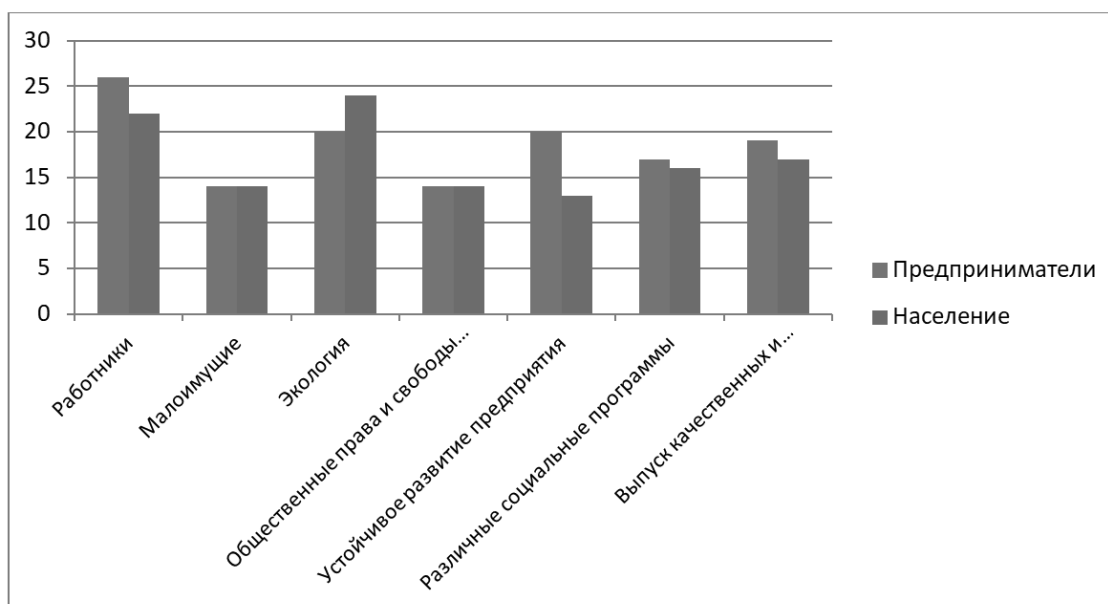

Рис. 2. Распределение удельного веса объектов социальной ответственности бизнеса у предпринимателей высшего звена и населения

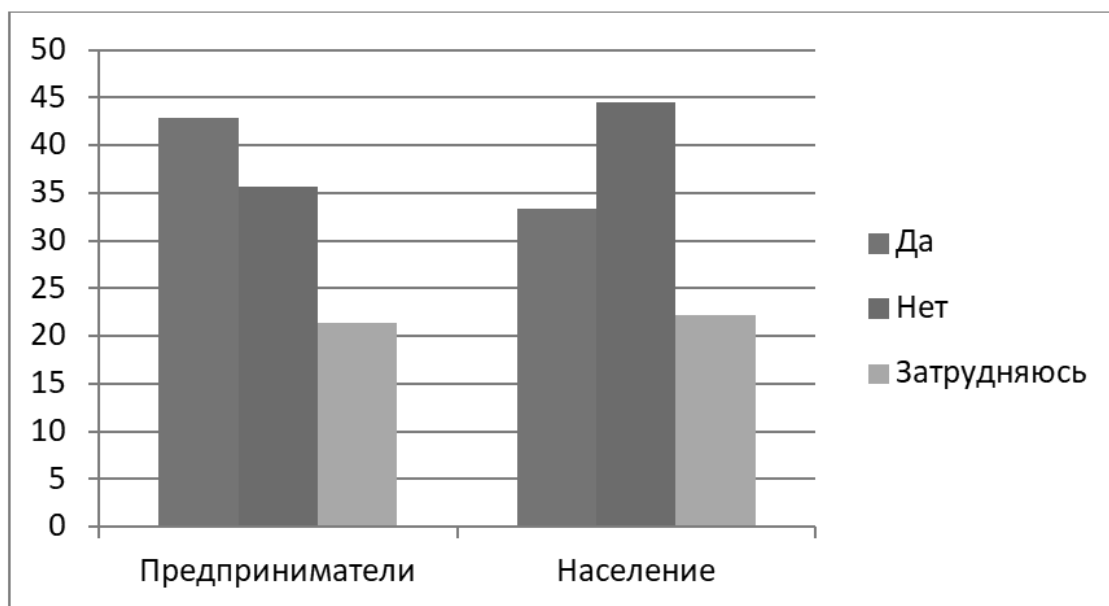

Рис. 3. Распределение удельного веса ответов о принципе добровольности в группе предпринимателей и населения

Анализ данных показывает, что практически половина представителей бизнеса считают, что социальная ответственность должна быть добровольной. В то время как среди испытуемых, не занятых в бизнесе, это всего лишь треть респондентов.

Таким образом, можно говорить о том, что в струк-

туру ментальной модели социальной ответственности бизнеса предпринимателей и населения входят объект, направленность, принципы социальной ответственности. Наиболее существенные различия наблюдаются в содержании каждого структурного компонента. В особенности это касается объектов и направленности социальной ответственности бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. - М.: МГУ, 1990. 240 с.
2. Артемьева Е.Ю. Семантические измерения как модели // Вестник МГУ. Серия 14, Психология. № 1. 1991. С. 61 - 73.
3. Быструшкина Н.Г. Психологические аспекты ситуаций межнационального взаимодействия. Дисс. ...канд. психол. наук. Ярославль 1999. 179 с.
4. Владимиров И.Ю. Особенности строения и функционирования ментальной модели партнера по общению: дисс. канд. психол. наук Ярославль, 2004.- 236 с.
5. Забродин Ю.М., Похилько В.М. Теоретические истоки и значение репертуарных личностных методик //Новый метод исследования личности (предисловие). - М.: Прогресс, 1987. С. 5 - 26.
6. Завалишина Д.Н. Обобщения в практическом мышлении // Мышление и общение в конкретных видах практической деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1984. С. 3-18.
7. Конева Е.В. Особенности мышления в субъект-субъектных видах деятельности. Некоторые детерминанты в мышлении следователя. // Психологический журнал. Т 17. № 6. 1996. С. 82 - 95.
8. Корнилов Ю.К. О видах направленности мышления // Ежегодник Российского Психологического общества. Материалы III всероссийского съезда психологов - СПб.: Изд-во СПбГУ 2003. Т. 4. С. 389 - 390.
9. Перегудов С.П. Социальная ответственность бизнеса и корпоративное гражданство. Выступление на Ученом совете ИМЭМО РАН, 2005.
10. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестник МГУ. Серия 14, Психология. № 2. 1981. С. 15 - 29.
11. Холодная М.А. Психология интеллекта. - СПб.: Питер, 2002. 264 с.
12. Шиманская Е.В. Внутренняя отчетность как источник информации при проведении контроля за соблюдением положений коллективного договора // Все для бухгалтера. 2011. №2(2).
13. Bowen H.R. Social Responsibilities of the Businessman. New York: Harper and Row, 1953. P. 151-163.
14. Carroll A.B. Corporate Social Responsibility: A Historical Perspective, in Epstein J.M, Hanson K.O. (eds.) The Accountable Corporation, vol. 3. Westport, Conn.: Praeger Publishers, 2006.
15. Sethi S.P. Dimensions of Corporate Social Performance: An Analytical Framework // California Management Review. 1975. № 17(3).

16. Scribner S. Thinking in action: some characteristics of practical thought II Practical intelligence. Cambridge Un. Press, 1986. P. 13–30
17. Sternberg R. Theory and Measurement of Tacit Knowledge as a Part of Practical Intelligence II Z Psycholros (1995) p. 319 – 334.
18. Wagner R.K., Sternberg R. J. Tacit Knowledge and intelligence in the everyday world II Practical intelligence. Cambridge Un. Press, 1986. P. 51 – 83.
19. Walton C.C. Corporate Social Responsibilities - Belmont, Calif: Wadsworth Publishing Co. Inc., 1967. P. 18

© Иваненко Алина Сергеевна (maria.petrova2019@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ

PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF ORPHAN CHILDREN

N. Larionova

Summary: The article is devoted to the determination of the place and content of psychological support for orphans in the conditions of the corresponding type of institutions of upbringing, education and life. In the course of the study, the author highlighted that the process of psychological support for orphans is characterized by the following stages and stages: diagnostics of the essence of the problem, its history; information search of methods, services and specialists that can help solve the problem; discussion of possible solutions to the problem with all stakeholders and the choice of the most appropriate solutions. The provision of primary care at the initial stages involves the implementation of an individual plan for a psychologist to work with a child, since the first steps are the most difficult.

Keywords: orphans, psychological support, development, psychologist, violence.

Ларионова Надежда Александровна

*Д.псих.н., профессор, Российский государственный социальный университет
pslogos@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена определению места и содержания психологического сопровождения детей-сирот в условиях соответствующего типа учреждений воспитания, образования и жизнедеятельности. В ходе исследования автором выделено, что процесс психологического сопровождения детей-сирот характеризуется следующими стадиями и этапами: проведение диагностики сути проблемы, ее истории; информационный поиск методов, служб и специалистов, которые могут помочь решить проблему; обсуждение возможных вариантов решения проблемы со всеми заинтересованными лицами и выбор наиболее целесообразных путей решения. Предоставление первичной помощи на начальных этапах предполагает реализацию индивидуального плана работы психолога с ребенком, поскольку первые шаги являются наиболее сложными.

Ключевые слова: дети-сироты, психологическое сопровождение, развитие, психолог, насилие.

Сиротство является одной из самых острых социальных проблем нашего времени. Обострение экономических проблем в стране обуславливает уровень роста сиротства. Однако к факторам, которые приводят к обострению этой проблемы следует относить не только экономические, но и социальные, культурные, политические аспекты развития государства. Снижение ценности семьи и семейных отношений в современном обществе, проблемы девиантного образа жизни населения, врожденные пороки развития младенцев приводят к отказам значительной части населения от воспитания собственных детей. Подавляющее большинство из них являются социальными сиротами, то есть не имеют возможности воспитываться кровными родителями по тем или иным обстоятельствам. Детям-сиротам перманентно необходима помощь социума в адаптации к жизни, так как они находятся в группе риска в отношении получения серьезных психологических травм, которые впоследствии негативно сказываются на их бытовой и профессиональной жизнедеятельности. **Целью** данной статьи является исследование содержательных характеристик и обоснование роли психологического сопровождения детей-сирот.

Значительная часть детей-сирот на сегодняшний день воспитываются в специальных учреждениях, условия воспитания в которых, согласно результатам исследований многих отечественных ученых [2; 6] не способствуют активной социализации ребенка, формированию

личности. Такие дети требуют особого внимания, поскольку для подавляющего большинства из них характерны достаточно серьезные проблемы в моральном, психологическом, физическом развитии.

Прежде всего, стоит отметить проблемы со здоровьем. Так, очень распространенными среди воспитанников учреждений интернатного типа являются задержки в психическом развитии (ЗПР). Термин «задержка» подчеркивает временность данного феномена (несоответствие уровня психического развития определенному возрасту). Основной причиной ЗПР является слабо выраженные органические повреждения мозга ребенка, которые могут быть врожденными, полученными во время родов или в первые дни жизни. Задержки в психическом развитии возникают также в результате ослабленной центральной нервной системы инфекциями, хроническими соматическими состояниями, нарушениями в работе эндокринной системы, интоксикациями, травмами головного мозга.

Учеными установлено, что подавляющее большинство детей-сирот, которые поступают в соответствующее учреждение, становятся свидетелями или субъектами различного вида насилия, что требует помощи и коррекционной работы со стороны психологов [1]. Это, прежде всего, физическое насилие - преднамеренно нанесенные ребенку родителями, или лицами, их заменяющими, физические повреждения, которые могут вызвать

расстройства как физического, так и психического здоровья, привести к отставанию в развитии. Возможными признаками этого являются:

- множественные повреждения специфического характера (следы от побоев ремнем, сигаретные ожоги, кровоизлияния в глазное яблоко, выбитые зубы и т.п.);
- признаки неудовлетворительного ухода за ребенком (гигиеническая запущенность, сыпи, пассивная реакция на боль);
- чрезмерная уступчивость, желание скрыть причину травм;
- негативизм, агрессивность и др.

Сексуальное насилие - осознанное или неосознанное вовлечение детей в сексуальные действия со взрослыми. К данному виду насилия относятся сексуальные действия, которые осуществляются с применением силы или угроз. Согласие ребенка на сексуальный контакт не дает основания считать его ненасильственным, поскольку ребенок не обладает достаточной свободой воли, находится в зависимости от взрослого и, кроме того, не может полностью предвидеть последствия сексуальных действий. Возможными признаками сексуального насилия являются:

- болезни, которые передаются половым путем;
- резкие изменения в весе тела;
- замкнутость, страх, изменения ролевого поведения;
- регрессивный тип поведения, ночные кошмары;
- попытки полностью закрыть тело одеждой, даже если в этом нет необходимости;
- несвойственное возрасту сексуальное поведение;
- нервно-психические расстройства.

Психическое (эмоциональное) насилие - длительный, постоянный или периодический тип влияния, которое приводит к формированию у ребенка патологических свойств характера или к другим нарушениям в развитии личности. К этой форме насилия относятся: нескрываемое неприятие ребенка, постоянная критика действий, которая проявляется в словесной форме, без физического насилия, предъявление слишком высоких требований к ребенку, его физическая или социальная изоляция, постоянное невыполнение взрослыми обещаний, данных ребенку и т. п. Возможными признаками этого являются: задержка психического и физического развития, наличие различных соматических заболеваний (ожирение или, чаще, наоборот, резкая потеря массы тела, болезни желудка, аллергии); нервные тики, нарушение сна и аппетита; тревожность, замкнутость, низкая самооценка, агрессивность, депрессия и пр.

Также часто дети-сироты требуют психологического

сопровождения по причине моральной жестокости в обращении. Моральная жестокость – это отсутствие со стороны родителей, лиц, их заменяющих, элементарной заботы о ребенке, в результате чего нарушается его эмоциональное состояние и появляется угроза для здоровья и развития. Неудовлетворение основных потребностей ребенка может включать: отсутствие нормального жилья, одежды, пищи, образования (родители не обращают внимание на то, посещает ли ребенок школу), медицинской помощи (родители не обращаются к врачу в случае заболевания ребенка); отсутствие должного внимания и заботы, в результате чего ребенок может стать жертвой несчастного случая, быть втянутым в преступные действия, употреблять алкоголь, наркотики.

Отметим, что в отдельных случаях недостаток внимания к ребенку может быть обусловлен не злым умыслом родителей, а является следствием их низкого культурного уровня, бедности, необразованности. Возможными признаками моральной жестокости являются: отставание в физическом развитии; задержка речевого развития, низкая масса тела, которая не соответствует возрасту ребенка; частые случаи травматизма, хронические и инфекционные заболевания; санитарно-гигиеническая запущенность; постоянный голод, попытки обратить на себя внимание взрослых; апатия, пассивность; агрессивность; неумение контактировать, дружить со сверстниками; регрессивное поведение; дефицит знаний.

Существует еще одна требующая внимания психолога проблема, характерная для многих детей, которые воспитывались в неблагополучных семьях - вовлечение родителями несовершеннолетних детей в преступную деятельность. Довольно часто родители или другие родственники привлекают детей к систематическому употреблению алкоголя, табакокурению, занятию проституцией, бродяжничеством, попрошайничеством, воровством. Причем, иногда это происходит, когда ребенку не более 6-7 лет. С такими детьми особенно сложно работать психологу, поскольку у них уже начался процесс формирования асоциального образа жизни.

Экспериментальные исследования по развитию личностных качеств подростков, воспитывались в заведениях интернатного типа [4], показали следующие важные моменты:

1. личностные качества, связанные с эмоционально-чувственной сферой подростка, характеризуются высокой настороженностью, сдержанностью эмоций, склонностью к чувству вины, наличием акцентуаций характера (психастенические, шизоидные, психопатические реакции);
2. личностные качества в познавательной сфере занижены (вербальная и зрительная память, образное и логическое мышление, общее интеллекту-

альное развитие);

3. у многих воспитанников наблюдается спад адаптивных способностей (поведенческая регуляция, коммуникативные и нравственные качества).

Некоторые исследователи расширяют характерологические рамки и добавляют: отсутствие общения с биологической матерью; деформацию семейных связей; дефицит любви, ласки, внимания, замкнутость круга общения; регламентацию проведения времени; сформированность собственного «Я»; повышенное чувство тревоги, ощущение враждебности социума; закомплексованность [3].

Приведенный выше перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен в рамках работы психолога с конкретным ребенком такими качествами, как: неумение самостоятельно контролировать и планировать свои действия; потребительское отношение к жизни; преобладание в конфликтных ситуациях неконструктивных форм поведения; тревожность и неуверенность в себе; отсутствие мотивов поведения; суженная перспектива прошлого и будущего; относительно низкий уровень знаний; бедность словарного запаса; невысокие показатели физиологического развития; отсутствие умений и навыков контролировать свою жизнь и др.

Исходя из вышесказанного следует, что дети-сироты требуют действенной психологической, педагогической, медицинской помощи, которая может быть предоставлена им в процессе эффективного функционирования социально-психологической службы. Теоретическая идея необходимости психологической помощи в ситуациях развития детей-сирот нашла свое практическое отражение в работе различных центров и служб психолого-педагогического и медико-социального сопровождения развития детей [7]. Под сопровождением следует понимать особый метод, обеспечивающий создание условий для принятия субъектом развития оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора [5]. Психологическое сопровождение предполагает помощь психолога субъекту в принятии решения в сложных жизненных ситуациях. Ситуации жизненного выбора - это разные проблемные ситуации, при решении которых субъект определяет для себя путь дальнейшего прогрессивного или регрессивного развития.

Исходным положением для формирования теории и практики комплексного психологического сопровождения является системно-ориентированный подход, в логике которого развитие означает выбор и освоение субъектом тех или иных инноваций. Конечно, каждая ситуация выбора порождает много вариантов решений, опосредованных определенным ориентационным полем развития, поэтому психологическое сопровождение

может толковаться как помощь субъекту в формировании ориентационного поля развития, ответственность за действия в котором несет сам ребенок.

Психологическое сопровождение - это комплексный метод, в основе которого лежит единство четырех функций: диагностики возникшей проблемы; предоставление ребенку информации о возможных путях ее решения; консультации на этапе принятия решения и выработки плана решения проблемы; первичная помощь психолога при реализации плана решения.

Основными принципами психологического сопровождения ребенка-сироты в условиях жизнедеятельности в соответствующем учреждении являются:

1. Рекомендательный характер советов специалистов психологического сопровождения.
2. Приоритет интересов ребенка.
3. Непрерывность и комплексный подход сопровождения, который предусматривает тесное взаимодействие психологов, педагогов, медиков, социальных работников.

Основными этапами процесса сопровождения можно считать следующие: диагностический, поисковый, консультативно-проектный, деятельностный, рефлексивный.

На практике служба психологического сопровождения начинает специальную работу с ребенком в таких случаях: выявление проблем развития ребенка в процессе массовой диагностики; обращение педагогов администрации образовательного учреждения, воспитателей детских домов; обращение самого ребенка по поводу существующих у него проблем; обращение других детей за консультацией относительно какого-то ребенка. В процессе психологического сопровождения можно выделить разные уровни сопровождения по принципу обеспечения помощи ребенку, начиная с наименее специализированных служб к более специализированным только в тех случаях, если проблему устранить (решить) не удалось.

Итак, основная цель психологического сопровождения детей-сирот заключается в предоставлении им своевременной психологической помощи и поддержки. Целесообразно рассматривать психологическую помощь детям с нарушениями в развитии как сложную систему психолого-реабилитационных воздействий, направленных на повышение социальной активности, развитие самостоятельности, укрепление социальной позиции личности ребенка, формирование системы ценностных установок и ориентаций, развитие интеллектуальных процессов, которые соответствуют психическим и физическим возможностям ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володина Ю.А. Психологическое сопровождение и социально-психологическая защита детей-сирот в открытой образовательной среде // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2014. № 1 (5). С. 92-99.
2. Джумагулова Г.Ш., Кастаев С.К. Психологическое сопровождение в практике работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей // В сборнике материалов Международной (заочной) научно-практической конференции: Перспективы развития науки в современном мире. Под общей редакцией А.И. Вострецова. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2018. С. 552-557.
3. Кудряшова М.Г. Особенности психологического сопровождения социальных сирот в замещающих семьях на стадии адаптации // В сборнике научных статей по материалам Конгресса: Психическое здоровье человека XXI века. М.: Издательский дом «Городец», 2016. С. 54-56.
4. Лотова И.П. Социально-психологическое и педагогическое сопровождение детей-сирот в самостоятельной жизни // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2014. № 1. С. 13-18.
5. Панова Н.В. Организация работы социально-психологической службы комплексного сопровождения учащихся-сирот // Академия профессионального образования. 2018. № 7. С. 35-42.
6. Писарь О.В., Рожкова Т.Ю. Опыт психологического сопровождения студентов - сирот и студентов, оставшихся без попечения родителей // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. № 2. С. 27-32.
7. Сабанова К.С. Особенности психологического сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // В сборнике научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: Человек, общество и культура в XXI веке. В 5-ти частях. Под общей редакцией Е.П. Ткачевой. Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2017. С. 113-121.

© Ларионова Надежда Александровна (pslogos@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДРОСТКОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Ларионова Надежда Александровна

*Д.псих.н., профессор, Российский государственный социальный университет
pslogos@mail.ru*

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF ADOLESCENT CONFLICTS

N. Larionova

Summary: The article actualizes the problem of determining the main psychological aspects of the emergence of conflict situations with the participation of adolescents. The author notes that at present, the issues of regulating interpersonal relations in groups of adolescents and the formation of relationships between teachers, students, parents, seem to be necessary to increase the effectiveness of the educational process. The article also notes that a modern teenager is deprived of the opportunity to understand the essence of the conflict, to see its origins, content, course of development, consequences, possible ways to resolve and prevent conflict, to gain experience of rational behavior in a conflict, which justifies the advisability of constructive help from adults, in the first place queue - teachers and parents.

Keywords: conflict, adolescents, psychological aspects, character, personality.

Аннотация: В статье актуализируется проблема определения основных психологических аспектов возникновения конфликтных ситуаций с участием личностей подросткового возраста. Автором отмечено, что в настоящее время вопросы регуляции межличностных отношений в коллективах подростков и формирования взаимоотношений между учителями, учениками, родителями, представляются необходимыми для повышения эффективности учебно-воспитательного процесса. Также в статье отмечено, что современный подросток лишен возможности понять сущность конфликта, увидеть его истоки, содержание, ход развития, последствия, возможные способы решения и предотвращения конфликта, приобрести опыт рационального поведения в конфликте, что обосновывает целесообразность конструктивной помощи со стороны взрослых, в первую очередь - педагогов и родителей.

Ключевые слова: конфликт, подростки, психологические аспекты, характер, личность.

Специфика поведения молодежи подросткового возраста неоднократно привлекала внимание исследователей сложностью и разнообразием проявлений в психологическом аспекте. Достаточно сильно обостряются противоречия между нормой поведения и его нарушением в рамках соблюдения групповых и межличностных интересов в подростковый период, что объясняет возникновение трудностей в построении взаимоотношений с окружающим социумом у подростков. **Целью** данной статьи является определение психологии поведения подростков в конфликтных ситуациях.

На подростковый возраст, как критический этап в процессе становления личности, указывают многие ученые, среди которых в рамках данного исследования можно выделить таких, как: Реан А.А., Гришина Н.В., Чикова И.В., Халилов Б.Б., Туницин А.В., Сорокина Г.А., Ковальчук И.А., Ильин Е.П., Джигоева О.Ф. и др. [1-9]. Исследователями признается факт переходного характера подросткового возраста - от детства к взрослости, который протекает очень остро в связи с возникновением ряда противоречивых тенденций социального развития и адаптации к новой роли личности в обществе. Указанные аспекты продуцируют типичные возрастные конфликты и их преломление в самосознании подростка. В целом, подростковый возраст интерпретируется специалистами психологии и педагогики как период завершения детства и

начала становления личностного «Я» индивида. Кроме того, с точки зрения биологии и физиологии, это период завершения физического созревания.

Развитие личности в подростковом возрасте сопровождается возникновением внутриличностных противоречий. Подростку характерно проявление противоречий между рядом личностных интересов и желаний, с одной стороны, и ограниченностью сил, опыта, возможностей для их реализации с другой [3]. Наличие таких противоречий, их возникновение, развитие и решение оказывают существенное влияние на личность подростка. Наличие нерешенных внутриличностных противоречий ведет к отклонению в поведении, процесс решения этих противоречий приобретает затяжную конфликтную форму. Следовательно, основные объективные противоречия подросткового возраста и порождают его конфликтность.

Сорокина Г.А. и Сафонова М.В. в своих работах отмечают, что в начале подросткового периода складывается ситуация, которая способствует возникновению противоречий при условии сохранения отношения взрослых к подростку как к ребенку [6]. Это отношение, с одной стороны, входит в противоречие с задачами воспитания и тормозит развитие социальной взрослости подростка, с другой - не соответствует представлению

ям подростка о степени собственной зрелости и его претензиям на новые права. Именно это противоречие является источником большинства конфликтов и трудностей в отношениях подростка со взрослыми, сверстниками, родителями.

Повышенная конфликтность подросткового возраста обусловлена тем, что в 12-14 лет в психологическом развитии многих детей наступает переломный момент, известный под названием «подросткового кризиса». Существование противоположных тенденций порождают столкновения, которые при неизменности отношения взрослого становятся систематическими, а негативизм подростка - усиливается. При условии сохранения ситуации, изменение предыдущих отношений может затянуться на весь подростковый период и принять форму хронического конфликта. Как правило, сначала это конфликты поступков, только потом - конфликты отношений. Конфликт может продолжаться до тех пор, пока взрослый не изменит своего отношения к подростку. Только при таких условиях появляется возможность создать эффективное межличностное общение взрослых и детей.

Конфликты занимают существенное место в повседневной жизни, поскольку они являются важной детерминантой человеческой активности и находятся в поле исследований психологов. Психологические традиции изучения этого сложного явления имеют истоки в психоаналитической и социологической школах, которые содержат внушительный арсенал методов распознавания, описания и исследования конфликтов. Понятие «конфликт» используется почти во всех общественных науках и в каждой из них является одной из ведущих категорий. Сам термин «конфликт» (от лат. *conflictus* - столкновение) не интерпретируется исследователями однозначно. В психологии под конфликтом понимается столкновение противоположно направленных, несовместимых между собой тенденций в сознании отдельно взятого индивида, в межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанное с острыми отрицательными эмоциональными переживаниями [1].

Конфликты изучаются в рамках общепсихологических параметров межличностных конфликтов. Многие исследования посвящены изучению психологических детерминант конфликтного поведения, способов его психологической коррекции и соответствующих черт личности, типологии конфликтов, закономерностей их возникновения. В психолого-педагогических исследованиях основное внимание уделяется изучению школьных конфликтов. Так, отечественные исследователи Ковальчук И.А. и Москвина Ю.М. считают, что предупреждение и разрешение конфликтных ситуаций в среде подростков во многом зависит от личностных особенностей педагога: профессионализма, педагогического такта и др. [4].

Реан А.А. отмечает, что конфликты среди подростков представляются закономерным явлением, но, осознавая возможность неприятных последствий конфликтов в виде разного рода психических травм, одновременно конфликты автором определяются неизбежным условием развития личности ребенка [5]. При этом, в конфликте заложены большие положительные функции, которые могут выполнять конструктивную роль в воспитании.

На деструктивных последствиях конфликтов акцентируют внимание Чикова И.В. и Мантрова М.С., констатируя в своих исследованиях, что в процессе конфликтного взаимодействия каждая из сторон планирует и осуществляет такое действие, которое наносит вред оппоненту (второй стороне конфликта) [9]. В ряде исследований рассмотрены психологические аспекты конфликтов в контексте проблем возрастного кризиса, школьной дезадаптации и стереотипов поведения ребенка, сформированных в процессе семейного воспитания.

В целом, в психологии понятие возрастных кризисов ассоциируется с состоянием выраженной конфликтности. Личностным фактором возникновения конфликтов является уровень конфликтности индивида. Когда этот уровень высок, говорят о «конфликтности» субъекта, который подвержен конфликтным взаимоотношениям. Обобщая исследования в сфере современной подростковой психологии, можно сказать, что конфликтность является системным сложным свойством личности, включающим комплекс психических свойств, а именно:

- неадекватную (завышенную или заниженную) самооценку своих возможностей и способностей, которая идет в разрез с оценками окружающих, что и вызывает конфликт;
- стремление доминировать в тех ситуациях, где это возможно и невозможно;
- статичность мышления, взглядов, убеждений, нежелание воспринимать факты, которые расходятся с субъективным мнением;
- излишняя принципиальность и прямолинейность в высказываниях и суждениях, стремление сказать то, что является, по мнению личности, правдой, нивелируя объективность;
- определенный набор эмоциональных качеств подростка: тревожность, агрессивность, упрямство, раздражительность.

Представители ситуационного подхода к конфликтам дают свою интерпретацию определения конфликтности. Туницин А.В. конфликтной личностью называет человека, который является участником конфликтных взаимодействий, то есть имеет повышенную склонность к восприятию ситуаций как конфликтных или определяет его как склонного к конфликтному реагированию на те или иные обстоятельства [7]. По мнению Джюевой О.Ф. и Султановой К.А., конфликтность может быть характе-

ристикой «невротической личности», когда субъект невротично реагирует на жизненные ситуации, которые у здорового человека не вызывают конфликта вообще [2].

Таким образом, конфликтность в психологии определяется преимущественно как перманентная черта личности, которая аккумулируется ее природными задатками и социальным опытом. Конфликтность подростка предполагает определенный уровень психической напряженности. Он может быть разным для разных субъектов, что связано с уровнем психологической устойчивости человека. Психически устойчивые и психически неустойчивые люди в сложных ситуациях ведут себя по-разному. У перманентно психически неустойчивых подростков (в силу возрастных изменений личности) отсутствуют эффективные способы преодоления препятствий, поэтому иногда наблюдается явление самоиндукции отрицательного эмоционального напряжения: дезорганизованное поведение усиливает стрессовое состояние и продуцирует возникновение «волны дезорганизации» [5].

Конфликтность личности подростка определяется следующим комплексом факторов:

- психологических: темперамент, уровень агрессивности, эмоциональное состояние (тревожность) и т.д.;
- социально-психологических: социальные установки и ценности, отношение к оппоненту, направленность во взаимодействии, компетентность в общении, интеллект, основные тенденции поведения;
- социальных факторов: условия жизни и деятельности, возможности релаксации, социальное окружение, общий уровень культуры, возможности для удовлетворения потребностей и т.д.

Конфликтность среди подростков носит остро выраженный характер, что ведет к росту хулиганства, краж, преступлений, правонарушений среди несовершеннолетних. Любое противоречие, которое может ограничить права подрастающей личности, сразу вызывает у нее реакцию протеста, эмоциональный срыв. Склонность к конфликтности у подростков в учебно-воспитательном процессе является важной проблемой социально-психологического характера. Правильное управление процессом решения конфликта или его предупреждение взрослыми или самим подростком способствует повышению эффективности общения. В условиях образовательных учреждений важным фактором преодоления негативных проявлений конфликта среди подростков является понимание педагогом личности учащегося, что способствует гармоничному развитию субъектов коммуникаций и взаимодействия.

Конфликтность подростков отличается рядом осо-

бенностей, связанных с недостаточностью жизненного опыта и низким уровнем самокритики, неспособностью к адекватной оценке жизненных обстоятельств, повышенной эмоциональной возбудимостью, импульсивностью, двигательной и вербальной активностью, обостренным чувством зависимости, стремлением к обретению определенного статуса в референтной группе, негативизмом, неуравновешенностью возбуждения и торможения.

Подростковая склонность к конфликтности может объясняться не только эмоциональными и физиологическими возрастными изменениями. Одной из характеристик неустойчивого, дискомфортного положения подростка является недостаточная сформированность его социальных навыков, способствующих успешной социализации. Недостаточно сформированные социальные навыки, усиленные социально-экономической незащищенностью, часто является причиной, которая влияет на повышенную агрессивность, конфликтность подростка, на его желание любыми средствами компенсировать свое недовольство жизнью.

Подростки сталкиваются с целым рядом противоречивых позиций и внутренних колебаний между зависимостью и независимостью, ролью ребенка и взрослого. Молодой человек, перед которым стоит задача смены ролей, довольно часто оказывается в ситуации ролевых конфликтов. Проблемы противоречий, касающихся деятельности сферы личности, могут переживаться как ролевые конфликты. В подростковом возрасте требования социальной среды (родителей, учителей, сверстников) могут оказаться взаимопротиворечащими. Смена ролей, необходимость принятия важных решений относительно ценностных ориентаций могут вызвать ролевой конфликт и статусную неопределенность, что также накладывает явный отпечаток на концепцию личности «Я» [8].

Переход от нормальных потребностей личности к нарушению социальных норм возможен только при конфликтной ситуации объективного или субъективного характера. Контрастность детства и зрелости, между которыми находится подросток, усложняет усвоение социальных ролей и порождает немало внешних и внутренних конфликтов. Кроме того, существует проблема индивидуальных различий. Общие закономерности проявляют себя через индивидуальные вариации, которые зависят не только от окружающей подростка среды и условий воспитания, но и от особенностей личности [1]. Важная особенность поведения подростков - это долговременные конфликтные отношения с окружающими. Когда поведение подростка вызывает возмущение окружающих, они реагируют на их действия острыми критическими замечаниями, наказаниями, негативным отношением, подросток это расценивает как враждебные действия, как покушение на его независимость, самосто-

тельность, личное достоинство.

В частности, конфликты подростков и родителей обусловлены деструктивностью внутрисемейных отношений, недостатками в воспитании, индивидуально-психологическими изменениями в психическом развитии подростков и индивидуальными особенностями самих взрослых. Конфликтное поведение подростков возникает тогда, когда не учитываются индивидуальные особенности, возрастные изменения в психике, когда не меняется форма и содержание общения взрослых [5]. Конфликтные отношения способствуют развитию приспособительных форм поведения и эмансипации подростка. Появляются отчужденность, убеждение в несправедливости, что далее продуцирует сознательное неприятие требований, оценок, взглядов взрослого, который в подобной ситуации с позиций подростка может потерять уважение, влияние в ответственный период формирования личности [3].

В подростковом возрасте увеличивается количество сложных педагогических ситуаций, которые усиливают конфликтность подростка, при этом следует констатировать, что трудности коммуникации возникают не только у детей, но и у взрослых. Часто взрослые оказываются не готовыми к тому, чтобы расширить права подростков по причине сохранения инерции «опекать». В данном случае сохраняется зависимость детей от родителей и их неспособность к самостоятельным действиям и принятию решений [9].

Подростки часто конфликтуют между собой в связи с различными статусами, которые они занимают в межличностных отношениях. Это, как правило, затяжные,

долгие конфликты, причины которых скрыты от учителей и родителей, а, следовательно, их трудно решать. Часть конфликтов, которые наблюдаются, является следствием противоречий, которые возникают между высокой самооценкой и не соответствующим ей реальным положением подростка в коллективе сверстников. Личность с уровнем зрелости подростка в конфликте выражает «внешний локус контроля», обвиняя других людей или какие-то обстоятельства. Подросток не верит в свои силы в решении конфликтной ситуации, занимая пассивную поведенческую позицию и чувствуя астенические эмоции, но при этом стремится к достижению субъектно-личностного результата показать себя, почувствовать уверенность в своих силах [6].

Таким образом, ключевыми психологическими аспектами конфликтного поведения подростков является эгоизм, упрямство, желание «поддержать компанию», противоречия общих и личных интересов, несогласие с мнением других, трудности общения с учителями и родителями. В указанные аспекты продуцируют объективные причины для конфликтов в сложной системе взаимоотношений. Следовательно, можно предположить, что общение, учебная, трудовая и любая другая деятельность сама по себе может стать источником внутриличностного конфликта, если цели и задачи этой деятельности характеризуются выраженной субъективной значимостью. В подростковом возрасте особую ценность приобретает общение. Именно неуспеваемость в этом виде деятельности чаще всего вызывает внутриличностные конфликты, решить которые можно с помощью обучения подростков навыкам конструктивного, толерантного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
2. Джиоева О.Ф., Султанова К.А. Психологические барьеры общения в подростковом возрасте // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 115-117.
3. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2010. 576 с.
4. Ковальчук И.А., Москвина Ю.М. Агрессивное поведение: биологические и социальные аспекты // NovalInfo. 2016. Т. 3. № 48. С. 453-456.
5. Реан А.А. Психология личности. СПб.: Питер, 2013. 288 с.
6. Сорокина Г.А., Сафонова М.В. Особенности протекания внутриличностных конфликтов старшеклассников // Молодой ученый. 2016. № 20 (124). С. 657-659.
7. Туницин А.В. Взаимосвязь стратегии разрешения конфликтов и межличностных отношений в юношеском возрасте // Методист. 2020. № 5. С. 34-35.
8. Халилов Б.Б. Влияние конфликтного поведения подростка на положение в группе сверстников // NovalInfo. 2016. Т. 1. № 48. С. 323-327.
9. Чикова И.В., Мантрова М.С. Психологические особенности конфликтности современных подростков // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 386-389.

© Ларионова Надежда Александровна (pslogos@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К ПЕРИНАТАЛЬНЫМ ПОТЕРЯМ

STUDY OF THE FACTORS ASSOCIATED WITH THE ATTITUDE OF SOCIETY TOWARDS PERINATAL LOSSES

E. Markman

Summary: In modern society, the discussion of perinatal losses and the issues associated with them belongs to closed and taboo topics. Discussion of the topic of death is limited both in the family and in the system of providing psychological assistance to the population. Spontaneous abortion during pregnancy and stillbirth are considered less significant events than the death of a live birth. The success of psychological support during the experience of perinatal loss affects the improvement of the mental health of women who have experienced such losses, and, therefore, contributes to an improvement in the quality of life and the solution of demographic problems facing society.

The author examines the differences in attitudes towards perinatal loss between men and women. An overview of domestic and foreign modern studies is presented, reflecting the severity of this problem. An analysis of scientific works and studies in the field of perinatal losses showed that empirical data on the attitude of men and women to perinatal losses are practically absent. The scientific novelty of the research lies in the study of age and sex characteristics of attitudes towards perinatal losses; as well as the peculiarities of society's attitude to various types of perinatal losses. The methodological basis of the study was the theoretical provisions on loss as a psychological trauma by F. Ruppert, D. Kalshed, L.V. Trubitsyna, N.V. Tarabrina, J. Bowlby, S. Rubin.

The study sample consisted of women and men aged 19-40 years (M = 36).

The study used the author's questionnaire aimed at studying the attitude of society towards perinatal loss. The results of an empirical study of attitudes towards perinatal losses and types of psychological assistance are presented.

The prospect of further research is aimed at exploring strategies for overcoming perinatal loss chosen by women who have experienced such a loss, and creating a program to provide psychological support after the loss.

Keywords: perinatal loss, grief, miscarriage, miscarriage, psychological trauma.

Маркман Елена Валерьевна

Аспирант, Русская Христианская

Гуманитарная академия;

преподаватель, Институт Практической психологии

lev195197@gmail.com

Аннотация: В современном обществе обсуждение перинатальных потерь и вопросов, связанных с ними, относится к закрытым и табуированным темам. Обсуждение темы смерти ограничено как в семье, так и в системе оказания психологической помощи населению. Самопроизвольный аборт во время беременности и мертворождение, считается менее значимым событием, чем смерть живорожденного ребенка. Успешность психологического сопровождения при переживании перинатальной потери влияет на улучшение психического здоровья женщин, переживших такие потери, и, следовательно, способствует улучшению качества жизни и решению демографических задач, стоящих перед обществом.

Автор рассматривает различия в отношении к перинатальным утратам между мужчинами и женщинами. Представлен обзор отечественных и зарубежных современных исследований, отражающих степень остроты указанной проблемы. Анализ научных работ и исследований в области перинатальных потерь показал, что эмпирические данные об отношении мужчин и женщин к перинатальным утратам практически отсутствуют. Научная новизна исследования заключается в изучении возрастных и половых особенностей отношения к перинатальным утратам; а также особенности отношения общества к различным видам перинатальных утрат.

Методологической основой исследования являлись теоретические положения об утрате как психологической травме Ф. Рупперта, Д. Калшеда, Л.В. Трубицыной, Н.В. Тарабриной, Дж. Боулби, С. Рубина.

Выборку исследования составили женщины и мужчины в возрасте 19-40 лет (M=36).

В исследовании использовалась авторская анкета, направленная на изучение отношения общества к перинатальным утратам. Представлены результаты эмпирического исследования отношения к перинатальным потерям, видам оказания психологической помощи.

Перспектива дальнейшего исследования направлена на изучение стратегий преодоления перинатальных утрат, выбираемых женщинами, пережившими такую потерю, и созданию программы по оказанию психологического сопровождения после потери.

Ключевые слова: перинатальная утрата, горе, невынашивание беременности, выкидыш, психологическая травма.

По статистике каждая 5-ая российская семья сталкивается с репродуктивными или перинатальными потерями, следовательно, для них важна квалифицированная помощь в последующей реабилитации. Статистический мониторинг перинатальных потерь в Российской Федерации за 2018 г. (коэффициент перинатальных потерь 7,23 на 1000 населения) показывает тенденцию к снижению показателей перинатальных потерь по сравнению с 2010 г. (коэффициент 10,17 на 1000

населения), тем не менее этот уровень остается высоким [4, с.26], по сравнению с развитыми странами: Великобритания - 2010 г. коэффициент 3,0 на 1000 населения, 2017 г. коэффициент 2,6 на 1000 населения; США - 2010 г. коэффициент 4,0 на 1000 населения, 2017 г. коэффициент 3,6 на 1000 населения; Япония - 2010 г. коэффициент 1,1 на 1000 населения, 2017 г. коэффициент 0,9 на 1000 населения [5]. Перинатальная (околородовая) смертность – собирательное понятие, объединяющее смерт-

ность жизнеспособных плодов начиная с 28-й недели (с 2012 г. – с 22 недели) беременности и до начала родовой деятельности у матери, а также во время родов и смертность детей в течение первых 168 часов (7 суток) жизни [4, с.73].

Понятие «перинатальная потеря» включает в себя: ситуации невынашивания беременности, аборта, внематочной беременности, антенатальной и интранатальной гибели плода, неудачу при экстракорпоральном оплодотворении, гибель одного из плодов при многоплодной беременности, смерти новорожденного ребенка, в некоторых странах и смерть усыновленного младенца, а также некурабельное бесплодие [1;6].

Перинатальная утрата относится к психологической травме, так как это событие имеет сильное воздействие на психику женщины, разрушая привычный жизненный уклад, вторгаясь во внутренний мир потерявшего, и уничтожающее устоявшиеся связи в системе мировоззрения [10; 22].

Потеря ребенка в результате мертворождения, выкидыша или неонатальной смерти признается травматическим событием в жизни. Предикторы развития осложненного горя при перинатальной утрате включают в себя: отсутствие социальной поддержки, ранее существовавшие трудности в партнерских отношениях, отсутствие выживших детей, а также двойственное отношение к такой утрате в обществе. Установлено, что риск осложненного горя особенно высок после прерывания беременности из-за аномалий развития плода [12;14; 21; 23].

Исследования Л.А. Пергаменчика и Е.А. Петражицкой изучавшим перинатальную потерю, как кризисное событие в жизни женщины, проводившиеся за период 2015-2018 гг. показали, что травмирующее действие перинатальной утраты, связано со спецификой самой потери и приводит к многочисленным психологическим и социальным последствиям. Работа с травмой перинатальной потери требует своевременной психологической помощи [8].

Завгородняя И.В. отмечает, что в ситуациях, связанных с самопроизвольным прерыванием беременности (выкидышем), для женщины проявляются все характеристики психотравмирующей ситуации, что становится психологической травмой для женщины. Отсутствие должного внимания со стороны специалистов и близких людей, при данной утрате, приводит к осложненному переживанию работы горя и ухудшению психологического состояния обоих партнеров [7].

De Montigny F. с соавторами проведя перекрестное исследование симптомов депрессивного и перинатального горя у женщин после выкидыша, установили, что

симптомы депрессии и перинатального горя сохраняются в течение длительного времени после выкидыша; особенно у бездетных женщин и / или у женщин не получивших своевременную поддержку от специалистов в медицинском учреждении [15]. Шведские исследователи поддерживают эту точку зрения обращая внимание на то, что на усиление эмоционального переживания от перинатальной утраты оказывает влияние: предыдущие неудавшиеся беременности; а также общественная изоляция и отсутствие поддержки близких [24]. Потеря ребенка в результате мертворождения, выкидыша или неонатальной смерти признается травматическим событием в жизни. Предикторы развития осложненного горя после дородовой утраты включают отсутствие социальной поддержки, ранее существовавшие трудности в отношениях или отсутствие выживших детей, а также двойственное отношение или повышенное восприятие реальности беременности. Было установлено, что риск осложненного горя особенно высок после прерывания беременности из-за аномалий развития плода [18; 20].

Султанова И.В также обращает внимание, что перинатальная утрата является психотравмирующей ситуацией не только для женщины, но и для ее партнера и близких родственников. Специфика потери может привести к саморазрушающему поведению и изменить существующие отношения между партнерами. Индивидуальные особенности переживания процесса горевания требуют серьезного психотерапевтического вмешательства [11].

Ситуация перинатальной утраты, подчеркивает необходимость внимательного отношения к состоянию женщины, как со стороны специалистов, так и стороны значимых для нее близких людей в целях предупреждения возникновения психологической травмы. В следствии активной психической работы при беременности, образ ребенка становится более оформленным, создается образ нового «Я» и сталкиваясь с ситуацией перинатальной потери, женщина может испытывать страхи по отношению к будущей беременности, восприятия себя как женщины способной стать матерью. При перинатальной потере происходит утрата физическая (гибель эмбриона, плода, ребенка) и символическая (статуса родительства, представлений, мечты, потери «Я» или его части и т.д.). Такая форма двусмысленности, связанная с перинатальной потерей, способна привести к тому, что женщина может оказаться в своеобразной социальной изоляции. Так как с одной стороны информация о беременности не всегда разглашается, особенно на ранних сроках беременности; а с другой – общество не всегда может оценить значимость потери для женщины, и даже партнер или близкое окружение, избегают разговоров о потере или словами поддержки обесценивают ее. Отсутствие социальной поддержки, внимания и признания факта значимости потери для женщины со стороны медицинского персонала, также способствует формированию социальной изоляции, и реакциям осложненного

горя [3;9;13;16;17; 19].

Материалы и методы исследования

Цель исследования: выявить различия в отношении мужчин и женщин к перинатальным утратам, их представлений о перинатальной утрате, а также видам помощи при перинатальных утратах.

В исследование приняли участие 84 человека, в возрасте от 19 до 61 года, из них 57 % женщин (M=34) 19 % мужчин (M = 39). Из них: жители города Санкт-Петербурга – 55%; жители Ленинградской области – 12%; жители других регионов России – 20%; проживающие в других странах - 13%. 67% опрошенных имеют высшее образование, 23% - два и более высших образования; 2% -ученую степень; 4%- неоконченное высшее образование; 2% - среднее профессиональное образование; по 1% опрошенных имеет неполное среднее и среднее образование соответственно. 52% опрошенных состоят в браке; 19 % - разведены; 16 % - не состоят в браке; 13 % - состоят в партнерских отношениях (незарегистрированном браке). Имеющие детей – 62%, не имеющие детей – 33%, планирующие 5%. Опыт перинатальной потери имели 23% опрошенных.

Были использованы методы: опрос - авторская анкета, статистические методы (descriptive statistics, Mann Whitney U test, Pearson's chi-squared test, Wilcoxon Matched Pairs Test).

Достоверность результатов обеспечивалась анонимностью анкетирования и достаточной мотивацией респондентов. Перед исследованием с респондентами проводилась беседа по объяснению целей и процедуры исследования.

Анкета была составлена согласно методологии и методов социологического исследования [12]. Анкета состояла из 17 вопросов, разделенных на следующие блоки.

Первый блок- состоит из 5 прямых полуоткрытых вопросов, содержание которых раскрывает: ситуации, относящиеся к перинатальным потерям; отношение к перинатальной потере, тип совладающего поведения.

Второй блок содержит вопросы, направленные на прояснение эмоционального поведения и его интенсивности, при перинатальной потере. Для устранения эффекта психологической ригидности, в блоке предусмотрены «вопросы-глушители».

Третий блок – состоит из полуоткрытых вопросов, проясняет отношение к видам помощи для женщин, пережившим перинатальную утрату; необходимость информирования семьи, близкого и социального окру-

жения о перинатальной потере; отношение общества к женщинам, перенесшим перинатальную потерю.

Четвертый блок – социально-демографические характеристики; вопросы открытого типа. Один вопрос «личный опыт переживания перинатальной утраты» имеет закрытую форму ответа: «Да» или «Нет».

Вопросы содержательного блока анкеты составлены из позиций с 1 по 10.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате анализа полученных данных можно говорить о том, что основным видом перинатальной потери и женщины и мужчины считают смерть новорожденного после родов (91%). Далее, в порядке убывания следует: мертворождение (86%); самопроизвольный выкидыш на поздних сроках (80%); гибель одного из плодов при многоплодной беременности (74%); самопроизвольный аборт на ранних сроках и аборт по медицинским показаниям по 67% соответственно; аборт по желанию женщины (35%); 4 % опрошенных отнесли к другим видам перинатальных потерей: «неудачные попытки ЭКО, гибель плода ребенка у суррогатной матери (у женщины-донора)»; «аборт по желанию, тоже можно отнести, но это индивидуально».

Подавляющее большинство опрошенных считают перинатальную потерю травмирующим событием, причиняющее вред психическому здоровью женщины (48%). Полученные результаты согласуются с результатами других исследований, отмечающих наличие у женщин, переживших перинатальную потерю: высокую склонность к депрессиям; отсутствие жизненной активности, расстройства пищевого поведения, инсомнию, чувство тоски и отчаяния [7;8;9;11;15; 16;19;20; 22]. 20% считают, что перинатальная потеря – это событие, которое вызывающее у женщины различные эмоциональные реакции, в том числе, имеющие противоречивый характер. Стрессом для женщины, но не такой, как смерть близкого взрослого или ребенка, считают (11%). Потерей человека, по отношению к которому женщина чувствует сильную эмоциональную привязанность (17%). Только 5% считают перинатальную потерю процессом трансформации связи женщины с «ушедшим» ребенком.

Основной стратегией, чтобы справиться с утратой новорожденного или ребенка во время беременности является: принять реальность потери, испытать боль горя, приспособиться к среде, в которой нет умершего и эмоционально отдалиться от него (62%). Найти смысл, чтобы жить дальше (23%). Укреплять свое здоровье и запланировать новую беременность (11%).

Усыновить ребенка (4%). Продолжать жить так же, как и раньше (1%).

Причины, вызывающие потерю женщиной ребенка во время беременности или после родов распределились следующим образом: болезни или травмы во время беременности (89%); хронические заболевания женщины (71%); случайные факторы, не связанные с условиями жизни и здоровьем (51%); аборт в прошлом (48%); неправильное поведение, вредные привычки женщины (48%); наследственные факторы (44%); старший возраст женщины (38%); неблагоприятные условия жизни (36%); семейные конфликты (29%); другое (2%).

Всем участникам пороса было предложено определить, является ли потеря женщиной ребенка во время беременности или после родов, ситуацией касающейся только женщины, или ситуацией, затрагивающей мужчину (партнера), или всю семью. 50 % отнесли перинатальную потерю к ситуации касающейся всей семьи, родственников женщины. Переживание, которое касается только женщины (25%). Ситуация, которую переживает и мужчина (25%). Это соотносится с другими исследованиями посвященные мужскому горю после перинатальной потери показывают, что переживание горя у мужчин очень разнообразны. По сравнению с женщинами мужчины могут сталкиваться с другими проблемами, включая ожидания поддержки партнеров-женщин и отсутствие общественного признания их горя и последующих потребностей [9;19;20;23;24]. Важным моментом является тот факт, что больше половины опрошенных респондентов (56% - женщин, 57% - мужчин) считают, что женщина сама должна принимать решение о том, делится ли ей информацией о перинатальной потере или нет. Причем мужчины (31%) более категоричны, в ответе на вопрос «нет, это слишком личное»; хотя практика психологического консультирования при работе с утратой, показывает, что какими бы болезненными ни были чувства, состояние человека, переживающего утрату, восстанавливается быстрее, если горящий позволит себе переживать горе в полной мере [7]. Женщины, больше придерживаются этой позиции (19%), проговаривание ситуации поможет справиться с горем; мужчины полностью не разделяют это мнение. Среди респондентов есть группа людей, которые не имеют сложившегося мнения относительно того, является ли необходимостью для женщины делиться информацией о перинатальной потере (11% - мужчины и 7% женщины). Также 5% опрошенных выбрали свой вариант ответа, среди которых: «в зависимости от состояния женщины»; «у каждого человека это индивидуально»; «только тому, кому женщина доверяет».

Следующий немало важный вопрос нашего исследования, каким образом женщины и мужчины видят необходимость помощи женщине при перинатальной потере: профессиональную помощь специалистов, помощь партнера, близкого окружения и социального окружения. Женщины и мужчины поставили на первое место обращение за профессиональной психологиче-

ской помощью (82%). 75% считают, что важна поддержка и помощь партнера; 58% отметили поддержку семьи, родственников; 30 % помощь друзей. Информационная поддержка от врачей 58%; при этом оказание медицинской (специализированной) помощи (36%). Обращение к религии, духовным практикам (20%). 5% опрошенных считают, что помощь не нужна, женщина может справиться сама. Только 1% считают, что при перинатальной потере женщине необходимы все виды помощи.

Как мы указывали ранее, одной из причин приводящей к осложненному горю, может являться фактор социальной изоляции, в которой может оказаться женщина, пережившая перинатальную утрату. Женщина, не всегда готова делиться информацией о перинатальной потере, особенно если это произошло на ранних стадиях беременности. Более того, не всегда другие люди способны оценить значимость такой потери для женщины; «слова поддержки» с их стороны могут быть неприятны для родителей; поэтому даже близкие могут избегать общения после перинатальной потери и предпочитают не затрагивать эту тему.

Соответственно, нам было важно получить ответ на вопрос: как относится большинство людей к женщине, потерявшей ребенка (плод) во время беременности или после родов. Результаты достаточно противоречиво показывают отношение общества к этому вопросу. Так 25% опрошенных считают, что общество относится к перинатальной потере как к горю (утрате). При этом 24% опрошенных, считают, что «ничего особенно страшного не произошло». 18% проявляют сочувствие и желание помочь; 17 % считает, что общество равнодушно относится к такой потере. 8% полагает, что женщина сама виновата в утрате ребенка. 5 % полагает, что после потери ребенка пострадает психическое здоровье женщины. 4 % считают, что все зависит от обстоятельств.

Нами было выдвинуты предположения: 1) Мужчины и женщины могут иметь различное отношение к видам перинатальной потере и видам необходимой помощи женщинам. 2) Существуют различия между женщинами имеющих детей и женщинами не имеющих детей, в отношении перинатальных утрат. 3) Женщины, имеющие опыт перинатальной потери

Для проверки гипотез были использованы статистические методы (descriptive statistics, Mann Whitney U test, Pearson's chi-squared test, Wilcoxon Matched Pairs Test).

Проведенный анализ показал, что и мужчины и женщины рассматривают перинатальную потерю, как значимое событие в жизни, независимо от гестационного или неонатального возраста ребенка. При этом вид перинатальной потери «гибель одного из плода при многоплодной беременности» обнаруживает тенденцию к различию на уровне 5% между не состоящими в браке

(мужчины – 37,5%; женщины – 18,8%) и состоящими в браке (мужчины – 62,5%; женщины – 81,2%).

Женщины, состоящие в браке (63,64%), считают перинатальную потерю травмирующим событием, способным причинить вред психическому здоровью женщины. С этим утверждением согласны (36,36%) мужчин, имеющих семейное положение. При этом не состоящие в браке (70%) мужчин и (30%) женщин, не считают перинатальную потерю травмирующим событием.

Существенное различие между мужчинами и женщинами обнаружено в мнении о необходимости обращения за психологической помощью, так 38,10% мужчин и 11,1% женщин считают, что такая помощь не нужна; при этом 61,9% мужчин и 88,99% женщин считают такую помощь необходимой.

Существует тенденция к проявлению различий между мнением мужчин и женщин, что женщине, пережившей перинатальную потерю «помощь не нужна совсем, может справиться сама» (различия на уровне 5 % значимости). Большая часть женщин (98,4%) и мужчин (85,7%) считают, что помощь необходима; но при этом большее количество мужчин (14,3 %) считает, что женщина «справиться сама».

Мужчинам свойственно считать, что общество не относится к женщине, переживающей перинатальную потерю, как к переживающей горе, утрату (90,48%), (69,84%) женщин разделяют это мнение. При этом (30,16%) женщин и (9,52%) мужчин, наоборот считает, что общество относит перинатальные потери к горю и утрате.

Таблица 1.

Отношение мужчин и женщин к перинатальной потере

	Мужчины	Женщины
обращение за помощью к психологу		
Считают важным	61,9%	88,99%
Не считают важным	38,1%	11,1%
$\chi^2=6,965980; df=1; p=0,00831$		
помощь не нужна, справиться сама		
Считают важным	85,7%	98,4%
Не считают важным	14,3 %	1,59%
$\chi^2=5,6; df=1; p=0,01796$		
Отношение общества к перинатальной потере, как к горю, утрате		
Согласны	9,52%	30,16%
Не согласны	90,48%	69,84%
$\chi^2=3,57672; df=1; p=,05460$		

Были обнаружены существенные различия между имеющими опыт перинатальных потерей и не имеющими

такого опыта, в том, что относится к видам перинатальных потерь. Так (91,67%) имеющие опыт перинатальных утрат относят «аборт по медицинским показаниям» и «гибель одного из плода при многоплодной беременности» к перинатальным потерям. Основным видом помощи при переживании перинатальной потери имеющие опыт перинатальных потерь и не имеющие опыт перинатальных потерь, считают помощь семьи, родственников. Только 4,17% имеющих опыт перинатальных потерь считают, что обращение к религии и духовным практикам, способно помочь справиться с утратой. Вероятно, это связано с тем, что женщины в ситуации перинатальной потери чувствует себя опустошенной, жизнь воспринимается ими как пустая и лишённая смысла. Очевидно, что этот вопрос требует дальнейшего изучения возможных различий в эмоциональном состоянии женщин, и особенностях отношения к перинатальным утратам произошедших на различных гестационных сроках перинатальной потери.

Таблица 2.

Отношение к пренатальной потере, при опыте перинатальной утраты и без нее

	Имеющие опыт ПУ	Не имеющие опыт ПУ
Аборт по медицинским показаниям		
Относят к ПУ	91,67%	56,67%
Не относят к ПУ	8,33%	43,33%
$\chi^2= 11,05844; df=1; p=0,00088$		
Гибель одного из плода при многоплодной беременности		
Относят к ПУ	91,67%	65,00%
Не относят к ПУ	8,33%	35,00%
$\chi^2= 7,156153; df=1; p=0,00747$		
Обращение к религии, духовным практикам как помощь при ПУ		
Согласны	4,17%	26,67%
Не согласны	95,83%	73,33%
$\chi^2= 6,715487; df=1; p=0,00956$		

Таким образом, можно говорить о том, что подавляющее большинство относит к перинатальной потере – смерть новорожденного после рождения. Соответственно, другие виды перинатальных утрат, такие: мертворождение; гибель одного из плода при многоплодной беременности; самопроизвольные аборты на ранних и поздних сроках беременности; аборты по медицинским показаниям; а также потеря беременности при ЭКО могут не признаваться, травмирующими событиями, оказывающими влияние на женщину, пережившую перинатальную потерю.

Участники опроса считают, что в обществе не признается тот факт, что эмоциональная связь с ребенком начинается у матери с началом беременности, скорее при-

нято считать, что эти отношения возникают с момента рождения и наличия новорожденного ребенка в семье.

Амбивалентное отношение общества к перинатальным потерям нивелирует родительское горе, и может лишать женщину прав на естественное выражение своего горя и страданий. Возникающий при этом феномен бесправного горя, может привести к осложненному горю.

Для нормального протекания горя при перинатальной утрате женщине необходима профессиональная психологическая, информационная и медицинская помощь; при этом поддержка партнера и семьи также имеет важное значение.

Заслуживает внимание, тот факт, что женщина сама должна принимать решение о необходимости, делиться информацией о перинатальной утрате с родными и близкими. Такое мнение, должно уважаться близким социальным окружением и обществом.

Заключение

Перинатальная потеря является тяжелой утратой,

оказывающей влияние как на женщину, так и на других членов семьи. Перинатальная потеря часто включает в себя ощущение биологической неудачи, утрату идентичности, ощущение отсутствия общих воспоминаний и снижение надежд на будущее.

Поскольку смерть ребенка кажется такой неестественной, внезапной и лишенной смысла, женщине необходима эмоциональная поддержка от близких и специалистов, оказывающих помощь. Семья и близкие должны понимать, как важно быть с родителями и позволять родителям, особенно матерям, говорить о потере. Медицинским работникам следует избегать любых заявлений, которые сводят к минимуму чувства женщины или вызывают чувство вины.

Результаты настоящего исследования дают начальное понимание в отношении общества к перинатальным потерям, и потребностям женщины в социальной поддержке после перинатальной потери. Дальнейшие исследования, необходимо направить на вопросы: связанные с психологической поддержкой перинатальной потери, и формированию программ по оказанию психологической помощи как женщинам, так и семье в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ), под редакцией Петровского Б.В., 3-е издание Категория: Том 19 [Электронный ресурс http://бмэ.орг/index.php/Перинатальная_смертность] дата обращения 24.08.2020
2. Глушенкова В.А., Цыбульская И.С., Суханова Л.П. Проблемы перинатальной смертности в России // Менеджер здравоохранения. 2007. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-perinatalnoy-smertnosti-v-rossii> (дата обращения: 21.10.2020).
3. Гнездилов А.В. Психология и психотерапия потерь. Пособие по паллиативной медицине для врачей, психологов и всех интересующихся проблемой. — СПб.: Речь, 2002. 162 с.
4. Демографический ежегодник России. 2019: Стат.сб.//Росстат. М., 2019. 252 с.
5. Демоскоп Weekly № 865 – 866 1 - 30 августа 2020 Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app40neo.php> (дата обращения: 18.08.2020)
6. Добряков И.В., Блох М.Е., Фаерберг Л.М. Перинатальные утраты: психологические аспекты, специфика горевания, формы психологической помощи // Журнал акушерства и женских болезней. - 2015.Т. 64. №3. С. 4-10. URL: doi: 10.17816/JOWD6434-10 (дата обращения: 24.09.2020).
7. Завгородняя И.В. Невынашивание беременности как переживание перинатальной утраты // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. – 2017. – Т. 5, № 2(16) URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения: 20.09.2020).
8. Пергаменщик Л.А, Петражицкая Е.А. Перинатальная потеря. Как кризисное событие в жизни женщины. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020. С. 77–84
9. Полуэктова О.Г. Травма потери ребенка. Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание - 2013 – N 1, С.151-154.
10. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник/под ред. Н.С. Хрусталевой – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018.748 с, с. 385-388.
11. Султанова И.В. Психологические аспекты перинатальных утрат. Вестник современных исследований. 2019. № 3.11 (30). С. 168-173.
12. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы - М.: Наука, 1972 – 266 с.
13. Badenhorst, W., & Hughes, P. (2007). Psychological aspects of perinatal loss. Best practice & research. Clinical obstetrics & gynaecology, 21(2), 249–259. <https://doi.org/10.1016/j.bpobgyn.2006.11.004>
14. Boss, P. (2004). Ambiguous loss research, theory, and practice: Reflections after 9/11. Journal of Marriage and Family, 66(3), p. 551-566. URL: <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2004.00037.x> (дата обращения: 23.08.2020).
15. Corno, G., Bouchard, S., Baños, R. M., Rivard, M. C., Verdon, C., & de Montigny, F. (2020). Providing Psychological and Emotional Support After Perinatal Loss: Protocol for a Virtual Reality-Based Intervention. Frontiers in psychology, 11, 1262. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01262> (дата обращения 24.08.2020)
16. deMontigny, F., Verdon, C., Meunier, S., & Dubeau, D. (2017). Women's persistent depressive and perinatal grief symptoms following a miscarriage: the role of childlessness and satisfaction with healthcare services. Archives of women's mental health, 20(5), 655–662. URL: <https://doi.org/10.1007/s00737-017-0742-9>

17. Doka, K.J. Disenfranchised grief. //K.J. Doka (Ed.), *Disenfranchised grief: Recognizing hidden sorrow*. Lexington, MA: Lexington Books, 1989. p.3-11. (дата обращения: 20.08.2020).
18. Doka K.J., Aber R. Psychosocial loss and grief // *Disenfranchised grief: Recognizing hidden sorrow* / ed. by K.J. Doka. Lexington, MA: Lexington Press, 1989. P. 187 – 197.
19. Lang A., Fleischer A., Duhamel F. (2011) Perinatal Loss and Parental Grief: The Challenge of Ambiguity and Disenfranchised Grief, *OMEGA-Journal of Death and Dying* • October 2011 *OMEGA*, Vol. 63(2) 183-196, 2011
20. Leon I.G. (2008). Helping families cope with perinatal loss. *The Global Library of Women's Medicine*, Retrieved online April 1, 2010: URL: http://www.glowm.com/index.html?p=glowm.cml/section_view&articleid=417 (дата обращения 29.08.2020)
21. Kersting, A., & Wagner, B. (2012). Complicated grief after perinatal loss. *Dialogues in clinical neuroscience*, 14(2), 187–194.
22. Meredith, P., Wilson, T., Branjerdporn, G., Strong, J., & Desha, L. (2017). «Not just a normal mum»: a qualitative investigation of a support service for women who are pregnant subsequent to perinatal loss. *BMC pregnancy and childbirth*, 17(1), 6. URL: <https://doi.org/10.1186/s12884-016-1200-9> (дата обращения 01.09.2020)
23. Rando, T.A. (1986). The unique issues and impact of the death of a child. In T. A. Rando (Ed.), *Parental loss of a child* (pp. 5-43). Champaign, IL: Research Press Company.
24. Scheidt C.E., Waller N., Wangler J. Perinatalverlust-Prävalenz, klinisches Bild und Behandlung-eine Übersicht über den aktuellen Forschungsstand [Mourning after perinatal death-prevalence symptoms and treatment-a review of the literature]. *Psychotherapie, Psychosomatik, medizinische Psychologie*, 57(1), 4–11. URL: <https://doi.org/10.1055/s-2006-951906>
25. Volgsten H, Jansson C, Svanberg A. Longitudinal study of emotional experiences, grief and depressive symptoms in women and men after miscarriage *Midwifery* Volume 64, September 2018, Pages 23-28 September 2018, Pages 23-28 <https://doi.org/10.1016/j.midw.2018.05.003> (дата обращения 21.09.2020)

© Маркман Елена Валерьевна (lev195197@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ САМООТНОШЕНИЯ И НАРЦИССИЗМА, А ТАКЖЕ ОТНОШЕНИЯ К ВЕРЕ КАК ПРЕДИКТОРОВ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ-НЕЗРЕЛОСТИ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Мачуха Александр Михайлович

Соискатель, Южный Федеральный Университет
aleksandrinfo@bk.ru

Васильева Ольга Семеновна

К.б.н., профессор, Южный Федеральный Университет
vos@sfedu.ru

**ANALYSIS OF INDICATORS
OF SELF-ATTITUDE AND NARCISSISM,
AS WELL AS ATTITUDE TO FAITH AS
PREDICTORS OF PERSONAL MATURITY-
IMMATURITY IN MODERN YOUTH**

**A. Machukha
O. Vasilyeva**

Summary: The article considers in detail the assessment of personal or psychological maturity as a multi-vector and multi-factor education in specific life manifestations, manifested in the adaptive abilities of the individual to use their non-social personal reserves and in the ability to find the most optimal own «niches» of life presence that benefit other people. Personal maturity is presented as the ability to keep yourself from doing wrong, multiplied by the constant ability to do everything necessary in each specific life situation. As a final measure of personal maturity, an assessment of a person's life line is presented, as well as the ability to show reflection. In the understanding of personal maturity, the main emphasis is placed on the presence of personal properties, qualities and their manifestations of active life involvement, and with a focus on social morality.

Keywords: personal maturity, personal reserves, reflection, motives, self-attitude, narcissism, spirituality, faith, young people.

Аннотация: В статье подробно рассмотрена оценка личностной или психологической зрелости как многовекторного и многофакторного образования в конкретных жизненных проявлениях, проявляемой в адаптивных способностях личности задействования своих несоциальных личностных резервов и в умении находить наиболее оптимальные собственные «ниши» жизненного присутствия, приносящие пользу другим людям. Личностная зрелость представлена как умение удерживать себе от делания недолжного, помноженное на постоянное умение делать все необходимое в каждой конкретной жизненной ситуации. В качестве конечной меры личностной зрелости представлена оценка линии жизни человека, а также умение проявлять рефлексю. В понимании личностной зрелости основной акцент ставится на наличие у человека личностных свойств, качеств и их проявлений активной жизненной включенностью, и с ориентацией на социальную нравственность.

Ключевые слова: личностная зрелость, личностные резервы, рефлексия, мотивы, самоотношение, нарциссизм, духовность, вера, молодые люди.

Введение

По мнению большинства исследователей, в чьем научном фокусе так или иначе стоит проблема личностной зрелости, являясь по своей сути многовекторным и многофакторным образованием, ее явление (личностной или психологической зрелости) в каком то смысле может быть названо и полюсным, отражающим в себе факты здоровья – нездоровья, наличия – отсутствия, принадлежности – исключенности и т.д., однако и здесь жизнь показывает, что многие жизненные реалии позиционируют себя далеко не на подобных полюсах, которые, к тому же, в определенных условиях имеют тенденцию «переворачиваться».

Выступая одним из центральных образований «Я-концепции», позитивное самоотношение рассматривается вне отдельных явлений «кунсткамеры» «сильным»

показателем здоровья личности (под «кунсткамерой» мы понимаем те отдельные случаи, когда неудовлетворенность собой толкала отдельных гениев на шедевры творчества). При этом нарциссизм, называемый фактическим «бичом» современного общества, чему как минимум способствуют призывы «глянца» и рекламы о том, что «ты самая...», и что «жизнь у нас единственная» и т.д., культивирующие исключительное отношение и любовь к себе, не имеет столь глубокого и понятного даже для большинства психологов своего понятийного и содержательного определения, как например, самоотношение, но, тем не менее, называется «подложкой» любых личностных нарушений (Х. Кохут), т.е. уже его выраженное наличие у субъекта по крайней мере косвенно определяет для психолога те или иные тенденции считать личность не достаточно зрелой.

Не менее сложным выступает вопрос отношения че-

ловека к вере. Называемая «опиумом для народа» вера может выступать опорой и надеждой для «сырых и убогих», но вспомним Ф.М. Достоевского, считавшего, что Христос больше, чем христианство, и здесь имеется в виду прежде всего то, на что обращает внимание Р.М. Грановская: «будь то Будда, Зороастр, Конфуций, Христос или Мухаммед (это именно личности, дополнение наше). Жизнь таких людей не только вызов существующей цивилизации, но и вдохновенное творчество. Это были гиганты чувства, добра, мысли и света» [2, с.14].

Вера покоится на эмоциональности и чувственности, в то время как наше научное мировоззрение глубоко материалистично-рационально. Однако сейчас уже мало кого из достаточно образованных людей привлекают доводы об отсутствии материального субстрата души: нет материального субстрата и сознания, являющегося многомерным явлением. Таким образом те или иные мозговые субстраты когнитивных функций, речи найдены, а сознания – нет. Даже если отсечь от веры проявления религиозности – «долю» так необходимой человечеству в каждой религии нравственных ограничений, участвующих в формировании идентичности проявлениях культа, расщепления человека на реальное и воображаемое с его желанием посмертного бытия, уже наличие таких «образцов» вершины личностного самостановления как Христос или Будда над вещностью конформизма материального обладания нивелирует у человека большинство страхов – перед бедностью, болезнью, смертью.

Экспансивная экстравертированность внешних завоеваний и собственных достижений, свойственная западной модели мировосприятия, уже сейчас привела к тому, что тотальное удовлетворение собственных потребностей современным человеком стало ощущаться им уже как неудовлетворенность собственными потребностями. Природа не знает ни Жалости, ни Справедливости, ни Совести, но они есть в Природе Человека, и их элиминирование ведет к уничтожению именно человеческой природы. И здесь даже глубоко атеистичные философы (например Ж.-П. Сартр) подчеркивают необходимость веры для человека, и здесь также подчеркивается значимость веры в содержательной структуре зрелости личности (И.Б. Дерманова, В.Р. Манукян [3]; Л.Л. Скворцова [9] и др.).

Однако вопрос отношения к вере в структуре личностной зрелости неоднозначен, как многомерен он в целом в аспектах «применимости» веры к жизни человека вообще: следование притчам, мифам и вообще всем канонам той или иной веры для современного человека многими сторонними наблюдателями оценивается часто, мягко говоря, как проявление наивна (в притчи часто превращались сюжеты, выходящие за ранг обычного понимания и объяснения уже при создании евангелий), а жесткое и стереотипное следование меня-

ющимся в связи с жизнью канонам вряд ли выглядит как условие глубокой веры, скорее как проявление ее недостатка, но следование сути веры как нравственности человечности и интерес к религии (хотя к той, которой следует большинство населения, к которому ты принадлежишь), это варианты поиска идентичности.

Любые человеческие мотивы полимодальны, и мысли о боге нередко могут подменяться мыслями о смерти, т.е., по сути, мыслями о страхе перед ней, но еще раз: любая вера прежде всего эмоциональна, как в своей основе эмоциональны ответственность и нравственность, любовь и забота. И здесь, безусловно, отношение человека к вере, особенно в контексте зрелости личности, вскрывает свои собственные нюансы.

Методология (материалы и метод исследования)

В этой связи и предпринято наше исследование, состоящее в анализе показателей самоотношения, нарциссизма и отношения к вере у лиц молодого возраста 18-33 лет (раннего – 18-21 лет, когда осуществляется обучение по избранной специальности и «пробы» в профессии, и, иногда, создание семьи, «среднего периода» ранней молодости – 22-27 лет – с «вступлением в жизнь», и «позднего периода молодости с переходом в зрелость» 28-33 лет с «закреплением в жизни»). Каждая обследованная выборка состоит из 16 человек (общее число обследованных – 48 человек), однако выборки различаются по соотношению мужчин и женщин: в группе лиц 18-21 лет число юношей и девушек равно (по 8 человек); в группе лиц 22-27 лет 5 мужчин и 11 женщин; в группе лиц 28-33 лет 2 мужчины и 14 женщин (чем старше выборка, тем менее мужчины проявляют интерес к обследованию).

Обследование было организовано методом создания специального аккаунта в Инстаграме с обращением откликнуться всех желающих соответствующего возраста и заполнить блок методик. Выборки были организованы случайным образом, с привлечением представителей различных слоев населения, с различным семейным, образовательным, профессиональным и экономическим статусом, что при таких небольших объемах выборок учесть, разумеется, было невозможно. Таким образом, при анализе были учтены лишь интересующие нас психологические показатели проявления личностной зрелости – незрелости.

Для изучения показателей самоотношения использована известная психологам и хорошо валидизованная «Методика исследования самоотношения» (далее МИС) С.Р. Панталева. Для изучения показателей нарциссизма использована также достаточно хорошо известная методика «Опросник «Нарциссические черты личности» О.А. Шамшиковой и Н.М. Клепиковой. Заметим, что психологического инструментария для изучения нарциссизма

как явления крайне мало, тем более мало инструментария для изучения отношения к вере, в связи с чем нами был использован тест на преобладающий тип духовности, автором которого является французско-бельгийский психолог Моника Тибергиен (Monique Tiberghien). Автор выделяет 4 типа духовности: 1) духовность как инструмент личностного роста и развития; 2) духовность как следование нравственному принципу (кантовскому категорическому императиву); 3) духовность как поиск и обретение мистического опыта; 4) духовность как обретение безопасного убежища (мира и покоя в душе, утешения всех печалей).

Изначально показатели перечисленных методик заданы метрическими шкалами, что не ограничивает нас в использовании статистических процедур, и в этой связи для сравнения выборок нами использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни, а для анализа выраженности признаков – описательные статистики. Для проведения необходимых статистических расчетов использована программа SPSS 22.0.

Результаты исследования

Эмпирические гипотезы исследования:

1. молодые люди – мужчины и женщины разных возрастных групп периода молодости могут иметь различия в показателях самоотношения, нарциссизма и выделяемых типах духовности;
2. на основании факторизации данных могут быть выделены типичные личностные «профили» составляющих личностной зрелости в молодом возрасте, учитывающие отношение к вере, а также показатели нарциссизма и самоотношения.

Эмпирические задачи исследования:

1. провести анализ различий и анализ выраженности показателей самоотношения и нарциссизма, а также преобладающих типов духовности в группах молодых людей, выделенных в рамках возрастных подгрупп периода молодости и по гендерному признаку. Осуществить частотный анализ и анализ случайности-неслучайности статической связанности выраженности показателей методики на преобладающие типы духовности с выделенными выборками;
2. провести факторизацию данных использованных методик на общей выборке.

Согласно 1-й задачи исследования осуществим оценку значимости различий для показателей методики исследования самоотношения в выделенных группах по гендерному и возрастному признакам, а также по совокупному признаку «пол – возраст» (см. Таблицу 1).

Прежде чем приступить к анализу данных, представ-

ленных в Таблице 1, установим соответствие с правилом чтения U-критерия Манна-Уитни: он применим для сравнения 2-х независимых выборок, показатели которых представлены метрической шкалой, численность которых имеет ограничения $n_1, n_2 \geq 3$ или $n_1 = 2, n_2 \geq 5$, где n_1, n_2 – численность сравниваемых выборок [8, с.49], а удобство U-критерия заключается в том, что посредством него возможно осуществлять сравнение малые по численности выборки (т.е. формально мы его можем применять в нашем случае, т.к. численность мужской выборки возраста 28 лет и старше всего 2 человека), и при этом «чем меньше U, тем более достоверны различия» [8, с.49], но должно соблюдаться правило для уровня статистической значимости $p \leq 0,05$, что достоверно для 95% выборки (для $p \leq 0,10$ можно вести речь о тенденциях) [7].

Однако следует иметь ввиду относительность фразы «чем меньше U, тем более достоверны различия», т.к. абсолютная величина U достаточно «относительна» и зависит как от шкалы измерения (чем выше в ней показатели, тем больше может ожидаться величина U), а также от численности сравниваемых выборок вообще и разности такой численности, что мы и наблюдаем при включении в сравнение слишком малых (мужская выборка в 2 человека) и значимо превосходящих их по численности (см. Таблицу 1).

Итак, учитывая сказанное и анализируя значения, представленные в Таблице 1, нет смысла говорить о сколь-либо значимых различиях в показателях методики исследования самоотношения ни в одной из пар сравниваемых нами выборок, выделенных как по возрасту, полу, так и по полу и возрасту. При этом фактические различия для показателя «отраженное самоотношение» в сравниваемых выборках мужчин 18-21 лет и 28-33 лет ($U=0,000$ при $p=0,044$) (в Таблице 1 с целью экономии места в отображении величин U все показатели после запятой 2-го и 3-го знаков исключены – это всегда нулевые значения) и в выборках мужчин 22-27 лет и 28 лет и старше ($U=0,000$ при $p=0,095$) можно считать случайными и вызванными малочисленностью выборок (для возрастной группы 22-27 лет это 5 человек, для возрастной группы 28 лет и старше – всего 2 человека).

Отсутствие различий в показателях МИС С.Р. Пантеева в сравниваемых выборках молодых людей позволяет произвести качественный анализ выраженности показателей по шкалам этой методики с опорой на описательные статистики, рассчитанные для всей выборки (см. Таблицу 2).

Диагностические нормы методики С.Р. Пантеева очень просты: для всех «положительных шкал» (все шкалы кроме «внутренней конфликтности» и «самообвинения») диапазон средних значений от 4 до 7 баллов (минимум – 0, максимум – 10); шкала «самообвинение»

описывается отрицательным ростом (по принципу «чем выше, тем хуже»), а для шкалы «внутренняя конфликтность» диапазон средних значений отражает положительные проявления, в то время как «амбизначения» могут говорить об отрицательных признаках, высокие о явной внутренней конфликтности, низкие об ее отрицании.

Исходя из анализа внутригрупповых средних по шкалам «открытость», «самоуверенность», «зеркальное Я», «самопринятие» и «самообвинение» обнаруживаются «уверенные» диагностические средние для данной методики. Причем «выбросы» по 1 трем названным шкалам несильно высоки, центральные и локальные моды соответствуют диапазону средних, и близость распределения внутривыборочных показателей вокруг внутривыборочных средних также подчеркивается значениями

экссессов и асимметричности по этим шкалам, хотя эксцессы по «самоуверенности», «зеркальному Я» и «самопринятию» имеют отрицательные значения, а это указывает на то, что в выборке есть существенные смещения показателей от средних как влево (к более низким значениям), так и вправо (к высоким). Однако, опять же, еще раз подчеркнем, что и центральная, и локальные моды здесь находятся в диапазоне диагностических средних и эти показатели (локальных мод) имеют высокий процент представленности в выборке.

Иначе говоря, в обследованной выборке молодых людей по показателям «открытости», «самоуверенности», «зеркальному Я» и «самопринятию» методики исследования самоотношения, практическое большинство с «уверенными» средними, либо даже с высокими значениями. Для показателя «внутренняя конфликтность»

Таблица 1.

Выраженность различий и показатели уровня статистической значимости для рассчитанных значений U-критерия Манна-Уитни попарно сравниваемых групп, выделенных по гендерному, возрастному и гендерно-возрастному признакам для показателей методики исследования самоотношения (МИС)

Сравниваемые выборки	Стат. показатель	Шкалы методики								
		открытость	самоуверенность	самоуководство	зеркальное Я	самоценность	самопринятие	самопривязанность	внутренняя конфликтность	самообвинение
молодые люди возраста 18-21 и 22-27 лет	U	107,5	88,0	115,0	126,0	125,5	122,0	121,0	101,5	120,0
	p	0,445	0,138	0,642	0,956	0,926	0,838	0,809	0,323	0,780
молодые люди возраста 18-21 и 28-33 лет	U	120,5	113,0	122,0	114,0	112,0	109,0	83,0	73,0	76,5
	p	0,780	0,590	0,838	0,616	0,564	0,491	0,094	0,039	0,051
молодые люди возраста 22-27 и 28-33 лет	U	113,5	71,0	119,0	117,5	101,5	102,0	75,5	106,5	88,0
	p	0,590	0,032	0,752	0,696	0,323	0,341	0,047	0,423	0,138
мужчины и женщины 18-21 лет	U	24,5	28,0	31,0	31,0	31,0	27,0	31,0	23,0	27,0
	p	0,442	0,721	0,959	0,959	0,959	0,645	0,959	0,382	0,645
мужчины и женщины 22-27 лет	U	16,0	21,5	22,0	21,0	23,5	17,5	27,0	27,5	26,5
	p	0,221	0,510	0,583	0,510	0,661	0,267	1,0	1,0	0,913
мужчины и женщины 28-33 лет	U	14,0	8,0	8,0	2,0	8,0	5,5	9,0	9,5	6,0
	p	1,0	0,417	0,417	0,067	0,417	0,200	0,500	0,500	0,267
мужчины 18-21 и 22-27 лет	U	8,0	15,5	18,5	15,5	20,0	14,0	19,0	18,5	20,0
	p	0,093	0,524	0,833	0,524	1,0	0,435	0,943	0,833	1,0
мужчины 18-21 и 28-33 лет	U	6,5	5,0	5,0	0,0	3,5	7,5	8,0	3,0	7,0
	p	0,711	0,533	0,533	0,044	0,267	0,889	1,0	0,267	0,889
мужчины 22-27 и 28-33 лет	U	2,5	2,0	3,0	0,0	1,5	2,0	4,5	3,0	4,0
	p	0,381	0,381	0,571	0,095	0,190	0,381	0,857	0,571	0,857
женщины 18-21 и 22-27 лет	U	39,5	30,0	37,0	39,0	43,5	33,0	40,5	30,0	39,0
	p	0,717	0,272	0,600	0,717	0,968	0,395	0,778	0,272	0,717
женщины 18-21 и 28-33 лет	U	52,5	48,0	55,0	55,5	53,0	51,5	31,5	27,5	28,5
	p	0,815	0,616	0,973	0,973	0,868	0,764	0,095	0,050	0,059
женщины 22-27 и 28-33 лет	U	73,5	41,0	62,0	69,5	65,5	48,0	42,5	66,5	47,0
	p	0,851	0,051	0,434	0,687	0,536	0,120	0,058	0,572	0,107

Таблица 2.

Описательные статистики для показателей методики исследования самоотношения молодых людей общей выборки (мужчины и женщины 18-33 лет)

Статистический показатель	Шкалы методики								
	открытость	самоуверенность	саморуководство	зеркальное Я	самоценность	самопринятие	самопривязанность	внутренняя конфликтность	самообвинение
внутривыборочное среднее	5,500	5,979	3,542	5,313	7,375	6,792	3,833	4,563	4,686
стандартное отклонение (выбросы)	0,923	1,101	1,010	1,587	1,684	1,398	1,464	1,351	1,915
мода центральная	6 _(41,7)	7 _(47,9)	4 _(45,8)	6 _(33,3)	8 _(27,1)	7 _(25,0)	5 _(27,1)	3 _(29,2)	4 _(25,0)
мода(ы) локальная (ые)	5 _(37,5)	5 _(35,4)	3 _(25,0)	4 _(25,0)	7 _(25,0)	8 _(22,9) 5 _(20,8) 6 _(18,8)	4 _(25,0) 2 _(20,8)	4 _(22,9) 5 _(20,8) 6 _(16,7)	5 _(18,8) 6 _(18,8)
дисперсия выборки	0,851	1,212	1,020	2,514	2,835	1,956	2,142	1,826	3,666
эксцесс	0,837	-,0733	0,111	-0,474	-0,286	-0,724	-0,790	-1,058	0,515
асимметричность	0,509	-0,556	-0,248	-0,275	-0,207	0,096	-0,124	0,375	0,240
всего лиц с низкими значениями	0	2,1%	41,7%	10,4%	0	0	37,5%	29,2%	22,9%
всего лиц со средними значениями	95,8%	97,9%	58,3%	81,3%	50,0%	66,7%	62,5%	70,8%	72,9%
всего лиц с высокими значениями	4,2%	0	0	8,3%	50,0%	33,3%	0	0	4,2%

Примечание: в графах со значением моды (центральная – наиболее часто встречающееся значение показателя, локальные – также часто, но реже, чем центральная мода, встречающиеся показатели) в нижнем регистре указан процент выборки с таким показателем описываемого признака

внутригрупповые средние отвечают близости к границе средних и пониженных значений, а центральная мода (29,2% выборки) – фактически низким значениям, но локальные моды 4-6 баллов выявляются у 60,4% выборки, и сюда можно добавить еще 10,4% выборки (по данным частотного анализа), имеющих выраженность этого показателя в 7 баллов (диагностическое среднее), т.е. в итоге число лиц со средними значениями по «внутренней конфликтности» составляет 70,8% (с высокими нет, а с низкими, соответственно, 29,2%, т.е. потенциально – это молодые люди, подавляющие или вытесняющие свои проблемы, что, однако, требует отдельного индивидуального подхода: может статься, что реальных проблем у них на данный момент и нет).

Показатель «самообвинение» по своим внутригрупповым средним также находится в диапазоне диагностических средних; здесь же находятся центральная и локальные моды (4-6 баллов: общая представленность в выборке 62,6% + 10,4% лиц с «нормативной» с точки зрения диагностических средних для методики выраженностью показателя в 7 баллов; итого 73% выборки со средней выраженностью самообвинения; при этом по данным частотного анализа 22,9% выборки имеют

низкое самообвинение и всего 4,2% высокое, что вполне хорошо для выборки).

Итак, в обследованной выборке молодых людей по шкалам методики исследования самоотношения: «открытость», «самоуверенность», «зеркальное Я», «самопринятие», «внутренняя конфликтность» и «самообвинение» выявляются вполне позитивные итоги, в основном «центрируемые» вокруг невыраженности признаков, т.е. средних значениях.

Показатель «самоценность» и в величинах внутригруппового среднего, и в значениях модальных величин соотносим с диагностическими средними методики (в сумме у 50% выборки по данным частотного анализа, но остальные 50% выборки имеют высокие значения).

Несколько хуже обстоит дело в обследованной выборке молодых людей с показателями «саморуководство» (58,3% выборки имеют средние значения и 41,7% низкие, высоких нет) и «самопривязанность» (у 62,5% средние значения и у 37,5% низкие, высоких показателей нет). В интерпретационных характеристиках методик это означает, что 42% молодых людей имеют пониженную

саморегуляцию, недостаточную «сфокусированность Я», подвластны влияниям обстоятельств (низкий локус контроля) и 38% испытывают значимую неудовлетворенность собой.

Перейдем к рассмотрению показателей нарциссизма, для чего также сравним выборки, выделенные по признакам пола, возраста, и признаку «пол – возраст» (см. Таблицу 3).

Согласно анализу данных, представленных в Таблице 3 в сравниваемых выборках молодых людей есть крайне слабые различия в «отсутствии эмпатии» в выборках возрастов 18-21 лет и 22-27 лет, но проявляющие себя на уровне тенденций, а также в «сверзанности чувством зависти» в выборках возрастов 18-21 лет и 28-33 лет:

различия явные, но очень слабые. Есть определенные различия у мужчин и женщин 18-21 лет в показателе «ожидание особого отношения», причем у юношей этот показатель несколько выше ($M=26,5$ при $\sigma=2,7$) чем у девушек ($M=22,8$ при $\sigma=3,5$), но показатели очень близки и в обоих случаях относятся к диагностическим средним, а также в показателе «отсутствие эмпатии», он у юношей также выше ($M=30,0$ при $\sigma=3,3$) и относится к повышенным значением, в то время как у девушек ($M=26,4$ при $\sigma=3,9$) к средним.

Есть определенные различия у мужчин и женщин 22-27 лет в показателе «дерзкое, заносчивое поведение», который у мужчин ($M=18,0$ при $\sigma=4,0$) несколько выше, чем у женщин ($M=14,9$ при $\sigma=2,6$), однако оба этих значения находятся в интервале диагностических низких.

Таблица 3.

Выраженность различий и показатели уровня статистической значимости для рассчитанных значений U-критерия Манна-Уитни попарно сравниваемых групп, выделенных по гендерному, возрастному и гендерно-возрастному признакам для показателей методики «Нарциссические черты личности» (НЧЛ)

Сравниваемые выборки	Стат. показатель	Шкалы методики								
		грандиозное чувство самозначимости	поглощенность фантазиями	вера в собственную уникальность	потребность в постоянном внимании и восхищении	ожидание особого отношения	манипуляции в межлич- ностных отношениях	отсутствие эмпатии	сверзанность чувством зависти	дерзкое, заносчивое поведение
молодые люди возраста 18-21 и 22-27 лет	U	121,0	120,0	120,0	109,5	121,0	126,0	85,5	113,0	113,5
	p	0,809	0,780	0,780	0,491	0,809	0,956	0,110	0,590	0,590
молодые люди возраста 18-21 и 28-33 лет	U	108,5	115,0	126,5	100,5	120,5	97,0	103,0	76,5	117,0
	p	0,468	0,642	0,956	0,305	0,780	0,254	0,361	0,051	0,696
молодые люди возраста 22-27 и 28-33лет	U	127,0	111,5	125,5	87,5	122,5	104,0	102,0	80,5	126,5
	p	0,985	0,539	0,926	0,128	0,838	0,381	0,341	0,073	0,956
мужчины и женщины 18-21 лет	U	23,5	24,0	25,0	19,5	12,0	21,5	15,0	31,0	20,0
	p	0,382	0,442	0,505	0,195	0,038	0,279	0,083	0,959	0,234
мужчины и женщины 22-27 лет	U	21,0	27,0	18,5	27,0	20,5	21,0	25,0	25,0	10,5
	p	0,510	1,0	0,320	1,0	0,441	0,827	0,827	0,827	0,052
мужчины 18-21 и 22-27 лет	U	15,0	16,0	16,5	19,5	11,5	13,5	7,5	19,5	19,0
	p	0,524	0,622	0,622	0,943	0,222	0,354	0,065	0,943	0,943
женщины 18-21 и 22-27 лет	U	40,0	37,5	40,0	30,5	25,0	34,0	37,0	36,0	42,5
	p	0,778	0,600	0,778	0,272	0,129	0,442	0,600	0,545	0,904
женщины 18-21 и 28-33 лет	U	49,0	37,5	53,5	55,0	36,5	50,0	52,5	31,5	54,0
	p	0,664	0,212	0,868	0,973	0,188	0,714	0,815	0,095	0,920
женщины 22-27 и 28-33 лет	U	76,0	56,5	74,0	54,0	64,0	58,5	62,5	45,0	76,5
	p	0,979	0,267	0,893	0,222	0,501	0,317	0,434	0,085	0,979

Примечание: учитывая предыдущий анализ, не представлены данные сравнения с участием малой по численности выборки мужчин возрастной группы 28 лет и старше (2 человека)

Также есть различия в сравниваемых выборках мужчин возрастных групп 18-21 лет и 22-27 лет по показателю «отсутствие эмпатии», и этот показатель несколько менее ($M=26,0$ при $\sigma=5,7$) выражен у мужчин более возрастной группы 22-27 лет, чем у более молодой ($M=30,0$ при $\sigma=3,3$) (соответственно: диагностические средние и повышенные значения).

В целом же мы видим, что явных и существенных различий по всем показателям методики «Нарциссические черты личности» в сравниваемых группах молодых людей, выделенных по признакам пола, возраста и «пол – возраст» нет. В этой связи мы имеем полное право проводить анализ выраженности показателей указанной методики на массиве данных общей выборки.

Для большей ясности картины нами были переведены показатели каждого респондента по указанной методике в относительную выраженность низких, средних и высоких значений: это тем более удобно в том случае, что каждая шкала методики имеет для них собственные диагностические диапазоны.

Представим в Таблице 4 процентное соотношение лиц общей выборки с высокими, средними и низкими частными показателями нарциссизма.

Как видно из Таблицы 4, существенная часть респондентов (а иногда, и преимущественная) имеет низкие частные показатели нарциссизма, и лишь фактически только по «отсутствию эмпатии» есть существенная часть лиц с высокими показателями. Большое число лиц с низкими частными показателями нарциссизма вызывает у нас два вопроса: во-первых, хорошо это или плохо, и во-вторых, одни ли это и те же лица? Начнем со второго вопроса, ответ на который может быть легко получен статическим, а именно – методом корреляционного анализа.

Величины корреляционных связей (r -Пирсона) для

связей 1-го показателя («грандиозное чувство самозначимости») следующие: с «поглощенностью фантазиями» $r=0,584$ при $p=0,000$; с «верой в собственную уникальность» $r=0,468$ при $p=0,001$; с «потребностью в постоянном внимании и восхищении» $r=0,422$ при $p=0,003$; с «ожиданием особого отношения» $r=0,220$ при $p=0,133$; с «манипуляциями в отношениях» $r=0,021$ при $p=0,886$; с «отсутствием эмпатии» $r=-0,558$ при $p=0,000$; со «сверхзанятостью чувством зависти» $r=-0,186$ при $p=0,205$; с «дерзким и заносчивым поведением» $r=0,438$ при $p=0,002$.

На наш взгляд корреляции очень показательные, что мы затронем несколько позже мы порассуждаем позже. А сейчас вернемся к первому вопросу. Еще во Введении настоящего исследования мы говорили о сложности и неоднозначности феномена нарциссизма. Вернемся к этому. По сути, многими людьми гордыня и нарциссизм считаются явлениями схожими, или, по крайней мере, близкими. Напомним, что первым, кто был одержим грехом гордыни, был падший ангел Люцифер – любимец Бога, возомнивший себя равным Богу, если Его не превосходящим.

Однако напомним также, что в православии гордыней называют не только высокомерие, фактически отрицающее Бога, но в большинстве случаев считают признаками гордыни и постоянное самоуничижения. На наш взгляд гордыня отличается от нарциссизма только объектами сравнения: для гордыни – это Бог, для нарциссизма – люди. Вернемся к нарциссизму как психологическому и психиатрическому явлению. У нас в стране нарциссизм как отдельный психиатрический диагноз фактически или вообще не применяют. «Согласно DSM APA – классификатора «Диагностическое и статистическое руководство по психиатрическим заболеваниям Американской психиатрической ассоциации» диагноз «нарциссическое расстройство личности» может быть поставлен лишь при наличии не менее чем пяти устой-

Таблица 4.

Процентная представленность молодых людей общей выборки (мужчины и женщины 18-33 лет) с низкими, средними и высокими частными показателями нарциссизма, %

Выраженность показателя	Шкалы методики								
	грандиозное чувство самозначимости	поглощенность фантазиями	вера в собственную уникальность	потребность в постоянном внимании и восхищении	ожидание особого отношения	манипуляции в межличностных отношениях	отсутствие эмпатии	сверхзанятость чувством зависти	дерзкое, заносчивое поведение
низкая	72,9	18,8	97,9	47,9	4,2	6,3	0	58,3	87,5
средняя	27,1	81,3	2,1	52,1	95,8	87,5	64,6	41,7	12,5
высокая	0	0	0	0	0	6,3	35,4	0	0

чивых черт при условии, если они наблюдаются не менее полугодом. В остальных случаях речь идет о состояниях или переходных формах нарциссизма, которые возникают вследствие угрозы целостности представлений личности о себе. Выделяют 9 нарциссических черт: 1) «грандиозное чувство собственной значимости; 2) вера в собственную уникальность; 3) потребность в постоянном внимании и восхищении; 4) поглощенность фантазиями; 5) манипуляции в межличностных отношениях; 6) дерзость и заносчивость поведения; 7) ожидания особого отношения; 8) дефицитарность эмпатии; 9) сверхзанятость чувством зависти» [10, с.153].

Это фрагмент статьи О.А. Шамшиковой и Н.М. Клепиковой, выпустивших в свет в 2010 г. методичку «Нарциссические черты личности», шкалы которой полностью перечисляют в DSM APA частные показатели нарциссизма. Однако необходимо иметь в виду, что нарциссизм по мнению ряда ученых содержит в себе и обратную, или, точнее, «изнаночную» или «оборотную» сторону, которая оказывается ничуть не «лучше» «лицевой» – это те же проблемы, только маскируемые в своих проявлениях и выражениях, и, особенно, в вопросах психосоматики.

В этой связи, в частности С.М. Джонсон [4] в 3-х формах экспрессии нарциссизма выделяет проявления *фальшивого Self* с зависимостью от успехов, педантизмом, чувством собственной значимости, гордостью, излишней требовательностью (что часто сопровождается перфекционизмом), и сосредоточенностью на себе (привычное в той или иной мере всем понимание нарциссизма); *симптоматического Self* с чувствительностью к стыду и унижению, ипохондричностью и психосоматическими явлениями, переживанием ничтожности и самообесцениванием, депрессивностью, инертностью, перерывами в работе, ранимостью самолюбия и стремлением к изоляции.

Истинное же Self для обеих форм нарциссизма схоже: ощущение пустоты, никчемности, паники с ослаблением и фрагментацией *Self*. В целом же по Джонсону нарциссизм — это прокламация фальшивого *Self*, которому отдается преимущество перед *Self* настоящим. Казалось бы, все с пониманием нарциссизма прозрачно: критерии выделены, и они достаточно глубоко психопатологичны, но все чаще различные авторы приходят к тому, что современный человеческий мир все более и более погружается в пучину нарциссизма: мы все более любим себя и все меньше склонны обращать внимание на других, и это уже проявляет себя в отказе от создания семьи и деторождения вообще, и целом ряде других явлений.

На наш взгляд проблема нарциссизма в некоторых местах сближается с проблемой самооценивания, что проявляет себя в частности в инфляции «Я» при «явном» нарциссизме и неадекватно завышенной самооценке, и

дефляции «Я» при симптоматическом нарциссизме (иногда в своей выраженной форме его называют эготическим нарциссизмом (по примеру нимфы Эхо, влюбленной в Нарцисса и не получившей ответа) и заниженной самооценке.

Однако на наш взгляд проблемы с самооценкой носят прежде всего психологический характер, в то время как нарциссизм – это прежде всего болезнь души (часто – проблема нравственности человека). Б.С. Братусь [1] выделяет в самооценке ценностную («я оцениваю себя как самоценность») и операционно-техническую («что я умею делать и делаю, и как я это делаю») компоненты. При этом он обращает внимание на то, что у невротиков часто операционно-техническая самооценка занижена, что они чаще всего компенсируют ценностной самооценкой, правда, нередко, для ее объективизации что-то предпринимая, например, «уходя» в культуру, саморазвитие и т.д.

Отчасти, это решение симптоматического нарциссизма. Хорошо, на наш взгляд, проявление нарциссизма отражает анекдот-сентенция (отдельный вопрос, как, когда и кем сочинялись подобные анекдоты), включающий в себя всего три фразы: «армяне лучше, чем грузины! Чем лучше? Чем грузины!». В применимости к личности можно привести и такие косвенные реакции: «если мне платят больше, значит я этого заслуживаю», «я живу лучше, чем ты, значит я лучше, чем ты» и т.д. Таким образом, в фокусе нарциссического сравнения фактически полностью отсутствует анализ объективного и содержательного.

На наш взгляд, выделяемые DSM APA девять признаков нарциссизма – это удобная национальная и политическая уловка, благодаря которой можно не обращать внимание на высокомерие отдельных чиновников, различное отношение к воровству («если ты украл у соседа мешок яблок – ты вор, но если ты украл вагон спирта, то ты – будущий олигарх» – одно из любимых изречений нашего народа в «лихие 90-е», и т.д.; известно, что эпилептоидная акцентуация признана только у нас в стране и во Франции. Как её признавать в Америке с её культом ковбойского «мачо», или, например, в Канаде, где «крутые» лесорубы – национальная гордость?).

В этой связи проблема нарциссизма гораздо глубже и многограннее. И в этой же связи со всей очевидностью методика «Нарциссические черты личности» О.А. Шамшиковой и Н.М. Клепиковой вообще не принимает во внимание любые представления о симптоматическом нарциссизме и низкие показатели по ней говорят лишь об отсутствии явных проявлений фальшивого *Self*. Но, при этом, сложность проблемы нарциссизма подчеркивается и выявленными нами корреляционными связями, как минимум, одного показателя «грандиозное чув-

ство самозначимости» (а он здесь чуть-ли не ведущий) с другими: связи хотя и не тесные, но прямые со всеми показателями, кроме «отсутствия эмпатии» и «сверхзанятостью чувством зависти» (здесь они обратные). То, что связи не тесные и в ряде случаев значения уровня статистической значимости не достигают необходимого уровня – это, по сути, статистические «мелочи», которые могут поменять свои величины с увеличим выборки.

Однако напомним, что прямые связи означают, что рост одного признака ведет к росту другого признака, т.е. проявление «грандиозного чувства самозначимости» ведет и к проявлению других (а у нас это также означает, что лица с малой выраженностью этого признака имеют и малую выраженность других частных показателей нарциссизма), а обратные корреляционные связи означают, что рост одного признака ведет к уменьшению тех, которые с ним корреляционно связаны обратно. У нас с «грандиозным чувством самозначимости» обратно связаны «отсутствие эмпатии» и «сверхзанятость чувством зависти».

Мы проверили методику «Нарциссические черты личности» О.А. Шамшиковой и Н.М. Клепиковой с включением всех её шкал на внутреннюю согласованность (надежность) по α -Кронбаха и величина коэффициента составила на нашей выборке 0,402 – показатель «не ахти какой», или, прямо, скажем, этот показатель соответствует недостаточной ($\leq 0,5$) надежности, но, все же, методика отражает в себе суть завяленных ею выявляемых явлений. Однако выявленные нами обратные связи «грандиозного чувства самозначимости» с «отсутствием эмпатии» и «сверхзанятостью чувством зависти» говорят лишь о том, что современные «Нарциссы» и обладают достаточным эмоциональным интеллектом (в структуру которого эмпатия входит), и не так проявляют себя в зависти к другим уже потому, что более стремятся не завидовать, а использовать других («постулаты» нарциссической личности получили свою наибольшую разработанность в 60-80-е гг. прошлого столетия, но, со всей очевидностью, человек меняется).

Итак, подведем итоги: большая часть обследованных нами молодых людей имеет низкие и средние показатели нарциссизма, но исключение составляет показатель «отсутствие эмпатии», обнаруживающий свою высокую выраженность у фактической 1/3 выборки, и, при этом, остальные часть выборки представлены лицами со средней выраженностью этого показателя (средний уровень эмпатии), что уже создает предпосылки понимать ситуацию (треть выборки с «отсутствием эмпатии») как угрожающую с точки зрения наличия предикторов нарциссизма; показатели нарциссизма в основном прямо, хотя и не сильно связаны между собой, за исключением связей с «отсутствием эмпатии» и «сверхзанятостью чувством зависти», что позволяет судить об изменении про-

явлений нарциссизма у современных людей; методика «Нарциссические черты личности» О.А. Шамшиковой и Н.М. Клепиковой полностью построена на классификаторе «Диагностическое и статистическое руководство по психиатрическим заболеваниям Американской психиатрической ассоциации» и не учитывает «изнанные» проявления нарциссизма, что не позволяет однозначно говорить о его отсутствии у лиц, чьи показатели по этому тесту минимальны, и, в целом, прогностичность методики слаба (альфа Кронбаха $0,402 \leq 0,5$, что говорит о ее недостаточной надежности).

Перейдем к рассмотрению вопроса отношения к вере. Напомним, что тест на духовность содержит в себе 4 шкалы, отражающие в баллах понимание субъектом духовности в 4 аспектах: 1) духовность как инструмент личностного роста и развития; 2) духовность как следование нравственному принципу (кантовскому категорическому императиву); 3) духовность как поиск и обретение мистического опыта; 4) духовность как обретение безопасного убежища (мира и покоя в душе, утоления всех печалей).

Сразу заметим, что нами был просчитан коэффициент альфа Кронбаха, составивший значение 0,421 – с очевидностью низкое, но, по крайней мере, методика действительно «работает» «на духовность». Для удобства анализа нами были выделены доминирующие, субдоминантные и отвергаемые типы духовности, что, безусловно, является условным уже в силу того, что при возможном максимуме баллов в 12 единиц отдельными респондентами были получены максимальные оценки, равные 6 баллам.

Мы присвоили соответствующие статистические метки для доминирующих, субдоминантных и отвергаемых типов духовности, используя для себя правило: максимальная выраженность признака, если она находится в диапазоне от 10 до 12 баллов, относилась к доминирующему типу духовности, и здесь также выбирался единственный тот тип духовности, выраженность по которому была больше; соответственно, к субдоминантному типу относился тот тип (или их сочетание), выраженность по которым также относилась к выраженности своего показателя 8-10 баллов, но из них также выделялся наибольший (например, в 9 баллов при наличии 2 других в 8 баллов), но признаки в 9-8 баллов относились уже к субдоминантным без наличия здесь доминирующего признака; типы духовности с выраженностью признака в 7 баллов и ниже, если иных не выявлялось, относились к неопределенным (нулевая метка) и не учитывались в качестве доминирующих и субдоминантных, но учитывались отвергаемые типы духовности, показатели которых были 3 и ниже баллов.

Далее были определены значения Хи-квадрат Пирсо-

на для выявления случайности-неслучайности частного распределения в связи с полом и возрастом респондентов (см. Таблицу 5).

Согласно данным, представленным в Таблице 5, статистической связанности частотного распределения типов духовности в отношении доминирующего, субдоминантного и отвергаемого предпочтений ни в связи с полом (даже если учитывать, что уровень статистической значимости для Хи-квадрат Пирсона двухсторонний, и его величины могут быть поделены надвое в случаях для связи субдоминантного и отвергаемого типов духовности в связи с полом, и благодаря этому можно было бы вести о тенденциях связи, что не имеет смысла), ни с возрастом нет.

Проведем частотный (сразу процентный) анализ для общей выборки. Для доминирующего типа духовности преобладание каких-либо выборов отсутствует у 52,1% респондентов; у 20,8% это духовность как инструмент личностного роста и развития; у 14,6% это духовность как следование нравственному принципу; остальные выборы, в том числе и сочетанные, представлены крайне слабо (2,1% и 4,2%).

Для субдоминантного типов духовности преобладание выборов отсутствует у 43,8% выборки; у 16,7% это духовность как инструмент личностного роста и развития; у 14,6% выборки это духовность как следование нравственному принципу; остальные выборы представлены слабо (6,3-2,1%).

Для отвергаемых типов духовности выборы отсутствуют у 60,4% респондентов; для 16,7% выборки это духовность как поиск и обретение мистического опыта; для 14,6% респондентов это духовность как обретение безопасного убежища; остальные выборы представлены слабо (2,1% и 4,2%).

На основании полученных данных можно говорить о том, что большинство обследованных нами молодых людей не имеет четко сформированного отношения к вере: только примерно для каждого пятого из них духовность – это «место приложения» их культурно-исторических аспектов саморазвития и еще примерно для 17% из них это уже имеет не такой важный по значимости интерес, и лишь примерно для 15% респондентов вера

сопряжена с нравственностью, и еще примерно для 15% отношение к подобной нравственности может быть сформулировано по принципу «ну, может быть, в определенных условиях».

Подводя итоги по 1 задаче исследования, мы не можем говорить о сколь-либо существенных различиях, да, и в целом, скорее следует вести речь об отсутствии таковых, для показателей самоотношения, нарциссизма и отношения к вере у молодых мужчин и женщин, а также об их условной динамике в связи с возрастом (точно можно говорить о таковой лишь в случае лонгитюдного исследования). Значимых признаков нарциссизма нами не выявлено, что, однако, с нашей точки зрения не указывает на их отсутствие, но на определенные недочеты методики.

Показатели самоотношения в целом средние. Отношение к вере – не на «высоте». Как все это соотносится с личностной зрелостью – обсудим ниже. В целом же полученные результаты идут вразрез с 1 гипотезой: молодые люди – мужчины и женщины разных возрастных групп периода молодости могут иметь различия в показателях самоотношения, нарциссизма и выделяемых типах духовности.

Для определения связи между показателями использованных в работе методик мы использовали процедуру факторизации данных (без вращения референтных осей), но с определением критерия КМО и сферичности Бартлетта, составившем величину 0,518, что позволяет считать факторный анализ признанным для нашей выборки (но с низкой адекватностью [6, с.294]).

«Осыпь» графика собственных значений (см. Рисунок 1) уже начинается после 1-го фактора (его вклад в обобщенную дисперсию выборки составляет 20,5%) и очевидна («каменистая осыпь» в терминологии Р. Кеттелла) после 2-го фактора и его вклад в обобщенную дисперсию выборки 12,4%; вклад 3-го фактора 11,9%, остальных – существенно ниже. Таким образом к рассмотрению мы допустили пока что 1 фактор. Связи в нем и «веса» с соответствующими знаками присутствия в факторе показателей методик отражены в Таблице 6.

И хотя вклад в обобщенную дисперсию выборки представленного в Таблице 6 фактора составляет всего

Таблица 5.

Значения Хи-квадрат Пирсона и уровня статистической значимости для связи распределения доминирующих, субдоминантных и отвергаемых типов духовности с полом и возрастом респондентов

Выделенная выборка	Доминирующий тип духовности		Субдоминантный тип духовности		Отвергаемый тип духовности	
	χ^2	p	χ^2	p	χ^2	p
по полу	0,787	0,341	10,681	0,220	7,324	0,198
по возрасту	10,920	0,536	14,821	0,538	8,605	0,570

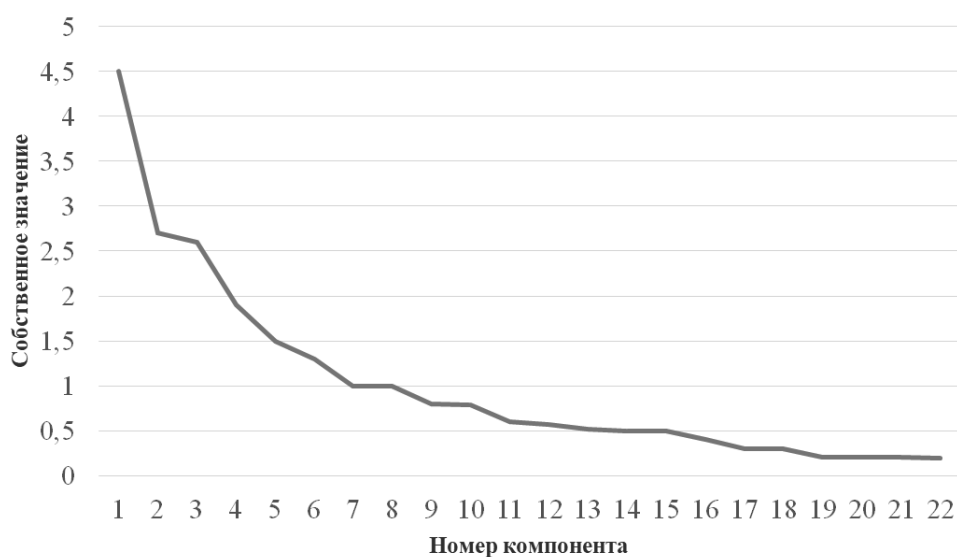

Рис. 1. График собственных значений факторов

Таблица 6.

Показатели и их весовые нагрузки в факторе №1

Показатель методики *	«Весовое» присутствие в факторе и направленность
открытость (МИС)	0,261
самоуверенность (МИС)	0,676
саморуководство (МИС)	0,536
зеркальное Я (МИС)	0,531
самоценность (МИС)	0,477
самопринятие (МИС)	0,394
самопривязанность (МИС)	0,350
внутренняя конфликтность (МИС)	-0,644
самообвинение (МИС)	-0,640
грандиозное чувство самозначимости (НЧЛ)	0,647
поглощенность фантазиями (НЧЛ)	0,451
вера в собственную уникальность (НЧЛ)	0,453
потребность в постоянном внимании и восхищении (НЧЛ)	0,311
ожидание особого отношения (НЧЛ)	-0,075
манипуляции в межличностных отношениях (НЧЛ)	-0,259
отсутствие эмпатии (НЧЛ)	-0,642
сверхзанятость чувством зависти (НЧЛ)	-0,565
дерзкое, заносчивое поведение (НЧЛ)	0,322
вера как инструмент (ТД)	0,317
вера как нравственный принцип (ТД)	-0,054
вера как мистика (ТД)	0,302
вера как убежище (ТД)	0,260

Примечание: *(МИС – методика исследования самооотношения);
НЧЛ – «нарциссические черты личности»; ТД – «тест на духовность»

около 20%, но это все же означает, что такой «психологический портрет» описывает фактически каждого 5-го из обследованных нами молодых людей, но представленные в Таблице 6 данные преподносят явные сюрпризы. В факторе с положительными весами (прежде всего, обратим внимание на средние, выше их нет, и умеренные (0,30-0,49) представлены все показатели самоотношения («открытость» также с прямым, но слабым) (понятно, что «внутренняя конфликтность» и «самообвинение» – с обратными) и следующие показатели нарциссизма (с прямыми!): «грандиозное чувство самозначимости», «поглощенность фантазиями», «вера в собственную уникальность» и «потребность в постоянном внимании и восхищении», а также «дерзкое, заносчивое поведение», и, кроме того, в факторе также присутствуют с прямыми весовыми нагрузками отношения к вере в показателях «вера как инструмент» и «вера как мистика» (но также со слабой нагрузкой «вера как убежище»).

С обратными весами представлены частные показатели нарциссизма «отсутствие эмпатии» и «сверхзанятость чувством зависти» (и об этом мы уже говорили, когда обсуждали корреляционные связи внутри методики на нарциссизм), а также «манипуляция в межличностных отношениях» (хотя и со слабой нагрузкой). Почему показатели самоотношения прямо связаны с большинством показателей нарциссизма, выглядит парадоксом. Но на этом мы остановимся несколько позже.

Получив такие результаты, закономерен вопрос о связях показателя веры как нравственного принципа с другими показателями (по Канту, «поступай с другими также, как если бы ты хотел, чтобы другие поступали с тобой»). Более всего этот показатель («вера как нравственный принцип») наиболее выражен (и, к тому же представлен положительной весовой нагрузкой (средней и равной 0,560) в 3-м факторе, вклад которого в обобщенную дисперсию выборки составил 11,9%, что, собственно, не много (т.е. фактически в выборке это описание каждого 10-го человека), но если отбросить все веса с уровнем ниже умеренных, то этот показатель обратно связан со всеми остальными показателями отношения к вере (со средними весами, но обратными нагрузками в факторе представлены отношения к вере как к инструменту (-0,653), мистике (-0,689) и убежищу (-0,576)), но, что более важно, в факторе с прямыми, но умеренными весами представлены частные показатели нарциссизма: «грандиозное чувство самозначимости» (0,426), «потребность в постоянном внимании и восхищении» (0,407), «ожидание особого отношения к себе» (0,474) и «дерзкое, заносчивое поведение» (0,416). Показатели самоотношения представлены очень слабо ($\leq 0,19$) или слабо (0,20-0,29) и наиболее сильно из них с отрицательным знаком представлена «внутренняя конфликтность» (-0,273).

Таким образом, результаты факторизации в обоих случаях, казалось бы, обескураживают. При этом весовые нагрузки и «знаковое» присутствие показателя в факторе следует понимать фактически также, как и корреляционные связи (факторный анализ строится на принципах корреляционного): положительная связь показателей означает, что рост одного ведет к росту другого, отрицательная – к уменьшению. Весовая же нагрузка, как и сила корреляционной связи одновременно означает и вероятность присутствия признака, и его выраженность.

Таким образом, для 3-го фактора отношение к вере как нравственному принципу не сопоставимо с отношением к вере как убежищу, явлению мистики и возможности личностного роста, но вероятностно с проявлением вероятности от 0,4 и, почти, до 0,5 может встречаться с частными проявлениями нарциссизма требованием к себе внимания и восхищения, ростом чувства самозначимости и ожиданием к себе особого отношения. Еще более неприглядная картина наблюдается в однонаправленных сочетаниях в факторе №1 ряда показателей нарциссизма и ряда позитивных показателей самоотношения. Казалось бы: нарциссизм – это негативное личностное явление, а на высокую значимость позитивного самоотношения в структуре личностной зрелости указывают все авторы, ее изучающие. Как эти явления могут между собой сочетаться?

На наш взгляд, совершенно естественным образом. В греческом мифе Нарцисс любит себя собственным отражением в воде; в психоаналитических концепциях нарциссизм – это любовь к себе (речь идет лишь о границах такой любви, что отличает «нормальный» нарциссизм от призраков злокачественного (по О. Кернбергу). Таким образом, совершенно естественно, что «психологический нарцисс» имеет к себе весьма позитивное отношение и нарциссизм может быть понят нами как комплекс специфического самозащитного поведения личности, хотя и весьма утрированного (с психологическими защитами его также сближает эго-синтонность).

Но рассмотрение нами 1-й исследовательской задачи во всем ее объеме показало, что подавляющее большинство обследованных молодых людей имеет нормативные средние показатели самоотношения и большая часть из них имеет средние и даже низкие частные показатели нарциссизма. Какими являются проявления «нормального», «здорового» нарциссизма, методика «Опросник «Нарциссические черты личности» О.А. Шамшиковой и Н.М. Клепиковой не описывает, и мы в факторном анализе оперировали терминами, в основном представленными DSM APA (т.е. теми, какие заданы методикой). Статистическая же связанность (т.е. собственно математическая) явлений отражает характер тенденций в изменении признака. Так, например, в 1-м факторе са-

моуверенность по МИС (0,676) и грандиозное чувство самозначимости теста на нарциссизм (0,647) средне связаны между собой и их положительное присутствие в факторе означает, что рост самоуверенности как показателя самоотношения (буквально «представления о себе как самостоятельном, волевом, энергичном, надежном человеке, которому есть за что себя уважать») ведет к росту у себя чувства самозначимости как нарциссического проявления.

Но еще раз подчеркнем, что по данным рассмотрения 1-й задачи показатели у респондентов преимущественно средние или даже низкие, т.е. *факторные связи выявляют характер взаимоотношений между названными признаками (рот одного ведет к росту другого).*

Точно также отношение к себе как нравственному человеку может вызывать у самого себя чувство гордости, которое в терминах методики «Нарциссические черты личности» и в наших статистических связях проявляет себя как «ожидание особого отношения к себе», в «грандиозном чувстве самозначимости» и в «потребности в постоянном внимании и восхищении». Но даже если у человека рождаются подобные переживания, то их можно считать достаточно естественными, т.к. природа нарциссизма по своей сути архетипична. Но еще раз, в нашей выборке лиц с выраженными признаками нарциссизма нет, а показатели самоотношения, в целом, «средины».

Так может быть явление личностной зрелости в определенной степени и состоит в умении себя сдерживать в собственных негативных проявлениях?

Продолжим ход собственных мыслей, для чего приведем несколько примеров.

- 1) психолог пишет заключение об установочном поведении психопатизированной личности, вскрывшей себе вены и любым способом избегающей службы в армии (но без декомпенсации он легко ее может продолжить, а в некоторых случаях и достичь высот в карьере);
- 2) малообразованный и имеющий в своем «арсенале» проявления девиантности (например, «не дурак выпить»), гастарбайтер прыгает на козырек подъезда и по газовой трубе взбирается в горящую квартиру и спасает ребенка на глазах зевак, парализованных ситуацией;
- 3) успешный в среде студентов профессор и с успехом же читающий лекции для рабочей молодежи попадает в окопы и проявляет крайне инфантильное поведение (каждый из нас не универсален и не ко всем жизненным ситуациям может быть приспособлен, и, к тому же, не каждый из нас может стать, например, водолазом или спасателем, равно как военным, летчиком и т.д.), но этот про-

фессор может себя реализовать и в боевой ситуации и в качестве психолога, если он психолог или философ по образованию (и не только), в качестве военного инженера (если он, например, строитель) и т.д., но может также и с автоматом в руках встать на защиту Отечества, но может и сдаться в плен при первой возможности, пытаясь спасти свою жизнь.

Таких примеров можно привести множество, но суть приведенных в том, что в каждом случае речь идет о поступке, в котором присутствует мотивация, саморегуляция и иные проявления личности. В этой связи суть нашего вывода состоит в следующем. Выделяемые многими авторами, изучающими проблему личностной или психологической зрелости, психологические особенности «зрелой личности» и отраженные в имплицитных концепциях зрелой личности - ответственность, осознанность и рефлексивность, направленность на саморазвитие, самопринятие и самоуважение, жизнестойкость, самоуправление и организация жизни, целостность и конгруэнтность, широта связей с миром, позитивность межличностных отношений, толерантность, наличие нравственного сознания и гуманистических ценностей [3, 9 и др.], это предиспозиции зрелости, далеко не всегда имеющие возможность себя реализовать и далеко не всегда присутствующие в перечисленном объеме в отдельном человеке.

Это «зазеркалье» зрелости: можно всю жизнь стремиться к личностному саморазвитию, проявлять чудеса жизнестойкости, но оставаться, при этом, эгоистичным мерзавцем. С одной стороны «зрелая личность» это конструкт целостный, в котором все перечисленные личностные проявления взаимосвязаны, но с другой, как сказано в Писании, «по делам вашим да будет вам». И здесь мы полностью согласны с Е.Л. Доценко и В.А. Старцевой [5], считающими, что мерой зрелости личности может выступать только поступок, и только зрелый поступок.

Как показало наше исследование, уже умение ограничивать себя в «нелицеприятных» для «человеческой природе» явлениях (что нами и было показано в исследовании в целом, а также в установлении статической связанности между использованными в работе показателями, чем и была подтверждена 2 гипотеза исследования) уже выступает отдельными показателями зрелости, но далеко недостаточными, и в этой связи личностные дериваты психологической зрелости также еще недостаточны для ее констатации.

Заключение

Личностная или психологическая зрелость может быть оценена (и реализована) лишь в конкретных жиз-

ненных проявлениях: без «умной» любви к ребенку нельзя его вырастить психологически здоровым и вне «умной» самоотдачи партнеру по брачным отношениям легко потерять семью, нельзя себя «самоактуализировать» вне нравственного отношения к другим людям и т.д. Личностная зрелость проявляет себя в адаптивных способностях личности, понимания под адаптацией возможности задействования своих всегда несоциальных личностных резервов, но, также и в умении находить наиболее оптимальные именно для себя «ниши» жизненного присутствия, которые также будут приносить и пользу другим людям.

Все это далеко не всегда является поступком в общепризнанном понимании этого слова: здесь далеко не всегда присутствует «привычная» героика. Но главное в нашем понимании личностной зрелости – это умение удерживать себе от делания недолжного, помноженное на постоянное умение делать все необходимое и должное в каждой конкретной жизненной ситуации (позиция стоицизма: делай то, что должно и будь то, что будет).

Конечной мерой такой зрелости, на наш взгляд, выступает оценка линии жизни человека. Безусловно, мы все делаем жизненные ошибки. Но умение их анализировать (рефлексия) и потом учитывать и больше не совершать, всякий раз понимая, что «я себе этого не прощу» (и в основе такого понимания должен быть нравственный выбор), это, на наш взгляд, и есть внутренняя мера поступка, и здесь уже речь идет именно о поступке, и в основе таких жизненных выборов и поступков как

и обратно связанными с ними (одно влияет на другое), безусловно, лежат и особенности нашего характера, и нашей личности в целом, перспективы развития которых так хорошо описывают имплицитные концепции личностной зрелости.

Однако без постоянной активной и нравственной включенности в реальную жизнь, в реальные социальные отношения, с постоянными делаемыми выборами и реализацией всего «добра», декларируемого такой личностью в поступках или уже в «малых» своих проявлениях и такая «зрелая личность» будет оставаться психологически мертвой.

Иначе говоря, в понимании психологической или личностной зрелости основной упор нами делается не столько на наличие у человека тех или иных личностных свойств, качеств, или проявлений, а на то, как, в чем и когда он их реализует. И если по лаконичному выражению Э. Гуссерля сознание это то, о чем мы в данный момент думаем, то личностная зрелость незрелость – это наше поведенческое и отношенческое проявление в ответе на запрос среды (и здесь уже не только внешней, но и внутренней, многообразной, как биологической, так социальной и духовной), и, при этом, и то (сознание) и другое (личностная зрелость) – это интегративные и весьма сложные образования, у каждого из нас разные, но если сознание в первую очередь характеризуется произвольностью, то психологическая зрелость – активной жизненной включенностью, и, в первую очередь, с ориентацией на социальную нравственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988 – 302 с.
2. Грановская Р.М. Психология веры. – СПб.: Питер, 2010. – 480 с.
3. Дерманова И.Б., Манукян В.Р. Личностная зрелость: к определению психологического содержания. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: психология, социология, педагогика. – 2010. – №4. – С.68-73.
4. Джонсон С.М. Психотерапия характера: методическое пособие для слушателей курса «Психотерапия». – М.: Центр психологической культуры, 2001. – 356 с.
5. Доценко Е.Л., Старцева В.А. Продуктивная роль поступков в обеспечении личностной зрелости. // Мир будущего и новая философия образования. Сборник научных трудов. – Калининград: БФУ им. Иммануила Канта, 2019. – С.45-53.
6. Наследов А.Д. SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. – СПб.: Питер, 2007. – 416 с.
7. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. – СПб.: Речь, 2006. – 392 с.
8. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Речь, 2001. – 350 с.
9. Скворцова Л.Л. Индивидуально-типологические особенности имплицитных концепций личностной зрелости. // Вестник Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова. Серия С: психолого-педагогические науки: педагогика, психология, методика. – Могилев (Беларусь). Изд-во: МГУ им. А.А. Кулешова. – 2020. – №1(55). – С.76-83.
10. Шамшикова О.А., Клепикова Н.М. Операционализация понятия «нарциссизм» в пределах психической нормы. // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск: Изд-во «Редакция международного научного журнала «Мир науки, культуры, образования». – 2011. – №3(28). – С.151-158.

© Мачуха Александр Михайлович (aleksandrinfo@bk.ru), Васильева Ольга Семеновна (vos@sfnedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БОС-ТРЕНИНГ В РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ, ПЕРЕНЕСШИХ АОРТОКОРОНАРНОЕ ШУНТИРОВАНИЕ

Минко Эльза Анатольевна

Медицинский психолог, ГБУЗ «Республиканский
кардиологический центр» (Уфа); Аспирант, Башкирский
государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы (Уфа)
elzaminko@mail.ru

BOS-TRAINING IN REHABILITATION OF PATIENTS UNDER AORTICORONARY BYPASSING

E. Minko

Summary: This article presents the results of a feedback experiment at the second stationary stage of complex rehabilitation of patients after coronary artery bypass grafting. At the pilot stage of the study, it was shown that patients who underwent biofeedback training showed significantly significant improvements in HRV, which were more pronounced compared to the improvements in the control group.

Keywords: biofeedback, heart rate variability, comprehensive rehabilitation, coronary artery bypass grafting, psychophysiological training.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования с использованием метода биологической обратной связи на втором стационарном этапе комплексной реабилитации больных, перенесших аортокоронарное шунтирование. На пилотном этапе исследования было выявлено, что у пациентов, прошедших обучение психофизиологической релаксации с помощью данного метода, наблюдались достоверно значимые улучшения показателей variability ритма сердца (цена адаптации, индекс вегетативного равновесия, индекс напряжения регуляторных систем организма), которые были более выражены по сравнению с улучшениями в контрольной группе (не проходившей тренинг).

Ключевые слова: биологическая обратная связь, variability сердечного ритма, комплексная реабилитация, аортокоронарное шунтирование, психофизиологический тренинг.

Сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ) входят в число наиболее распространенных, выступая, вместе с тем, основной причиной смертности и инвалидизации во многих развитых странах мира, включая Российскую Федерацию [5,6,10,11,12,22].

На сегодняшний день проблема лечения ишемической болезни сердца (ИБС) является одной из наиболее актуальных для мирового и отечественного здравоохранения [1,5,6,11]. При этом следует отметить, что случаи летальности, обусловленные ИБС, составляют около половины от общего количества смертей по причине кардиоваскулярных патологий [5,6,10,12]. Вышеизложенные данные говорят в пользу актуальности исследования различных аспектов лечения ИБС.

Сегодня одним из наиболее эффективных методов данного заболевания оказывается аортокоронарное шунтирование (АКШ) [3, 21, 24].

В связи с этим в настоящее время в области восстановительной медицины одним из ведущих направлений выступает реабилитация пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями. При этом медицинская реабилитация (МР) представляет собой важнейший компонент медицинской помощи больным, перенесшим АКШ в качестве реваскуляризации миокарда [2,7,10,13].

В соответствии с современными стандартами ока-

зания медицинской помощи, подавляющему числу пациентов, перенесшим острое коронарное событие или кардиохирургическую операцию, следует пройти программу поэтапной реабилитации. Важно отметить, что от успеха МР во многом зависит перспектива благоприятного прогноза вследствие АКШ, поскольку это оказывает существенное влияние на качество жизни пациента, перенесшего операцию, его физическое состояние и психосоциальное функционирование. Вместе с тем, благополучные итоги реабилитации предотвращают необходимость в повторной реваскуляризации миокарда и риск послеоперационной смерти [11,13,23].

В связи с вышесказанным представляются крайне актуальными поиск и внедрение новых методов, позволяющих оптимизировать различные показатели сердечно-сосудистой системы [4,5, 9,14,16].

В последние годы в России наблюдается всевозрастающая тенденция к использованию альтернативных ортодоксальной медицине безлекарственных методов лечения, в частности, с применением современных информационных технологий [4,9,14,16].

Одним из таких методов, демонстрирующим перспективность применения как в клинической, так и в неклинической сферах, является функциональное биоуправление с биологической обратной связью (БОС), первостепенной задачей которого выступает обучение

пациента навыкам саморегуляции.

Метод БОС позволяет отражать в параметрах звуковых или световых сигналов обратной связи текущую амплитуду того или иного физиологического показателя человека (биотоков мозга, мышц, сердца, кожи и т.п.). Имеющиеся сигналы предъявляются пациенту, что способствует его обучению сознательно контролировать активности данной функциональной системы организма для достижения требуемых лечебных эффектов.

По существу, метод БОС является нефармакологическим методом лечения и реабилитации [19,20].

С целью усовершенствовать, оптимизировать процесс комплексной реабилитации на втором стационарном этапе комплексной реабилитации пациентов после аортокоронарного шунтирования (АКШ) был внедрен метод биологической обратной связи (БОС) по variability ритма сердца (ВРС). Как следствие, осуществлена оценка показателей ВРС пациентов, перенесших АКШ, в начале и в конце комплексной реабилитации с применением БОС-технологий и без него.

Организация и методы исследования

В исследовании на пилотном этапе приняли участие 29 пациентов кардиологического отделения медицинской реабилитации ГБУЗ РКЦ. Средний возраст больных составил 67 лет. Из 29 пациентов 15 были мужчины, 14 – женщины.

В экспериментальной группе (14 испытуемых) для улучшения показателей ВРС применялись технологии психофизиологического расслабления: БОС-тренинги проводились на аппаратном комплексе «ВедаПульс Professional», дополненном диагностическим программным модулем «Академический модуль» и программным

модулем реабилитации «Медитация (биоуправление)».

В целях обучения психофизиологическому расслаблению пациентам предлагалось пройти 10 сеансов кардиобиоуправления по 15 минут в течение двух недель и два мониторинга (измерение 1 и 2) в начале и в конце реабилитации (при положении во время записи количестве интервалов 512).

Результаты исследования и их обсуждение

В результате комплексной реабилитации с использованием метода биологической обратной связи в экспериментальной группе были получены данные, представленные ниже (таблица 1).

Представленные данные свидетельствуют об улучшении диагностируемых показателей ВРС: АМо (цена адаптации) – на 27,6%, ИВР (индекс вегетативного равновесия) – на 55,1 %, ИН (индекс напряжения регуляторных систем организма) – на 58%.

Выраженность изменений находится в зоне значимости с данной достоверной вероятностью $p \leq 0,01$.

Данные, полученные в ходе исследования показателей ВРС контрольной группы представлены ниже (таблица 2).

Пациенты контрольной группы, прошедшие комплексную реабилитацию на втором стационарном этапе медицинской реабилитации, не участвовавшие в БОС-тренинге обнаружили следующие улучшения: АМо (цена адаптации) – на 1,5%, ИВР (индекс вегетативного равновесия) – на 12,3 %, ИН (индекса напряжения) – на 11,1 %.

При этом выраженность изменений по вышеперечисленным показателям находится в зоне незначимости ($p < 0,05$).

Таблица 1.

Сводные данные показателей ВРС в экспериментальной группе

Показатели ВРС	Исходные	Конечные	Сдвиги	
			абсол.вел.	%
АМо,%	82,1	59,5	22,6	27,6
ИВР, у.е.	2672,4	1199,2	1473,2	55,1
ИН, у.е.	1992,9	824	1168,9	58

Таблица 2.

Сводные данные показателей ВРС в контрольной группе

Показатели ВРС	Исходные	Конечные	Сдвиги	
			абсол.вел.	%
АМо,%	80,7	82,5	1,2	1,5
ИВР, у.е.	2482,4	2176,2	306,2	12,3
ИН, у.е.	1828,3	1625,2	203,1	11,1

Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом. Вероятно, что обучение пациентов психофизиологическому расслаблению посредством БОС-тренинга способствует улучшению исследуемых показателей variability ритма сердца: благоприятствует нормализации вегетативного баланса (соотношения влияния на сердечно-сосудистую систему симпатической и парасимпатической систем), степени напряжения механизмов регуляции сердечного ритма, увеличению ресурсов адаптации.

Результаты исследования расширяют теоретиче-

ские представления о возможности применения БОС-технологий для оптимизации процесса медицинской реабилитации пациентов, перенесших аортокоронарное шунтирование, и, таким образом, могут быть использованы специалистами помогающих профессий, причастных к реабилитации пациентов после аортокоронарного шунтирования, в частности специалистами мультидисциплинарных бригад, для помощи пациентам в освоении навыка психофизиологического расслабления, нормализации ВРС, что, в свою очередь, способствует общему успеху реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авцын А.П. Адаптация и дезадаптация с позиций патолога / А.П. Авцын // Клиническая медицина. – 1974. – Т. 52, №5. – С.3–15.
2. Агаларова, Л.С. Роль врача общей практики в формировании здорового образа жизни / Л.С. Агаларова // Здравоохранение Российской Федерации. – 2006. – № 4. – С. 44–47.
3. Акчурин Р.С., Ширяев А.А. Актуальные проблемы коронарной хирургии. – М.: Гэотар Медицина, 2004 – С. 7–18.
4. Аладышев А.В., Субботин Е.А. Функциональное биоуправление с обратной связью – перспективная информационная технология в медицине. // Современные наукоемкие технологии. – 2005. – № 3. – С. 86–87.
5. Анализ variability ритма сердца (возрастные аспекты) / О.В. Коркушко [и др.]. - Киев, 2002. - 127 с.
6. Баевский, Р.М. Анализ variability сердечного ритма: история и философия, теория и практика / Р.М. Баевский // Клиническая информатика и телемедицина. - 2004. - № 1. - С. 54–64.
7. Баклушина Е.К., Баклушин А.Е., Александровская Н.Е., Белова В.В., Бурсыкова Д.В. Исходный уровень медицинской активности пациентов на первом этапе кардио- и нейрореабилитации. // Вестник Ивановской медицинской академии. – 2014. – Т. 19. – № 2. – С. 5–9.
8. Бокерия Л.А., Коваленко О.А., Ирасханов А.К. и др. Сравни тельные отдаленные результаты полного артериального коронарного шунтирования и реваскуляризации внутренней грудной артерией и венами // Бюллетень научного центра сердечнососудистой хирургии им. А.Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания. – 2012. – Т. 13, № 2. – С. 49–57.
9. Власова В.П. Возможности БОС-технологий в адаптивном физическом воспитании и реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья. // Теория и практика физической культуры. – 2016. – № 8. – С.32–34.
10. Диагностика и лечение нарушений регуляции сердечно-сосудистой системы : материалы XI науч.-практ. конф. (Москва, 25 марта 2009 г.) / Главный клинический госпиталь МВД России. - М., 2009. - 456 с.
11. Дубачев А.А. Оценка variability сердечного ритма у пациентов, перенесших аортокоронарное шунтирование: дис. ... канд. мед. Наук. – Курск, 2012, – 127 с.
12. Ибатов, А.Д. Variability ритма сердца при ортопробе и показатели центральной гемодинамики у больных ишемической болезнью сердца с сопутствующей артериальной гипертензией / А.Д. Ибатов // Российский кардиологический журнал. - 2004. - №1. - С. 76.
13. Иващенко А.С., Ежов В.В., Северин Н.А., Прокопенко Н.А. Эффективность медицинской реабилитации про ишемической болезни сердца в составе санаторно-курортного лечения. // Евразийский кардиологический журнал. – 2017. – №2. – С.28–32.
14. Куватов В.А., Миронов В.А., Бавыкин М.В., Миронова Т.Ф. Variability сердечного ритма у больных ишемической болезнью сердца при аортокоронарном шунтировании. // Вестник удмуртского университета. – 2012. – №2. – С.168–178.
15. Лекции по кардиологии / под ред. Л.А. Бокерия, Е.З. Голуховой : в 3 т. – М. : Изд-во НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН, 2001. – Т. 2. – 288 с.
16. Миронова Т. Ф., Миронов В. А. Variability сердечного ритма при ишемической болезни сердца. – 2 - е изд., испр. и доп. – Челябинск: Рекпол, 2008. – 173 с.
17. Михайлова Т.В. Психологические факторы в декомпенсации хронической сердечной недостаточности: дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2006. – 200 с.
18. Николаев Е.Л., Лазарева Е.Ю. Психотерапия и психологическая помощь больным с сердечно-сосудистыми заболеваниями. // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. – 2015. – Т. 11. – № 1. – С.57–76.
19. Федотчев А.И. Современные нелекарственные методы регуляции сна у человека. // Физиология человека. – 2011. – Т. 37, № 1. – С. 126–135.
20. Федотчев А.И., Бондарь А.Т., Матрусов С.Г. и др. Использование сигналов обратной связи от эндогенных ритмов пациента для нелекарственной коррекции функциональных расстройств // Успехи физиол. наук. – 2006. – Т. 37. № 4. – С. 82.
21. Шабалкин Б.В. Становление и развитие коронарной хирургии // Грудная и сердечно-сосудистая хирургия. – 2001. – № 2. – С. 4–7.
22. Шальнова С.А., Вихирева О.В. Оценка суммарного риска сердечно-сосудистых заболеваний. // Региональная фармакотерапия в кардиологии. – 2005. – №3. – С. 54–56.
23. Эфрос Л.А., Самородская И.В. Факторы, оказывающие влияние на отдаленную выживаемость после коронарного шунтирования (обзор). // Сибирский медицинский журнал. – 2013. – Т. 28, № 2. – С.7–14.
24. Comparison of coronary bypass surgery with angioplasty in patients with multivessel disease: The Bypass Angioplasty Revascularization Investigation (BARI) Investigators // N. Engl. J. Med. – 1996 – Vol. 335, No. 4 – P. 217–225.

© Минко Эльза Анатольевна (elzaminko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ» В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Мясникова Зоя Вячеславовна

Аспирант, Тихоокеанский государственный университет
myasnikovazoya@yandex.ru

THEORETICAL CONCEPTUALIZATION OF THE PHENOMENON «LEGAL BEHAVIOR» IN PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Z. Myasnikova

Summary: The article is dedicated to the research of legal behavior in the sphere of psychology of personality. This concept traditionally has an attitude to juridical scientific and practical field and is studied through two opposite aspects – lawful and illegal.

The actuality and requirement in conceptualization of this scientific direction is explained by the fact, that all the researches due to legal behavior are discussed only within the law field. But as for the author of the article, this category also has to be studied in the psychological field.

The aim of the article lies in an attempt of analysis of the term «legal behavior» through the sphere of psychology of personality.

The influence factors were defined there by the method of system analysis of scientific sources. Among them the author's distinguished life conditions, education and morality levels, social environment, individual life experience, life situation.

In the conclusion the author noted, that in every concrete life situation due to person's legal behavior some factors will be more pronounced but some of them may not exert their influence at all.

Keywords: legal behavior, lawful, illegal, asocial, influence factors, social environment, course of life, motive, requirement, morality level.

Аннотация: Статья посвящена исследованию правового поведения в рамках психологии личности. Данное понятие традиционно имеет отношение к юридическому научному и практическому полю и рассматривается в двух противоположных аспектах – правомерном и противоправном.

Актуальность и потребность осмысления данного научного направления объясняется тем, что все исследования относительно правового поведения рассматриваются исключительно в рамках правового поля, но, по мнению автора, данное понятие должно изучаться и в психологическом поле.

Цель статьи заключается в попытке анализа понятия «правовое поведение» через сферу психологии личности.

Методом системного анализа научных источников были определены факторы влияния на правое поведение, среди которых автор выделил условия жизни, уровень воспитания и нравственности, социальную среду, индивидуальный жизненный опыт, жизненную ситуацию.

В качестве выводов автор отметил, что в каждой конкретной жизненной ситуации применительно к правовому поведению личности некоторые факторы будут более ярко выражены, а некоторые могут не проявлять своего воздействия.

Ключевые слова: правовое поведение, правомерный, противоправный, асоциальный, факторы влияния, социальное окружение, жизненный путь, мотив, потребность, уровень нравственности.

Категорию «правовое поведение» традиционно принято относить к понятиям юридического правового поля, а также психологического поля в аспекте юридической психологии. Термин «правовое поведение» едва ли можно назвать новым, при этом невозможно отрицать, что исследование вопросов, касающихся правового поведения, ведется исключительно в контексте правомерного или противоправного поведения, характеризованного криминальной природой. Что же касается общих вопросов, специфики использования и сферы применения феномена «правовое поведение», отмечается потребность обстоятельного исследования данной категории.

Так, исследовательский интерес представляет сфера применения понятия «правовое поведение» для психологии личности. Актуальность и потребность осмысления данного научного направления объясняется тем, что все исследования относительно правового поведения рассматриваются в рамках правового поля, с акцентом: нарушил норму закона – противоправное поведение,

соблюдаешь нормы – правомерное. На наш взгляд, подобная классификация слишком примитивная, в особенности, если мы затрагиваем глубокую научную сферу – психологию личности.

В рамках настоящей научной статьи будет предпринята попытка теоретического анализа феномена «правовое поведение» в рамках психологии личности.

Факторы влияния на правовое поведение личности исследуются уже на протяжении долгого времени, наиболее выдающимися работами в данном направлении считаются работы психиатра и психолога В.М. Бехтерева. Он был убежден, что причина, по которой конкретный человек совершает противоправное действие, определяется не только его личностной составляющей, но и совокупностью всех условий его существования и взаимодействия с окружающей действительностью [3]. Автор подчеркивал, что каждый отдельный случай следует изучать детально, с акцентированием внимания на условия совершения противоправных действий, обстановку,

в которой они происходили, а затем и на личностные особенности лица, совершающего такие действия.

Личность совершает поступки под воздействием приобретенного ею индивидуального опыта и действия каких-либо внешних факторов. Личность находится в социальной среде, в связи с чем неправильно было бы рассматривать ее обособленно от окружения, поскольку влияние окружения на человека может оказаться негативным. Также следует брать во внимание особенности нравственного воспитания личности, что для нее норма, а что безнравственно. Основы нравственности закладываются с раннего детства, что еще раз доказывает влияние определенных факторов на противоправное поведение личности.

Таким образом, представляется возможным выделение основных факторов, влияющих на правовое поведение личности, внешних и внутренних. К внешним относятся индивидуальный жизненный опыт, социальное окружение, удовлетворенность/неудовлетворенность жизненными условиями и потребностями. К внутренним – особенности воспитания, уровень нравственности.

Опираясь на факторы влияния правового поведения, считаем возможным сформулировать определение данного термина, под которым мы понимаем поведение личности с соблюдением нравственных и законодательных норм, принятых обществом и государством, которое не нарушает права и интересы других членов общества, не является социально опасным и не предполагает негативные последствия для окружающих. Противоправное же поведение, напротив, несет в себе асоциальную направленность и свидетельствует об образовавшемся конфликте между личностными и общественными интересами.

Правовое поведение человека в любом случае, противоправное оно либо правомерное, представляет собой активность индивида, другими словами, его действия, которые, в свою очередь, определяются структурой личности. Структура личности представляет собой сложную организацию, в которой сосредоточены биологическая природа человека, темперамент, нравственные начала и основы социальных отношений [6]. Главным признаком того, что личность сформирована, выступает наличие у нее мировоззренческих начал, наряду с формированием которых происходит закладывание характера человека.

Характер личности, в свою очередь, связан с волей, которая определяется в качестве сознательной саморегуляции человеком своего поведения и поступков, качество которых определяется его способностью вести себя и действовать в соответствии с присущими ему принципами и нормами морали, что, безусловно, сопряжено с

нравственностью. Свобода и ответственность личности, которая выражается во взаимодействии личных и общественных интересов, также связаны с ее нравственностью. Между интересами личности и интересами общества зачастую возникает противоречие (что хорошо и выгодно для личности в отдельности, не всегда полезно и приемлемо для общества). И это противоречие, которое не позволяет личности достигнуть желаемого и приводит к возможному конфликту с обществом, становится причиной противоправного, асоциального поведения, нередко приводящего личность на преступный путь.

Определить мотивы противоправного поведения, идущего вразрез с принятыми нормами правового поведения, на наш взгляд, не представляется возможным без исследования жизненного пути личности, решений и выборов, а также факторов влияния, которые индивид испытывал на себе и которые определяли формирование его личностных качеств в течение жизни.

При этом не следует опираться исключительно на однозначную зависимость между мотивами поведения и условиями жизни индивида, которые бы в обязательном порядке влияли на его противоправное поведение [1]. Можно лишь предположить, что неблагоприятные условия, в которых происходило формирование личности, имеют определяющее влияние на жизненный путь личности и ее правовое поведение, поскольку мотив поведения сосредоточивает в себе совокупность социальной среды и личностных качеств.

С точки зрения психологии личности, мотив имеет побудительную природу, другими словами, является причиной какого-либо действия, поступка, выражая тем самым личное отношение человека к объекту или субъекту, в адрес которого направлены его действия [6]. Таким образом, мотив дает возможность определить важные личностные черты, потребности и намерения человека, а также создает особенное личностное свойство, в котором сосредоточены наиболее важные жизненные ценности и представления личности. Следует уточнить, что мотив по своей природе не может быть противоправным, он не тождественен поведению, которое находится в зависимости от выбора средств реализации мотивов, уровней нравственности и правового сознания личности.

В психологической теории разработан ряд теорий о мотивации поведения, среди которых наиболее востребованными стали теория потребностей, теория справедливости и теория ожиданий (А. Маслоу, Д. Макгрегор, В. Врум). Так, согласно теории потребностей, последние выступают той движущей силой, которая отвечает за формирование и организацию в сознании личности процессов мышления, восприятия и действия, заставляя ситуацию неудовлетворенных потребностей развивать

ся в том направлении, которое бы обеспечило достижение желаемой цели, потребностей личности [7]. Потребности личности могут выражаться в деньгах, уважении, славе, безопасности и других ценностях. При этом страх, который человек испытывает от мысли, что он может лишиться своих потребностей, оказывает влияние на его способность учитывать общественные интересы – интересы и потребности других людей, соблюдать принятые в обществе нормы правового поведения.

Искажение нормы нравственного компонента правового поведения в совокупности с приобретенными личностными качествами отрицательной направленности (озлобленность, мстительность, корыстолюбие, обидчивость) приводят личность к действиям с отрицательной направленностью правового поведения. Это дает нам основание полагать, что противоправными являются не потребности личности, а асоциальные методы достижения этих потребностей.

К противоправному поведению (правовому поведению с негативной направленностью) личность может стремиться и по причине отклонений в нравственном воспитании и развитии, так называемой нравственной деградации. Такие отклонения проявляются в отсутствии у человека элементарных представлений о морали: чувстве долга, чести, достоинстве. В своих поступках и поведении такой человек руководствуется только тем, что выгодно ему, окружающие используются им исключительно для достижения своих потребностей и интересов, а все, что препятствует этому, преодолевается любыми противоправными способами. Нравственная деградация, проявляющаяся в поведении личности, наделенной определенными полномочиями в сфере власти, особенно опасна для общества, поскольку имеет возможность влияния на судьбу и жизненный путь других людей.

На поведение человека, противоправное оно или правомерное, также влияет жизненная ситуация, в которой он оказывается. Так, в кризисной ситуации человек поставлен перед выбором. В такой непростой ситуации он вынужден выбирать одну из возможных альтернатив, предпочтение которой обусловлено многими факторами, в числе которых эмоции, известные как динамическая сторона мотива поведения.

Одной из важных эмоций в контексте правового поведения личности возможно определить агрессию. При этом следует отметить, что агрессия не тождественна агрессивности. Например, А.А. Реан под агрессией понимает умышленные действия негативной эмоциональной направленности, результатом которых становится причинение вреда другому человеку или окружающим, под агрессивностью – качество личности, которое дает понять, что личность является потенциальным носите-

лем агрессии и готова ее проявить при определенных обстоятельствах [4].

Смысловое различие понятий «агрессия» и «агрессивность» позволяет нам осознать, что различные агрессивные поступки в поведении личности являются следствием ее агрессивности. При этом агрессивность личности не всегда выливается в проявление агрессивного поведения с ее стороны. Проявление либо не проявление в поведении агрессивности как качества личности обусловлено результатом сложного взаимодействия всех факторов, относящихся к каждой конкретной ситуации. Так, если для личности не характерно качество агрессивности, но она в своем поведении демонстрирует агрессию, в качестве основной причины такого поведения с ее стороны возможно обозначить фактор ситуации. Если же личность по своей природе агрессивна, и в ее поведении отмечается агрессия, а также имеет место ситуативный фактор, то причина такого поведения, скорее всего, в личностном качестве – агрессивности.

Рассматривая агрессивность как фактор влияния на правовое поведение личности, важно определить личностные характеристики, порождающие агрессивное поведение. Среди них: раздражительность, страх общественного осуждения, подозрительность, способность испытывать чувство стыда.

Говоря об агрессии, она не появляется обособленно, в социальном вакууме, а порождается различным аспектами межличностного взаимодействия, посредством которых определяется направленность агрессии. Ключевыми детерминантами агрессии определены: фрустрация, негативное психическое состояние, возникающее при невозможности удовлетворения потребностей, когда желания личности не совпадают с ее возможностями; провокация, призыв к действиям негативной направленности. Физическая провокация зачастую влечет к тому, что люди проявляют агрессию, отвечая на агрессию со стороны другого лица или окружающих [7]. Происходит это, главным образом, для предотвращения возможности повторного проявления агрессии со стороны «нападающего», чтобы не выглядеть в глазах окружающих проигравшим, беспомощным.

Теоретический анализ источников, в которых исследуется феномен «правовое поведение» в рамках психологии личности, позволил нам детально осмыслить данное понятие. Мы рассматривали правовое поведение личности в двух противоположных плоскостях – правомерном и противоправном, данное разделение, на наш взгляд, чаще встречается в юридической психологии. В интересах настоящей статьи было заявлено о попытке подхода к понятию «правовое поведение» через психологию личности, в связи с чем противоположные

плоскости правового поведения были определены как правовое поведение с положительной направленностью (социальное) и правовое поведение с негативной направленностью (асоциальное).

В процессе анализа были отмечены факторы влияния, которыми обусловлено то, будет ли правовое поведение с негативной направленностью либо с положительной. К

основным факторам влияния мы отнесли условия жизни, уровень воспитания и нравственности, социальную среду, индивидуальный жизненный опыт, жизненную ситуацию. Следует отметить, что в каждой конкретной жизненной ситуации применительно к правовому поведению личности какие-то факторы будут более ярко выражены, а некоторые и вовсе могут не проявлять своего воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данькова И.В. Роль социальных и психологических факторов в формировании асоциального поведения несовершеннолетнего в Республике Беларусь / И. В. Данькова / [Электронный ресурс] // Вестник КРУ МВД России. 2019. – №2 (44). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-i-psiologicheskikh-faktorov-v-formirovani-asotsialnogo-povedeniya-nesovershennoletnego-v-respublike-belarus>
2. Зорина Е.А. Правовое поведение личности в современном российском обществе / Е.А. Зорина / [Электронный ресурс] // Новый взгляд. Международный научный вестник. – 2013. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-povedenie-lichnosti-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve>
3. Морозов А.С. Правомерное поведение как особый вид социального поведения человека / А.С. Морозов / [Электронный ресурс] // Вестник КемГУ. – 2014. – №4 (60). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravomernoe-povedenie-kak-osobyy-vid-sotsialnogo-povedeniya-cheloveka>
4. Реан А.А. Психология личности. Социализация, поведение, общение / А.А. Реан / – М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 198 с.
5. Сунцова Е.А., Чихладзе Л.Т., Яковлева О.Н. Об осмыслении особой формы правовой жизни индивида через правомерное поведение / Е.А. Сунцова, Л.Т. Чихладзе, О.Н. Яковлева / [Электронный ресурс] // Вестник экономической безопасности. – 2019. – №3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osmyslenii-osoboy-formy-pravovoy-zhizni-individa-cherez-pravomernoe-povedenie>
6. Тимошенко В.И. Социально-психологические факторы противоправного поведения / В.И. Тимошенко / [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. – Юридические науки. – 2014. – №3(25). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psiologicheskie-factory-protivopravnogo-povedeniya>
7. Филимонова А.И., Авдеев Д.А. Привычки и их место в механизме правового поведения личности / А.И. Филимонова, Д.А. Авдеев / [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/privychki-i-ih-mesto-v-mehanizme-pravovogo-povedeniya-lichnosti>

© Мясникова Зоя Вячеславовна (myasnikovazoya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

INTERRELATION BETWEEN SELF-REGULATION AND SOCIAL ADAPTATION OF ADOLESCENTS WITH INTELLECTUAL DISORDERS

**L. Samoylyuk
K. Logunova
O. Khripko**

Summary: The issue of self-regulation in adolescents with intellectual disorders (intellectual disability) is one of the least researched areas in special psychology. The article looks into correlation between self-regulation and social adaptation of adolescents with intellectual disorders. The following methods and techniques were used: psychodiagnostic method (based on A.K. Osnitsky's method of "Self-Regulation" (modification)); expert assessment (teacher's questionnaire aimed to determine how well constituents of cognitive development are formed (regulatory constituent) (by S.A. Domishkevich) and assessment scale of social adaptation (by E.L. Indenbaum); statistics method. Self-regulation is characterized in accordance with different levels of adaptation of intellectually impaired schoolchildren. It has been proven that those test subjects with higher levels of self-regulation go through social adaptation more smoothly.

Keywords: adolescents with intellectual disorders (intellectual disability), self-regulation in adolescents with intellectual disorders, social adaptation of schoolchildren with mental disability, self-regulation as a factor of social adaptation.

Самойлюк Людмила Александровна
К.псих.н., доцент, Иркутский государственный университет
lyuda1221@rambler.ru

Логунова Кристина Геннадьевна
Старший преподаватель, Иркутский государственный университет
kristiana-irk@yandex.ru

Хрипко Ольга Сергеевна
Педагог-психолог, Марковская средняя общеобразовательная школа (Иркутский район)
xripko_olga@mail.ru

Аннотация: Проблема саморегуляции у подростков с интеллектуальными нарушениями (умственной отсталостью) является одной из малоизученных в специальной психологии. В статье рассматриваются результаты исследования взаимосвязи саморегуляции и социальной адаптации у подростков с интеллектуальными нарушениями. Для исследования использованы методы и методики: психодиагностический (методика А.К. Осницкого «Саморегуляция» (модификация); экспертной оценки (учительский опросник сформированности компонентов учебно-познавательной деятельности (регулятивный компонент) (С.А. Домишкевич) и шкала оценки социальной адаптации (Е.Л. Инденбаум); статистический. Представлена характеристика саморегуляции при разных уровнях адаптации умственно отсталых школьников. Показано, что при более высоком уровне саморегуляции, испытуемые демонстрируют лучшую социальную адаптацию.

Ключевые слова: подростки с интеллектуальными нарушениями (умственной отсталостью), саморегуляция подростков с интеллектуальными нарушениями, социальная адаптация школьников с умственной отсталостью, саморегуляция как фактор социальной адаптации.

Введение

По мнению многих исследователей, достаточная саморегуляция обуславливает успешность любой деятельности человека [3, 6, 10]. Подростковый возраст является благополучным для развития саморегуляции, но даже дети с нормотипичным развитием сталкиваются с рядом проблем в силу возрастных особенностей [17].

При умственной отсталости нарушения саморегуляции у подростков являются закономерными [8,14]. Ее недостатки проявляются в трудностях прогнозирования, планирования и оценке деятельности; импульсивностью, неорганизованностью, низким самоконтролем в учебной ситуации, в межличностном общении, при выполнении трудовых действий и др. [8, 9, 14, 18]. Классик

отечественной дефектологии С.Я. Рубинштейн отмечала, что в наибольшей степени у умственно отсталых детей страдает способность к произвольному побуждению или торможению действий, т.е. то, что в литературе называют саморегуляцией. Слабое развитие навыков самоконтроля и саморегуляции значительно затрудняют социально-трудовую адаптацию школьников с нарушением интеллекта [16].

В свою очередь, умение контролировать свои эмоции, способность к целеполаганию, целенаправленная активность, ее устойчивость, выносливость, приспособление к требованиям окружающей среды являются критериями прогноза социальной адаптации [7, 11].

При интеллектуальных нарушениях наблюдаются сложности социальной адаптации подростков, которые

вызваны наличием детерминированных дефектом трудностей осмысления окружающей реальности. Дефицит социальных и познавательных способностей обуславливает трудности социальной нормативности поведения в самых разнообразных ситуациях межличностного общения, частые конфликты со взрослыми и сверстниками, неполноценные представления об окружающей среде и другие негативные проявления [4, 5, 7, 12].

Многие исследователи отмечают, что одним из необходимых условий социальной адаптации является хорошая саморегуляция [1, 2, 13].

Целью нашего исследования явилось изучение взаимосвязи саморегуляции и социальной адаптации подростков с легкой умственной отсталостью.

Материалы и методы исследования

Для изучения саморегуляции подростков с интеллектуальными нарушениями была использована методика А.К. Осницкого «Саморегуляция» (в нашей модификации). Опросник состоял из 10 суждений и оценивались следующие характеристики: целеполагание, программирование действий, оценивание результатов, обеспеченность регуляции в целом, коррекция результатов и способов действий, упорядоченность деятельности, детализация регуляции действий, осознанность (осознаваемая контролируемость) действий, ответственность в делах и поступках, вовлечение полезных привычек.

С целью верификации полученных данных самооценки саморегуляции подростками использовался блок вопросов «Регулятивный компонент» опросника сформированности компонентов учебно-познавательной деятельности (С.А. Домишкевич) для педагогов. Экспертная оценка регулятивного компонента проходила по следующим критериям: умение формулировать цель; сопоставлять полученные результаты с требуемым; способность заметить ошибку при выполнении задания и исправить ее самостоятельно; умение действовать без известного заранее алгоритма. С помощью шкалы оценки социальной адаптации (Е.Л. Инденбаум) изучались уровень бытовых навыков, социально-бытовая ориентировка, взаимодействие со сверстниками, взаимодействие со взрослыми, умение вести себя в здании школы и на групповых мероприятиях, усвоение учебного материала, отношение к учебе, трудовые умения и навыки, отношение к труду, социальная приспособленность.

Для статистической обработки результатов использовалась программа STATISTICA 6.1 (ряды распределения, средние значения, коэффициент корреляции Спирмена, оценка достоверности различий t – критерий Стьюдента).

Результаты исследования

Анализ результатов исследования показал, что все подростки с интеллектуальными нарушениями испытывали трудности в социальной адаптации. Это согласуется с литературными данными в ряде исследований. Общее психическое недоразвитие обуславливает ограничения социальной адаптации, продолжающиеся на всем периоде онтогенеза [4, 7]. Исследуемая выборка поделена на две, практически равные по количеству, группы – «частично адаптированные» (48 %) и «дезадаптированные» (52 %). Частично адаптированные школьники обнаруживали более высокие показатели по всем шкалам. Педагоги отмечали у испытуемых в этой группе хорошие навыки ориентировки в бытовых вопросах, относительно успешное взаимодействие со взрослыми (педагогами) и сверстниками, демонстрирующее усвоенные правила социализированного поведения.

Для дезадаптированных подростков с умственной отсталостью были характерны низкий уровень сформированности социально-бытовой ориентировки, проявляющихся в трудностях самостоятельного соблюдения гигиены, порядка, пользования бытовыми приборами. Наблюдались трудности понимания смысла различных коммуникативных ситуаций, позиционирования себя в общении со взрослыми и сверстниками, самостоятельного соблюдения социальных норм. Эти испытуемые с трудом овладевали трудовыми умениями и навыками.

Результаты изучения саморегуляции подростков с интеллектуальными нарушениями показали, что большинство из них обнаруживают средний уровень саморегуляции (62 %), два школьника оказались на достаточном и 24 % – на низком. Высокого уровня саморегуляции у подростков с интеллектуальными нарушениями обнаружено не было.

Мы предполагали, что существует взаимосвязь между саморегуляцией и социальной адаптацией подростков с интеллектуальными нарушениями. Результаты исследования подтвердили нашу гипотезу. Оказалось, что у подростков с лучшей саморегуляцией обнаруживалась более высокая социальная адаптация. На рисунке 1 представлен сопоставительный профиль показателей социальной адаптации умственно отсталых подростков с разными уровнями саморегуляции.

Как видно из рис.1., при достаточном уровне саморегуляции практически все показатели шкалы социальной адаптации выше, чем при среднем и низком. Согласно полученным данным, у умственно отсталых подростков с достаточным уровнем саморегуляции были достоверно лучше сформированы, чем у испытуемых с низким: бытовые навыки ($8,50 \pm 4,41$ и $6,50 \pm 1,05$, $p < 0,001$), социально-бытовые ($6,37 \pm 0,85$ и $3,91 \pm 1,16$, $p < 0,001$) и тру-

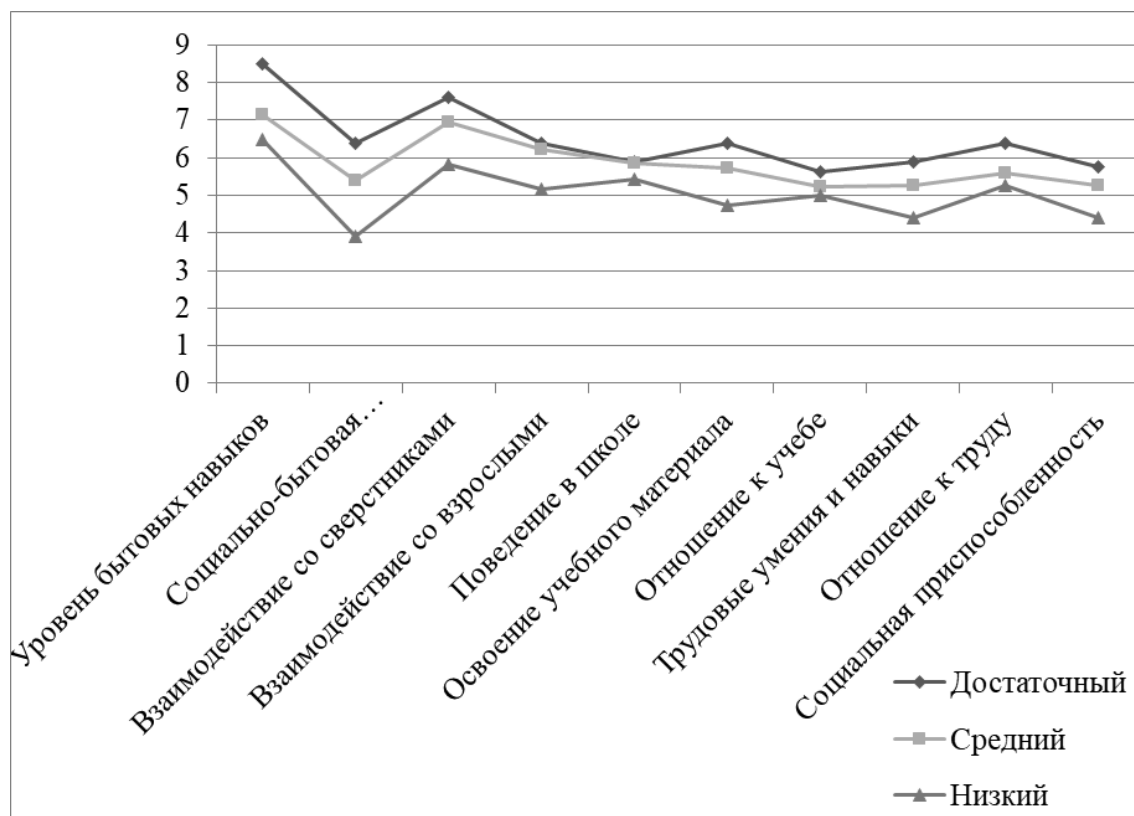

Рис. 1. Сопоставительный профиль показателей социальной адаптации подростков с интеллектуальными нарушениями с разными уровнями саморегуляции ($Mx \pm \sigma$)

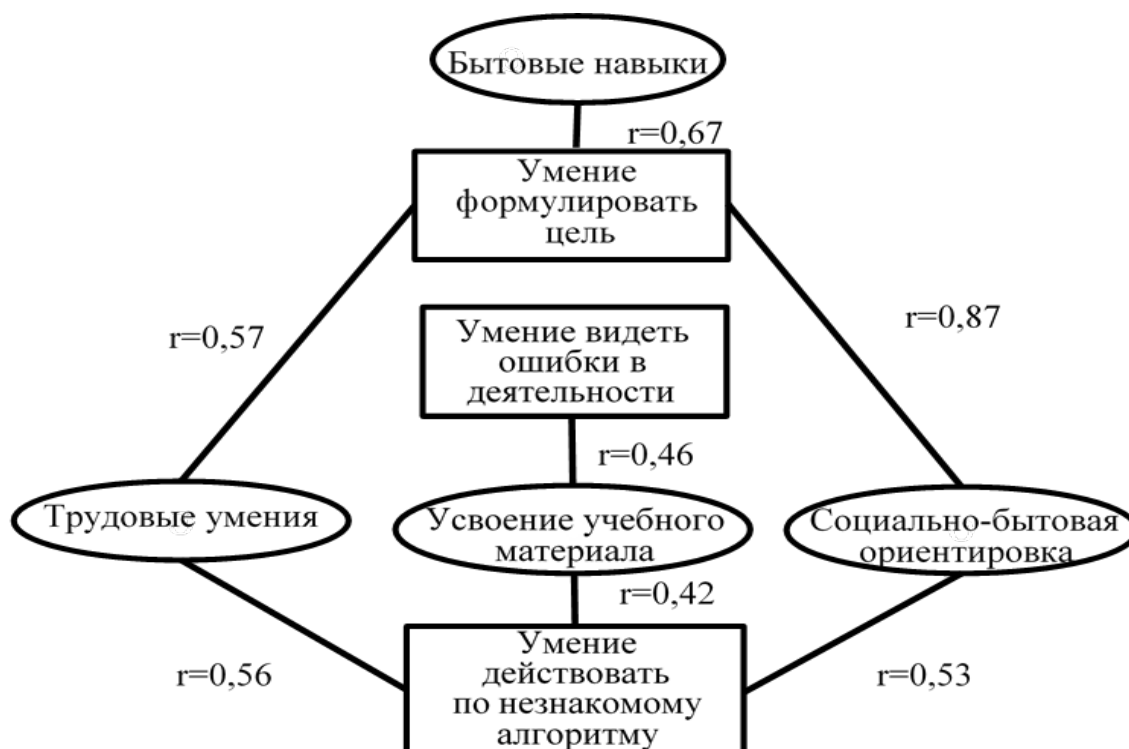

Рис. 2. Взаимосвязь параметров саморегуляции и социальной адаптации у подростков с интеллектуальными нарушениями, при $p < 0,05$

довы (5,87±0,75 и 4,42±0,97, $p < 0,03$). Кроме того, было выявлено, что эти школьники характеризовались более позитивным отношением к труду (6,37±0,25 и 5,25±1,17, $p < 0,03$), умением выстраивать взаимодействие со сверстниками (7,62±0,85 и 5,83±1,33, $p < 0,04$) и демонстрировали лучшую социальную приспособленность (5,75±0,65 и 4,42±0,74, $p < 0,01$). Все эти характеристики, согласно ФГОС О УО (ИН), относятся к сфере жизненной компетенции, формирование которой является одной из приоритетных задач образования детей и подростков с интеллектуальными нарушениями.

Наряду с выявленными характеристиками социальной адаптации, у всех испытуемых педагоги отмечали недостаточность мотивации. Подростки проявляли относительно равнодушное отношение к учебе, как необходимости, которой нельзя избежать. Это согласуется с результатами, полученными в других исследованиях, где было показано, что становление положительной мотивации учебной деятельности школьников с умственной отсталостью затруднено и обусловлено рядом факторов, среди которых обедненность внутреннего мира, слабый интерес школьников к содержанию учения, низкие возможности в преодолении учебных трудностей [15]. Кроме того, наблюдались недостатки регулирования своего поведения в школе, зависящего от степени «интересности», настроения школьников и характеризующегося не-

стабильностью, отклонениями от социально-нормативного поведения.

Корреляционный анализ показал ряд достоверно значимых взаимосвязей саморегуляции и социальной адаптации. На рисунке 2 отражена взаимосвязь параметров саморегуляции и социальной адаптации у подростков с интеллектуальными нарушениями. Так, оказалось, что целеполагание взаимосвязано со сформированностью трудовых и бытовых навыков. Чем выше показатели умения ставить цели, тем лучше сформированы бытовые, и, что очень важно для послешкольной социализации, трудовые навыки. Кроме того, умение действовать по незнакомому алгоритму и видеть ошибки позитивно влияет на усвоение академических знаний. На наш взгляд, полученные сведения необходимо учитывать при планировании коррекционной работы с рассматриваемой категорией подростков.

Основываясь на полученных сведениях, мы полагаем, что хорошую саморегуляцию можно считать прогностически благоприятным признаком для социальной адаптации подростков с интеллектуальными нарушениями. Результаты исследования могут представлять интерес для педагогов, работающих в коррекционных и инклюзивных образовательных организациях со школьниками с интеллектуальными нарушениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова, Н.В. Психологические особенности саморегуляции учебной деятельности у подростков в условиях коррекционно-развивающего обучения: дис. ... канд. психол. наук / Астахова Наталья Владимировна. – М., 2007. – 206 с.
2. Бабкина, Н.В. Психолого-педагогические условия формирования саморегуляции познавательной деятельности у младших школьников с задержкой психического развития: дис. ... канд. психол. наук / Бабкина Наталия Викторовна. – М., 2003. – 170 с.
3. Зобков, А.В. Психолого-акмеологическая концепция интегративно-динамической саморегуляции субъектами учебной деятельности: автореф. дис. ... д. пс. наук / А.В. Зобков. – Кострома, 2014. – с. 52.
4. Инденбаум, Е.Л. Психосоциальное развитие подростков с легкими формами интеллектуальной недостаточности: дис. ... док-ра психол. наук / Инденбаум Елена Леонидовна. – М., 2011. – 353 с.
5. Колосова, Т.А. Особенности социально-психологической адаптации умственно отсталых подростков / Т.А. Колосова, А.С. Григорьева // Успехи современной науки. – 2016. – № 3. – С. 130 – 132.
6. Конопкин, О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности / О.А. Конопкин. – М.: Ленанд, 2011. – 320 с.
7. Коробейников, И.А. Нарушения развития и социальная адаптация / И.А. Коробейников. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 192 с.
8. Лубовский, В.И. Развитие словесной регуляции действий у детей (при нормальном и нарушенном развитии) / В.И. Лубовский. – М.: Буки Веди, 2013. – 198 с.
9. Метиева, Л.А. Формирование саморегуляции в процессе учебной деятельности у младших школьников с интеллектуальной недостаточностью: дис. ... канд. психол. наук / Метиева Людмила Анатольевна. – Н. Новгород, 2003. – 249 с.
10. Моросанова, В.И. Самосознание и саморегуляция поведения / В.И. Моросанова, Е.А. Аронова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2007. – 214 с.
11. Налчаджян, А.А. Социально-психическая адаптация личности: формы, механизмы и стратегии [Электронный ресурс] / А. А. Налчаджян. – Ереван: Изд-во АН-Армян. ССР, 1988. – 263 с. – Режим доступа: URL: <https://gigabaza.ru/doc/76246.html> (дата обращения: 15.10.2020).
12. Омарова, П.О. Социальная адаптация детей с нарушениями интеллекта в полиэтнической среде [Электронный ресурс] / П.О. Омарова // Научный электронный архив. – 2010. – 14.29.21. – С. 5 – 9. – Режим доступа: URL: <http://econf.rae.ru/article/5710> (дата обращения: 13.10.2020).
13. Осницкий, А.К. Психологические механизмы самостоятельности / А.К. Осницкий. – М.-Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. – 232 с.
14. Петрова, В.Г. Психология умственно отсталых школьников / В.Г. Петрова, И.В. Белякова. – М.: Академия, 2002. – 160 с.
15. Толстикова, О.Н. Факторы формирования мотивации учебной деятельности умственно отсталых младших школьников: автореф. дис. ... канд. пс. наук

- / О.Н. Толстикова. – СПб, 2013. – с. 25.
16. Цуциева, Ж.Ч. Психологические особенности социально-трудовой адаптации умственно отсталых подростков: дис. . . . канд. псих. наук / Цуциева Жанна Черменовна. – СПб., 2003. – 136 с.
17. Черкевич, Е.А. Формирование саморегуляции психических состояний подростков: автореф. дис. . . . канд. пс. наук / Е.А. Черкевич. – Омск, 2007. – с. 23.
18. Шиф, Ж.И. Психологическое изучение основных вопросов обучения аномальных детей [Электронный ресурс] / Ж.И. Шиф // Альманах института коррекционной педагогики. – 2015. – №22. – С. 42 – 49. – Режим доступа: URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-22/psixologicheskoe-izuchenie-osnovnyix-voprosov-obucheniya-anomalnyix-detej> (дата обращения: 15.09.2020).

© Самойлюк Людмила Александровна (lyuda1221@rambler.ru), Логунова Кристина Геннадьевна (kristiana-irk@yandex.ru), Хрипко Ольга Сергеевна (xripko_olga@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРЕСС И СТРЕСС-МЕНЕДЖМЕНТ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ

STRESS AND STRESS MANAGEMENT IN THE ACTIVITIES OF DISTRICT POLICE COMMISSIONERS

*E. Chernobrodov
N. Galkina*

Summary: The activities of district police commissioners involve constant interaction with other people: immediate supervisors, colleagues, minors, people in difficult life situations, and others. This communication can provoke conflict situations, which in turn leads to the experience of stress by the district police officers. Currently, the psychological literature presents a wide variety of methods aimed at preventing stress. The authors propose a relatively new direction – “stress management” – as another method of prevention. The article describes the psychological features of the professional activity of district police officers, defines the concepts of “stress” and “stress management”, presents the results of the study of stress factors in the professional activity of district police officers, reveals the possibilities of using stress management.

Keywords: stress, stress management, stress factors, stress management, self-regulation, self-recovery.

Чернобродов Евгений Романович

*К.псх.н., Дальневосточный юридический институт
МВД России, г. Хабаровск
erch70@rambler.ru*

Галкина Наталья Юрьевна

*К.псх.н., доцент, Дальневосточный юридический
институт МВД России, г. Хабаровск
galkina55@list.ru*

Аннотация: Деятельность участковых уполномоченных полиции подразумевает постоянное взаимодействие с другими людьми: непосредственными начальниками, коллегами, несовершеннолетними, людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации и другими. Это общение может провоцировать конфликтные ситуации, что в свою очередь приводит к переживанию участковым уполномоченным полиции стресса. В настоящее время в психологической литературе представлено большое многообразие методов, направленных на профилактику стресса. Авторами предлагается в качестве еще одного метода профилактики относительно новое направление – «стресс-менеджмент». В статье описываются психологические особенности профессиональной деятельности участковых уполномоченных полиции, дается определение понятиям «стресс» и «стресс-менеджмент», представлены результаты проведенного исследования стресс-факторов в профессиональной деятельности участковых уполномоченных полиции, раскрываются возможности использования стресс-менеджмента для профилактики данного социально-психологического явления участковыми уполномоченными полицией, дается характеристика основных этапов управления стрессом и методов, используемых на каждом этапе.

Ключевые слова: стресс, стресс-менеджмент, стрессогенные факторы, управление стрессом, саморегуляция, самовосстановление.

Деятельность участкового уполномоченного полиции (УУП) предполагает постоянное взаимодействие с другими людьми (коллегами, руководителями, различными категориями граждан) посредством общения. А любое общение может носить как конфликтный, так и бесконфликтный характер. И в том и другом случае процесс взаимодействия будет приводить к появлению осознанного, либо бессознательного стресса. Причем средний уровень стресса большинства участковых уполномоченных полиции превосходит их психофизиологические возможности, что приводит к снижению эффективности их профессиональной деятельности и негативно отражается на общем состоянии организма.

Одним из условий повышения результативности деятельности участкового уполномоченного полиции может стать овладение технологиями управления стрессом (стресс-менеджмент). Знание психологических возможностей стресс-менеджмента даст возможность участковому уполномоченному полиции, попав в сложную

ситуацию, не терять способности к целенаправленной рефлексивной деятельности. Это позволит ему проанализировать и оценить происходящее, подобрать оптимальный способ коррекции ситуации, своего поведения и (или) состояния, тем самым, выйти из состояния стресса.

Цель статьи - определение психологических подходов к преодолению стрессовых ситуаций участковыми уполномоченными полицией.

Деятельность УУП является одной из самых сложных профессий в современном обществе, направленной на обеспечение общественного порядка, выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие мер к их устранению на обслуживаемой территории.

Психологическими особенностями профессиональной деятельности участкового уполномоченного по-

лиции являются: нормативно-правовая регламентация; наличие властных полномочий; необходимость принятия решений правового характера; экстремальная обстановка производства процессуальных действий; часто ненормированный рабочий график, временной дефицит; постоянное взаимодействие с различными категориями граждан, с преобладающим криминогенным контингентом; пристальное внимание со стороны органов прокуратуры и общественности.

Все вышеперечисленные факторы в своей совокупности приводят к переживанию УУП *стресса* - ответной реакции психики человека на переживаемые им сильные положительные и отрицательные эмоции, а также перенапряжение, с ними связанные. Стресс является нормальной частью человеческой жизни и необходимым в определенных количествах, так как он заставляет думать (активизирует познавательные процессы в целом), искать выход из проблемы (включение механизмов волевого поведения). Но если стрессоров становится слишком много, человек начинает уставать, терять силы и способность находить решение повседневных задач.

В целях объективной оценки стрессогенности профессиональной деятельности участковых уполномоченных, авторским коллективом применен метод экспертных оценок. Данный метод базируется на основе интуитивно-логического анализа исследуемых проблем на основе опроса высококвалифицированных специалистов. Надёжность оценок и решений, принимаемых на основе суждений экспертов, достаточно высока.

В экспертном опросе приняли участие 204 сотрудника подразделений участковых уполномоченных полиции УМВД России по Хабаровскому краю из 7 городов (Амурск, Бикин, Вяземский, Комсомольск-на-Амуре, Николаевск-на Амуре, Советская Гавань, Хабаровск) и 13 муниципальных районов Хабаровского края (Амурский, Аяно-Майский, Бикинский, Верхнебуреинский, Вяземский, Комсомольский, имени Лазо, Николаевский, Советско-Гаванский, Солнечный, Тугуро-Чумиканский, Ульчский, Хабаровский). Эксперты составили две группы: Группа экспертов-руководителей (ГЭР) и Группа экспертов-участковых (ГЭУ).

Группа экспертов-руководителей (ГЭР): 21 чел. Средний стаж в ОВД: 15 лет. Средний стаж в подразделении участковых уполномоченных полиции: 8 лет. Высшее юридическое образование имеют 90.4%. Результаты опроса экспертов позволили определить несколько характеристик служебной деятельности способных вызывать состояние стресса.

Установлено, что наибольшая затрата рабочего времени связана с «работой с документами/отчеты, справки, рапорта и т.п.»; «совещаниями». Данный вид деятельности требует от сотрудника внимательности, организо-

ванности, грамотности, аккуратности, соблюдения требований по стилистике и оформлению при подготовке документов. Стрессором (то, что приводит к стрессу) здесь выступает острый дефицит времени на подготовку справок, отчетов, рапортов, планов и т.п.

В организационно-управленческой подструктуре профессиональной деятельности, несомненно, присутствует такая форма деятельности как совещание (планирование и подведение итогов работы, рассмотрение текущей повестки дня по актуальным вопросам, требующих сбора личного состава подразделений). Опрос показал, что видами профессиональной деятельности, способными вызывать негативные переживания являются: «работа с документами, подготовка отчётов», «работа не по своему направлению», «участие в совещаниях», «планирование рабочего дня».

ГЭР актуальными проблемами в организации деятельности видят в: «некомплекте кадров в подразделениях УУП», «большом объёме документооборота», «недостаточном уровне материально-технического обеспечения (канцелярские товары, компьютеры и т.п.)», «нехватке служебного транспорта», «удалённости административных участков». Каждый в отдельности фактор способен стать стрессором (см. Таблицу 1).

ГЭР считают (около 60% опрошенных), что «назначение на должности участковый уполномоченный полиции сотрудников женского пола на результаты службы» не влияет. Лишь 14% опрошенных уверены, что «женщинам- участковым гораздо сложнее выполнять свои обязанности». Только 10 % респондентов считают профессию участкового уполномоченным сугубо мужской. Следует отметить, что игнорирование гендерного аспекта способно помешать объективной оценке психологического состояния участкового уполномоченного полиции – женщины.

Женщины-полицейские в отношении показателей физического напряжения, соматизации, а также показателей здоровья, демонстрируют более высокий уровень стрессового напряжения по сравнению с полицейскими-мужчинами. «Анализ накопленного за рубежом научного и прикладного опыта указывает на необходимость более пристального внимания к изучению вопроса о влиянии гендерных различий на восприятие стрессогенных факторов и выраженность профессионального стресса у сотрудников правоохранительных органов» [3].

Около 70% членов ГЭР считают изучение проблемы управлением профессиональным стрессом значимой для результатов служебной деятельности и готовы к прохождению курсов повышения квалификации по стресс-менеджменту (управлению стрессами) в работе руководителя.

Группа экспертов-участковых (ГЭУ): 183 чел. Средний стаж в ОВД: 9 лет. Средний стаж в подразделении участковых уполномоченных полиции: 7 лет. Высшее юридическое образование имеют 65,5%, высшее техническое образование 16%, высшее педагогическое образование 6,5%.

По мнению ГЭУ больше всего времени при реализации должностных обязанностей уходит: «на работу с до-

кументами»; «обход (обслуживание) административного участка», «рассмотрение административных протоколов в суде».

Вид профессиональной деятельности, который вызывает негативные переживания: «работа с документами», «некомплект кадров в подразделениях УУП», «участие в совещаниях», «рассмотрение административных протоколов в суде».

Таблица 1

Характеристика доминирующих взаимосвязей служебной деятельности участковых уполномоченных полиции и ее психологических особенностей в оценке экспертами-руководителями

Вид служебной деятельности с наибольшими временными затратами	Вид служебной деятельности вызывающие негативные переживания	Актуальные проблемы, предопределяющие трудности в ходе выполнения служебных обязанностей	Факторы, усиливающие стрессогенность при выполнении служебных обязанностей
«Работа с документами /отчеты, справки, рапорта и т.п./»	«Работа с документами /отчеты, справки, рапорта и т.п./»	«Большой объём документооборота»	«Неформальное увеличение продолжительности рабочего дня»
Вид служебной деятельности с наибольшими временными затратами	Вид служебной деятельности вызывающие негативные переживания	Актуальные проблемы, предопределяющие трудности в ходе выполнения служебных обязанностей	Факторы, усиливающие стрессогенность при выполнении служебных обязанностей
Участие в совещаниях»	«Участие в совещаниях»	«Некомплект кадров в подразделениях УУП»	«Назначение на должности участковых уполномоченных полиции сотрудников женского пола»
	«Работа не по своему направлению»	«Нехватка служебного транспорта при удаленности административных участков»	
	«Планирование рабочего дня»	«Недостаточный уровень материально-технического обеспечения»	

Таблица 2

Характеристика доминирующих взаимосвязей служебной деятельности участковых уполномоченных полиции и ее психологических особенностей в оценке экспертами-участковыми

Вид служебной деятельности с наибольшими временными затратами	Вид служебной деятельности вызывающие негативные переживания	Актуальные проблемы, предопределяющие трудности в ходе выполнения служебных обязанностей	Факторы, усиливающие стрессогенность при выполнении служебных обязанностей
«Работа с документами /отчеты, справки, рапорта и т.п./»	«Работа с документами /отчеты, справки, рапорта и т.п./»	«Большой объём документооборота»	«Неформальное увеличение продолжительности рабочего дня»
Вид служебной деятельности с наибольшими временными затратами	Вид служебной деятельности вызывающие негативные переживания	Актуальные проблемы, предопределяющие трудности в ходе выполнения служебных обязанностей	Факторы, усиливающие стрессогенность при выполнении служебных обязанностей
Участие в совещаниях»	«Участие в совещаниях»	«Нехватка служебного транспорта при удаленности административных участков»	«Режим многозадачности» (большое количество функциональных задач, в том числе с несвойственными прямыми обязанностями и порождающие фрустрационные ситуации)
«Обход (обслуживание) административных участков»	«Некомплект кадров в подразделениях УУП»	«Некомплект кадров в подразделениях УУП»	Увеличение объёма выполняемых обязанностей из-за некомплекта кадров в подразделениях УУП»
«Рассмотрение административных протоколов в суде»	«Рассмотрение административных протоколов в суде»		

Среди трудностей в реализации профессиональных обязанностей эксперты-инспектора отметили следующие: «нехватка служебного транспорта», «режим многозадачности», «большой документооборот», «удаленность административных участков» (см. Таблицу 2). Каждый из этих факторов является стрессором.

На фоне проблем, связанных с организацией деятельности участковых уполномоченных полиции на стадии развития стресса - «истощение» могут наблюдаться нарушения деятельности механизмов регуляции и возникновения дезадаптации, что может существенно сказаться на продуктивности труда.

Опрос около 60% респондентов из ГЭИ показал, что ожидания от выбранной профессией с реальным опытом службы участковым уполномоченным полиции не совпали. Данное обстоятельство имеет негативный подтекст при психоэмоциональной оценке профессиональной деятельности и содержит в себе источник стрессогенности.

Респонденты обеих групп высказали мнение, что больше всего времени при выполнении должностных обязанностей отводится работе с различного вида документами (95% и 69% соответственно). Данный вид деятельности является источником негативных переживаний сотрудников (25% и 20%). Большой документооборот видится экспертами обеих групп как проблема, которая негативно сказывается на результатах служебной деятельности.

Объём служебного времени отводимого для различного вида совещания вызывают негативные переживания. В условиях острого дефицита времени, обширных территорий административных участков, некомплекта кадров в подразделениях - продолжительные и частые совещания создают ситуацию, предрасполагающую к возникновению стрессовой ситуации у сотрудников.

Опрос экспертов в обеих группах показал, что неформальная продолжительность рабочего дня составляет 10-12 часов. Принимая во внимание, что выполнение поставленных задач участковыми уполномоченными полиции осуществляется в условиях дефицита времени, длительного сосредоточения внимания на подготовке необходимой документации, большого объёма переработки информации, высокой степени сложности заданий (при «многозадачности»), а порой и с риском для жизни приводит к риску развития у них профессионального стресса. Систематическая переработка в рабочие дни, а также регулярное привлечение сотрудников к выполнению служебных обязанностей в выходные дни приводит к дистрессу, утомлению и переутомлению, что может негативно сказываться на их психическом и соматическом здоровье.

Одним из эффективных методов профилактики профессионального дистресса может быть использование *стресс-менеджмента*, под которым понимается способность управлять стрессом.

Основные этапы управления стрессом:

I. *Снижение уровня стрессовой ситуации*. На этом этапе необходимо:

- описать стрессовую ситуацию, определить стрессоры;
- оценить силу их влияния на рабочий процесс;
- оценить минусы и плюсы в результате негативного развития стрессовой ситуации;
- разработать план по снижению стресс-факторов;
- использовать различные методики и практики для профилактики и выхода из стресса.

II. *Использование методов саморегуляции*. Саморегуляция – воздействие человека на собственную психику специальными методами с целью управления своим психоэмоциональным состоянием, что позволяет: сдерживать себя в конфликтной ситуации; рационально мыслить при стрессе или кризисе; восстанавливать силы; противостоять невзгодам жизни.

III. *Самовосстановление* – позволяет сформировать устойчивость по отношению к неизбежным стресс-факторам. Основными средствами, способствующими восстановлению организма после переживания стрессовой ситуации являются:

1. мышечная релаксация, аутогенная тренировка;
2. психогигиена (разнообразный досуг, отдых на природе, комфортные условия работы и проживания, социальное общение);
3. соблюдение режима дня, умение планировать деятельность, совмещать периоды труда и отдыха;
4. лечебно-биологические способы (массаж, баня, здоровое питание, водные процедуры);
5. медикаментозные способы на натуральной основе (витамины, травы, ароматические масла).

Следовательно, обобщая все вышесказанное, можно говорить о том, что использование стресс-менеджмента направлено на формирование у участкового уполномоченного полиции:

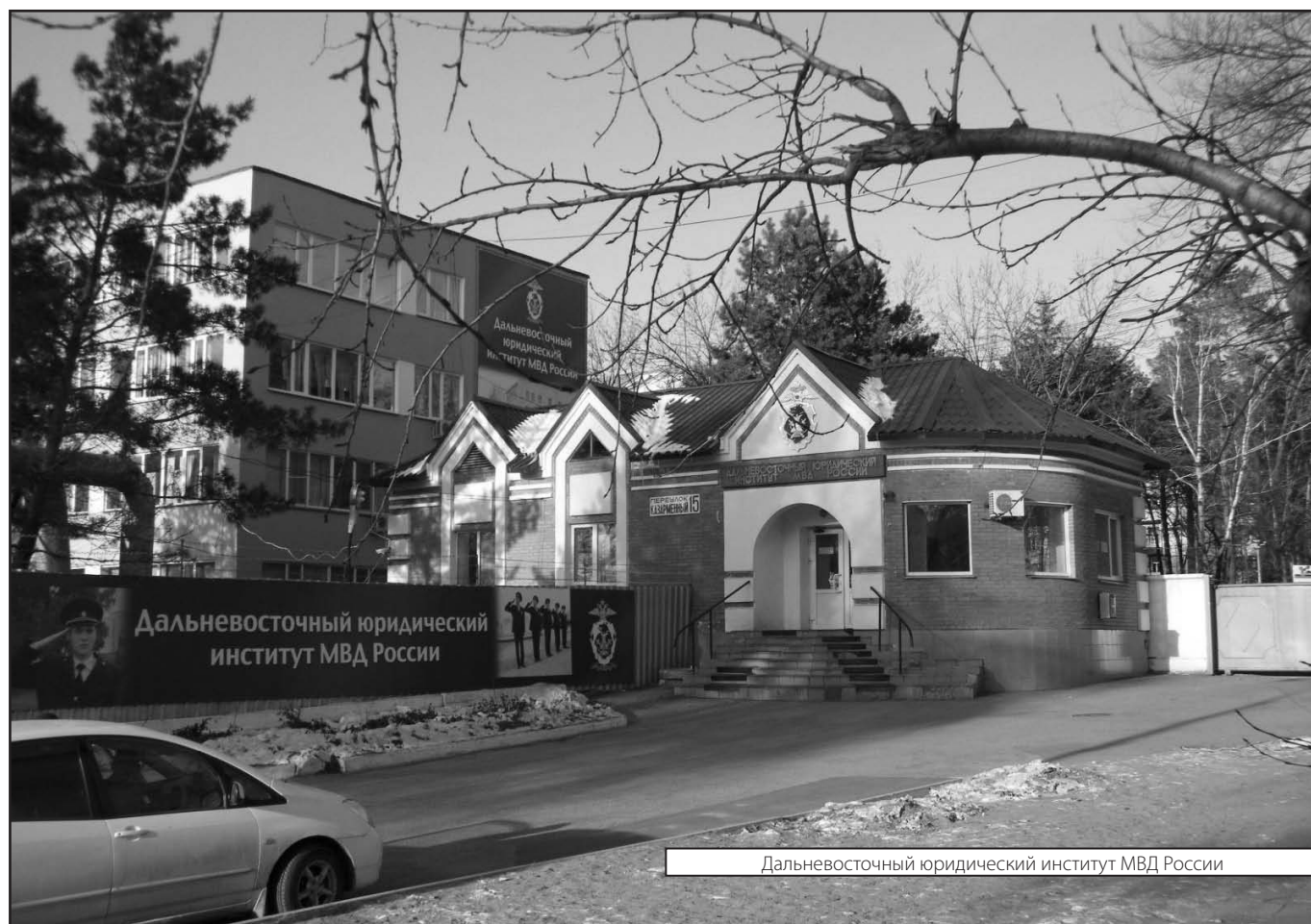
1. навыков диагностики стрессовых ситуаций, причин, их вызывающих и последствий для профессиональной деятельности;
2. умений использовать приемы снижения негативных воздействий стресс-факторов с учетом индивидуальных особенностей участковых уполномоченных полиции;
3. навыков использования методов индивидуального снятия психического напряжения при планировании и выполнении служебных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобозев И.Ю. Психопрофилактика и коррекция профессионального стресса сотрудников ОВД//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2016. – N 1(69). - С. 205-209.
2. Кривова О.И. Психологические особенности деятельности и эффективные методы подготовки участковых уполномоченных полиции//Современная психология и педагогика: проблемы и решения: сб. ст. по матер. XVII междунар. науч.-практ. конф. № 12(16). - Новосибирск: СибАК, 2018. - С. 131-138.
3. Московская М.С., Котельникова Д.А., Дубинский А.А. Особенности регуляции деятельности у сотрудников следственных органов (клинико-психологический, нейропсихологический и гендерный аспекты)//Психология и право [Электронный ресурс]. - 2017. - Том 7. - N 3. - С. 83-96. - URL: psyandlaw.ru (дата обращения 10.09.2019).
4. Основные стратегии стресс-менеджмента - URL: <https://mydocx.ru/10-121462.html> (дата обращения 10.09.2019).
5. Патрахина Т.Н., Павлова А.В. Стресс-менеджмент: сущность понятия и процесса//Молодой ученый. - 2015. – N 3. - С. 480-484.
6. Галкина Н.Ю. Психологические методы профилактики стресса в современных условиях // Проблемы современного педагогического образования. Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (Ялта). - 2018. - С. 403-407.
7. Психологический словарь - URL: <http://azps.ru/handbook> (дата обращения 03.09.2019).
8. Стресс-менеджмент - URL: <http://kak-bog.ru/stress-menedzhment> (дата обращения 10.09.2019).
9. Труфанова Т.А. Современные подходы к управлению профессиональными стрессами//Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2015. - N 4 (144). - С. 77-84.
10. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2012. - 256 с.

© Чернобродов Евгений Романович (erch70@rambler.ru), Галкина Наталья Юрьевна (galkina55@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный юридический институт МВД России

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СТУДЕНТОВ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ ОБУЧЕНИЯ

Ядрищенская Татьяна Васильевна

К.б.н., доцент, Тихоокеанский государственный
университет, г. Хабаровск
tagir.on-line@mail.ru

PSYCHOPHYSIOLOGICAL STATUS OF STUDENTS IN ASPECT COGNITIVE LEARNING STYLES

T. Yadrishenskaya

Summary: The article examines group psychophysiological indicators of students, such as the speed of a simple visual-motor reaction, characteristics of attention, the volume of short-term sensory memory, typological properties of the nervous system, autonomic balance, biorhythms, individual profile of interhemispheric asymmetry from the standpoint of psychophysiological status, which is determined -divides cognitive stylistic capabilities of learning youth in educational activities. The study of individual and group profiles of the psychophysiological status of students contributes to the formation of a psychophysiological model of the learning process at a university. Taking into account the psychophysiological equivalents of cognitive styles, recommendations were made for students and teachers to improve the efficiency of the educational process.

Keywords: psychophysiological status, cognitive learning styles, typological properties, vegetative balance, characteristics of attention, daily biorhythms, reaction rate, sensory memory volume, brain asymmetry profile

Аннотация: В статье рассматриваются групповые психофизиологические показатели студентов, такие как скорость простой зрительно-моторной реакции, характеристики внимания, объем кратковременной сенсорной памяти, типологические свойства нервной системы, вегетативный баланс, биоритмы, индивидуальный профиль межполушарной асимметрии с позиций психофизиологического статуса, который определяет когнитивные стилевые возможности обучающейся молодежи в образовательной деятельности. Изучение индивидуальных и групповых профилей психофизиологического статуса студентов способствует формированию психофизиологической модели процесса обучения в вузе. С учетом психофизиологических эквивалентов когнитивных стилей были составлены рекомендации для студентов и преподавателей для повышения эффективности образовательного процесса.

Ключевые слова: психофизиологический статус, когнитивные стили обучения, типологические свойства, вегетативный баланс, характеристики внимания, суточные биоритмы, скорость реакции, объем сенсорной памяти, профиль асимметрии мозга.

Введение

Психофизиологический статус – это особенности организма и личности человека, определяющие потенциальные или реализуемые возможности к профессиональному обучению и заданным требованиям надежности и эффективности конкретной профессиональной деятельности [4].

Психофизиологический статус индивида характеризуется как отдельными показателями (нейродинамическими, психодинамическими, физиологическими), так и интегральными свойствами личности (когнитивными стилями, особенностями темперамента). Основные свойства нервной системы, как генетически детерминированные задатки способностей, связанные с особенностями строения и функционирования головного мозга, обуславливают фенотипическое проявление потенциала конкретного индивида [1; 6; 10].

Разработка концепции психофизиологической модели процесса обучения связана с дальнейшим изучением и внедрением в практику такого понятия как

индивидуальный когнитивный стиль. Согласно представлениям исследователей, индивидуальные различия в способах восприятия информации, приемах анализа, структурирования и оценивания своего окружения образуют некоторые типичные формы интеллектуального поведения, относительно которых группы людей являются похожими и одновременно отличными от других людей, таким образом, когнитивные стили подчиняются действию некоторых общих закономерностей организации когнитивной сферы человека. С другой стороны, выраженность тех или иных когнитивных стилей свидетельствует о сформированности «внутри» опыта индивидуума определенных уникальных индивидуально-специфических механизмов регуляции его интеллектуальной активности [11].

Существующие в настоящее время научные концепции когнитивных стилей построены, в основном, на индивидуальных психологических различиях и практически не затрагивают психофизиологические особенности. Таким образом, в современных условиях возникает потребность более углубленной проработки с позиций психофизиологического подхода существующих инди-

видуальных стилей обучения, выявление коррелятивных связей между свойствами этих стилей и различными психологическими и поведенческими особенностями их проявления в образовательной среде, что создаст базу для формирования психофизиологической модели процесса обучения.

Целью нашего исследования явилась оценка индивидуального профиля и группового психофизиологического статуса студентов для формирования психофизиологических эквивалентов когнитивных стилей и составления рекомендаций по оптимизации процесса обучения в вузе.

Материалы и методы исследования

Оценка психофизиологического профиля студентов производилась по результатам обработки данных психофизиологических показателей, определяемых с использованием компьютерного аппаратного комплекса «НС-ПсихоТест» компании Нейрософт г. Иваново, а также с использованием бланкового анкетирования по авторским методикам.

Психофизиологический профиль студентов в нашем исследовании включает следующие показатели (рис. 1):

1. Концентрация внимания – способность к сосредоточению, оценивалась с помощью аппаратного комплекса «НС-ПсихоТест», методика «Оценка внимания» [7].

2. Устойчивость внимания – способность к длительному удержанию оценивалась с помощью компьютерного комплекса «НС-ПсихоТест», методика «Оценка внимания» [7].
3. Функциональный уровень системы – ФУС – определяется абсолютными значениями времени ПЗМР (положение вариационной кривой относительно оси абсцисс), вычисляется программой «НС-ПсихоТест», методика «Оценка внимания» [7].
4. Устойчивость реакции – УР – интерпретируется как устойчивость состояния центральной нервной системы (обратно пропорциональна показателю рассеивания времени реакции), вычисляется программой «НС-ПсихоТест», методика «Оценка внимания» [7].
5. Уровень функциональных возможностей – УФВ – отражает способность обследуемого формировать адекватную заданию функциональную систему и достаточно долго ее удерживать; вычисляется программой «НС-ПсихоТест», методика «Оценка внимания» [7].
6. Оценка скорости простой зрительно-моторной реакции (ПЗМР) – показывает качество подвижности нервных процессов, скорость реакции, оценивалась с помощью компьютерного аппаратного комплекса «НС-ПсихоТест», методика «Простая зрительно-моторная реакция» [7].
7. Оценка баланса процессов возбуждения-торможения – оценивается баланс процессов возбуждения и торможения в центральной нервной

Рис. 1. Психофизиологический статус студентов ТОГУ: исследуемые показатели и значение.

системе, оценивалась с помощью комплекса «НС-ПсихоТест», методика «Реакция на движущийся объект» [7].

8. Оценка объема кратковременной зрительной памяти – оценивается способность к одновременному кратковременному удержанию в памяти зрительных объектов, методика В. В. Мельникова «Зрительные матрицы» [15].
9. Оценка объема кратковременной слуховой памяти – оценивается способность к одновременному кратковременному удержанию в памяти слов, методика В. В. Мельникова «Словесная память» [15].
10. Оценка вегетативного баланса – оценивается текущее функциональное состояние организма по эйтонии (нормотонии), парасимпатикотонии (ваготонии) и симпатикотонии с использованием методик: вегетативные пробы, восьмицветовой тест М. Люшера [7].
11. Оценка силы процессов возбуждения – оценивается работоспособность нервной системы по опроснику «Черты характера, темперамента» (ЧХТ), сокращенный вариант.
12. Оценка силы процессов торможения – оценивается выдержанность, терпеливость по опроснику «Черты характера, темперамента» (ЧХТ).
13. Оценка уравновешенности процессов возбуждения и торможения – высчитывается соотношение между количественными показателями силы процессов возбуждения и торможения по опроснику ЧХТ.
14. Оценка подвижности нервных процессов – оценивается по опроснику ЧХТ.
15. Оценка экстраверсии-интроверсии – качества определяли с использованием личного опросника Г. Айзенка.
16. Оценка нейротизма – проводилась на основе личного опросника Г. Айзенка.
17. Оценка суточных биоритмов – определяли суточные хроно типы студентов с использованием анкеты Хорна-Остберга.
18. Оценка индивидуальной минуты – позволяет оценить чувство времени к кратковременным интервалам по методике Ф. Халберга [8].
19. Оценка индивидуального профиля асимметрии – производилась с использованием комплексного подхода на основе тестирования моторной и сенсорной асимметрии функций организма и определением коэффициента функциональной асимметрии [2].

В исследовании приняли участие 1157 студентов направления «Педагогическое образование»; направления «Психология», направления «Экология и природопользование» Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, Дальневосточного государственного гуманитарного университета. Результа-

ты тестирования были обработаны с помощью пакета статистических программ Microsoft Excel.

Результаты исследования и обсуждение

Оценка психофизиологического статуса исследуемой студенческой группы позволила установить некоторые тенденции по направленности отдельных психофизиологических показателей в обследуемой группе студентов.

Таковыми показателями являются:

1. Скорость простой зрительно-моторной реакции, которая у большинства студентов трактуется как подвижный и промежуточный тип. Среднее значение простой сенсо-моторной реакции в нашем исследовании составило 270,7 мс, что свидетельствует о достаточно хороших психофизиологических ресурсах и, в целом, характеризует функциональное состояние исследуемых студентов, как находящееся в пределах психофизиологической нормы [16]. Н.А. Литвиновой были получены данные, которые свидетельствуют о значительном влиянии нейродинамических свойств на процессе адаптации студентов в вузе [5]. Исследования показывают, что студенты, обладающие высоким уровнем подвижности и силы нервных процессов, характеризуются успешностью в учебной деятельности, устойчивостью к стрессу и балансом тонуса симпатической и парасимпатической нервной системы в отличие от студентов с низкими показателями подвижности и силы нервных процессов. Высокий уровень когнитивной подвижности является одним из факторов, обуславливающим успешность обучения в вузе [12].
2. Показатели внимания: высокая и средняя устойчивость внимания при низких значениях концентрации внимания. Определение концентрации внимания показало, что 53 % студентов имеют низкие значения, высокую концентрацию внимания продемонстрировали лишь 7 % и, соответственно, средние значения были обнаружены у 40 % студентов [14]. Низкий уровень концентрации внимания свидетельствует о флуктуации внимания, наличии непроизвольных скачков внимания, которые мешают целостному сосредоточенному восприятию информации, что, в свою очередь, может отрицательно влиять на запоминание лекционного материала, выполнения практических работ. Ввиду низкой концентрации внимания студенты могут допускать непроизвольные ошибки в вычислительных заданиях, «терять» логику изложения материала.
3. Баланс нервных процессов – для большинства респондируемых студентов сдвинут в сторону преобладания возбуждения. Полученные результаты

позволяют предположить, что исследуемые нами студенческие группы имеют когнитивно возбудимый стиль: эмоционально неустойчивы, нетерпеливы, целеустремленны, склонны к переоценке своих способностей, помехонеустойчивы [16].

4. Кратковременная сенсорная память. Результаты нашего исследования показывают более высокий уровень кратковременного запоминания объема зрительной информации в сравнении с запоминанием объема вербально-слуховой информации [13]. Можно предположить, что такая особенность определяется психофизиологическими факторами, но в определенной степени может быть обусловлена повсеместным использованием обучающейся молодежью гаджетов, которые активируют прежде всего зрительную сенсорную систему.
5. Биоритмы – преобладание в студенческой популяции людей с дневным (54 %) и вечерним типом (33 %). Наличие тенденции «растягивать» индивидуальную минуту. Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство студентов, обучающихся в утреннюю смену (обследование проходило до эпидемии коронавируса, когда все студенты посещали занятия), находятся в состоянии хронического стресса вследствие несоответствия внутренних, эндогенных ритмов внешним, социально-навязанным. При нарушении биоритмологических закономерностей у студентов могут снижаться адаптационно-приспособительные возможности организма, что проявляется в ухудшении работоспособности, повышении утомляемости, нарушении сна, развитии неврозов [8].
6. Индивидуальный профиль моторной асимметрии – преимущественно правый. 67 % обследуемых студентов были отнесены к типу с сильным правосторонним профилем по моторной и сенсорной асимметрии; 29 % студентов были отнесены к типу с частичным правосторонним профилем; 3% составили студенты с левосторонним профилем и 1 % с неопределенным профилем [17]. Одними из качеств, присущих преимущественно правостороннему профилю являются формирование однозначного контекста, всеми понимаемого одинаково и необходимого для успешного общения между людьми; конвергентное мышление, проявляющееся в заданиях, у которых существует только одно правильное решение; поток мыслей «идет» по одному руслу (например, установление последовательности в схеме); преобладание вербального мышления, «речевой интеллект»; легкость воспроизведения фактов и затруднения, если нужно что-то придумать или привести пример, социальная адаптабельность [9].
7. Вегетативный баланс. Большинство студентов в нашем исследовании оказались с балансом отделов ВНС – нормотониками – 57 %, 35 % симпатико-

тониками и 8% ваготониками. Достаточно высокий процент симпатикотоников в обследуемой группе студентов свидетельствует о сниженных адаптационных ресурсах обучающейся молодежи. По данным О.А. Вангревич и соавторов взрослые симпатотоники с трудом поддаются обучению навыкам произвольной саморегуляции физиологических состояний, а также показывают сниженную реактивность к стимулам, повышенную тревожность и уязвимость к стрессовым воздействиям [3].

8. Другие признаки. Качества экстраверсии-интроверсии, нейротизма, силы процессов возбуждения и торможения в обследуемой группе продемонстрировали количественное и качественное разнообразие с отсутствием направленных тенденций. Следовательно, учет этих свойств в образовательном процессе должен осуществляться на уровне отдельных личностей, а не в групповом аспекте.

Заключение

С учетом выявленных групповых характеристик психофизиологического статуса исследуемой группы студентов можно порекомендовать преподавателям и студентам следующие методические приемы (краткий итог):

- студентам с высокой подвижностью нервных процессов не перегружать нервную систему восприятием и переработкой сразу большого объема зрительной информации. Также им необходимо учиться распределять сенсорную нагрузку, развивать слуховые перцептивные процессы, давать отдых зрительной системе с целью профилактики астенопии – зрительного утомления;
- студентам с преобладанием процессов возбуждения учиться выдержанности, произвольной регуляции своих эмоциональных проявлений, способам сублимации нервно-психического напряжения в позитивное русло. Это могут быть занятия физической культурой и спортом, творческая и общественная деятельность;
- студентам с низкой концентрацией внимания не торопиться сдавать контрольные и самостоятельные работы, не перепроверив результаты. Если работа очень важная, лучше отложить её на какое-то время, а затем вернуться к проверке;
- студентам и преподавателям – составляйте план мероприятий, ведите дневник учета и контроля выполнения заданий в особенно напряженные для вас дни, недели. Потратив немного времени на составление этого графика работы, вы впоследствии сможете избежать большого количества неприятностей, связанных с вашей деятельностью
- студентам и преподавателям – чаще использовать логическую последовательность изложения материала. В обучении следует продумывать первоначальную подачу теоретического материала в

- различного рода логических схемах (когнитивная визуализация): «правополушарные» учащиеся получают возможность «увидеть» учебную задачу зрительно (в целостном образе), а «левополушарные» смогут разобраться в учебной проблеме по мере «продвижения» изложения материала согласно логике схемы. Акцентирование внимания на существенных сторонах изучаемой темы;
- преподавателям – формулировка выводов по поставленным образовательным проблемам и вопросам с определенной долей самостоятельности студентов;
 - преподавателям – индивидуальные собеседования и задания, корректировка балльной оценки знаний с учетом психодинамических особенно-

- стей личности;
- преподавателям – учет биоритмов и работоспособности в учебном процессе;
- преподавателям – использование наглядности на лекциях и практических занятиях;
- преподавателям – увеличение количества заданий, предполагающих устный ответ студента(ов);
- студентам и преподавателям – учиться эмоциональной саморегуляции, так как именно из-за чрезмерного нервно-психического напряжения и неадекватных оценок самых разнообразных ситуаций у людей возникают вегетативные расстройства, проявляющиеся на физическом и психическом уровнях, в виде выраженных стресс-реакций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байгужина, О.В. Особенности адаптивных реакций вегетативной нервной системы и нейродинамических процессов организма студентов 19-20 лет в зависимости от типа ментальной нагрузки: автореф. дисс... канд. биол. наук: 03.00.13; 19.00.02 / О.В. Байгужина. – Челябинск, 2008. – 148 с.
2. Брагина, Н.Н. Функциональные асимметрии человека [Текст] / Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова. – М.: Медицина, 1988. – 468 с.
3. Вангевич, О.А. Игровое биоуправление и стресс-зависимые состояния / О.А. Вангевич, О.Г. Донская, А.А. Зубков и др. // Бюллетень СО РАМН. 2004. – Т. 113, – № 3. – С. 53–60.
4. Временное положение по психофизиологическому обеспечению надежности профессиональной деятельности и сохранению здоровья персонала энергетических предприятий. РД 153-34.0-03.503-00: утв. Минздравом РФ, РАО «ЕЭС России» 18.06.2000 г.
5. Литвинова, Н.А. Роль индивидуальных психофизиологических особенностей студентов в адаптации к умственной и физической деятельности [Текст]: автореферат дисс... д-ра биол. наук: 03.00.13 / Н.А. Литвинова. – Томск, 2008. – 38 с.
6. Мальцев, В.П. Психофизиологический статус студенток как фактор обеспечения учебно-профессиональной деятельности / В.П. Мальцев, Д.З. Шибкова, П.А. Байгужин // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2011. – № 2. – С. 163–170.
7. Мантрова, И.Н. Методическое руководство по психофизиологической и психологической диагностике / И.Н. Мантрова. – г. Иваново: ООО «Нейрософт», 2010. – 216 с.
8. Моисеева, Н.И. Время в нас и время вне нас. / Н.И. Моисеева – Л.: Лениздат, 1991. – 156 с.
9. Пинчуков, А.Г. Успеваемость и типологические особенности проявления свойств нервной системы / А.Г. Пинчуков // Оптимальное соотношение между умственной и физической деятельностью у студентов педагогических институтов. – Л., 1976. – С. 113–119.
10. Русалов, В.М. Некоторые основания специальной теории индивидуальности человека / В.М. Русалов // Интегральное исследование индивидуальности: теоретические и педагогические аспекты. – Пермь, 1988. – С. 3–10.
11. Холодная, М.А. Когнитивные стили и интеллектуальные способности М.А. Холодная // Психол. журн., 1992. – Т.13. – № 3. – С. 84–93.
12. Юрченко, И.А. Психофизиологические корреляты успешности обучения студентов в вуза: диссертация... кандидата медицинских наук: 19.00.02 / Юрченко Ирина Александровна; [Место защиты : ГОУ ВПО «Военно-медицинская академия»]. – Санкт-Петербург, 2010.
13. Ядрищенская, Т.В. Исследование возрастных изменений кратковременной сенсорной памяти / Т.В. Ядрищенская // Психология, педагогика, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции (11 апреля 2018 г, г. Оренбург). – Уфа.: ОМЕГА САЙНС, 2018. – С.247–250.
14. Ядрищенская, Т.В. Корреляционные отношения и гендерные особенности характеристик внимания / Т.В. Ядрищенская // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – №1 (60) – 2015.
15. Ядрищенская, Т.В. Лабораторный практикум по физиологии физического воспитания и спорта: учебно-метод. пособие для студентов факультета физической культуры / Т.В. Ядрищенская, В.В. Мельников. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманит. ун-та, 2007. – 74 с.
16. Ядрищенская, Т.В. Психофизиологические особенности студентов и когнитивные стили обучения / Т.В. Ядрищенская, Н.П. Долгих // Материалы международной научно-методической конференции «Проблемы высшего образования». – Том I. – ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск г, 2016. – С. 243–246.
17. Ядрищенская, Т.В. Психофизиологические показатели в аспекте адаптации студентов к учебной деятельности в вузе / Т.В. Ядрищенская // Наука и образование на российском Дальнем Востоке: современное образование и перспективы развития. – Т2. – Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, 2016. – С. 380–385.

© Ядрищенская Татьяна Васильевна (tagir.on-line@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРАВА И ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

TO THE QUESTION OF THE ORIGIN OF LAW AND LEGAL NIHILISM. SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

V. Belkin

Summary: The article deals with the issue of the birth of legal nihilism in a broad historical context of the origin of the state and law.

Keywords: legal nihilism, norm, justice, politics, legal culture, legal conscience, state, person.

Белкин Василий Владимирович

Соискатель, Пермский государственный национальный исследовательский университет
consigliori2003@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос зарождения правового нигилизма в широком историческом контексте происхождения государства и права.

Ключевые слова: правовой нигилизм, норма, справедливость, политика, правовая культура, правосознание, государство, личность.

Объективная необходимость раскрытия всех возможностей права как основного регулятора общественных отношений не вызывает сомнений, поэтому проблема правового нигилизма, явления, существенно ограничивающего возможности права, остается чрезвычайно актуальной в настоящее время.

Исследованию этого феномена посвятили свои труды многие авторитетные авторы, которые во многом диалогичны в своих выводах относительно истоков, правового нигилизма. По мнению авторитетного российского теоретика права Н.И. Матузова, ключевым аспектом правового нигилизма является «надменно-пренебрежительное, высокомерное, снисходительно-скептическое восприятие закона. Коррупция, низкая законодательная техника правотворческого процесса, а в совокупности «некомпетентность и неэффективность власти - одни из глубинных источников правового нигилизма» [1, 157], «сущность его — в общем, негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин — в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения» [2, 4].

В то же время представляется, что сущностные основания правового нигилизма, следует искать вне сферы правоприменения. На основе материалистического подхода к обществу и истории, возможно рассмотреть право и элементы правовой жизни как феномен, сопровождающий всю историю человеческого рода, не ограничиваясь при этом национальными рамками, попытаться выявить онтологические основания правового нигилизма.

В центре внимания научной философии стоит человек, его сущность и смысл существования. В этом проявляется подлинно гуманистическая направленность

философии. Человек как биосоциальное существо, выделившееся из мира природы, из объективной необходимости вынужден взаимодействовать как с природой, так и другими индивидами для удовлетворения своих потребностей. Действуя из своих интересов, человек осуществляет и создает общественную связь, которая в первую очередь проявляется в процессе совместного производства средств обеспечения, как индивидуальной, так и родовой жизни.

В первобытную эпоху, субъектом, носителем родовой человеческой сущности был нераздельный коллектив – род, в котором все составляющие его члены фактически составляли один организм. Индивидуальное и коллективное бытие было неразличимо, однако на определенном этапе производства возникает необходимость распределить различные производственные операции между индивидами.

Именно при переходе от неразрывного коллективного труда к частичному кооперативному труду и обмену его результатами происходит фундаментальное событие человеческой истории – разрыв целостности производства своего материального бытия и соответственно к «... к расщеплению прежней, хотя и неразвитой, но целостной сущности человека и появлению односторонне («частично») развитых индивидов» [3, 351]. Таким образом, разделение труда, интенсификация материального производства обусловило начало фундаментального процесса индивидуализации человеческих сущностных сил.

Первоначально нормы обычаев - передающихся из поколения в поколение наиболее рациональные варианты поведения в социально значимых ситуациях, на ранней стадии первобытного общества в необходимой и достаточной степени выражали общий родовой ин-

терес, совпадающий с интересом каждого члена рода в отдельности. Необходимости в специальном аппарате принуждения не существовало. Ввиду того, что отдельный человек не мог существовать вне рода, то и личный интерес, а также групповой противопоставленный интересу рода отсутствовал, ввиду отсутствия материального основания такого интереса. Нормы обычаев представляли собой квинтэссенцию родового интереса, задачей которого было самосохранению родовой человеческой сущности, которая в равной степени наполняла всех членов рода. Поскольку такой стихийно выраженный интерес рода не был ничему противопоставлен, кроме такого же интереса в лице другого племени, свободное социальное общение, гипотетически, могло происходить только между такими монолитными общностями.

Систематическое производство избыточного продукта, обуславливает возможность отчуждения такового, поскольку не наносит ущерба воспроизводству жизни производителя, дает возможность субъекту отчуждения не участвовать материальном производстве, а также гарантирует воспроизводство жизни независимо от различных непредвиденных обстоятельств. Именно по поводу избыточного продукта при переходе к производящей экономике начинают складываться отношения частной собственности как института ограничения доступа к материальным либо нематериальным ресурсам иных лиц в пользу собственника.

Сформировавшиеся таким образом различие в социальном положении групп присваивающих прибавочный продукт и тех от кого он отчуждается, формирует возможность освободить часть общинников от материального производства - отделить физический труд от умственного. Социальной функцией частной собственности становится концентрация прибавочного продукта в руках немногочисленных групп, не участвующих в общественном производстве, а выполняющим иные общественные функции, такие как управление и отправление религиозного культа. Положительной стороной накопления прибавочного продукта на одном полюсе общества является возможность совершения значимых качественных преобразований в интересах всего общества, с другой же стороны формирующаяся социальная дифференциация приводит к обнищанию, а далее и к порабощению, непривилегированного большинства.

Право в виде правового обычая возникает в период разложения первобытнообщинного строя именно из необходимости защиты и регуляции отношений частной собственности. В период господства общинной собственности материальные блага, как и прибавочный продукт, принадлежали всем общинникам и необходимости внешнего, стоящего над обществом, способа регуляции как право не существовало. Зарождающийся институт отчуждения прибавочного продукта, произво-

димого большинством в пользу меньшинства, требовал внешних по отношению к обществу механизмов защиты интересов меньшинства и его собственности. Возвысившаяся часть общества начинает трансформировать обычаи для своих групповых интересов [4, 10].

Обычное право возникает в ту эпоху первобытного строя, когда налицо определенное обособление родоплеменных учреждений от коллективов рода и племен, то есть тогда, когда необходимость типизации поведения человека в более строгих рамках становится условием дальнейшего существования [5, 76]. Право возникает в ответ на глубинную необходимость регламентации поведения субъектов новых отношений эксплуатации, в интересах сохранения всего человеческого рода. Произвол, как объект регламентации выходит за рамки интересов человеческого рода и подлежит вытеснению из социума, как явления противостоящего сохранению и возможности развития человеческого рода.

Очевидно, что закрепление института частной собственности на отчужденный продукт встречали сопротивление и неприятие со стороны определенной части коллектива. Это неприятие выражалось в непризнании и неподчинении правилам отчуждения, распределения и обмена прежде общей родовой собственности. Именно в начальный период поляризации первобытного общества мы можем гипотетически смоделировать возможность проявления правового нигилизма в его наиболее полном и ярком виде, поскольку в лице правового, юридического обычая и права частной собственности отрицался правовой, нормативный порядок в целом. Выступая против эксплуатации и порабощения, основанном на праве в той или иной его форме, прежде, свободные общинники сталкивались с отпором родоплеменной знати. У общинников, выступавших против нормативного порядка, закрепляющего отчуждение прибавочного продукта в пользу верхушки общества, еще были перед глазами обычаи предков, согласно которым исключений из общей родовой собственности не допускалось, и именно в этом моменте их неприятие права и всего порядка с ним связанного – эксплуатации и отчуждения, носило наиболее глубинный, сущностный характер. В последующие эпохи такого зримого противопоставления потестарного, общественного устройства социальному расслоению, и соответственно выраженного в них обычного и правового порядка не существовало.

Появление института публичной власти связано с необходимостью защиты частной собственности сначала на отчужденный прибавочный продукт, а затем на сами средства производства, которые являются источником не только прибавочного, но и необходимого для воспроизводства жизни производителя продукта. Формируется устойчивое социальное неравенство, основанное на отношении одних социальных групп к средствам произ-

водства как находящимся в их частной собственности, а других групп как им не принадлежащим, либо социальная группа, сама являясь средством производства, оказывается в частной собственности господствующего слоя.

Государство, политическая организация прежде однородного общества, выступает в отношении к отдельным его членам как отчужденное от них и стоящее над ними инобытие родовой сущности человека, как институционализируемая проекция, преломление, всеобщей воли человеческого рода. Таким местом преломления и трансформации всеобщей воли рода становится особый репрезентант рода – господствующий класс, элита, конкретно-исторический носитель родовой человеческой сущности. Проходя через сознание господствующего класса, воля рода возвращается к каждому конкретному индивиду в виде правовых установлений.

Интересы правящей верхушки во многом противостоят интересам народа, а интересы всего рода избирательно как соответствуют так и противостоят интересам того и другого класса. Родовой интерес должен возвышаться над интересами, как элиты, так и народа, снимать их противоречия. Правящий класс артикулирует через правовые механизмы волю рода, исходя, прежде всего, из своих, классовых интересов. Родовая воля, приобретая нормативную форму и санкционируемая государством, всегда будет обусловлена интересам прежде всего правящего класса, который лишь формально выражает всеобщую волю. В сущности же, артикулируемая правящим слоем, всеобщая воля рода лишь отчасти является таковой. Данный зазор между объективной волей рода и наличным, сущностным выражением её в законодательстве всегда будет субстанциональной основой правового нигилизма в классовом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. 588 с.
2. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» /Н.И. Матузов. //Правоведение. -1994. - № 2. С. 3-8.
3. Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. // Издательство Пермского государственного университета. Пермь. 2011. 439 с.
4. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 232 с.
5. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. 227 с.

© Белкин Василий Владимирович (consigliori2003@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО И РЕГИОНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСОВ

Кононов Сергей Викторович

К.ф.н., Забайкальский государственный университет
kononov7744@yandex.ru

MODELING OF THE SOCIAL SAFETY OF THE REGION IN THE CONTEXT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL AND REGIONALIST DISCOURSES

S. Kononov

Summary: The article is devoted to the development of a model of social security in the region, representing a comprehensive vision of various aspects of interaction between man and society on the way to preserve social security. The aim of the study is an attempt to synthesize the provisions of various scientific and socio-philosophical concepts of social security with the provisions of regional studies into a single systemic model of social security in the region. The implementation of this goal is carried out by the author using a methodology based on a civilizational approach, which asserts the uniqueness of each of the regions, a systematic approach that reveals the social system of a region as a multi-core phenomenon in which various social levels are distinguished; a structuralist approach, which proves that social conditions for safe life depend on the development and organization of the social environment; semiotic approach aimed at analyzing the region as a spatial, locally distinguished social system formed around a complex of regional values; an instrumental approach that pays attention to the impact of mechanisms leading to the mobilization of regional interests. The novelty of the presented research is associated with the development of a model of social security of the region based on the principle of complementarity of philosophical concepts of social security and the provisions of regional studies. The result of the study is a statement of the impossibility of covering this phenomenon in models developed in individual sciences that form scattered images of the social security of the region, but do not cover the entirety of this phenomenon. The second result of the study is the formation of a model of social security of the region, which allows taking into account civilizational, systemic, structural, value, instrumentally constructed parameters. The third result is proof of the possibility of building a social security system based on values, the mobilization of which takes place within the framework of a dialogue between external and intra-regional social discourses.

Keywords: social security model, social security, security concepts, civilizational approach, systems approach, structuralist approach, social system of the region, life safety, social environment, regional interests.

Аннотация: Статья посвящена разработке модели социальной безопасности региона, представляющей комплексное видение разнообразных аспектов взаимодействия человека и общества на пути сохранения социальной безопасности. Целью исследования является попытка синтеза положений различных научных и социально-философских концепций социальной безопасности с положениями регионалистики в единую системную модель социальной безопасности региона. Реализация данной цели проводится автором с использованием методологии, основанной на цивилизационном подходе, утверждающем уникальность каждого из регионов, системном подходе, раскрывающим социальную систему региона в качестве многоосновного феномена, в котором выделяются различные социальные уровни; структуралистском подходе, доказывающем, что социальные условия безопасной жизнедеятельности зависят от развитости и организации социальной среды обитания; семиотическом подходе, направленном на анализ региона, как пространственной, локально выделенной социальной системы, сформированной вокруг комплекса региональных ценностей; инструменталистского подходе, обращающем внимание на влияние механизмов, ведущих к мобилизации региональных интересов. Новизна представленного исследования связывается с разработкой модели социальной безопасности региона на основании принципа дополнительности философских концепций социальной безопасности и положений регионалистики. Результатом исследования является констатация невозможности охвата данного явления в моделях, разрабатываемых в отдельных науках, формирующих разрозненные образы социальной безопасности региона, но не охватывают всей полноты данного явления. Вторым результатом исследования является формирование модели социальной безопасности региона, позволяющей учитывать цивилизационные, системные, структурные, ценностные, инструментально конструируемые параметры. Третьим результатом является доказательство возможности построения системы социальной безопасности на основе ценностей, мобилизация которых проходит в рамках диалога между внешними и внутри- региональными социальными дискурсами.

Ключевые слова: модель социальной безопасности, социальная безопасность, концепции безопасности, цивилизационный подход, системный подход, структуралистский подход, социальная система региона, безопасность жизнедеятельности, социальная среда, региональные интересы.

Введение

Актуальность исследований социальной безопасности регионов связана с совершившимся в последние десятилетия усилением внимания соци-

альных наук к проблемам, связанным с обеспечением высокого уровня жизнедеятельности людей, проживающих в разных региональных условиях. При этом исследования социальной безопасности на уровне регионов, ведутся преимущественно в работах с использованием

государственно-правового, представленного в трудах Р.Г. Яновского, Г.В. Атаманчука, Т.А. Заславской, Н.Н. Потрубача; социологического, представленного в трудах Ю.А. Левады, В.В. Зыкова, В.Н. Кузнецова, Л.Д. Гудкова; психолого-педагогического, представленного в трудах И.А. Баевой, В.А. Соснина, А.А. Дронова, З.В. Масаевой; экономического подхода, представленного в трудах Л.И. Абалкина, И.Я. Богданова, С.Ю. Глазьева, экологического, представленного в трудах В.Н. Турченко, военного подхода, представленного в трудах И.С. Даниленко, С.Л. Никонович, В.И. Лутовинова. Однако исследования, проводимые в рамках данных подходов, раскрывают отдельные характеристики социальной безопасности региона, но не охватывают всей полноты данного явления. Это говорит о его сложности и многогранности, а также, указывает на необходимость синтеза имеющегося знания по различным аспектам социальной безопасности регионов. На наш взгляд, эту проблему можно решить в рамках сочетания положений философских концепций социальной безопасности с положениями регионалистики, представленной трудами А.В. Возженикова, В.В. Стрельченко, Н.П. Медведева, В.К. Левашова [8, с. 32], с помощью чего возможно осмысление разнообразных аспектов взаимодействия человека и общества на пути сохранения социальной безопасности регионов.

Степень исследованности

Философия имеет значительный и неоднозначный запас достижений в сфере моделирования социальной безопасности, куда входят различные модели, предлагавшиеся в произведениях Платона, Аристотеля, А. Аврелия, Ф. Аквинского, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса [10], посвященных сущности и функциям государственных и социальных образований. Исторически модель социальной безопасности, разрабатываемая в рамках европоцентристского подхода, аспекты которого формировались положениями философии О. Конта, М. Вебера, Р. Киплинга, Э. Трельча, Ф. Фукуямы, Г. Моргентау, З. Бжезинского, Г. Киссинджера [20], которые основывались на утверждении единственного и однонаправленного пути развития общества, нацеленного на идеалы солидарности, и обеспечивающего его членам защиту от социальных угроз. Основу моделирования социальной безопасности на основе европоцентристского подхода представляет концепция, которая предполагает распространение норм глобальной безопасности, ориентируясь на политику подавления региональных традиций управления и представлений о власти. Этой модели может быть противопоставлена модель, предлагаемая цивилизационным подходом, основы которого были заложены Н.Я. Данилевским, О. Шпенглером, Н.С. Трубецким, А. Тойнби, А. Петерсом, О. Сулеймановым, Э. Саидом, С. Хантингтоном [14], представляющих видение мира, строящегося на основе развития мирного сотрудниче-

ства государств, народов, регионов. Однако разработка модели безопасности регионов в рамках цивилизационного подхода нуждается в привлечении дополнительных теоретических подходов и методов, которые позволили бы структурно выделить и определить сущность и функционал данного явления.

Целью исследования является попытка синтеза положений различных научных и социально-философских концепций социальной безопасности с положениями регионалистики в единую системную модель социальной безопасности региона.

Существенное значение для моделирования социальной безопасности региона имеет **методология**, основанная на положениях цивилизационного подхода, суть которого состоит в признании равноправия различных регионов вне зависимости от уровня их развития, сложности и самобытности. Использование системного подхода раскрывает социальную структуру региона как сложный и многоосновный феномен, в котором выделяются различные уровни материальной, духовной, художественной, народной, традиционной, инновационной культуры. Структуралистский подход анализирует становление социальных систем безопасности региона, в связи с различными уровнями социальной деятельности, продиктованными интересами региональных групп. Семиотический подход направлен на анализ региона, территорию социальной субъектности, объединенную вокруг комплекса ценностей и интересов. Инструменталистский подход исследует влияние механизмов, используемых в случае мобилизации региональных интересов. **Новизна** исследования обусловлена формированием исследовательской модели социальной безопасности региона, основанной на принципах дополнительности цивилизационного, системного, структурного, инструменталистского подходов к формированию модели социальной безопасности региона.

Результаты исследования

Исследования проблем социальной безопасности на уровне регионов, а также моделирование условий, способствующих их предотвращению, ведутся с использованием государственно-правового, социологического, психологического, экономического, экологического, военного подходов, которые, формирующие разрозненные образы социальной безопасности региона, но не охватывающие всей полноты данного явления. Возможность синтеза имеющегося знания по различным аспектам социальной безопасности регионов представляет использование философских подходов, позволяющих на основании принципа дополнительности сформировать исследовательскую модель, позволяющую учитывать различные параметры данного явления. В рамках философии разработано множество альтернативных

концепций безопасности, включая европоцентристские, основанные на вере в необходимость подавления региональных традиций управления и безопасности и цивилизационные, основанные на вере в возможность построения мира, на основе коллаборации всех государств, народов, регионов. Согласно цивилизационным концепциям, понятие о социальной безопасности носит релятивный и субъективный характер, оценка которого зависит от ценностей, доминирующих в каждом из региональных сообществ, которые, с одной стороны стремятся к сохранению своего ценностного ядра, с другой – к саморазвитию, а, следовательно, к изменениям в условиях постоянно изменяющегося мира. Системный подход к исследованию данной проблемы показывает, что каждая региональная подсистема социальной безопасности формируется в контексте системы общественной коллаборации регионального сообщества с окружающим миром. Вместе с этим большое значение имеет субъективная составляющая явления социальной безопасности региона, которая включает социальные представления о том, что есть социальная защищенность. Поэтому существенное значение для моделирования социальной безопасности региона имеет категория «жизненного мира», которая синтетически рисует место расположения региона, его одновременной закреплённости в физическом и социальном мире, а также в психологическом и информационном пространстве. Согласно этому подходу, социальная безопасность региона, будучи подсистемой общества, подразделяется на две подсистемы, одной из которых является объективная защищенность от социальных угроз, другой – субъективная защищенность от страха в отношении социальных угроз.

Структурный анализ показывает, что, во-первых, в рамках этой модели, в качестве факторов формирования социальной безопасности региона выступают, конкретные природные, исторические и социальные условия, с которыми человек и региональное сообщество вступают в экзистенциальные отношения. Во-вторых, фактором, становления социальной безопасности региона здесь признаются региональные ценности, сформированные в рамках региональных представлений о защищенности от социальных проблем, часто несопоставимых с системами других народов. В-третьих, моделирование системы социальной безопасности включает в себя представление реальных универсальных и региональных угроз, которые могут изменить региональные системы ценностей, интересы и представления, а также анализ и проектирование форм защиты интересов регионального сообщества, за которые готовы бороться члены регионального сообщества. В-четвертых, модель социальной безопасности региона предполагает проведение анализа формирования региональных интересов и ценностей, конструирование и мобилизация которых проходит в рамках противостояния, взаимодействия и диалога между внешними по отношению к региону и

внутри региональным дискурсом.

Обсуждение результатов

Аспекты безопасности в концепциях цивилизационного подхода

С точки зрения цивилизационного подхода социальное развитие не может совершаться линейно и однонаправленно, а имеет нелинейный и циклический характер, который зависит от особенностей каждого из конкретно-исторических регионов, на которые подразделяется окружающий мир. Угрозу социальной безопасности, с этой точки зрения, представляет совершившийся в западных цивилизациях переход от ценностно-ориентированного к технократическому рационализму, который стал причиной бездуховности и поведенческого иррационализма человечества. При этом, как пишет, М. Херсковиц определение того, что нормально и что ненормально, зависит только от организации социальных отношений в рамках каждого из регионов [18].

Из чего можно сделать вывод о том, что в основе моделирования социальной безопасности региона должен находиться анализ социальных условий жизнедеятельности, которые зависят от особенностей среды обитания. Понятийный фундамент здесь представляет термин «региональный социум», понимаемый как отражение состояния общественного бытия на уровне региона. Эти идеи развиваются в трудах Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, А. Шюца, Д. Горовица, Р. Дарендорфа, Д. Елазара, М. Джонса [19], которые считают, что моделью социального пространства является образ общества, как «жизненного мира», в котором протекает социальная деятельность человека. Пространственное измерение региона рассматривается ими, как взаимоотношение региональных сообществ и социальных институтов, соотнесенных с пространством, территорией, местом.

Аспекты безопасности в концепциях регионалистики

«Жизненный мир» региона характеризуется особыми природно-ландшафтными условиями, которые формируют у близко-проживающих народов общие способы хозяйствования, формы религиозного и нравственного мировоззрения, схожие экзистенциальные ценности, правовые и политические структуры, объединяющие их в единое целое. Однако системное представление о сущностном строении и единстве региональной среды раскрывается через соотнесение антиномичных понятий о регионе, как явлении. С одной стороны, структура региона может пониматься в качестве субнациональной единицы, находящейся в рамках более крупного федерального образования. В этом качестве регион рассматривается в трудах представителей регионали-

стики, таких, как В. Изард, Н.П. Медведев, Р.Ф. Туровский, С. Кара-Мурза, Л.Н. Захарова [4, с. 34], которые понимают «регион» как специфическое социальное образование, вписанное в общий «пейзаж», представленный однородной физической и социальной средой.

Аспекты безопасности в концепциях системного подхода

С другой точки зрения, регион может рассматриваться, как структура, включающая обширную территорию, куда входит несколько стран, объединяемых по признаку географической или социальной близости. Эта концепция применяется в исследованиях О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Ратцеля, Х. Дж. Маккиндера, Л. Фробениуса, Р. Челлена [15], которые обратили внимание на тему межрегионального взаимодействия, что позволило проводить анализ распространения социальных изменений, влияющих на безопасность регионов. Модель этой социальной системы в социальной философии представляют в образе структуры, состоящей из подсистем, в состав которых входит социальная безопасность региона. Эта структура, как показывает А.И. Сухарев, В.В. Маркин, С.В. Полутин [12], состоит из ряда тесно взаимосвязанных и иерархических уровней.

Моделирование социальной безопасности как общественной подсистемы, показывает, что, входя в систему общества, как особый элемент, она в свою очередь подразделяется на две особые сферы безопасности, одной из которых является защищенность от социальных угроз, включая угрозу нужды и бедности, другой – защищенность от страха в отношении социальных угроз. Среди них, с одной стороны, выделяется такая сфера безопасности, как защищенность от реальных социальных угроз, которая зависит от объективных факторов, выступающих в качестве характеристик социальной структуры региона. Соответственно, каждая региональная система социальной безопасности формируется в контексте системы объективных связей человека с окружающим миром, что подтверждают исследования О. Больнова, И. Дерболова, Э. Гидденса, О.А. Кармадонова [6].

Аспекты безопасности в структуралистских концепциях

Однако ряд исследователей, указывают на субъективную составляющую явления социальной безопасности региона, которое представляется им зависимым от сочетания различных социальных институтов и групп, оказывающих влияние на региональные представления о том, что есть социальная безопасность. Они отмечают, что социальное пространство региона представляет собой необходимое условие и особую форму существования регионального сообщества, как субъекта соци-

ального действия. В частности, Р.Г. Яновский считает, что социальная безопасность представляет состояние защищенности некой общности людей, которая характеризуется общностью социальной деятельности и региональных ценностей. Ценности, которые, как пишет В.М. Капицын, объединяют региональное пространство в единую социальную структуру, центром которой является региональный интерес, являющийся ведущим регионообразующим фактором [5, с. 115].

Эта идея играет ключевую роль в организации регионального пространства, придавая ему единство и системность, влияющие на становление социальной безопасности субъектов этого пространства. Она представляется в качестве автономной общественной подсистемы, функцией которой является защита «жизненно важных целей, идеалов, ценностей, интересов социальных субъектов макро- и микроуровней, сохранения и развития человеческого потенциала, поддержания эффективности стимулирования деятельности людей, систем их социализации и жизнеобеспечения, поддержание нравственности» [4, с. 36].

Из этого можно сделать вывод о том, что социальная безопасность регионов формируется под влиянием политических, экономических и социальных институтов вокруг региональных ценностей и интересов [13, с. 90]. Предметом исследований социальной безопасности с учетом этой модели, является выявление социальных интересов региональных групп, определение их проводников, разработка методов и инструментов их распространения, а также обоснование значимости их применения. Ведущим фактором становления социальной безопасности региона здесь представляется восприятие социально-значимой информации [11].

Безопасность в инструменталистских концепциях

В связи с этим значимо, что в рамках представляемой модели рассматривается не столько структура социальной безопасности, сколько актуальная проблематика взаимодействия региональных социальных систем между собой и с глобализирующимся сообществом. В рамках этой проблематики в одних случаях региональный социум, уверенно сохраняет свою жизнеспособность и самобытность, в других – испытывает доминирующее внешнее воздействие, осуществляемое посредством таких факторов, как идеология, образование, наука и техника. Здесь как, отмечают исследователи проблемы социальной безопасности региона, имеется сложность, заключающаяся в том, что определение безопасности является двусторонним процессом, включающим онтологическую составляющую, благодаря которой субъект обретает безопасное состояние, и гносеологическую составляющую, благодаря которой субъект осознает свое состояние, как безопасное [9].

Эта сторона информационного взаимодействия в социальном пространстве региона раскрывается положениями инструменталистского подхода, обращающего внимание на влияние механизмов, осознаваемых в случае развития и мобилизации региональных интересов. В рамках этой методологии анализ региональных систем социальной безопасности требует проведения концептуализации, связанной с процедурами конструирования как инструментами, формирующими образы регионов и региональных проблем безопасности в качестве результата творческой деятельности различных субъектов информационного давления, которые либо «сверху», либо «снизу» инициируют процессы защиты региональных интересов.

Инструменталистские концепции доказывают, что социум влияет на человека, а человек на социум посредством диалога, принципы которого раскрыты М. Бубером, М. Бахтиным, В. Библером [2] через систему знаний, традиций, ценностей. Теоретические разработки этих авторов акцентируют внимание на том, вступая во взаимодействие с окружающим социальным пространством, каждая подсистема общества, включая подсистему социальной безопасности региона, не только изменяется сама, но меняет это пространство в целом. Механизм этого влияния раскрывается в контексте конструктивистских идей О. Вьювера и Б. Бузана [16], выражающим мнение о том, что социальная безопасность региона трансформируется со стороны социальных субъектов, которые создают и распространяют нормы, влияющие на социальную структуру общества. В рамках этой концепции возможно определить структуру социальной безопасности региона, как инструмент, направленный на осознание интересов и ценностей различных региональных групп, от индивида до общества и государства. Ведущими акторами в социальном пространстве региона в контексте этой концепции, признаются социальные институты, которые представляют организационный центр или ядро, оказывающие влияние на складывание систем ценностей, виды деятельности, пассионарных лидеров, в пространстве периферии или сфер влияния [3]. В частности, проводниками региональных интересов могут быть признаны группы элиты, обладающие инструментами социальной мобилизации и оказывающие влияние, как системообразующие региональные ценности, так и на усилия, направленные на их обеспечение. Напротив, проводниками внерегиональных ценностей и интересов на уровне региона признается влияние массовой культуры. Однако важно, что в современной социальной философии, представленной трудами А. Ачарья, Д. Лейка, Дж. Ньюмана [21], признается, что состояние социальной безопасности регионов не может только конструироваться, так как оно имеет объективные параметры своей структуры и реальные проблемы и тенденции развития. Поэтому современная модель социальной безопасности регионов, элемента которой содержатся

в описаниях В. Кое, К. Кузака, Ц. Фоусета [17], строится на методологии структурного реализма, учитывающего положения инструменталистских и конструктивистских концепций, так и положения цивилизационного и системного подходов, в которых отражались актуальные проблемы современности и угрозы выживанию региональных сообществ.

Авторская модель социальной безопасности регионов

Учитывая опыт этих исследований, мы считаем необходимым обоснование создания многомерной модели социальной безопасности регионов, которая отражает, как реальный, так и конвенциональный характер данного явления и в качестве наиболее значимого фактора становления социальной безопасности региона признает его социальное пространство, где протекает диалог между региональными социальными группами [6]. В контексте данной концепции становление социальной безопасности региона можно понимать, как процесс, существенную роль в котором играет социальное взаимодействие, в результате чего возникают условия, характеризующейся формированием самооценки регионального сообщества в отношении условий своего существования. Предлагаемая методика разрабатывает видение социального пространства региона, как единства, в котором объединены социальная, коммуникативная и функциональная сферы, влияющие на восприятие и оценку «жизненного мира» в рамках социального сознания региона. В этой модели социальное пространство региона представляется в образе реальной и информационной сферы, в рамках которой формируется порядок социального взаимодействия [6].

В рамках этой модели, в качестве факторов формирования социальной безопасности региона выступают, во-первых, конкретные природные, исторические и социальные условия, понимаемые в качестве «жизненного мира», с которым человек и региональное сообщество вступают в экзистенциальные отношения. В свою очередь структура региональный социум как система, включает материальный, духовный, художественный, этнический, традиционный, инновационный структурные уровни. Эти уровни составляют содержание пространственной сферы социальной безопасности региона, в которой фиксируется наличие совокупности институциональных и неинституциональных форм, создающих, хранящих, распространяющих региональные интересы и ценности [7, с. 37]. Однако наибольшее влияние на формирование и становление социальной безопасности региона, согласно представленной модели, оказывают нормы и ценностные представления, которые распространяются в обществе посредством воспитания и воздействия окружающей среды, то есть социума, являющегося основой «жизненного мира» и дающего оценку степени сво-

ей защищенности [1].

Таким образом, в фокусе разрабатываемой здесь модели явления «социальная безопасность региона» находится конструирование многоаспектной модели регионального развития, отражающей процесс развития регионального сообщества, стремящегося к состоянию защищенности от социальных проблем. Процесс моделирования социальной безопасности включает в себя представление реальных универсальных и региональных угрозах, которые могут изменить региональные системы ценностей, интересы и представления, а также анализ и проектирование форм защиты интересов регионального сообщества, за которые готовы бороться члены регионального сообщества. Одновременно с этим модель социальной безопасности региона предполагает проведение анализа формирования региональных интересов, конструирование и мобилизация которых проходит в рамках взаимодействия дискурсов, представляемых властным, то есть политико-административным и региональным, то есть выражающим точку зрения социальных групп, подходами.

В целом модель социальной безопасности региона представляет попытку отразить процесс становления социальной безопасности регионов, испытывающих влияние нормативных и ценностных представлений, прививаемых региональному сообществу посредством воздействия окружающего его социума. Поэтому, с одной стороны, существенное значение для конструирования модели социальной безопасности региона имеет анализ объективных внешних воздействий, представленных глобализационным, государственным, зарубеж-

ным влиянием, стремящимся к включению социального пространства региона в свои ареалы. С другой стороны, модель предполагает учет влияния, которое оказывает каждый регион, противопоставляющий внешнему воздействию свою систему интересов и ценностей, которая, обладает своим потенциалом, сформированным историческими, природно-географическими условиями, регулирующими отношения природы, человека, общества и мира, придающим ему единство и системность.

Выводы

Модель социальной безопасности региона представляет образ становления процесса безопасной жизнедеятельности региональных сообществ, испытывающих влияние объективных внешних воздействий, представленных глобализационным, государственным, зарубежным влиянием, стремящимся к включению социального пространства региона в свои ареалы. С другой стороны, модель предполагает учет влияния, которое оказывает каждый регион, противопоставляющий внешнему воздействию свою систему интересов и ценностей, которая, обладает своим потенциалом, сформированным историческими, природно-географическими условиями, регулирующими отношения природы, человека, общества и мира, придающим ему единство и системность. Взаимодействие указанных тенденций в рамках предлагаемой модели является источником непрерывного конструирования нормативных и ценностных представлений, прививаемых региональному сообществу посредством воздействия окружающего его социума, а также социальных договоренностей, направленных на достижение конъюнкции в рамках регионального социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. С. 11.
2. Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век: монография. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
3. Губанов В.М., Сатывалдиева Б. Социальная безопасность как социально-исторический феномен // Молодой ученый. 2015. № 15. С. 577-581.
4. Захарова Л.Н. Региональная культура, как объект исследования // Феномены культуры: сб. ст. 2019. С. 34-38
5. Капицын В.М. Символы национальной идентичности как ресурс soft power // ДИСКУРС-ПИ (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург). 2014. Т. 11. № 1. С. 113-118
6. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте // Вестник института социологии. 2016. С. 13-26.
7. Ключева Е.А. Культурное пространство как научная категория // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 43-46.
8. Левашов В.К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 32-46.
9. Литвинов Э.П. Безопасность как философская категория // Электронное научное издание Альманах Пространство и время. 2014. Т. 7. № 1. С. 2.
10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. М. : Изд. Полит. лит., 1974. Т. 42. С. 41-174.
11. Михайленко А.Н., Скалдуцкий С.В. «Мягкое право» в российско-украинских отношениях // Власть истории и история власти. 2017. Т. 3. № 4 (10). С. 491-515.
12. Полутинов С.В. Объектно-предметное поле социологии региона и регионологии // Развитие социального пространства России: новые вызовы и перспективы. 2018. С. 47-51.
13. Степин В.С. Глобальная культура: многообразие опытов и универсальные ценности // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры. СПб.: СПбГУП, 2010. Т. 2. С. 71-92.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. 640 с.
15. Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: РОССПЭН, 2008. 319 с.

16. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
17. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space // Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World. Abington: Routledge, 2016. Pp. 33-55.
18. Horowitz D. L. Democracy in Divided Societies // Journal of Democracy. 1993. 4(4). Pp. 18-38.
19. Jones M., Jones R., Woods M. An introduction to political geography: Space, place and politics. N.Y.: Routledge, 2004. 202 p.
20. Kissinger H. World Order. NY: Penguin books, 2015. 420 p.
21. Nyman J. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate. Review of International Studies. 2016. 42 (5). Pp. 521-839.
22. Zhukov A., Beryikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. C. 10003.

© Кононов Сергей Викторович (kononov7744@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ – УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Кульжанова Гульбарам Тимеркановна

К.ф.н., доцент, Костанайская академия МВД РК имени Шракбека Кабылбаева, г. Костанай, Республика Казахстан
Gulbaram2012@mail.ru

EDUCATION SYSTEM – LEVEL AND QUALITY OF HUMAN CAPITAL

G. Kulzhanova

Summary: The article considers the education system as the main sphere that determines the level and quality of human capital. The relevance of the issue under study is due to the fact that the problems of education act as a key factor in the formation and development of human capital in society. The author substantiates the idea that the modernization of the education system is currently a priority task of educational policy. The method of system analysis used made it possible to establish the relationship and interdependence of the concept of human capital and the information society. The author of the article notes that human capital is an issue that requires serious attention due to the profound impact of the pandemic on people's health and education.

Keywords: human capital, knowledge society, education, human, distance learning, modernization, pandemic.

Аннотация: В статье рассматривается система образования как основная сфера, определяющая уровень и качество человеческого капитала. Актуальность исследуемого вопроса обусловлена тем, что проблемы образования выступают как ключевой фактор формирования и развития человеческого капитала в социуме. Обосновывается мысль, что модернизация системы образования является на сегодняшний день приоритетной задачей образовательной политики. Используемый метод системного анализа позволил установить взаимосвязь и взаимозависимость концепции человеческого капитала и информационного общества. Автор в статье отмечает, что человеческий капитал – это вопрос, требующий серьезного внимания ввиду глубокого воздействия пандемии на здоровье и образование людей.

Ключевые слова: человеческий капитал, общество знаний, образование, человек, дистанционное обучение, модернизация, пандемия.

Введение

Без интенсивного развития человека, базирующегося на интеллектуальных ресурсах, любое государство не сможет сохранять свои лидирующие позиции в конкурентной среде информационного общества. Сейчас процесс демократизации, который «волнами» охватывает уже второе столетие мировое сообщество, также является важнейшим условием реализации на практике предпосылок «общества знаний». Только свободный и имеющий возможности для всестороннего развития гражданин сможет в полной мере проявить свою креативную энергию. Сама идея «общества знания» подразумевает все большую концентрацию усилий государства в сфере услуг. Они призваны всесторонне обслуживать человека - носителя знаний и информации, которые способствуют поддержанию его творческих сил и развитию его способностей. Отсюда следует, что система образования рассматривается как важнейшая составляющая, предопределяющая процветание, безопасность и будущее страны. Она является стратегически значимой сферой общественного бытия как главный фактор развития и усиления интеллектуального потенциала нации, ее самостоятельности в международной конкурентоспособности. Опираясь на мнение автора Т.В. Алайцевой статьи «Человеческий капитал и система национального образования» нужно отметить, что образование необходимо понимать как изменение челове-

ского капитала, которое способно сформировать новые варианты поведения людей при получении необходимых знаний, формировании требуемых профессиональных компетенций [1, с. 224].

Для философии огромное значение приобретает то обстоятельство, что постиндустриальное общество в некоторых отношениях становится и «постэкономическим». Следовательно, наряду с сектором производства материальных благ и услуг, в огромной мере расширяется сектор «производства человека». Это ранее «третьичный» сектор приобретает равноправное, а в ряде отношений и доминирующее значение. Духовное производство в этих обстоятельствах становится все более определяющим началом в совокупном производстве, подчиняя его структуру, содержание и динамику. Этот вид производства все более поворачивается в сторону «человеческого фактора», который становится и целью, и ведущим компонентом. Разрастание сферы «производства человека» приводит к далеко идущей трансформации самого типа совокупного производства. Социокультурные факторы как интеллектуальный, творческий и социальный потенциал личности в приоритетной сфере выходят на передний план. Происходит перераспределение расходов на материальное производство в пользу науки, образования, здравоохранения и социального обеспечения. Для успешного формирования и развития человеческого капитала нужны более серьезные обще-

ственные усилия. Немецкий учёный Герберт Маркузе в своем труде «Одномерный человек» акцентировал внимание на то, что необходимо найти тот правильный путь, при котором использование и материального, и человеческого капитала позволяло бы наиболее оптимально развивать и удовлетворять потребности и способности людей при минимуме тяжелого труда и бедности [2]. Параметры жизнедеятельности человека, возможности его собственного развития и самореализации соответствуют структуре экономики и задачам общества. А социальная и образовательная политика являются основами и критериями успешного формирования, применения и накопления человеческого капитала.

Инновационное развитие всего нашего общественного целого требует колоссальных инвестиций в качественную подготовку и развитие собственного человеческого капитала. В особенности, в настоящий момент, человеческий капитал является социально-философской проблемой, требующей фундаментального анализа ввиду глубокого воздействия пандемии на здоровье и образование людей. В этом случае, разделяем точку зрения Р.К. Турысжановой, А. Рамазановой, Ж. Амиркуловой – авторов статьи «Инновации в образовании и формирование человеческого капитала». Они в своей работе приходят к мнению, что своевременность и актуальность социально-философского анализа повседневного образовательного процесса объясняется тем, что создаваемые теоретические концепции, идеальные модели, планируемые законы и реформы в сфере образования, воплощаются в конкретных социальных практиках. Считают, что анализ этих практик позволяет понять глубинные основания постоянного воспроизводства одних и тех же проблем и противоречий в деятельности образовательных учреждений, закономерности формирования и изменения критериев образованности [3, с. 57].

Центральные направления модернизации образования – повышение качества и эффективности образования, обеспечение его непрерывности, рост социальной мобильности молодежи. Это делают систему образования важным двигателем социально-экономического развития страны, источником роста ее человеческого капитала. Проведенный сравнительный анализ Ю.В. Астаховой позволил выявить некоторые проблемы образования как ключевые факторы формирования и развития человеческого капитала. На основе исследования автору удалось установить, что уровень развития страны напрямую зависит как от уровня и разносторонности общего образования основной массы населения, так и от качества подготовки специалистов в средней и высшей школе [4, с. 10].

Исследователь В.А. Михеев в своей работе рассматривает содержание понятия «человеческий капитал», контуры инклюзивной политики развития человеческо-

го капитала, пути его роста на основе сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества, анализируются барьеры в реализации этой деятельности. Инклюзия (от лат. – включение, включать, включаться) – это процесс включенности, участия в конкретной деятельности, в политике, позволяющий индивиду, социальным группам, слоям равноправно участвовать в общественной жизни, в принятии решений. Содержание указанного понятия рассматривается как исключительно подвижная субстанция, обладающая эвристической ценностью. Как благо длительного пользования, может устаревать, снижаться в зависимости от изменений социально-экономических, производственных факторов, спроса и потребления. Как следствие, он является благом не только для индивида, но и для социальных групп, слоев, отдельных хозяйствующих управленческих структур, для государства и общества в целом [5, с. 32].

Особую актуальность с недавних пор обретают комплексные исследования, которые проводятся с целью изучения тенденций формирования и эффективного использования человеческого капитала. Российские учёные Е. А. Пришляк, С. Г. Радько подчеркивают, что важным фактором, влияющим на формирование человеческого капитала, является развитие образования в стране. Оно позволяет сформировать определенный запас знаний, который оптимально и рационально используется в трудовой деятельности человека. Как правило, постоянно пополняемый запас знаний и умений, является источником стабильного и даже увеличивающегося дохода. На сегодняшний день достаточно востребованы специалисты, как с высшим, так и со средним профессиональным образованием [6, с. 100].

В контексте формирования единого глобального информационного социума уместно упомянуть концепцию человеческого капитала. Благодаря развитию информационных технологий в середине XX века наша планета превратилась в единый населенный пункт, где границы становятся условными, а реальными становятся виртуальные безграничные пространства коммуникации. В этих условиях происходят серьезные трансформации человека как личности и его сознания. Человеческий капитал является базовым активом, благодаря которому граждане становятся продуктивными членами общества и создают возможности для процветания своих стран. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 нанесла удар по этому ценному активу. В отличие от стихийных бедствий, чье разрушительное воздействие на физический капитал намного превосходит воздействие на человеческий. Пандемия оставила нетронутыми здания, заводы и инфраструктуру, но при этом крайне негативно отразилась на здоровье миллионов людей и сорвала обучение миллионов детей. С учетом характера последствий пандемии правительства рассматривают инвестиции в человеческий капитал как один из центральных

элементов своих планов по восстановлению экономики [7, с. 47].

В марте 2020 года почти все страны мира полностью закрыли все учреждения своих систем образования, пытаясь, таким образом, увеличить социальное дистанцирование и предотвратить распространение инфекции. Судя по эпидемиологическим данным, закрытие образовательных учреждений действительно помогло сократить распространение инфекции. Авторы доклада «Всемирного банка, 2020 год. «COVID-19 и человеческий капитал» указывают, что пандемия со всей очевидностью показала, что в периоды кризиса возможен значительный рост неравенства в доступе к качественному образованию. Дистанционное обучение, ставшее необходимостью в результате пандемии, поставило сложную задачу и перед учителями, которые не всегда обладали нужными навыками для такой формы обучения, и перед учащимися, у которых не всегда был доступ к цифровым технологиям, необходимым для онлайн обучения. Следует отметить, что закрытие школ привело к потерям в образовании даже в тех случаях, когда организовывалось обучение в альтернативной форме. Их закрытие стало особенно пагубным для детей из социально незащищенных семей. К тому же, сегодняшние рынки труда требуют более высокого уровня развития человеческого капитала, чем в прошлом. Поэтому наличие надежного фундамента становится все более существенным, поскольку основного образования будет недостаточно.

Сегодня государственные органы и образовательные учреждения делают все возможное для того, чтобы минимизировать последствия закрытия школ, обеспечивая возможности для перехода на традиционное обучение. Между странами мира были большие различия по уровню готовности к переходу на дистанционное обучение. Переход на онлайн обучение осуществлялся в экстренном порядке.

Однако сейчас становится все более очевидным то, что дистанционное обучение отличается от очного значительно более выраженным неравенством возможностей. Это связано с тем, что в данном случае важную роль играют такие характеристики домохозяйств, как наличие интернета и необходимых технических средств, а также присутствие членов семьи, которые могли бы оказывать детям помощь во время занятий. Таким образом, пандемия может, в итоге, привести не только к

снижению средних показателей успеваемости, но и к росту неравенства по образовательным результатам. В условиях сложившейся эпидемиологической ситуации были выдвинуты основные задачи, которые нужно было решать в ускоренных темпах для продолжения образовательного процесса. В первую очередь, обеспечение всех обучающихся техническими средствами и возможностью подключения к тем каналам связи, которые им необходимы для полноценного дистанционного обучения. Следующая задача состояла и состоит в повышении качества дистанционного обучения, в целом, в модернизации системы основного общего образования.

Результатом образовательного процесса должно стать не знание само по себе, а знающий человек, личность. Ведь «образование - это не только и даже не столько трансляция информации (пусть даже самой ценной, самой полезной для становления личности), не только и даже не столько апелляция к интеллекту (хотя отрицать это просто бессмысленно), сколько апелляция к чувствам, к индивидуально неповторимому внутреннему миру человека» [8, с.342]. Из этого следует, что современный образованный человек, конечно, должен иметь хорошие знания в своей области деятельности, определенную квалификацию, кругозор, эрудицию. Но не это будет определять степень его образованности. Это должен быть человек с развитым внутренним миром, духовно зрелый, нравственный, ответственный, истинный гражданин своего отечества.

Заключение

Таким образом, главная задача, стоящая перед человечеством в XXI веке - улучшение качества жизни, в том числе и образования, определяющего условия развития личности и общества. Успехи государств определяются, прежде всего, человеческим фактором, интеллектуальным потенциалом граждан страны. В условиях индустриально-информационного общества в качестве основных факторов выступают конкурентоспособность, целесообразность, темпы инновации в технологиях. В совокупности, всё в большей мере зависит от состояния знаний и интеллектуальных способностей. Именно поэтому реформирование и совершенствование системы образования является определяющим фактором решения большинства проблем в условиях глобализации современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алайцева Т.В. Человеческий капитал и система национального образования // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2015. № 9/1 (131). С. 224–229
2. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-Book, 1994
3. Турысжанова Р.К., Рамазанова А., Амиркулова Ж. Инновации в образовании и формирование человеческого капитала // Международный научно-иссле-

- довательский журнал, 2015 г. №3 (34) Часть 2. С. 56-58
4. Астахова Ю.В. Проблемы формирования человеческого капитала в условиях модернизации российского образования // Международный научно-исследовательский журнал, 2015 г. №6 (37) Часть 3. С. 6-11
 5. Михеев В.А. Инклюзивная политика человеческого капитала // Власть, 2018. Том 26. № 1. С. 30-36.
 6. Пришляк Е. А., Радько С. Г. Исследование факторов, влияющих на формирование человеческого капитала в Российской Федерации // Управленческие науки, 2018. Т.8 №2. С.94-105
 7. Всемирный банк, 2020 год. "COVID-19 и человеческий капитал". Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии, осень 2020 года. Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия.
 8. Гершунский Б.С. Философия образования. – Москва: Флинта, 2002. – 432 с.

© Кульжанова Гульбарам Тимеркановна (Gulbaram2012@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Костанай, Республика Казахстан

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИЙ ВРЕМЕНИ

COMPARATIVE ANALYSIS OF DYNAMIC AND FUNCTIONAL CONCEPTS OF TIME

**T. Lolaev
A. Gabaraev
A. Dryaev**

Summary: In this work, as a result of the comparative analysis of the dynamic and functional concepts of time, the similarities and differences between them in the explication of the concept of time are revealed. So, in both concepts, events and objects exist in the present time, and the present time arises as a result of qualitative changes occurring in them. At the same time, there is a difference between the present of the dynamic and the functional concepts: the present of the dynamic concept is a «moment» in time, while in the functional concept the present exists as long as an object exists, a process (each object is a process) that forms its own time.

In a functional concept, as in a dynamic concept, time flows. However, in a dynamic concept, time flows from the past through the present to the future.

Functional time flows from the present to the subsequent present of successively changing, qualitatively new states of the process, as well as from the present of some objects to the present of subsequent objects, which, due to the non-substantial nature of time, begin to form their own present times.

Time, both in dynamic and functional concepts, is associated with becoming. However, according to the functional concept, consistently changing substantive changes occur in the present time, while in the dynamic one they move in time from the past through the present to the future.

There are other similarities and differences between the discussed concepts of time, which are discussed in the article.

Keywords: time; dynamic time; functional time; non-substantial time; present tense; similarities; differences; events; objects.

Лолаев Тотраз Петрович

Д.ф.н., профессор, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)
lolaev.tp@gmail.com

Габараев Анатолий Дмитриевич

К.ф.н., доцент, Юго-Осетинский государственный университет
gabaraev689@gmail.com

Дряев Аксентий Герисоевич

К.и.н., доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)
arsenn26@mail.ru

Аннотация: В данной работе, в результате проведенного сравнительного анализа динамической и функциональной концепций времени, выявлены сходства и различия между ними в экспликации понятия времени.

Так, в обеих концепциях события и объекты существуют в настоящем времени, а настоящее время возникает в результате качественных изменений, происходящих в них.

Вместе с тем между настоящим динамической и функциональной концепций имеется различие: настоящее динамической концепции представляет собой «момент» времени, тогда как в функциональной концепции настоящее существует, пока существует объект, процесс (каждый объект – процесс), образующий свое собственное время.

В функциональной концепции, как и в динамической, время течет. Однако в динамической концепции время течет от прошлого через настоящее к будущему.

Функциональное же время течет от настоящего к последующему настоящему последовательно сменяющихся, качественно новых состояний процесса, а также от настоящего одних объектов к настоящему последующих объектов, которые, по причине несубстанциональности времени, начинают образовывать свои собственные настоящие времена.

Время и в динамической, и в функциональной концепции связано со становлением. Однако, согласно функциональной концепции, последовательно сменяющиеся субстанциональные изменения происходят в настоящем времени, тогда как в динамической - движутся во времени от прошлого через настоящее к будущему.

Между обсуждаемыми концепциями времени имеют место и другие сходства и различия, которые рассматриваются в статье.

Ключевые слова: время; динамическое время; функциональное время; несубстанциональное время; настоящее время; сходства; различия; события; объекты.

Как известно, рассмотрение динамической концепции времени исследователи начинают с Гераклита (VI в. до н. э.), согласно учению которого, время является непрерывным и универсальным. По Гераклиту

«все течет», все изменяется, «на входящего в одну и ту же реку текут все новые и новые воды». Ему же принадлежат слова: «Солнце — не только новое каждый день, но и вечно и непрерывно новое» [1]. А главное, согласно

динамической концепции времени существуют только события настоящего, а события прошлого уже реально не существуют.

Имея в виду динамическую концепцию времени, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор В.П. Казарян пишет: «Центральным смыслообразующим понятием времени является понятие настоящего, которое обеспечивает непространственно-подобный смысл времени. Предлагается «настоящее» трактовать как акт (свершение, действие), имеющий социальную природу. «Настоящее» существует не как предмет, не как мысль или чувство, а как акт» [2, с. 36].

По нашему мнению, «настоящее» имеет не только социальную, но и естественную природу.

Понятие настоящего трактуется нами не только как акт, имеющий социальное значение, но и как единственный модус объективного времени вообще, в данном исследовании анализируются философская и научная специфика функциональной и динамической концепции, сходства и различия между ними.

По мнению В.П. Казарян: «Для человечества, пока оно существует, есть «настоящее», а вместе с ним и «прошлое» и «будущее». Другое дело, что речь идет о сфере человеческой жизни, а не о мире, где нет человека. В мире без человечества, возможно, нет «настоящего, прошедшего и будущего», но есть временной порядок «раньше, позже, одновременно»... вопрос о существовании или несуществовании временного становления, или, другими словами, «настоящего», т.е. течения времени, временного потока, справедливо решить положительно для жизни человечества» [2, с. 43].

В.П. Казарян отмечает, что существуют два времени: время для человечества и человека, т.е. время субъективное и время объективное в мире, где нет наблюдателя.

О существовании двух основных подходов к решению проблемы времени говорил и выдающийся французский философ П. Рикер. Он называл их феноменологическим и космологическим, хотя имеются виду субъективный и объективный подходы к проблеме времени [3, с. 335].

Следует согласиться с тем, что для человечества, пока оно существует, всегда будут существовать «настоящее», «прошлое» и «будущее», поскольку они - продукт человеческого сознания.

Вместе с тем, по нашему мнению, в мире, где нет человечества, нет «прошлого» и «будущего», есть только настоящее (но только в природе). А вопрос о существовании временного становления, или, другими словами, «настоящего», т.е. течения времени, временного потока,

положительно решается в функциональной концепции времени.

Согласно функциональной концепции, если нет человечества, если нет ни «прошлого», ни будущего», ни «настоящего» субъективного времени, есть только настоящее функционального, объективно-реального времени.

Видный специалист по проблеме времени Ю.Б. Молчанов писал: «Динамическая концепция, как известно, признает объективную реальность временных отношений вообще и «течения» времени или «становления» в частности. Вместе с тем, «согласно динамической концепции, реально существуют только события настоящего времени. События прошлого уже реально не существуют. Все множество событий и материальных систем, составляющих Вселенную, движется, так сказать, во времени от прошлого через настоящее к будущему, испытывая становление, возникая и исчезая, превращаясь в другие события и материальные системы. Относительно любого момента настоящего времени все остальные (будущие и прошлые) события непрерывно меняют свое положение. Будущие события становятся все менее будущими и через момент настоящего уходят в прошлое, становясь все более и более прошлым. Момент настоящего времени объективно отделяет реально существующие события от их причинных предков» [4, с. 85].

В объективной реальности существует и время функциональной концепции. Так, согласно функциональной концепции времени, каждый материальный объект, в результате последовательной смены его качественно новых состояний, образует актуальную длительность, специфическим отражением которой является длительность объективно-реального, функционального времени [5].

При движении, как простом перемещении, объективно-реальное, функциональное время не образуется. При механическом движении время возникает лишь в сознании наблюдателя, и поэтому оно является субъективным.

О неразрывной связи и времени писал еще Аристотель: «Ясно, что каким будет движение, таким и время...» [6, с. 149].

Аристотель справедливо указывал как на объективность времени, так и на его несубстанциональность, когда писал, что «время не есть движение, но и не существует без движения» [6, с. 148].

Поскольку функциональное время образуется реальными объектами, имеющими материальное содержание, оно, не являясь физической сущностью, имеет физическое значение.

С нашей точки зрения, время не форма существова-

ния материи, а функция конкретных материальных объектов [7, с. 123].

Г. Гегель связывал время с объектами, процессами. Он писал: «Вещи исчезают не потому, что они находятся во времени, а потому, что сами они представляют собой временное... Процесс самих действительных вещей, составляет, следовательно, время» [8, с. 50].

Г. Гегель также писал: «Во времени, говорят, все возникает и преходит..., но не во времени все возникает и преходит, а само время есть это становление, есть возникновение и прехождение» [8, с. 54].

Согласно Г. Лейбницу: «время без вещей является лишь чисто идеальной возможностью» [9, с. 484].

Академик АН СССР В.И. Вернадский был убежден в объективном существовании времени. Он писал: «Время есть одно из основных проявлений вещества, неотделимое от него его содержание» [10, с. 229].

А. Эйнштейн связал время с реальными физическими процессами, когда писал: «Пространственные и временные данные имеют не фиктивное, а физически реальное значение» [11, с. 24].

Согласно функциональной концепции, материальные объекты, процессы образуют собственные времена, в которых и существуют с возникновения и до воплощения их материального содержания в последующие объекты. В этой связи несубстанциональное время вне объектов, процессов не существует.

В связи с тем, что материальное содержание одних объектов воплощается в другие, а последующие объекты начинают образовывать свои собственные времена, время, в принципе, не может переходить от одного объекта к последующему объекту.

Поскольку время, образуемое объектами несубстанционально, не может переходить от одного объекта к последующему объекту, а вне объектов не существует, оно всегда настоящее.

По указанным причинам, в прошлом и будущем временах нет реальных объектов, процессов, которые образовывали бы свои собственные времена. В этой связи, неправомерно вести речь о существовании в природе прошлого или будущего времени.

Прошлое и будущее времена, как отмечали многие мыслители античности и современные исследователи, возникают и существуют лишь в сознании человека и к объективной реальности не имеют отношения.

Таким образом, в природе существует лишь настоящее время, а потому в объективной реальности возможен только переход от настоящего к последующему настоящему, которое образуется последовательно сменяющимися качественно новыми материальными объектами и их состояниями, а не переход от уже несуществующего прошлого через настоящее к несуществующему ещё будущему или наоборот. Материальное содержание объектов непреходяще, оно постоянно воплощается в другие, последующие объекты, которые необходимо начинают образовывать свои собственные настоящие времена.

Нам представляется, что социальное функциональное время возникает и существует в результате деятельности человека и групп людей различного уровня организации общества, таких как отдельные семьи, население городов, областей, республик и государств. В этой связи правомерно вести речь и о деятельности человечества в целом.

В результате их деятельности возникает и длится, например, настоящее историческое или социальное время. Мы не оговорились, когда назвали историческое время настоящим, поскольку историю творят люди, пока существуют в своем собственном настоящем времени.

Не случайно еще Августин, можно сказать, на заре первого тысячелетия, писал: «Теперь ясно становится для меня, что ни будущего, ни прошедшего не существует и что не точно выражаются о трех временах, когда говорят прошедшее, настоящее и будущее, а было бы точнее, кажется, выражаться так: настоящее прошедшего и настоящее будущего. Только в душе есть соответствующие тому три формы восприятия и не где-нибудь инде (то есть, не в предметной действительности). Так для настоящего прошедших предметов есть у нас память ли воспоминание... для настоящего настоящих предметов есть у нас взгляд, воззрение, созерцание... а для настоящего будущих предметов есть у нас, чаяние, упование, надежда... Говоря таким образом, я не затрудняюсь в понимании тройственности времени...» [12, с. 589].

В этой связи, пользуясь терминологией Августина, история не наука о прошлом, история наука о настоящем прошлом. Иными словами, историческое время – это настоящее время прошлых событий и предметов.

Согласно динамической концепции: «Любая материальная система существует в «настоящее время», «сейчас» или «теперь» в единственном экземпляре, и ее изменения представляют собой, грубо говоря, перегруппировку или замену составляющих ее материальных частиц» [13, с. 68].

Как было сказано, функциональное время, в отличие

от динамического, существующего в «настоящее время», «сейчас» или «теперь», существует в настоящем времени, пока существуют образующие его материальные объекты (т.е. до воплощения их материального содержания в последующие объекты).

В любой материальной системе, согласно динамической концепции времени, как и в любом материальном объекте, согласно функциональной концепции времени, происходят качественные изменения.

Другими словами, как в динамической, так и функциональной концепции времени настоящее время образуется исключительно в результате последовательной смены качественных изменений.

Понятие настоящего времени занимает центральное место и в динамической, и в функциональной концепции.

Таким образом, несмотря на различия в представлениях динамической и функциональной концепций, с нашей точки зрения, трудно переоценить научную значимость придания времени статуса реальности Гераклитом и его учениками.

Следует констатировать, что и в наши дни не всеми осознается значение настоящего. Нередко люди, оправдывая свою пассивность или бездеятельность, проводят свое настоящее время в ожидании будущего.

Динамическая концепция признает течение времени, связь его со становлением. Однако, согласно динамической концепции, время течет от прошлого через настоящее к будущему, испытывая становление.

В функциональной концепции время течет от настоящего к последующему настоящему и в его течении прошлое и будущее участия не принимают, поскольку в природе их нет. Функциональное время образуется в результате движения, как причины становления. Речь идет о становлении как субстанциональном изменении, связанном с появлением качественно нового, с возникновением и исчезновением объектов и их состояний, их превращением в другие объекты и состояния, - становлением, при котором нечто несуществующее ранее, становится существующим.

Таким образом, согласно как функциональной концепции, так и динамической, реально существуют только события настоящего времени. Однако множество событий и материальных систем, составляющих Вселенную, в динамической концепции движется во времени от прошлого через настоящее к будущему, а в функциональной концепции, каждое событие и каждая материальная система образует свое собственное настоящее время, пока

их материальное содержание не воплотится в последующие события и системы.

Возникшие, но еще не исчезнувшие материальные объекты, системы (каждый объект – система) существуют в своем собственном настоящем времени, пока являются таковыми. В этой связи нельзя согласиться с тем, что относительно любого момента настоящего времени будущие и прошлые события непрерывно меняют свое положение, будто бы будущие события становятся все менее будущими и через момент настоящего уходят в прошлое, становясь все более и более прошлыми. Реально существующие события возникают лишь тогда, когда в них воплощается материальное содержание предыдущих событий. И эти события возникают не из будущего, а из настоящего предыдущих событий и начинают образовывать свое собственные настоящие времена, которые длятся не мгновенно, а с момента возникновения каждого объекта, до воплощения его материального содержания в последующий объект (или последующие объекты).

Здесь следует пояснить, что «момент» настоящего времени, каковым является настоящее в динамической концепции, также является продуктом сознания, а не настоящим, образуемым реальными объектами, существующими в природе.

С тезисом, что время в природе всегда настоящее, исследователи, как правило, не согласны, так как, по их мнению, в этом случае настоящее не течет, а течение времени является его характерной чертой.

С точки зрения американского философа А. Грюнбаума, «деление на прошлое, настоящее и будущее составляет черту сознания и зависит только от выбора субъектом момента времени, обозначаемого им понятием «сейчас» или «теперь» [14, с. 382].

С нашей точки зрения, как и согласно мнению ряда исследователей, идеи античных мыслителей имеют эвристическое значение для всестороннего обоснования объективности времени.

Так, профессор В.Н. Зима, в своей монографии «Проблема объективности времени в философии» сосредоточил свое внимание на ключевых идеях «высказанных рядом философов и в рамках ряда философских традиций, принадлежащих к античной и средневековой философии» [15, с.290].

Аналогичного мнения придерживается и член-корреспондент РАН П.П. Гайденок, которая, имея в виду современное истолкование проблемы времени, пишет: «Не утрачиваем ли мы что-то важное и существенное, чем обладало человечество в эпоху метафизики и что оказалось разрушенным сегодня?» [16, с. 308].

Ю.Б. Молчанов подчеркивал: «Даже в том случае, если будут найдены окончательные ответы на все вопросы, составляющие проблему времени, но не будет дано ответа на вопрос, какими объективно-реальными параметрами или характеристиками отличается бытие событий прошлого от бытия событий настоящего (а возможно и будущего)... то проблема времени так и останется проблемой, то есть вопросом, на который нужно найти ответ» [17, с. 8].

В настоящем исследовании мы попытались ответить на вопросы, поставленные Ю.Б. Молчановым в той мере, в какой позволял нам ограниченный объем журнальной статьи.

В результате проведенного исследования мы

пришли к выводу, что понятие настоящего в динамической концепции времени имеет эвристическое значение.

В функциональной концепции, как нам представляется, был выявлен механизм связи времени с движением как качественным изменением и обосновано отсутствие в природе прошлого и настоящего времен, а также «моментов» настоящего времени, а понятие настоящего стало в ней единственным модусом времени.

Настоящее исследование, по нашему мнению, вызовет у читателей дополнительный интерес к изучению других концепций времени, в которых содержатся идеи, истинность которых предстоит доказать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалисты Древней Греции. М.: Государственное издательство политической литературы 1955.
2. Казарян В.П. К истолкованию природы динамического времени // Вестник МГУ. Серия 7. Философия, №2. С. 36.
3. Ricoeur P. Time and Narrative. Vol 3. The University of Chicago Press, Chihcago, L., 1990 335 p.
4. Молчанов Ю.Б. Проблема времени и диалектика // Вопросы философии, 1975, №8. С. 85.
5. Лолаев Т.П. Функциональная концепция времени: Диссертация докт. филос. наук - М., 1993. – 273; Лолаев Т.П. «Природа времени или время в природе: Теоретическое и экспериментальное обоснование объективного существования времени». М., 2015
6. Аристотель. Соч. Т. 3. С. 149.
7. Lolaev Totraz. Time is not a Universal Form of Material Being // Twentieth World Congress of Philosophy. Boston, USA. 10-16 August, 1998, p. 123.
8. Гегель Г. Энциклопедия философских наук, т. 2. М., 1975. С. 50.
9. Лейбниц. Переписка с Кларком // Сочинения, М., Т. 1. С. 484.
10. Вернадский В.И. Проблема времени в современной науке // философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 229.
11. Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. Т. II. 1966. С. 24.
12. Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 2. С. 589.
13. Габараев А.Д. Концептуальное содержание проблемы времени. Цхинвал. 2020. С. 68.
14. Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. М., 1969. С. 382-383.
15. Зима В.Н. Проблема объективности времени в философии. М.: Прометей. 2019. С.290.
16. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. М.: Прогресс-Традиция 2006. С. 308.
17. Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. М., 1990. С. 8.

© Лолаев Тотраз Петрович (lolaev.tp@gmail.com), Габараев Анатолий Дмитриевич (gabaraev689@gmail.com), Дряев Аквсентий Герисоевич (arsseinn26@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДУХОВНЫЕ ФАКТОРЫ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ ПРИРОДЫ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

SPIRITUAL FACTORS OF DESACRALIZATION OF NATURE IN THE CONDITIONS OF FORMATION OF AN INDUSTRIAL CITY

T. Maisner

Summary: The article is devoted to the study of spiritual factors that aggravate the tendency of human alienation from nature in the context of European industrialization and urbanization. It is noted that the process of desacralization of nature is due to the formation of an anthropocentric worldview, the development of natural sciences and the industrial revolution in Europe.

Keywords: anthropocentrism, desacralization of nature, mechanistic picture of the world, utilitarianism, industrialization, urbanization.

Майснер Татьяна Николаевна

*К.ф.н., доцент, Южно-Российский государственный
политехнический университет
(НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск
designtatyana@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию духовных факторов, усугубляющих тенденцию отчуждения человека от природы в условиях европейской индустриализации и урбанизации. Отмечается, что процесс десакрализации природы обусловлен формированием антропоцентрического мировоззрения, развитием естественных наук и промышленной революцией в Европе.

Ключевые слова: антропоцентризм, десакрализация природы, механистическая картина мира, утилитаризм, индустриализация, урбанизация.

Иntenсивное развитие городов начинается в эпоху Возрождения, продолжается в Новое Время и сопровождается появлением нового типа мировоззрения, развитием науки, индустриализацией европейских государств. В контексте этих процессов зарождается новая модель отношения человека и природы, обусловленная активной урбанизацией, которая в дальнейшем способствовала возникновению серьезных экологических проблем.

Специфику этой новой модели исследователи видят в формировании утилитарного отношения человека к природе, которое было отчасти легитимировано антропоцентризмом, с позиции которого «развитие природы мыслится как процесс, который должен быть подчинен процессу развития человека» [1, с.309].

Эпоха Возрождения апеллируя к античной культуре как городской модели организации социума, способствовала росту городов и повышению их роли в политической, экономической и культурной жизни европейских государств. К XVI-XVII вв. города превратились в мощную политическую силу, стали центрами экономической деятельности и развития науки и образования. Анализируя значение урбанизации как исторического процесса повышения роли городов в жизни общества. Вл. Соловьев пишет о том, что «город всегда был и есть сосредоточие образованности, умственной и материальной культуры, живого движения и прогресса» [2, с.249].

Появление города как особого типа культуры сопряжено с формированием у горожан новых личностных

качеств, таких, как стремление к свободе, инициативность, предприимчивость, экономическая активность, творческое начало, что отчасти создало предпосылки для становления новой антропоцентрической картины мира. Последняя стала включать совершенно иную систему ценностей, чем средневековый теоцентризм, поскольку в условиях культуры Возрождения начинается процесс возвышения «ценности земного бытия человека, его стремление к творчеству, реализации деловых качеств, утверждению индивидуальности. В это время складывается система ценностей не «раба божьего», а «свободного и славного мастера» [3, с.25]. Таким образом, основным принципом антропоцентризма становится представление о человеке как творце, являющимся самодостаточной ценностью и обладающим властью над природой.

Следует отметить, что выдвижение человека на первый план происходит по двум направлениям:

- Обожествление человека, начатое в работах ранних итальянских гуманистов (Ф. Петрарка, Дж. Манетти, Л. Валла и др.). В их творчестве человек поднимается на уровень Бога и уравнивается с ним в творческих способностях. Как утверждал Дж. Манетти превосходство человека состоит в том, что Бог сотворил и его и природный мир, но человек представляет собой более совершенный и сложный мир культуры [4].
- Освобождение человека от фатализма христианского вероучения и церковного прессинга. В эпоху Возрождения, по сравнению со средневековьем, кардинально была переосмыслена про-

блема свободы: идея божественного проведения была заменена идеей Фортуны, под которой понималась социальная необходимость. В результате, человек начинает рассматриваться как свободное существо, хозяин собственной судьбы, способный творить по собственным канонам.

Поскольку в эпоху Возрождения происходит отказ от христианского аскетизма, то в концепциях философов-гуманистов начинает возмечиваться не только духовные свойства человека, но и его телесное совершенство. В результате происходит реабилитация плоти (природной сущности человека), которая, в предшествующую средневековую эпоху, расценивалась как тленное начало и источник греховности. Следствием реабилитации телесности становится распространение в культуре принципа гедонизма, ориентирующего жизнь человека на получение удовольствий. Как утверждал Л. Валла, что без добродетели жить можно, а без наслаждений нельзя [5].

Появление такого рода новых идей способствовало началу процесса секуляризации общества, основным содержанием которого стала «десакрализация общественной жизни, освобождение ее из-под контроля религии и церкви... Наука, право, политика, искусство, мораль, общественная жизнь, быт людей, их сознание и поведение во всевозрастающей степени выходят из-под контроля религии» [6, с.196]. Это привело к девальвации теоцентризма и замещению его новой мировоззренческой матрицей — антропоцентризмом.

Рассматривая природу антропоцентризма, исследователи утверждают, что он является исключительно европейским типом мышления и мироощущения, для которого свойственно «увлечение собственными силами и возможностями, уверенность в своем всемогуществе, порождающее деятельный характер европейской культуры, активизм по отношению к миру» [7, с.162]. Эпоха Возрождения характеризуется поворотом от религиозной парадигмы к светскому признанию человека в качестве центра мироздания и его творца. Бурное развитие искусства и науки привело к вере человека в собственные силы, как в сфере творчества, так и в сфере научного познания окружающего мира.

Появление новой системы ценностей способствовало дальнейшему отчуждению человека от природы, связанного с дальнейшей ее десакрализацией, в результате которой «естественная тенденция «возделывания», облагораживания природного начала замещаться на его преобразование и прямого подавления» [8, с.18].

Надо отметить, что в научном знании сложилось несколько подходов относительно времени появления антропоцентризма, в рамках которого обосновывается

высокий статус человека в мире. Некоторые авторы полагают, что антропоцентризм со своей ключевой установкой на доминирование человека над природой зародился еще до эпохи Возрождения, предпосылки к его появлению формировались как в античной философии, так и в христианском вероучении.

По мнению ряда исследователей, идея значимости человека и его главенствующее положение по отношению к миру природы обосновывается Аристотелем, в учении которого присутствует представление о иерархии человека, растений и животных, где каждый занимает отведенное ему место. Так, с точки зрения античного мыслителя, растения существуют для животных, а животные для человека. В такой системе взаимоотношений человек занимает более высокую позицию. На этом основании, американский ученый Ю. Харгроув приходит к выводу о том, что большинство неприемлемых для экологии идей зародилось еще в лоне античной философии [9].

В свою очередь, Л. Уайт утверждает, что антропоцентрическая установка на покорение природы имеет место и в христианской идеологии, где человек понимается как «образ и подобие Бога», а следовательно, представляет собой сверхприродное существо. Такая трактовка человека, по мнению ученого, лежит в основе экологического кризиса, который является следствием «ортодоксального христианского высокомерия в отношении природы» [10, р. 1205]. В силу этого христианство позволило человеку относиться к природе как творению низшего порядка, которое создано исключительно для его нужд.

Аналогичной позиции придерживается отечественный исследователь Л.И. Василенко, полагающий, что именно «разрушение языческого анимизма означало утверждение безразличия к «самочувствию» природных объектов, что открывало психологическую возможность эксплуатации природы» [11, с.156].

Надо отметить, что такой подход разделяют многие современные авторы, полагающие, что «идея господства человека над природой встречается ещё в Ветхом завете, правда, там она звучит скорее как ответственность человека перед Богом за всё, происходящее в природе. Но на протяжении столетий содержание понятия «господство над природой» постепенно трансформируется, и вместо ответственности за окружающий мир появляется тенденция перестраивать его сообразно нуждам человека» [12, с.14].

Данные подходы отражают истоки антропоцентризма, но все-таки в своей зрелой стадии данное мировоззрение утвердилось в эпоху Возрождения и Нового времени, что отчасти было связано с развитием науки и формированием научной картины мира. Построение

последней было связано со стремительным развитием экспериментально-математического исследования природы.

Считается, что в основе возникновения утилитарной модели отношения человека к природе лежит антропоцентрическое мировоззрение и развитие науки. Эти процессы шли одновременно, создавая новый тип общества, в рамках которого строились и новые отношения человека к естественной среде обитания. Этот процесс во многом был связан и с научными открытиями эпохи Возрождения, и, в первую очередь, переходом от геоцентрической системы Птолемея к гелиоцентрической системе Коперника, которые расшатывали религиозную картину мира.

Большинство исследователей все-таки полагают, что именно в Новое время складывается потребительская модель отношения человека к природе, связанная с активным развитием экспериментального естествознания, которое положило начало переходу «от созерцательного, романтического отношения к природе к отношению, основанному на трезвом расчете технического использования» [1, с.310]. Причем эта тенденция свойственна представителям как эмпирического, так и рационалистического направлений.

Установка на покорение природы присутствует в рассуждениях Р. Декарта, который пишет следующее: «...можно достигнуть познаний очень полезных в жизни, и вместо той умозрительной философии, которую преподают в школе, можно найти практическую философию, при помощи которой, зная силу и действие огня, воздуха, звезд, небес и всех других окружающих нас тел также отчетливо, как мы знаем различные занятия наших ремесленников, мы могли бы точно таким же способом использовать их для всевозможных применений и тем самым сделаться хозяевами и господами природы» [13, с.305]. У Декарта природа представлена в образе машины, которая приводится в движение механическими принципами. В таком понимании она утратила свою специфику и превратилась в механическую систему, в которой даже животные рассматривались по аналогии с бездушным автоматом, лишенным чувств и не способным испытывать боль и страдания [13]. Тем самым, основой картезианской картины мира становится последовательный механицизм: принципы механики распространяются как на природу, так и на человека.

Именно эти философские идеи стали основой дальнейшего отчуждения человека от природы, которое зарождалось еще в лоне христианского вероучения, а свое логическое завершение получила в картезианстве, согласно установкам которого «принципы механики тождественны началам самой природы» [14, с. 140].

Прагматический подход к пониманию природы присутствует и в работах Дж. Локка, который утверждает, что в естественном состоянии природа не имеет ценности, поскольку главное ее назначение — это принести пользу человеку. Английский философ выделяет два мира — природу и общество: природа представляет собой совокупность ресурсов для человечества, а общество, состоящее из автономных индивидуумов, пытается извлечь эти ресурсы для своих целей. То есть основная цель человека индустриального общества (эпохи модерна) — это достижение личного интереса и извлечение прибыли. В таком обществе природное сырье становится товаром и обретает сугубо материальную ценность. Такой утилитарный подход в отношении к природе обеспечивал научную основу для ее коммерческой эксплуатации. Более того, по мнению Дж. Локка, чем больше природных ресурсов потребляют люди, создавая предметы, обладающие товарной стоимостью, тем более автономными и счастливыми они станут. С точки зрения мыслителя, путь к счастью заключен в отрицании природы [15]. Таким образом, счастье отождествляется со свободой и успехом, в основе которых лежит процесс превращения природы в мир вещей. Основной посыл его философии заключается в том, что именно научное знание дает техническую власть над природой и это является ключевым принципом практической деятельности людей.

Как отмечают исследователи, механистическая картина мира и формирующийся утилитаристский подход к природе, утверждаемые в учении Р. Декарта и Дж. Локка «вполне подходили для того мира, где вся природа, как и люди, была низведена до количественного статуса, определяемого на основе рыночной стоимости. Новая денежная экономика свела весь мир к манипулируемому веществу, а все взаимоотношения — к количественной основе. Внутреннюю ценность сотворенного Богом заменила утилитарная ценность вещей, создаваемых людьми» [16, с.143].

Тем самым, можно заключить, что развитие антропоцентризма, науки, ориентированной на пользу человечеству, и рыночной экономики шло практически одновременно и на долгие годы определило модель отношения человека и природы. По мнению ученых, «новоевропейская цивилизация акцентировано интересуется природой как источником познания и преобразования, что должно обеспечить ей социальный прогресс» [17, с.15]. Все это свидетельствует о том, что в эпоху Нового времени человек становится одержимым идеей покорения природы, установления господства над ней путем ее научного познания и управления ее стихиями на основе рационального подхода.

Ради справедливости надо отметить, что в трудах таких мыслителей, как Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, К.А. Гельвеций, отчасти возрождаются античные установки

в понимании взаимоотношения человека и природы, связанные с ее сакрализацией, подчеркивающие ее значимость в социальной жизни. В частности, позиция Ш. Монтескье, которая в философском знании характеризуется как географический детерминизм, заключается в том, что специфика общества обусловлена исключительно природными факторами (территорией, климатом и пр.). Тем самым, у него социальное выступает производным от той естественной среды, в которой оно развивается [18].

В учении Ж.-Ж. Руссо природа рассматривается как отражение души человека, поэтому для него высшей ценностью выступает наличие между ними согласия. Более того, по мнению мыслителя, переход человека от природного (естественного) состояния к социальному (искусственному) является источником всех несчастий человечества [19].

Дальнейшее общественное развитие, связанное с интенсификацией человеческой деятельности, процессом секуляризации и непомерным разрастанием частнособственнического эгоистического интереса способствует нарушению этого баланса в социоэкосистеме, что приводит к угрозам экологического характера. Поэтому, важно подчеркнуть, что в основе современного экологического коллапса лежит не столько сама идея господства и могущества человеческого разума над природой,

сколько ее неадекватное антигуманное истолкование и применение.

Надо отметить, что уже в работах классиков марксизма присутствует предостережение относительно стихийного и необдуманного использования природы как объекта научной и производственной деятельности людей, в результате чего человек нередко оставляет после себя пустыню. Выступая против агрессивного научно-технического вторжения в природу, Ф. Энгельс предупреждает о том, что не стоит «сильно обольщаться нашими победами над природой. За каждую из таких побед она нам мстит» [20].

Анализ специфики духовной ситуации XVII – XIX вв., в контексте которой завершился процесс десакрализации природы и сложилось сугубо утилитарное отношение к ней, позволяет заключить, что именно антропоцентризм, научно-технический прогресс и индустриализация стали факторами активного развития крупных промышленных городов, которое сопровождалось вытеснением природных зон, их загрязнением, что было обусловлено высокой концентрацией городского населения, динамикой промышленного производства, ростом бытовых отходов. Антропоцентризм, поставивший человека над природой, не только изменил его представления о самом себе, но и значительно снизил степень его ответственности за свою деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вершков А.В. Антропоцентризм и современность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5-1. С.309-315.
2. Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Правда, 1989. 892 с.
3. Полосухин В.А., Артюхович Ю.В. Человек и природа в информационном пространстве. Опыт философского осмысления: Волгоград: Изд-во ВГТУ, 2015. 152 с.
4. Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека. М.: РОССПЭН, 2014. 173 с.
5. Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М.: Наука, 1989. 476 с.
6. Бубнов Ю.А., Радугина О.А. Секуляризация как духовное явление европейской культуры // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С.194-196.
7. Самохвалова В.И. Человек и мир: проблемы антропоцентризма // Философские науки. 1992. №3. С.161-167.
8. Самохвалова В.И. Человек и судьба мира. М.: Новый Век, 2000. 196 с.
9. Hargrove E. Foundations of environmental ethics, New Jersey, Prentice Hall, 1988. 229 p.
10. Lynn White Jr. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis // Science. 10 Mar 1967. Vol. 155. P. 1203-1207.
11. Василенко Л.И., Антропоцентризм и его экологическая критика // Вопросы философии. 1983. № 6. С. 153-161.
12. Тюнина Е.М. Идея господства над природой в современных условиях // Инновации в науке и практике. Уфа: Изд-во ООО «Дендра», 2018. С.14-19.
13. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1950. 712 с.
14. Визгин В. Картезианство // Философская антропология 2020. Т. 6. № 1. С. 139-162.
15. Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 623 с.
16. Новожилова Е.О. Мировоззрение и устойчивость экосистем // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. I. С.142-145.
17. Барковская А.В. Природный мир: презумпция красоты // Лесной вестник. 2015. № 4. С.11-17.
18. Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1955. 803 с.
19. Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Книга по Требованию, 2012. 710 с.
20. Энгельс Ф. Роль труда в превращении обезьяны в человека [Электронный ресурс] <https://www.politpros.com/library/28/259/>

© Майснер Татьяна Николаевна (designtatyana@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВА ПОСРЕДСТВОМ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ

SPIRITUAL REVIVAL OF SOCIETY THROUGH THE FORMATION OF A TOLERANT CONSCIOUSNESS

E. Morozova

Summary: The formation of a tolerant consciousness, which is the social norm of the joint life of people and groups with different value orientations, will organically lead society out of spiritual stagnation and make a step from the natural world into the world of spirituality. In the process of spiritual rebirth, humanity must firmly establish in itself moral purity and principles and try to act according to them.

Keywords: spirituality, tolerance, consciousness, society, culture.

Морозова Елена Николаевна

*К.п.н., доцент, Учитель, МАОУ «Средняя общеобразовательная школа №12», г. Тобольск
elena.morozova.76@mail.ru*

Аннотация: Формирование толерантного сознания, являющегося социальной нормой совместной жизни людей и групп с разными ценностными ориентациями, позволит органически вывести общество из духовной стагнации и сделать шаг из мира природы в мир духовности. В процессе духовного возрождения человечество должно твердо установить в себе моральную чистоту и принципы и стараться действовать согласно им.

Ключевые слова: духовность, толерантность, сознание, общество, культура.

Современная культура будет находиться в стагнации до тех пор, пока она будет строиться с отстраненным и заглушим, омертвевшим сердцем. Как никогда актуален и жив социологический закон, однажды сформулированный английским философом Т. Гоббсом: «Человек человеку – волк». Австрийский психолог З. Фрейд также высказывал свое предположение о существовании изначальной враждебности, интолерантности между людьми. Сможет ли кто-либо найти достаточно смелости для того, чтобы, получив печальный жизненный и исторический опыт, поспорить с этим предположением, говорил Фрейд [1, с. 69]. По его мнению, агрессия человека имеет две основные предпосылки. Первая – это данное от рождения стремление к деструктивному началу, или, как он говорил, инстинкт смерти. Вторая – это насаждаемые культурными традициями барьеры на пути к удовлетворению своих природных инстинктов. Неверно было бы говорить, что в этом и заключается закон нынешней жизни, но «культурные традиции» заставляют людей обращать на окружающих минимум внимания, дабы не обременять их лишними наблюдениями, умозаключениями и общением. Для каждого человека все окружающие являются просто прохожими. В этом отношении великий русский писатель А.П. Чехов правильно утверждал, что каждый человек для нас является или запертым сундуком, или началом различных недоразумений. По отношению друг к другу все люди являются или конкурентами, или соперниками. При этом каждый боится недоброжелательных взглядов других и их неодобрительных замечаний. Люди заботятся друг о друге и проявляются заинтересованность друг в друге только тогда, когда они надеются получить от этого служебную или материальную выгоду. Зачастую ими также руково-

дит тщеславие. Добившись от человека своего, его при первой же представившейся возможности предадут, причем делают это намеренно, проявляя при этом всю ловкость, на какую способны.

Активизирующийся терроризм, межэтнические и межконфессиональные конфликты, повсеместная агрессия и интолерантность есть суть естественных выражений сердечной жестокости, алчности, зависти, ненависти и неприятия инакомыслия, уже заложенных в бессердечной жизни. К этому привел всеобъемлющий духовный, моральный, общественный и идейный кризис. В нашей стране национальная культура намеренно обеднялась. Вместо того чтобы обеспечить ее органическое развитие, ее ломали, заставляли силой двигаться вперед и всячески искажали, чему в большой степени способствовала идеологическая селекция. Все это привело к разрыву в культурной традиции. Нет ничего странного в том, что все темные стихии оказались в результате на поверхности. Справиться с ними и преодолеть их способно исключительно духовное начало. При его отсутствии люди и не знают о его существовании, и тогда в них пробуждаются звери.

Высоко поднимал планку значимости духовного начала для судеб цивилизации и человека богослов П.А. Флоренский. Стоит только личности, считал он, отказаться от духовности, мгновенно из человека выглянет «звериная морда», рухнет духовный стержень – человеческое начало. Неспособность человека противостоять злу без определенного духовного стержня также подчеркивал Э. Фромм – крупнейший мыслитель XX века, один из великой когорты «философов от психологии» и

духовный лидер Франкфуртской социологической школы: Деструктивное начало представляет собой вторичную возможность, заложенную в самом факте жизнедеятельности людей. Деструктивное начало в человеке характеризуется наличием такой же власти и мощи, как и все остальные страсти человеческие [2, с. 51].

Основная трагедия России – в том, что здесь размываются моральные ценности человека. К сожалению, на протяжении длительного промежутка все нравственные и духовные ценности людей обветшали, ибо оказались никому ненужными. О том, какую огромную роль играет духовное начало, в России вспомнили только тогда, когда оказались на пороге катастрофы. Большинство идеологических начал, навязанных людям за прошлые десятилетия, оказалось замками на песке, несбыточными фантазиями. Немецкому философу и доктору А. Швейцеру удалось идентифицировать социальное заблуждение. Так, по его словам, цивилизация, устремившись за материальными ценностями, осталась без своих этических начал, на которых держится общество. По его словам, роковым для современной культуры стал тот факт, что развитие ее материального аспекта проходило гораздо быстрее по сравнению с духовным. Если на первом месте для человека оказывается стремление получить материальные ценности, он теряет что-то куда более значимое, превращаясь в ненасытное существо в погоне за призраками, которые, в конечном счете, не делают его счастливее и не позволяют жить полной жизнью. Наказанием за стремление возвести в Абсолют материальное, при котором люди, как выразился философ Н.А. Бердяева, пытается отыскать не смысл жизни, а исключительно блага, которые она может принести, выступают потребительское отношение к жизни и окружающим, все возрастающий эгоизм, ощущение опустошенности. Релятивизируя мораль, человек одобряет звериную борьбу за выживание, для войны всех со всеми. Это выводит на передний план среди ценностей бесконечное властолюбие, настолько мощное, что не побоятся обратиться в «лагерный пепел» целые народы.

Некоторые сейчас говорят о том, что настало «время собирать камни». При этом далеко не все, кто это утверждает, сумели чему-то научиться и сделать важные выводы для себя. Ими по-прежнему движет полное равнодушие, нежелание анализировать, и они только повторяют из раза в раз один и тот же вопрос: для чего копаться в прошлом? Ситуация, которая сложилась на сегодняшний день, вынуждает человечество посмотреть назад. Если забыть то зло, которое было в прошлом, и уж тем более стремиться найти ему оправдание, – это то же самое, что пытаться вернуть его назад. Разобраться в прошлом, дать оценку совершенному злу просто необходимо, так как его история живет в нашем сознании. Успешность решения поставленной задачи будет зависеть от умения общества руководствоваться в своей повседнев-

ной деятельности главным принципом существования, провозглашенным еще древне-греческим философом Сократом: «Познай самого себя». Тем самым человечество делает шаг из мира природы в мир духа. Философ считал, что внутренний мир индивида является дверью в мир объективных законов духовной жизни, которая стоит выше всего земного. Познание самого себя должно стать одной из обязанностей человека перед самим собой, так как обязанности перед самим собой, по словам немецкого философа И. Канта, суть верховное условие и начало всякой нравственности. Идя по этому пути, нам необходимо суметь распоряжаться собой таким образом, чтобы уметь соблюдать все нравственные обязательства. Это послужит стимулом для утверждения в своем сознании и своей душе нравственной чистоты и принципов и стремления поступать, руководствуясь ими [3, с. 127]. Лишь в этом случае будут основания утверждать, что человек выполнил всеобщую обязанность прежде всего перед самим собой.

Человек приходит в мир из мрака, он ничего не может разглядеть вокруг. Ребенок. Придя в этот мир, только со временем начинает замечать то, что его окружает. Однако ощущение, что ты являешься одним-единственным огнем, освещающим темноту и мрак, не проходит до конца. «Я» всю жизнь выступает в качестве основы жизнедеятельности человека. В нем заключаются корни и источники человеческой самости, склонности к эгоцентризму и стремлением к отчуждению и внутреннему уединению. Понятно, что огромная доля правды содержится в утверждении, что мы способны осознать абсолютизированную ценность собственного «Я». По справедливому утверждению французского философа и теолога П. Тейяра де Шардена, персонализация, возникновение самосознания личности представляют собой наивысшую ступень эволюции. В каждом человеке заложены предпосылки для и свободы творческое начало. Это же способствует появлению демаркационной границы между личностью и биосферой. Однако человека всю жизнь преследует множество угроз, таких как стагнация и риск остаться на уровне развития ребенка, который мнит себя ядром всего мироздания. Подобные проявления инфантилизма самости возводит высокие стены вокруг человеческого «Я», в результате чего реальные контакты становятся весьма осложненными, а зачастую и вовсе невозможными. Однако если личность сможет сломать эту крепость собственного «Я», у него может появиться комплекс фальшивого самоутверждения своей личности.

По словам французского физика, математика и философа Б. Паскаля, каждое «Я» стремится созерцать свое величие, однако понимает свою незначительность; мечтает стать счастливым, но на деле глубоко несчастно; желает быть идеальным, но в реальности несовершенно. Преодоление таких противоречий, по мнению Паскаля,

заключается в том, чтобы соблюдать Евангелие, призывающее отвергнуть самого себя, собственную самость свою. При преодолении самости на помощь приходит любовь. Как говорил отечественный религиозный философ В.С. Соловьев, сущность любви заключается в том, что благодаря ей человек всем своим существом утверждает за другим человеком ту безусловную центральную роль, которую в связи со своим безграничным эгоизмом мы признаем лишь в себе. Только любовь имеет достаточно силы для реализации настоящего контакта. Это работает не только в человеческих взаимоотношениях между людьми, но и играет роль в отношении человека к Бытию, позволяет представить и постичь страдание другого человека [4, с.157].

На основополагающее значение любви в трансформации жизни человека указывал и Эрих Фромм. Он говорил, что лишь в случае, когда в основе взаимоотношений человека с другими людьми лежат принципы любви, он испытывает ощущение духовного единения с ними и при этом может сохранить свою внутреннюю целостность. Только созидательное начало в человеке может помочь ему начать идентифицировать себя с природой, сливаясь с ней и при этом, не исчезая в ней без следа. Умение любить, наличие созидательного начала, способность преодолеть кровосмесительную привязанность к своему народу и родной земле, ощущение единства, в основе которого лежит восприятие собственного «Я» как субъекта, воплощающего собственные способности, восприятие действительности в отрыве от этого «Я», т.е. умение быть рациональным и объективным, полагает Фромм, и являются теми свойствами, которые указывают на психологическое здоровье конкретного социума [2, с. 78].

Рассматривая моральное, физическое и психологическое выздоровление социума при помощи любви, следует учитывать, что такую трансформацию можно реализовать исключительно во внутренней духовной работе личности, так как чувство любви не может зародиться и стать одухотворенным пожеланием других людей. Духовное начало так же может прорасти и исполниться светом лишь при продолжительном моральном духовном очищении. В основу выхода из затянувшегося нравственно-го банкротства должны быть положены взаимопонимание, терпимость и диалог, а эффективность этого пути во многом будет зависеть от уровня осознания и принятия толерантности как неотъемлемой составляющей системы ценностей современного общества, а также готовности руководствоваться этим понятием в повседневной деятельности.

Следует привести резолюцию № 5.61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16.11.1995 года. В ней, в частности, говорится, что под толерантностью подразумевается способность уважать, понимать и правильно от-

носиться ко всему культурному многообразию планеты, всех видов самовыражения и методов выражения индивидуальности личности <...>. Речь идет не просто о нравственной обязанности, но и о правовой и политической необходимости. Толерантность представляет собой добродетель, благодаря которой можно достичь мира и искоренить войну, приведя в качестве альтернативы культуру мира, пацифизм. В документе отмечается также, что толерантность следует рассматривать в первую очередь в качестве активного отношения, при котором человек признает все права и главные свободы других людей [5, с. 299].

Знаменитым культурологом и этнографом С.А. Арутюновым, не без печальной иронии, были сказаны слова по поводу толерантности, представляющей собой социальную норму человеческого общежития, в котором живут люди и их объединения, имеющие разные аксиологические ориентиры. По его словам, толерантность является мифическим существом. [6, с. 8-17].

В развитие этой идеи французским философом П. Тейяром де Шарденом было выдвинуто сравнение всего человечества с деревом, отдельные ветки которого – это разные этносы, населяющие планету. По его словам это не естественно, когда одна ветка пытается забрать у дерева все его соки и вырастает за счет гибели остальных веток, ведь для того чтобы получить солнечное тепло, дереву нужно, чтобы вся его крона росла равномерно. Это работает и с человечеством, для которого дверь в светлое будущее может открыться только под напором всего человечества в целом [7, с. 194].

Об опасном результате противостояния разных этносов говорил и философ из Англии Б. Рассел. В частности, он подчеркивал, что важно выйти на новый уровень мышления и озаботиться предотвращением всех противостояний и войн между людьми разных национальностей. Он утверждал, цивилизация может пойти двумя путями в своем развитии. Первый – это мир, обеспеченный с помощью соглашений и договоров, второй – это гибель человечества [8, с. 132]. Об этом же предостерегал в свое время и политолог из США Л. Пирсон. По его словам, цивилизация приближается к тому моменту, когда разные народы смогут сосуществовать мирно, передавая друг другу свою культуру и исторический опыт, способствуя взаимообогащению друг друга. Если же этого не произойдет, то наша небольшая переполненная людьми планета станет местом войн, непонимания, противостояния и всевозможных катастроф [9, с. 532].

Человеку трудно привить миролюбие против его воли, и человечество по своему опыту знает, к чему приводит стремление искусственным путем вселить в сознание людей мысли о всеобщем счастье и благополучии. Опыт, при котором мысли о толерантности будут приви-

ваться людям против их воли, обречены на провал. Фраза «принудительно-добровольное миролюбие» является оксюмороном. Никого нельзя вынудить стать толерантным, а равно невозможно изменить особенности менталитета, реформировать духовную сферу в соответствии с запросами эпохи.

Вполне вероятно, что человек с энтузиазмом и интересом будет слушать все самые сильные аргументы в пользу толерантности и уважительного отношения к мнению других людей. Возможно, человек даже согласится, что именно эти действия помогут устранить злобу и ненависть в современном социуме, искоренить напряженность, благодаря чему он и сам сможет ощущать себя безопасно и спокойно. Человек вполне может принять эту точку зрения, однако в обстоятельствах, исключающих возможность размышлять и подразумевающих необходимость действовать, он все равно отдаст предпочтение традиционно сложившейся модели поведения.

С учетом психологической специфики поведения индивида по отношению к внешней действительности мы заключили, что ориентированность на выработку толерантности в обществе является больше не рациональным, а волевым поступком. Он находит свое выражение в конкретных действиях, а не в пространственных размышлениях по этому поводу.

Однако каким образом может быть сформирована такая волевая установка? В чем заключается природа и сущность глубинных механизмов привития толерантного мышления? Приведем произведение «Пир», написанное древнегреческим философом-идеалистом Платоном. В этом произведении Аристофан, являющийся героем одного из диалогов, рассказывает легенду миф об андрогинах. Андрогини были особенными созданиями: у них была округлая форма, они были рождены с четырьмя ногами, четырьмя руками и двумя лицами. Боги испугались их силы и разделили их на две половины. Каждая половина, исполнившись вожделения, направилась ко второй с ощущением собственной неполноценности. Не вдаваясь глубоко в тему полов, можно сказать, что в этой легенде очень хорошо отражается ключевая установка миролюбивого разума. В частности, необходимо относиться к самому себе как несовершенному созданию, которое открыто для опыта того, для кого такой опыт стал основополагающим и помог принять и познать собственное единство и целостность.

По мере того как целостность человека вырабатывается, выступая фундаментом миролюбивого сознания, большое значение отводится тщательному, углубленному исследованию факторов возникновения негативных проявлений (НП), присутствующих во всех этносах и культурах. Обнаружение и восприятие негативных проявлений обеспечивает поступательное формирова-

ние толерантного сознания (под которым мы подразумеваем способность признать наличие многообразия культур, каждой из которых свойственны свои преимущества и отрицательные качества, множественность взглядов, являющаяся неизбежной и даже необходимой, так как именно на ней основывается в настоящее время воспитательный процесс; кроме того, именно эта множественность представляет собой ценность и общественную норму в каждом гражданском обществе, имеющем право на то, чтобы быть разным), а также по отношению ко всему отличному от привычного, тем более характеризующемуся отрицательной коннотацией. Это достигается несколькими путями:

- принять многообразие культур и то, что негативные проявления существуют во всех народах и их культурах;
- разобраться в причинах наличия негативных проявлений в иерархически устроенных культурах других народов;
- выяснить, осознают ли представители других национальностей собственные негативные проявления;
- принять точку зрения, что нельзя говорить о традициях и обычаях других народностей исходя из собственной аксиологической системы;
- необходимо понять и принять, что все имеющие место конфессии наделены абсолютно равными правами;
- следует сформировать условия, которые позволят дать человеку понять, что он полон предубеждений;
- важно развить стремление к трансформации собственных укоренившихся взглядов, принимая ценности культурного многообразия и утверждая позитивное начало в этом многообразии и пр.;
- следует распространять позитивные коннотации, которые позволяют использовать сведений, не подтверждающие изначально сформировавшиеся стереотипы относительно других народов;
- важно владеть собственными когнитивными средствами;
- следует прививать окружающим тактику противостояния механическим реакциям на стереотипы, которые зарождаются на подсознательном уровне; это позволит развить гибкость подобных стереотипов, в отношении которых достаточно сложно применять волевой контроль;
- следует спланировать индивидов вокруг единых целей; это позволит перенести акцент с этноцентризма на межличностное взаимодействие;
- необходимо сформировать условия, которые помогут человеку быть уверенным в позитивных началах собственной культуры. Это даст возможность ослабления воздействия механизма психологической защиты от окружающих, выливающейся во враждебное отношение к окружающим.

Также это позволит исключить возможность легитимного влияния психических механизмов каузальной атрибуции в коммуникации и взаимоотношениях существующих культур и народов;

- следует нарастить межличностные связи, понимая, что свои и посторонние имеют много общего; это позволит трансформировать отношение к роли социальных групп при разделении людей. Это, в свою очередь, обеспечит персонализацию и декатегоризацию;
- следует активировать общественное сознание для того, чтобы определить уровень сегрегации и валентности как латентной пассивной разновидности интолерантности, инструмента нивелирования значимости взаимодействия с представителями других культур, и подробно разъяснить последствия этой формы разрешения вопросов взаимодействия между представителями разных культур.

Из сказанного можно заключить, что выработка толерантного менталитета человека должна рассматриваться в качестве общественно-психологических факторов сохранности культур (это помогает людям обрести личные смыслы) и плюрализма культур (благодаря чему сможет выжить вся социальная структура), потому что это выживание основано на мире и межнациональной толерантности.

В 1918 г. отечественный философ Н.А. Бердяев гово-

рил о том, что можно стремиться к близости и духовному единству всех этносов. Однако невозможно стремиться к тому, чтобы таким способом были уничтожены национальные образы и культуры. Подобные устремления означают желание погасить целую вселенную культурных богатств. Культура не может являться человеческой в отрыве от человека, так как она всегда неразрывно с ним связана: она является человеческой, народной, индивидуально национальной. И только в этом понимании она может восходить до общности [10, с. 56].

По словам Ф.М. Достоевского, человеку дана свобода, однако в ней ему также предоставлена способность творить великие дела и чинить подлости, нести добро или сеять зло. При этом. По словам писателя, личность не обязана проявлять гуманность, однако она может нести эту гуманность в себе. Каждый сам идет по своей дороге духовного развития или разрушения [11, с. 83]. То, какую дорогу выберет индивид, зависит от его мудрости. Ведь только мудрость, по словам отечественного доктора и учителя П.Ф. Лесгафта, способна открыть человеку глаза на узость собственной жизни, указав при этом на важность общественных проявлений. Это поможет человеку понять, что его святая обязанность состоит в содействии поступательному развитию социума, в котором он живет. Ведь социум, как утверждал В.С. Соловьев, представляет собой дополненную либо расширенную личность, а в каждой личности происходит отражение сжатого либо концентрированного социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Freud S. Civilization and Its Discontents. Translated from the German by J. Riviere. The Hogarth Press, Ltd. London, 1953.
2. Фромм Э. Здоровое общество. М.: Хранитель, 2006.
3. Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2005.
4. Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1988.
5. Реформа и развитие высшего образования. Париж: ЮНЕСКО, 1995. С. 299.
6. Нравственность и политика // Собрание сочинений. Брюссель, 1996. Т. 5. С. 8-17
7. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
8. Рассел Б. Человечество в опасности // Вопросы философии. 1988. № 5. С. 131-133.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
10. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Мысль, 1990.
11. Достоевский Ф.М. Политическое завещание: Сб. статей за 1861-1881 гг. М.: Алгоритм, 2006.

© Морозова Елена Николаевна (elena.morozova.76@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ РЕЛИГИИ: ЦЕРКОВЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Петухова Татьяна Николаевна

К.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «Уральский
институт ГПС МЧС России»
tatyana.petukhova@mail.ru

SOCIAL FUNCTIONS OF RELIGION: THE CHURCH AS A SOCIAL INSTITUTION FOR THE TRANSMISSION OF CULTURAL AND HISTORICAL TRADITIONS

T. Petukhova

Summary: The article is devoted to the problem of preserving «places of memory» and the role of the church in this social process. The Church occupies one of the key places in the system of social institutions. It is the church, regardless of the difference of faiths, that has preserved and transmitted stable cultural traditions for centuries.

Keywords: social functions, church, culture, traditions, society, historical memory.

Аннотация: Статья посвящена проблеме сохранения «мест памяти» и роли церкви в этом социальном процессе. Церковь занимает одно из ключевых мест в системе социальных институтов. Именно церковь, независимо от различия конфессий, на протяжении веков сохраняет и передает устойчивые культурные традиции.

Ключевые слова: социальные функции, церковь, культура, традиции, общество, историческая память.

При оценке социальной роли религии, которая реализуется в функциях церкви, имеющих социальный характер, следует обозначить актуальность такой социальной проблемы как сохранение исторической памяти и значение церкви в решении этой проблемы. С чем связана значимость этого вопроса?

«Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти. В последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому.

Формы этого изменения многообразны: критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных составляющих исторического процесса; восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого; культ корней (roots) и развитие генеалогических изысканий; бурное развитие всяческих мемориальных мероприятий; юридическое сведение счетов с прошлым; рост числа разнообразнейших музеев; повышенная чувствительность к сбору архивов и к открытию доступа к ним; возобновившаяся привязанность к «наследию» — тому, что в англоязычном мире называется «heritage», а во Франции — «patrimoine». В каком бы сочетании ни выступали эти элементы, мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому — действительному или воображаемому — с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознани-

ем, с памятью и идентичностью» — это ярко выраженная позиция французского учёного Пьера Нора, с которой, на наш взгляд, нельзя не согласиться. Именно им введен термин «места памяти», широко применимый в современной научной литературе. [3].

В своих работах ученый поднимает проблему целостности материального и духовного. Единство памяти, как комплекса высших психических функций, относящихся к накоплению, сохранению и воспроизведению знаний, и вещественного воплощения (памятники, ордена, письма и т.д.) формирует национальную, в том числе историческую, память того наследия, которое передается последующим поколениям.

Пьер Нора исследует проблемы с многочисленными местами памяти, поскольку «нет памяти уходящих в прошлое социальных групп» [4].

Он утверждает, что: «Память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления.

Чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти. Многочисленные места памяти (lieux de

mémoire) существуют потому, что больше нет памяти социальных групп [5].

Поддерживая мнение ученого, хотелось бы обратиться к такому социальному институту как церковь. Религиозные организации различных конфессий выполняют социальные функции: интегративную, мировоззренческую, регулятивную, психотерапевтическую, коммуникативную и другие, носящие универсальный характер, проявляющиеся в любом типе религиозной практики.

Наряду с ними особое внимание в современный период искажения и переписывания истории, исходя их политической конъюнктуры, заслуживает функция сохранения и передачи культурно-исторического наследия, которой традиционно придерживается церковь.

Именно её стержневой характер подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин на встрече с представителями религиозных объединений в честь Дня народного единства в 2020 г.: «Традиции доброго, уважительного отношения между людьми разных национальностей и вероисповеданий завещаны нам нашими предками. Но этим живым духовным наследием, опытом создания уникальной цивилизации мало просто гордиться. Конечно, мы вправе и должны гордиться этим. Но этого недостаточно. Их надо беречь, укреплять и развивать. Это наш общий долг перед нынешним, да и перед будущими поколениями».

Важно понимать, что в мире происходят глубочайшие перемены. С серьёзными вызовами сталкиваются традиционные ценности. Сложнейшие, крайне чувствительные вопросы межнациональных и межрелигиозных отношений становятся, к сожалению, подчас предметом спекуляций, нечистоплотных геополитических игр. На них пытаются паразитировать экстремисты и радикалы, разжигая взаимную ненависть и вражду» [6].

Следует отметить религиозные формы передачи культурных традиций, одной из которых является сохранение исторической памяти религиозными организациями различных конфессий, такие как священные книги, житие святых, картины художников, иконопись, монументальные храмовые здания, некоторые из которых выступают, как сооружения, сохранившие память о прошедших культурно-исторических событиях.

Так, в России традиционно создавались церкви в почтение многознаменательных исторических событий. Это были долгожданные победы над противником, действия, связанные с княжением и царствованием видных государственных деятелей, что неразделимо сопряжено с историей храмоздательства. Так в память о заступниках Отечества или ярких победах создавались церкви-монументы, часовни, незабываемые знаки, а также еди-

ные сложные комплексы.

Пример тому: Храм Василия Блаженного (Покровский собор) в Москве, Казанский собор в Санкт-Петербурге, Храм Христа Спасителя в Москве, Свято-Троицкая Александро-Невская лавра в Санкт-Петербурге, Свято-Троицкая Сергиева лавра в Сергиевом Посаде, Храм Спас на Крови в Санкт-Петербурге на месте убийства Александра II Освободителя, Церковь-памятник на крови во имя Всех Святых в земле Российской просиявших в Екатеринбурге, неразрывно связанная с убийством Николая II, членов его семьи и домочадцев и т.д.

Следует выделить некоторые из них.

Например, храм Василия Блаженного - один из наиболее красочных, а также известных монументов древнерусского зодчества. В 1552 г. в почтение победы полков Ивана Грозного в борьбе за завоевание Казанского и Астраханского ханства был заложен монастырь, преждеосвященный в почтение Священный Троицы. В 1554 г. Иван Грозный дал распоряжение создать на его участке храм Покрова Богородицы с приделами, прославлявшими победу над татарами. Храм в народе назывался Покрова на Рву: храм был создан вблизи с глубочайшим ровом, пролежавшим по стенкам Кремля. Позже в одной из границ собора был погребен Василий Блаженный, вследствие чего храм получил свое новейшее наименование.

Казанский собор в Санкт-Петербурге является памятником церковного зодчества. Возведенный в 1801-1811 г. архитектором Андреем Ворониным для хранения чтимого списка чудотворной иконы Божией Матери Казанской, собор сейчас ассоциируется с победой в Отечественной войне 1812 года. Именно здесь находятся мощи полководца Кутузова М. Прихожане поклоняются и иконе (религиозный символ), и мощам (символ ратный). Рядом с собором - памятники фельдмаршалам Кутузову М. и М. Барклаю-де-Толли. Симбиоз этих сооружений воспринимается как торжество русского оружия и народной воли в Отечественной войне 1812 года.

Несомненно, храм на Руси считается основным хранителем православной культуры.

Благодаря храмостроительству в течение десяти столетий развивались и все разновидности духовного искусства, сопряженные с богослужением. Данные монументы по-прежнему являются нитями, объединяющие народ, православие, культуру и историю.

Кроме того, одной из форм передачи культурно-исторической памяти становится орденовая система, которая зародилась при Петре I. Названия орденов за ратные подвиги давали в честь святых покровителей

России, тем самым объединяя исторические события и духовную идеологию.

Так, первым учрежденным орденом стал Орден Святого Апостола Андрея Первозванного, высшая награда XVIII века. Андрей Первозванный считался учеником Иисуса Христа, был распространителем христианства, являлся покровителем России [1]. В постсоветский период Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин Указом от 1 июля 1998 г. № 757 «О восстановлении ордена Святого апостола Андрея Первозванного» [2] воссоздал его. Орден обладает статусом высшей награды Российской Федерации.

Орден святого Победоносца Георгия, учрежденный Екатериной II в 1769 г. являлся наградой отличия офицера, присваивался за боевые подвиги. На ордене изображён всадник Георгий, который пронзает мечем дракона. Орден имеет четыре степени награждения. Первая степень являлась самой почётной, за первую степень добавлялось 700 рублей к пенсии. Первой степенью обозначалась звездой на левой груди, через правое плечо лента с большим крестом. Вторая степень обозначалась звездой на левой груди, а также крест на шее. Третья степень - малый крест на шее. Четвертая степень - малый крест на колодке. Обладатели ордена любой степени приобретали дворянство, получали ежегодную добавку к пенсии. За всю историю России орденом Георгия Победоносца была награждена всего одна женщина. Раиса Михайловна Ивановна - сестра милосердия, заменившая убитого командира в годы Первой мировой войны, ее подвиг был посмертно отмечен четвертой степенью ордена Георгия Победоносца [2]. Орден восстановлен в России как государственная награда в 2000 году.

С этапа возникновения первого постоянного войска в России появилась культурно-историческая традиция иметь православным воинам собственных небесных благодетелей. В дореволюционной России все без исключения, кто имел армейскую форму, безусловно, по-

лагали собственным благодетелем архангела Михаила. Однако воздушный флот, особенно почитал Илью Пророка. Покровителями конницы являлись святые Флор и Лавр. Святой Георгий Победоносец благодетельствовал казачеству. В абсолютно всех армейских составляющих возводили церкви в название обожаемых священных. Современные Вооруженные Силы России данные устои также соблюдают, передавая традиции восприятия святости ратных дел угодных Богу. Практически у любого рода войск имеется собственный небесный защитник.

Так, например, основной покровитель Вооруженных сил Русской Федерации, а также Сухопутных войск является святой праведник Георгий Победоносец. Георгий выдержал все без исключения страдания и не отказался от Христа.

Покровителем Воздушно-десантных полков является пророк Илия. Второго августа отмечается праздник российских Воздушно-десантных войск. Данный день так же считается днем пророка Илии, в его почтение ведутся литургии, а также устраивается крестный ход. Священный пророк Илия, величайший из пророков Ветхого Завета, с небольших лет отдал себя Господу, живя в пустыне, придерживаясь строгого поста и молитв.

Покровительницей Ракетных войск является непорочная праведница Варвара, принявшая крещение без разрешения отца, перенесшая муки за веру. Сразу после захоронения около ее мощей начались удивительные исцеления.

Несомненно, после распада СССР церковь восполняет идеологическую нишу, учитывая закрепленный в Конституции Российской Федерации отказ государства от государственной идеологии. Тем самым, церковь, как социальный институт, создавая и сохраняя «места памяти», выступает одним из адептов выполнения социальной функции: передачи культурно-исторических традиций собственными только ей способами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуров В.А. Русские награды XVIII- начала XX веков. М. – Просвещение, 1997. – с. 9
2. Кузнецов А.А. Награды: Энциклопедический путеводитель по истории российских наград. / пер. и доп. – М.: Современник, 2003. – с. 438.
3. Нора П. Всемирное торжество памяти / журнал «Transit». – 2002. – № 22.
4. Нора П. и др. Проблематика мест памяти. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, с. 17-50.
5. Нора П. и др. Франция — память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, с. 17-50.
6. Стенограмма выступления В.В. Путина на встрече с представителями религиозных объединений. Режим доступа: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-vstreche-s-predstaviteljami-religioznyh-obedinenii-04-11-2020.html>
7. Указ № 757 «О восстановлении ордена Святого апостола Андрея Первозванного». Режим доступа: <https://base.garant.ru/1576929>

© Петухова Татьяна Николаевна (tatyana.petukhova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ЧЕЛОВЕК-ЭКОНОМИКА

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF HUMAN-ECONOMY

V. Potapchuk
N. Kshevin

Summary: The purpose of the article is to answer the question of how the essence of technology affects social well-being and human freedom, which are expressed in the autonomy of the individual. Through the analysis of the ideas of M. Heidegger, K. Jaspers and N. Berdyaev, the authors of this article make an appeal to the fundamental aspect of technology, which is not limited to the function of an instrument of human activity. Since the technology of electronic communication is the most relevant for the modern world, the perspective on its origin and meaning, found in the texts of M. McLuhan, allows us to focus on the ability of technology to be a mediator between people and the world around them. However, based on the works of A. Negri and J. Deleuze, another object with which technology establishes a connection, could be examined. It is an economic system that reproduces the logic of profit maximization. Based on the analysis, the authors of the article come to the conclusion that danger lies in the economic aspect of technology. With the help of technology, the economy subordinates the will of man, destroying the autonomy of the individual. The way out of this situation is seen in a philosophical appeal to the connection between economics and technology, and its rethinking that makes possible for production to become a creative work.

Keywords: philosophy of technology, being at hand, media, memex, hypertext, digital economy.

Потапчук Владимир Иосифович

К.ф.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)

Кшевин Николай Владимирович

Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)

kshevin.zrb71@gmail.com

Аннотация: Целью статьи является ответ на вопрос о том, как сущность техники влияет на социальное благополучие и свободу человека, которые выражаются в автономности личности. Анализируя идеи М. Хайдеггера, К. Ясперса, Н. Бердяева авторы статьи производят обращение к фундаментальному аспекту техники, который не исчерпывается функцией инструмента человеческой деятельности. Так как наиболее актуальной для современного мира является технология электронной коммуникации, взгляд на ее происхождение и смысл, обнаруживающийся в текстах М. Маклюэна, позволяет акцентировать внимание на способности техники быть медиатором между людьми и окружающим миром. Однако, опираясь на работы А. Негри и Ж. Делеза, можно назвать еще один объект, с которым техника устанавливает связь. Им является экономическая система, воспроизводящая логику максимизации прибыли. Опираясь на проведенный анализ, авторы статьи приходят к выводу о том, что именно в экономическом аспекте техники таится ее опасность. Экономика, сближаясь с помощью техники, подчиняет волю человека производству, уничтожая автономию личности. Выход из подобной ситуации видится в философском обращении к связи между экономикой и техникой, и её переосмыслении таким образом, чтобы производство стало творческим процессом.

Ключевые слова: философия техники, подручное бытие, медиа, мемекс, гипертекст, цифровая экономика.

История человечества тесно связана с разработкой изобретений, которые, так или иначе, меняют привычный уклад жизни. Начиная с изобретения парового двигателя и перехода к массовому промышленному производству, произошедшему в результате индустриальной революции (вторая половина XVIII-XIX в.), значение технологического прогресса продолжает расти неумолимыми темпами. Но ситуация, в которой сегодня пребывает каждый из нас по отношению к технологическому прогрессу, изменилась совсем недавно. Научная новизна данной работы заключена в концептуализации любой техники как одновременно инструмента и медиатора, что позволяет наиболее полно охватить ее сущность в работах множества исследователей. Мы предлагаем обратиться к развитию идей о сущности техники в понимании таких философов, как М. Хайдеггер, А. Негри и Ж. Делез с целью выяснения значения элек-

тронных средств коммуникации для современного человека. Работа с концептуальными идеями данных авторов, включающая элементы сравнительного анализа, определяет методологию проведенного исследования.

Если для человека времен индустриальной революции машины выступали в качестве чего-то очень конкретного, работающего с материальными измерениями окружающего мира и преобразующего его, то современная эпоха характеризуется появлением электронных медиа, которые изменили представления человека о возможных границах коммуникации. Это поистине качественный скачок, поскольку подобная технология осуществляет коммуникацию, обмен и преобразование идей. Появление коммуникационных технологий значительно поменяло порядок повседневной жизни каждого из людей, обострило проблему автономии личности. Ука-

занный динамический процесс не является завершённым актом, он продолжается и по сей день, его значение еще не исследовано в достаточной мере, что делает вопросы философии техники особенно актуальными. Зачастую именно философская оптика позволяет взглянуть на подобные социальные феномены намного раньше, чем их воздействие на общество станет очевидным.

Один из наиболее проработанных подходов к философскому анализу технологий можно обнаружить у М. Хайдеггера. Определяя всю технику как ту или иную форму инструмента, немецкий философ вскрывает её сущность. Возвращаясь к учению Аристотеля о четырех причинах, можно обнаружить, как в них включаются цель и средства, которые соединяются в инструментальном бытии. По мнению М. Хайдеггера, все четыре формы причинности оказываются виновными в процессе вскрытия потаенного, в котором мир наделяется смыслом в глазах человека [7]. Так, как любая техника относится автором к инструментам, она оказывается неизбежно включенной в процесс производства знаний о мире. Это относится не только к научным приборам, способным обеспечивать единство той или иной эпистемологической парадигмы. Речь идет о повседневной жизни, которая постепенно становится все более зависимой от техники. Будучи самостоятельным объектом, техника, сосуществуя с человеком, начинает изменять условия получения опыта, модифицируя восприятие, тем самым меняя мир. Несмотря на огромное влияние техники на нашу жизнь, М. Хайдеггер утверждает, что техника сама по себе не опасна. Он отмечает, что человек немислим без «выведения истины из потаённости», но подобную деятельность можно представить различными способами. Один из них связан с инструментальной сущностью производства, делающей выводение из потаенности механическим процессом. Ему противопоставлен другой способ, который тоже является техникой. Здесь М. Хайдеггер обращается к искусству для того, чтобы провести четкое различие между производением и производством.

К похожим выводам о сущности техники приходит К. Ясперс. Для этого мыслителя техника тоже не является чем-то однозначно позитивным или негативным. Будучи инструментом, результат применения и развития технологического прогресса связан с сознательной деятельностью человека [9]. Без целенаправленного использования техники для улучшения жизни человека, её задачей становится максимизация прибыли, что ведет к неизбежному порабощению человеческого духа перед силами экономической необходимости. В отличие от предыдущих авторов, Н. Бердяев не разделяет технику и производительные силы. Являясь результатом запроса на максимизацию прибыли и минимизацию издержек, техника видится им как инструмент перехода от органической, естественной жизни, к организованной, что сопровождается угнетением свободного духа [2].

Анализ, проведенный М. Хайдеггером, касается технологий как таковых. Но мы считаем, что характер технологий претерпел некоторую трансформацию, повлекшую за собой изменение условий общественной жизни. Ж. Делез, например, утверждает, что каждой исторической эпохе соответствуют свои изобретения, четко выражающие суть времени. Если для древних деспотических обществ это был рычаг, для мира после индустриальной революции таким изобретением стал двигатель, то для современности в качестве катализатора прогресса выступает кибернетическая машина – ЭВМ [3]. В таком случае мы соглашаемся с описанием сущности техники, которое представил М. Хайдеггером. Техника выполняет функцию инструмента, тем самым каждый раз обнаруживая свое место между миром и человеком, она становится медиумом в процессе «высечения истины из потаенного» [7]. Но сама форма этого инструмента совершенствуется человеком для максимизации его функции – быть медиумом. Это означает, что техника, так или иначе, устанавливает связь между разными объектами. Технологии, составляющие суть индустриальной революции, двигатели и другие всевозможные машины, представляли собой инструменты по изменению материальных аспектов мира, которые сокращали дистанцию между человеком и объективной реальностью, позволяя преобразовывать природу. Историю развития технологий можно представить в виде движения от менее совершенных медиумов к более совершенным. Коммуникационные технологии, в свою очередь, работают с сокращением дистанции между людьми, позволяя передавать информацию, пренебрегая огромными расстояниями. Такая деятельность является способом работы с идеальным аспектом коммуникации. Технологией, вышедшей в качестве инструмента по работе с идеальным, стали электронные медиа.

Еще одним автором, работы которого имеют огромное значение для понимания сущности технологий, является американский писатель М. Маклюэн. Ему принадлежит высказывание, которое часто используют для описания современного интернета: мир как «Глобальная деревня». По мнению М. Маклюэна, коммуникационные технологии тоже проходят несколько этапов развития, от устной речи к письменной, и от письменной речи к электронным медиа, которые определяют характер современных общественных отношений. Развитие всех коммуникационных технологий виделось для него как модификация тех способностей к восприятию окружающего мира, которые уже заложены в человека. Именно телесность становится основным источником концептуализации коммуникационных технологий. Так, устная и письменная речь представлялись им не просто следствиями человеческой способности слышать и видеть, но прямым продолжением самих органов чувств. Но в случае электронных коммуникационных технологий, способность чувственного восприятия выносятся дале-

ко за пределы тела человека. По мнению М. Маклюэна, любая форма передачи информации опосредованно влияет на её содержание. Это выражается в формуле «средство является сообщением». Появление электронных технологий коммуникации меняет представление человека о себе и мире, сама суть общественных отношений меняется: «Созерцание, использование или восприятие любой нашей проекции в технологическую форму с необходимостью означает принятие его вовнутрь себя. Послушать радио или прочесть печатную страницу означает принять эти расширения нас самих в нашу личностную систему и претерпеть замыкание, или автоматически вытекающее из этого искривление восприятия» [5, с. 27]. Согласно концепции М. Маклюэна, время и пространство перестают ограничивать человека: телевизоры, видеокамеры, радио делают восприятие непрерывным и постоянным. Сам обмен информацией становится условием включения индивида в поле социального бытия. Но коммуникативный компонент технологий не ограничивается одним восприятием. Качественный скачок, меняющий содержание коллективного бытия человечества, происходит с изобретением непрерывной сети электронных коммуникаций – интернета.

Обратимся к развитию идеи об изобретениях как модификациях человеческой телесности. В 1945 году В. Буш в своем эссе «Как мы можем мыслить» предложил концепцию мемекса – устройства, которое позволяло бы организовывать информацию таким образом, чтобы человек мог загружать и доставать ее из устройства, не прибегая к особым средствам. Простоту использования предлагалось достичь с помощью особого интерфейса, который повторял бы работу ассоциативного мышления человека. Планировалось создание такой машины, которая могла повторить работу памяти, и тем самым, выступать как расширение возможности мыслить. Уже на такой ранней стадии развития вычислительных машин, мы можем видеть, что изначальная идея была связана с расширением человеческой телесности. Концепция мемекса делает акцент не столько на способности производить вычисления, присущей компьютеру, сколько на возможности подобных машин быть вместилищем информации. В отличие от любой простой базы данных, мемекс, повторяя структуру работы человеческой памяти через установление ассоциативных связей, создает возможность доступа пользователя к информации, загруженной в него ранее. Таким образом, информация в мемексе организована таким же образом, как если бы с ней работало человеческое мышление. С помощью мемекса предполагалось вынести способность запоминать за пределы тела человека, воплотив порядок работы памяти в машине. Концепцию мемекса можно назвать прототипом для ЭВМ. Обратимся к дальнейшему развитию данной идеи в гипертекстовых системах.

Изобретением, сделавшим компьютеры и интернет

такими, какими мы знаем их сегодня, является гипертекст – способ связывать несколько электронных текстов через референтные ссылки. Впервые термин «гипертекст» был введен американским социологом и философом Т. Нельсоном в 1965 году. В дальнейшем принцип гипертекста начал активно использоваться для создания комплексных систем электронных текстов: библиотек, картотек и других пользовательских баз данных. Именно метод гипертекста помог подчеркнуть то преимущество, которое давали электронные базы данных над их аналогами в виде картотек. Названное преимущество заключается в неограниченной способности к референции. Возможность создавать сложные информационные сети, способные отсылать к отдельным элементам своей структуры, является не просто преимуществом в себе. Такая структура не только повторяет тот путь, который совершает человеческое мышление, производя ассоциативные связи, но и записывает их на электронный носитель. Частный случай гипертекстовой системы, которая позволила бы достичь отмеченных результатов, была названа эволюционирующей файловой системой. Т. Нельсон считал, что такая система намного лучше связана с реальными процессами, с помощью которых мысли человека постепенно организуются. Для человеческого понимания это может помочь интегрировать материальные объекты, организованные настолько сложно, что их невозможно распутать без посторонней помощи [1]. Если посмотреть на это подобным образом, то память машины является продолжением мышления ее конечного пользователя, позволяющим взаимодействовать с информацией через интерфейс. Для подобной операции информация проходит некоторую интерпретацию, становясь данными – набором фактов, с которыми может работать как машина, так и человек. Компьютер выступает в качестве функционального продолжения человеческого тела, расширяя некоторые его функции, оставаясь при этом самостоятельным объектом. Это делает компьютеры чем-то очень личным. Информация на электронных носителях организована таким образом, что становится имманентной самой жизни человека.

Можно увидеть, как на концептуальном уровне за развитием коммуникационных технологий, и в особенности, сети интернет, стояла сложная философская идея, связанная с расширением человеческой способности взаимодействовать с миром. И М. Маклюэну, и М. Хайдеггеру удалось достаточно ясно запечатлеть дух времени и саму сущность технологического прогресса, связанную с изобретением особых объектов, выступающих в роли инструментов медиации между человеком и окружающим миром. Но опираясь на проведенный анализ их идей и корреляцию между их содержанием и историей развития концепции ЭВМ, снова возникает вопрос о том, на что направлены подобные инструменты. Сам процесс коммуникации, будучи действием, ориентированным на обмен информацией, связан с идеальным компонентом

человеческой деятельности. Таким образом, техника, выступая в роли инструмента этой деятельности, наделяется статусом медиатора. Люди, которые живут в постиндустриальном обществе, каждый раз попадают в поле социальной реальности уже в виде некоторого сборного единства машины и человека. Если судить подобным образом, то может сложиться впечатление о некоторой абсолютной благости такого статуса-кво.

Однако, существует такой компонент техники, который заключает в себе социальную опасность. Наиболее подробный анализ этого компонента можно обнаружить в концепции А. Негри. Для этого автора индустриальное общество не просто является менее массовым, чем постиндустриальное, но в нем обнаруживается отсутствие такого важного элемента производственного процесса, как интеллектуальный труд. Данный элемент, по мнению А. Негри, является настолько же значимым, насколько и производство материальных благ [8, с. 280]. Если в индустриальном обществе и присутствовало интеллектуальное производство, то оно не имело того массового характера, каким оно обладает в настоящий момент времени. Условием для появления массового производства подобного типа выступает интернет. В то же время, интернет не появился одномоментно, человечество прошло непростой путь, развивая способы передачи информации, пока они не смогли достигнуть необходимого уровня технологического развития, позволяющего соединить их в непрерывную коммуникационную сеть. Мы уже выявили такую черту техники, как способность быть инструментом медиации, но что можно сказать о том, в чьих интересах она служит? Технологии материального и нематериального (коими и являются электронные медиа) толка объединяет их производственный компонент. Каждый раз они оказываются включенными в контекст некоторого экономического отношения, выраженного в государственном управлении. И действительно, значительный акцент на экономическом контексте бытия техники можно обнаружить у М. Хайдеггера: «Выведение из потаенности, которым захвачена современная техника, носит характер предоставления в смысле добывающего производства» [7]. Ж. Делез, отбрасывая оппозицию природы и техники, называет все социальные действия «машинами желаемого производства» [4, с. 15]. Мы считаем, что производство невозможно обнаружить в сущности техники, инструмент, даже в руках мастера, не обязан что-то производить. Мотивация для производства всегда находится за пределами мастера и инструмента, выступая как условие прогресса техники. Говоря иначе, техника является медиатором не только между окружающей средой и человеком, но и между человеком и экономикой в частности.

Наиболее массовыми становятся те изобретения, которые наиболее явно фиксируют норму прибыли. Если в случае индустриальных технологий сырьем

выступают всевозможные материалы, то для электронных медиа вопрос обстоит иным образом. Интеллектуальный труд, подробно описанный в работах А. Негри, разрушает границу между личной жизнью и производственным процессом. Будучи погруженными в контекст экономики, диктующей правила максимизации прибыли при минимизации издержек, технологии коммуникации становятся машинами по извлечению прибавочной стоимости. Объектом подобной деятельности становится информация, которая возникает при повседневной жизни постиндустриального человека [6]. Перемещения по карте, телефонные книги, истории просмотров, все это обретает ценность на рынке, так как служит оптимизации рекламы и других сервисов, с максимизацией нормы прибыли. Самые крупные технологические компании зарабатывают на торговле данными. Но, в то же время, это пространство наиболее личное для каждого из нас. Если рабочий в индустриальном обществе имел фиксированное количество часов трудового дня, то цифровая экономика делает производство постоянным, поскольку она прочно связана с коммуникационными технологиями, уход от нее означает для индивида попадание в социальную изоляцию. Подобная экономика использует самих людей в качестве сырья. С появлением мировых тенденций к цифровизации государственного управления, побег от цифровой экономики будет означать к тому же понижение в правах через невозможность получения полноценного доступа к тем или иным государственным институтам. Так как коммуникационные технологии связаны с наиболее личными аспектами человеческого существования, контекст названной технологии, продиктованный экономической необходимостью, создает угрозу автономному статусу личности. Подобная система обнаруживает в себе пугающее сходство с торговлей людьми. Различие заключается в том, что электронные медиа выступают способом продавать не тело, но «образ» тела, запечатлѐнный в непрерывном потоке данных, сопутствующих повседневной жизни человека в постиндустриальном обществе.

Современная философия все чаще обращается к роли инструментов медиации. Акторно-сетевая теория рассматривает вопросы нечеловеческих акторов в социологии. Объектно-ориентированная онтология говорит об особенностях подручного бытия подобных акторов, развивая идеи М. Хайдеггера и многих других философов. Однако такие подходы к проблеме, которые обращались бы к порядку организации правил работы такой управленческой системы цифровой экономики, еще не разработаны. Мы, в свою очередь, можем сказать о том, что это дело времени. Это не только вопрос о справедливости подобной системы, но и морально-этическая проблема экзистенциального толка. Люди неизбежно оказываются перед вопросом о том, как жить в мире, где даже самое личное становится капиталом. На подобные вопросы сможет ответить только философия.

Возвращаясь к М. Хайдеггеру, можно обнаружить не совсем очевидное утверждение: «Сущность техники вовсе не есть что-то техническое». Данный тезис отсылает нас к тому, что техника является не только инструментом, но чем-то большим – она производит истину. Анализ техники, проведенный К. Ясперсом, показывает связь между «истиной техники» и производством власти. Это не отрицает инструментальной сущности технологий, но показывает недостаточность подобного подхода для ответа на вопрос о влиянии техники на социальную жизнь. Вслед за М. Хайдеггером, мы полагаем, что разница между производением и производством отражает возможность техники быть использованной человеком по-разному. Если смотреть на нее только как на способ оптимизации производства, невозможно в полной мере охватить ее суть, которая в равной мере связана и с высвобождением творческого потенциала человека. Именно поэтому фундаментальный анализ техники во всей ее полноте является делом философии.

Избавление человечества от нужды, продиктованной экономикой, это непростой и дискуссионный вопрос. Но, обращаясь к функции техники как медиатора, видится возможным обращение к порядку ее работы. Коммуникационные технологии, будучи самым совершенным медиатором, сокращают дистанцию не только между миром и человеком, но и между человеком и капиталом. Создается угроза того, что сама жизнь становится имманентна прибыли, выступает в качестве сырья интеллектуального производства. В таком случае, необходим пересмотр структуры электронных медиа как инструмента. Основанием для подобного пересмотра должна выступать идея об автономии личности по отношению к действиям, направленным на жизнь человека в целях сбора и анализа данных о нем. В ситуации, когда медиа размывают границу между жизнью и трудом, пересмотр условий работы электронных коммуникационных технологий становится необходимостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nelson T. Complex information processing: a file structure for the complex, the changing and the indeterminate / .T. Nelson. // Proceedings of the 1965 20th national conference 1965. Pages 84–100
2. Бердяев Н. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) // «Путь». – Май 1933. – №38. – с. 3–38.
3. Делез Ж. Post Scriptum к обществу контроля [Электронный ресурс]. - URL: http://abuss.narod.ru/study/sph/text_12_deleuze.doc (дата обращения: 15.12.2020)
4. Делез, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. - 672 с.
5. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. - М.: Кучково поле, 2007. - 464 с.
6. Негри А. Труд множества и ткань биополитики. // Синий диван 12 (2008): с. 80-92.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike
8. Хардт М. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Практика, 2004. 440 с.
9. Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. 120 с.

© Потапчук Владимир Иосифович, Кшевин Николай Владимирович (kshevin.zrb71@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ В ПАРАДИГМЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Сирин Сергей Анатольевич

*К.ф.н., доцент, Иркутский государственный
медицинский университет
tkostina@gmail.com*

RECEPTION OF PHILOSOPHICAL IDEAS IN THE PARADIGM OF LEGAL NIHILISM

S. Sirin

Summary: The article examines in detail the philosophical ideas concerning legal nihilism as a negative social phenomenon and a deviant form of social consciousness. Definitions of the main approaches to understanding legal nihilism are given and three levels of legal nihilism are identified: General social, nihilism of individual social structures, legal nihilism of the individual.

Keywords: legal nihilism, social causes, society, state, public consciousness, reception, law.

Аннотация: В статье детально исследуются философские идеи относительно правового нигилизма как негативного социального явления и девиантной формы общественного сознания. Даны определения основных подходов к пониманию правового нигилизма и выделены три уровня правового нигилизма: общесоциальный, нигилизм отдельных социальных структур, правовой нигилизм личности.

Ключевые слова: правовой нигилизм, социальные причины, общество, государство, общественное сознание, рецепция, право.

Исследование теоретических основ явления нигилизма в целом, его причин, этапов формирования и сфер проявления, позволило определить основные направления для исследования правового нигилизма, как одного из его разновидностей, поскольку в современном обществе возрастает роль права как важнейшего регулятора общественных отношений. С обострением экономического, социального и политического кризиса усиливается критика государственной власти; такая ситуация приводит к распространению политического и правового нигилизма. Необходимость анализа данного явления всё чаще встаёт перед учеными исследователями проблемы.

Вместе с развитием общества правовой нигилизм приобретает новые формы проявления, меняются его природа, причины и сферы влияния. Нигилизм становится присущим не только «народу», но и властным «верхушкам», проявляется в форсировании социальных преобразований, желании достичь изменений не в результате постепенного реформирования и улучшения, а путем популизма и демагогии. Такое положение вещей приводит к двойному или «двустороннему», нигилизму в обществе.

Впервые нигилистические идеи о праве выдвинули конфуцианцы в Китае, которые в отличие от античной социально-политической мысли, подчеркивающей важную роль права и законов (Аристотель, Платон и др.), утверждали, что обществом следует управлять не с помощью законов, а на основе системы традиционных нравственных установок и норм этикета [2].

Несмотря на то, что на данном этапе развития юриди-

ческой науки понятие правового нигилизма заняло соответствующее место среди других правовых категорий, единственное и общепринятое определение данного явления отсутствует. Анализируя основные современные дефиниции исследуемого явления, следует обратить внимание на следующие:

1. Правовой нигилизм – направление общественно-политической мысли, что отрицает социальную ценность права и считает его менее совершенным способом регулирования общественных отношений;
2. Правовой нигилизм – направление политико-правовой мысли, который отвергает социальную ценность права и культивируют негативное отношение к нему;
3. Правовой нигилизм – разновидность деформации правосознания, отрицание или игнорирование права, негативное отношение к нему; антипод правовой культуры;
4. Правовой нигилизм - разновидность социального нигилизма, который, с одной стороны, можно рассматривать как состояние общества, а с другой – как личностные убеждения отдельных субъектов, находящихся проявление в соответствующих действиях, через неуважительное отношение к праву, законам, правопорядку, пренебрежение правовых ценностей и традиций;
5. Правовой нигилизм – негативное социальное явление, девиантная форма общественного сознания, характеризующаяся совокупностью чувств, настроений и эмоций по поводу отрицания правовых форм регулирования жизни общества и наличием альтернативных идей и способов организации общественных отношений [8, с.3].

Анализ литературы явно указывает на то, что определение основного (базового) понятия основывается на использовании достаточно разных по сути категориальных «привязок», ещё разнообразие является состав содержания понятия правового нигилизма. Как отмечает О.В. Дручек, коэволюционные (параллельные) определения понятия правового нигилизма отличаются впечатляюще. Так, дополнительные дефиниции этого термина являются такими: это – «направление общественно-политической мысли» [2], крайнее проявление правового невежеством или «бескультурие»; деформированное состояние правосознания личности, общества, социальной группы; «патология правового сознания» [12], «невостребованность права обществом» [15], «теория и практика отрицания права обществом» [10]. Из указанного следует факт существования различных методологических подходов к суждению о сущности правового нигилизма. Одним из путей качественного вывода понятия правового нигилизма является изучение и применение этих подходов к его пониманию.

На основе общетеоретической методологии изучения права предлагаем выделить следующие подходы к пониманию правового нигилизма: *этимологический, психологический (эмпирический), идеологический (аксиологический), феноменологический, интеграционный (коммуникативный)*.

В современной научной литературе можно обнаружить два основных подхода к пониманию сущности правового нигилизма – классический (или традиционный) и новаторский. В рамках традиционного подхода правовой нигилизм рассматривается как деструктивный социальный феномен, сущность которого – отрицательное отношение к праву, неверие в его возможности решать насущные проблемы в соответствии с социальной справедливостью. Общественно-политический деятель, писатель А.И. Герцен еще в середине XIX в. отмечал, что нигилизм является логикой без структуры, наукой без догматов, это безусловное подчинение опыта и смиренное восприятие его последствий. А.И. Герцен рассматривал данное явление как черту, присущую общественному сознанию и национальной психологии русского народа, особенность культуры и традиций [3]. Другой представитель классического подхода В.О. Лучин, уже в XX в., обращает внимание на то, что «правовой нигилизм не следует интерпретировать как врожденную черту советского народа, хотя он действительно связан с существующим в обществе укладом и отражает многие его негативные составляющие...» [6]. Конечно, чувства отторжения права появляется не с момента рождения, а формируется у лица со временем, при отсутствии положительных результатов взаимодействия с правовыми нормами. Нигилистами, как и преступниками, не рождаются, ими становятся [5]. Но нельзя отрицать и тот факт, что в настоящее время нигилизм стал характерной осо-

бенностью менталитета.

Представители новаторского подхода к пониманию правового нигилизма обосновывают мысль о его позитивности или тезис о том, что к существованию данного явления приводит само право через своё несовершенство. Правовой нигилизм рассматривается как специфический социальный ориентир, указывающий направление негативных тенденций в юридической сфере и без которого становится невозможным поиск новых концепций и идеалов, а также путей решения существующих в обществе проблем.

Заметим, что нами не отрицаются определенные положительные проявления правового нигилизма, как толчка к поиску новых концепций и идеалов, однако в своем классическом смысле он является деструктивным явлением и отрицает существующие порядки, в конечном счете, не создав ни одной положительной программы действий.

На уровне массового и группового сознания правовой нигилизм определяется как обобщенное устойчивое социальное наставление, которое состоит из многих индивидуальных (персонифицированных) наставлений. Это как обратная психологическая реакция на внешние раздражители со стороны субъектов права и всего общества в целом [13]. Многократные «столкновения» граждан с нормами права, которые не принесли желаемых результатов, формируют негативное отношение как к должностным лицам, которые применяют те или иные предписания, так и к самим этим предписаниям.

Несмотря на различные толкования, определения и дефиниции категории правового нигилизма, учёные отмечают, что это явление является результатом определенной деформации правового сознания на определенном историческом этапе развития общества.

Учитывая изложенное, предлагается рассматривать правовой нигилизм, как направление общественно-правовой мысли, что возникает на определенном историческом этапе развития общества, особенно усиливаясь в кризисные периоды, который отвергает социальную ценность права, культивирует негативное отношение к нему и относится к стойким проявлениям деформации правосознания населения, отрицая действующие правовые нормы и не предлагая взамен ничего нового. Такое отношение к праву является безосновательным и умышленным унижением его положительной роли. Характерным признаком данного явления является категоричность и бескомпромиссность отрицания, доминирование субъективных начал с гипертрофированными, демонстративно преувеличенными сомнениями в общепринятых правовых нормах и ценностях.

Однако следует отметить, что несовершенство и противоречивость норм права, вызывая их нигилистической оценку, становится источником и движущей силой для поиска новых правовых решений. Низкая степень отторжения обществом норм права подтверждает профессионализм законодательных и исполнительных органов власти. Это так называемая обратная связь, оценка населением работы властных структур и их реальных действий. Российская исследовательница правового нигилизма О.Р. Гулина отмечает, что «степень правового нигилизма является своего рода «лакмусовой бумажкой», признаком здоровья общества и государства» [4]. С этой позиции правовой нигилизм можно рассматривать как специфический социальный ориентир, указывающий направление для устранения негативных тенденций в государственно-правовой сфере.

Пренебрежительное и высокомерное восприятие права, оценка его как второстепенного явления в общей шкале человеческих ценностей, характеризует меру цивилизованности общества, состояние его духа, мировоззрения, социальных привычек. Устойчивое неверие в высокое предназначение, потенциал, универсальность права является морально-психологическим генезисом правового нигилизма. Кроме того, оказывает влияние отсутствие необходимого правового опыта, навыков, грамотности, материальной базы.

Правовой нигилизм оценивается исследователями как опасное социальное явление, охватившее все уровни общественных отношений - от повседневного общения между людьми к сфере деятельности законодательных органов власти. О.Р. Гулина подчеркивает, что правовой нигилизм - это не только правовая категория, но и реально существующее социально-психологическое явление, отражающее политические и национально-исторические особенности общества. Как линия, он проходит через действия всех центральных органов власти, политическое и правовое сознание, поведение граждан [4]. Этот феномен находит своё проявление в любых нарушениях закона, пренебрежительном отношении к праву и его роли в обществе, в наличие законов и нормативно-правовых актах, что противоречат друг другу, то есть в определённых асоциальных и антисоциальных фактах. В.И. Червонюк, изучая эту проблематику, выделяет три уровня правового нигилизма:

- общесоциальный, для которого характерно отрицание идеи верховенства права на уровне всей социальной системы и её управленческих структур;
- нигилизм отдельных социальных структур - государственных и негосударственных, формальных и неформальных;
- правовой нигилизм личности [16].

Необходимо отметить, что распространение право-

вого нигилизма на общесоциальном уровне означает, что государство как управляющая система попирает право или использует его как средство ограничения индивидуальной свободы граждан. В таком случае отношения строятся на основе властных предписаний, которые принудительно насаждаются «сверху»; все права власть концентрирует в «своих руках», возлагая на население обязанность выполнять собственные предписания. Издание большого количества законов, которые не имеют механизмов реализации и произвола чиновников, которые толкуют такие законы с выгодой для себя, приводит к распространению в обществе не только правового нигилизма, но и правового отчуждения и индифферентности, поскольку население, разуверившись в возможностях права, занимает позицию равнодушия. Происходит отторжение гражданами права как социально ценностного института, теряется интерес к нему и уменьшается авторитет. Такая ситуация в основном присущая недемократическим государственным режимам, поскольку является необходимым атрибутом административно-командной системы.

В массовом сознании граждан можно проследить двойное восприятие роли государства, которое, с одной стороны, выступает в качестве силы, способной защитить от бюрократии и криминала, а с другой - не вызывает у населения доверия, насаждая контроль и ограничения. А в сочетании с накоплением большого количества законов без механизмов их реализации вызывает негативное отношение к ним и к государству в целом. К тому же существуют случаи, когда правовой нигилизм провоцирует само государство, ставя человека в условия, когда на одной стороне весов оказывается соблюдение законодательства, а на втором - достойный уровень жизни, поскольку закрепленные в конституции права человека и гражданина ущемляются нормативными актами. Однако и в такой ситуации человек с высоким уровнем правовой культуры отдаст предпочтение законным способам опротестования упомянутых норм.

На уровне отдельных социальных структур и личностном правовой нигилизм, к сожалению, также распространён, поскольку в наше время правовые отклонения в поведении граждан и должностных лиц стали обычным явлением. Следует отметить, что склонность поддаться разрушительному действию правового нигилизма, прежде всего, зависит от развития морально-волевых качеств личности. Чем сильнее воля, тем легче противостоять, не поддаваясь нигилистическим настроениям. В таком случае многое зависит и от активной позиции государства по искоренению правового нигилизма, действенными мерами являются системные программы по повышению уровня правовой культуры граждан и авторитета права, подготовка высококвалифицированных кадров юристов, воспитания у них уважения к букве закона.

Три указанных уровня правового нигилизма связаны между собой, хотя есть и относительно автономными. Это означает, что не существует фатальной неизбежности подвергнуться разрушительному воздействию данного явления, даже находясь в зоне его активного проявления, к тому же изменению ситуации на одном из уровней, на других может не состояться чувствительных преобразований [16].

Правовой нигилизм стал характерной особенностью менталитета, а потому для полного и всестороннего исследования данного явления следует рассмотреть понятие правового менталитета и его признаки.

Правовой менталитет представляет собой совокупность осознанных и неосознанных психологических установок и склонностей индивида действовать, мыслить, чувствовать, воспринимать и постигать различные явления определённым образом, оценивая их как положительные или отрицательные в государственно-правовой сфере [11]. Правовой менталитет находится в тесной связи с такими понятиями, как «правосознание» и «правовая культура», но является более фундаментальным и глубинным социально-психологическим явлением, которое не поддается быстрым изменениям; включает в себя исходные этические и культурно-исторические основы национальный правовой культуры. Политическое и идеологическое влияние на него с целью радикальных преобразований в короткий срок неэффективно и приводит лишь к внешним, поверхностным изменениям, а потому государство должно осуществлять постепенные, глубинные программы по повышению уровня правового образования населения и правовой социализации (на всех уровнях и во всех социальных группах, начиная со школьного возраста). Только такие меры получают положительный долгосрочный эффект.

Следует отметить, что в обществе индивид часто не обладает достаточным уровнем чувства положительной правовой ответственности и долга, которое характерно для граждан западноевропейских демократий, что значительно усложняет отечественный правовой прогресс в его западном понимании. Из-за политической демагогии и наивной веры народа в популистские лозунги и призывы наша правовая ментальность оказывается слишком политизированной, совмещённой с идеологической сумбурностью (неразберихой) и изменчивостью экономических, политических и правовых ориентиров. К этому времени обществу не ясны стратегические цели государственного развития, часто власть не дает четкого, конкретного ответа на главные вопросы, что порождает неверие народа в добросовестность и эффективность власти. В такой ситуации для многих граждан альтернативой праву в регулировании общественных отношений выступают личные связи, которые, к сожалению, оказываются для участников более эффективными,

чем нормы права. Все эти явления напрямую связаны с правовым нигилизмом, который, развиваясь на фоне бюрократии и коррупции, вытесняет право из многих сфер нашей жизни.

Правовой нигилизм можно рассматривать и как деструктивную особенность психологии личности. Негативная реакция на законодательные установки, несоблюдение общеобязательных правил поведения, а иногда грубое их нарушение, способно не только затормозить развитие прогрессивных тенденций, но и разрушить уже достигнутые положительные результаты.

В современном обществе термин «правовой нигилизм» употребляют при характеристике неблагоприятной ситуации, сложившейся в сфере права, данная категория имеет отрицательный смысл, однако для всестороннего исследования правовой нигилизм следует отличать от двух близких ему понятий: правового инфантилизма и критики права [5].

Инфантилизм (от лат. *Infantilis* – детский) – сохранение у взрослых лиц физических и психологических черт, присущих более раннему (детскому или подростковому) возрасту. Инфантильный нигилизм является формой деформации правосознания, которая характеризуется правовой незрелостью личности, повышенной несамостоятельностью, отсутствием чувства долга и ответственности, распространен преимущественно среди подростков и школьников. Одной из черт, присущих современной молодёжи, является инстинкт толпы. Ставь её частью, лицо будто снимает с себя ответственность за происходящее вокруг, растворяясь в общей массе. Действиями каждого из участников управляют не собственные чувства, а поведение толпы, личные моральные установки при этом отсутствуют. Поэтому большинство показательно противоправных, хулиганских, бессмысленных поступков совершают именно группы лиц. Кроме того, молодёжи присущи такие качества, как максимализм, агрессивность и нетерпимость. Эти качества являются ответной реакцией на ограничения «абсолютной свободы личности», которой, как известно, не существует [14]. А поскольку в роли ограничителя выступает право, появляется стремление его отторгнуть и поступить вопреки устоявшимся общественным, моральным и правовым нормам.

Говоря о критике права, имеется в виду критика положительная и научно обоснованная, как правило, она является конструктивной и содержит конкретные практические рекомендации по совершенствованию правовых институтов. А правовой нигилизм не связан с какими-либо обоснованиями и доказательствами, это игнорирование правовых ценностей, отсутствие какой-либо позитивной программы преобразований. Критика права отличается от правового нигилизма и своей опре-

деленностью, четкостью, её объектом выступают конкретные положения законодательства (законы, статьи, коллизии и пробелы в праве и т.д.), тогда как нигилизм отвергает право в целом, без учета его негативных и положительных черт. К тому же критика права направлена на улучшение ситуации и исключает ухудшение социальных обстоятельств, а правовой нигилизм в полной мере способствует последнему.

Среди исследователей данного явления нет единого мнения о том, что именно отрицается правовым нигилизмом. А.В. Арбузов отмечает, что объектом деформации со стороны правового нигилизма выступает право как система [1]. М.А. Месилов не согласен с такой позицией, считая, что отрицаются три вещи: действующее законодательство, правопорядок, базовые идеи и принципы законодательного регулирования [9]. Д.Э. Марченко отмечает, что с позиций юридического позитивизма, правовым нигилизмом отрицаются любые декларируемые законом ценности и нормы права, а с позиции естественного права - основополагающие принципы и ценности права, такие как равенство, свобода, справедливость и

др. [7] Характерными признаками такого возражения являются его степень, интенсивность, бескомпромиссность, категоричность и «живучесть». Последнюю следует выделить особенно, поскольку правовой нигилизм может периодически «исчезать» со страниц печатных и научных изданий, внимание ученых и публицистов к нему может ослабевать по мере появления неотложных жизненных проблем, но в реальной жизни пренебрежение и неуважение к праву, к сожалению, остаются.

Следует отметить, что правовой нигилизм отрицает целый комплекс не только положительных, но и негативных явлений действительности, например, норм права, отживших или не оправдавших себя. Для того, чтобы полностью раскрыть объект отрицания, недостаточно использовать термин «право» как отдельно взятую категорию. Правовой нигилизм имеет много проявлений, поэтому отрицаются такие вещи, как социальная ценность права и основополагающие правовые ценности, существующая правовая система и система законодательства, правовые нормы и предписания, права человека и гражданина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбузов А.В. Правовой нигилизм: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Арбузов Анатолий Валерьевич. – С.-Пб., 2006. – 209 с.
2. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / [под ред. А.М. Прохорова]. – 3-е. изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1974–1978. – Т. 17: Моршин-Никиш. – 1974. – 615 с.: илл.
3. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 8 т. / Герцен А.И.; [под ред. С.И. Машинского]. – М.: Правда, 1975. – Т. 8: Избранные публицистические произведения 1853–1869 годов. – 1975. – 447 с.
4. Гулина О.Р. Исторические корни и особенности правового нигилизма в современной России: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» / О.Р. Гулина. – Уфа, 2002. – 30 с.
5. Зрячкин А.Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Зрячкин Александр Николаевич. – Саратов, 2007. – 187 с.
6. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / Лучин В.О. – М.: Юнити, 2002. – 687 с.
7. Марченко Д.Э. Правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой инфантилизм как формы деаксиологического правового сознания: [монография] / Марченко Д.Э. – Самара: НТЦ, 2006. – 114 с.
8. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали / Н.И. Матузов // Правоведение. – М., 1994. – № 2. – С. 37–46.
9. Месилов М.А. Правовой нигилизм: учебн. пособ. / Максим Александрович Месилов / [общ. ред. А.П. Печников]. – М.: Моск. городск. ун-т управления Правительства Москвы, 2006. – 48 с.
10. Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: [курс лекций] / Поляков А.В.; – [2-е изд., доп.]. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 856 с.
11. Проблемы теории государства и права: учебн. / [Т.В. Кашанина, Н.А. Власенко, В.В. Лапаева и др.]; под. ред. В.М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008. – 528 с.
12. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы / Протасов В. Н. – М.: Новый Юрист, 1999. – 240 с.
13. Сазонов В.Г. Понятие правового нигилизма / В.Г. Сазонов // Государство и право. – М., 2004. – № 12. – С. 66–70. Субботин В.
14. Субботин В. Зла не хватает? // Человек: Архитектура души. Психология личности. Мир взаимоотношений. Психотерапия / В. Субботин. – М.: Аванта, 2002. – С. 160–168.
15. Теория государства и права: курс лекций / [под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько]. – М.: Юрист, 2019. – 672 с.
16. Червонюк В.И. Теория государства и права / Червонюк В.И. – М.: Инфра-М, 2016. – 704 с.

© Сирин Сергей Анатольевич (tkosmina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОТЕНЦИАЛЬНОСТЬ ЛИМИНАЛЬНОСТИ В ПЕРИОД КОВИДА

MORALITY DURING THE LIMINAL QUARANTINE PERIOD

L. Fusu

Summary: In the work, the potential of the preliminal period, preceding the forced isolation of modern society and individual individuals in particular, against the background of the ongoing epidemic, is subjected to philosophical understanding. The article analyzes various preliminal states that are situationally different from the space outside the liminal period. It is determined that the current unexpected events or shocks disrupt our usual rhythm of life, take us out of our comfort zone and make us ask serious questions about what is important and what is worth doing. Therefore, it is not surprising that during the current pandemic, many people are forced to rethink their own careers and life orientations.

Keywords: liminality, potentiality, restriction of freedom, covid, isolation, pandemic.

Фусу Лариса Ивановна

К.м.н., психоаналитик, ректор,
Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах
florayy@mail.ru

Аннотация: В работе подвергается философскому осмыслению потенциальность предлиминального периода, предшествующего вынужденной изоляции современного общества и отдельных индивидуумов, в частности, на фоне продолжающейся эпидемии. В статье проводится анализ различных предлиминальных состояний, ситуационно отличающихся от пространства за пределами лиминального периода. Определено, что нынешнее неожиданное события или потрясения нарушают наш привычный ритм жизни, выводят нас из зоны комфорта и заставляют задавать серьезные вопросы о том, что важно и что стоит делать. Поэтому неудивительно, что во время нынешней пандемии многие люди вынуждены переосмысливать собственную карьеру и жизненные ориентиры.

Ключевые слова: лиминальность, потенциальность, ограничение свободы, ковид, изоляция, пандемия.

Продолжающаяся пандемия коронавируса стала серьёзным вызовом для всего человечества в новом тысячелетии. По масштабу воздействия ее можно сравнить с эпохальными событиями XX века, когда человечество, затронутое ими, было шокировано и с тревогой вглядывалось в будущее. Постепенно, а кому-то внезапно пришло понимание неизбежности грядущих перемен. Наступление фундаментальных сдвигов в общественном укладе и мышлении человека порождают пограничные состояния возникающие при этом, затрагивают массовое сознание и вызывают различного рода реакции нехарактерные для обычной действительности. Отчасти похожие состояния, опираясь на обширный эмпирический материал изучал французский антрополог Арнольд ван Генеп больше ста лет назад. С тех пор, безусловно многое изменилось, однако массовое сознание в отличии от индивидуальной психологии человека меняется мало. В своей относительно поздней работе З. Фрейд утверждал «Миром правят жажда власти, секс и чувство голода» это определение в массовом сознании за последние сто лет ничуть не изменились. Так было прежде, так происходит и в настоящее время.

Генеп считал, что любые процессы, происходящие в переходных состояниях, определяются тремя основными фазами:

1. отчуждение;
2. лиминальность;
3. ассоциация.

Первая фаза – отчуждение – содержит в себе изоля-

цию конкретного индивидуума от привычной и характерной для его образа жизни социальной или культурной среды.

Вторая фаза – лиминальность – определяет состояние при котором инициатор находится в двойственной позиции, его нахождение в некоторой амбивалентной социальной зоне в состоянии неопределенности. Третья, заключительная фаза – инкорпорация – соответствует «повторной сегрегации» индивида: возвращению инициатора в общество, но в другом, обновленном социальном статусе.

Из всех вышеперечисленных фаз особый интерес для нас представляет первая потенциально предлиминальная фаза, во время которой индивид чаще всего внезапно проникает в состояние полной неопределенности социальной среды и начинает утрачивать ощущение той реальности, к которой он привык. Соответственно, процесс начинающегося перехода, по мнению Генепа, можно представить, как целостное единство всех трех условий: «предварительных», подразумевающих удаление-отделение от прежнего мира; «лиминал», обозначающий период транзитивности; и «постсознательный», связанный с церемонией включения в новый мир. Под «старым» и «новым» мы подразумеваем не только мелкие, но и масштабные культурные транспозиции. Т.Л. Карсон справедливо отмечает: «Для мыслителя своей эпохи, ван Генепа, это была рискованная, но блестящая теория. Для Генепа структурная обыденность и культурное разнообразие не являются взаимно отдаленными друг от друга поня-

тиями, а сосуществуют и пересекаются друг с другом. Обыкновенные модели трансформируются в уникальные культурные явления. «Как переход, воспринимается сама Жизнь, а *rites de transition* - ритуалы перехода – колесницы, с помощью которых осуществляются глобальные преобразования» [Карсон, 3]. Генеп отмечает: «Для группы людей, как и для отдельных лиц, жизнь состоит из удаления, отчуждения и нового объединения, изменения формы и состояния, смерти и нового рождения. Жизнь - это действие и остановка, ожидание и остановка, и затем снова действие, но в другом направлении ... И постоянно возникают разные, все новые границы, которые необходимо преодолевать: между летом и зимой, сезонными, ежегодными, ежемесячными и даже ежедневными; между рождением, юностью, зрелостью и старостью и, самое главное, грань между смертью и жизнью после смерти для тех, кто в нее верит» [2,18]. Виктор Тернер определил лиминальную фазу как «межструктурную ситуацию» между «разными позиционными структурами».

Какие же условия определяют возникновение потенциальной прелиминальную фазы, которая служит порогом, отделяющим разные стадии жизни друг от друга. По мнению Тернера, временная изоляция человека от стабильной социальной структуры не только придает ему амбивалентный социальный статус, но и освобождает от любых законов, поведенческих норм и правил. Действие как «предыдущего», так и «будущего» статуса приостанавливается, индивид находится в состоянии отчуждения и неопределенности, в состоянии ожидания реализации реконструированных и обновленных культурных моделей, и парадигм» [Тернер, 126].

Развитию этих явлений в общественном сознании, применительно к сложившейся ситуации пандемии ковид, порождены на наш взгляд двумя основными укоренившимися за длительное время парадигмами. Во-первых, общественное сознание сформировавшееся за последние сто лет уверовало в устойчивое и победоносное движение научной мысли подкрепленной техническим прогрессом над большим количеством смертельных ранее заболеваний. Во-вторых, устойчивое снижение в обществе реального уровня образования, организуемое со стороны властных структур, уменьшает количество трезво и критически мыслящих индивидов, увеличивая тем самым количество малограмотных и легко поддающимся манипуляциям масс. Широкое распространение информационных коммуникационных технологий позволяет более легко и быстро манипулировать общественным сознанием опираясь на постулаты Фрейда и не прибегая к грубой силе. Поскольку лиминальность выявляет не только изоляцию от устойчивых структур, но и возможность образования альтернативных структур, замечает Р. Палмер: «Человек, который переходит в лиминальную фазу, имеет индивидуальный потенциал, но он оказывается в разломе, существующем

между мирами, т.е. он в равной степени является концептуальной средой для альтернативных структур, существующих «там» и «здесь» [Палмер,8].

Неожиданно и почти внезапно возникающая ситуация локальной эпидемиологической ситуации, перерастающей в пандемию вызывает много вопросов. Сознание обычного человека, воспринимающего происходящее на начальном этапе, отстранено, практически не воспринимает происходящее. По мере того как развиваются эпидемия и как эти события ретранслируют средства массовой информации в индивидууме постепенно накапливается информация, которая на определенном этапе достигает некоторой критической массы. Однако так происходит не у всех. Общественное сознание, к которому относится психология которой руководствуется большинство людей, увы, неспособно к критическому осмыслению информации и самоанализу. Чаще всего именно информационные, а не реальные события становятся отправными точками, формирующими начало прелиминального периода. Мы полагаем, что этот вопрос апеллирует к общей парадигме проблемы философских разногласий об индивидуальной свободе человека и его личном «Я». Что представляют собой учения Шопенгауэра, Кьеркегора и Ницше, обращенные против господствующего насилия, террора и технократии к свободе деятельности, творческой воле и защите индивидуальной мысли, кроме стремления к альтернативе? Жизненная философия воли Шопенгауэра, как и ницшеанская философия стремящейся к воле агрессии, ценна не только потому, что она отделяет жизнь от насилия, но также потому, что она допускает существование жизни без подчинения насилию. Другими словами, если реально существующий мир является заданным условием потенциального лиминального состояния, т. е. если оно приводит к удалению индивида из его устойчивых структур, то альтернативный мир действует как продукт постлиминального состояния, которое формируется в результате трансформации. Однако познать, даже интуитивно, этот внешний и во многом мистический космос с исторической или парадигматической точки зрения не только чрезвычайно сложно, но и практически невозможно. Как условность, она существует только на уровне сознания субъекта, ее осмысление возможно только вне воли субъекта; очень сильная воля, которая борется с «рабским менталитетом», значима для исторического или реального контекста.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что все три фазы перехода – предлиминала, лиминала и постлиминала, формируются в общем ходе как синхронного, так и внутрискруктурного, и диахронические, или культурно-исторические, модели и даны для создания позитивных альтернатив. Позитивная альтернатива – это продукт творческой воли, ценный синтез воображения и творчества, граничащий с реальными, стабильными,

историческими и культурными структурами и в результате сильнейшего опыта достигающий желаемой трансформации.

Но действительно ли сейчас подходящее время? Даже для тех из нас, кому посчастливилось не заболеть, кто ухаживает за другими больными или пытается свести концы с концами, пандемия усилила неопределенность и застала нас врасплох — психологически, финансово и инфраструктурно. Ситуация кажется угрожающей. И, как показали психологи, угрожающие ситуации побуждают нас вести себя консервативно - в противоположность тому, что требуется при рассмотрении вопроса о смене жизненных установок и приоритетов. Трудно полностью погрузиться в переосмысление собственной жизни, если вы чувствуете отвращение к риску или беспокоитесь о своих перспективах.

Отличительной чертой потенциально наступающего процесса смены жизненных установок является эмоциональное переживание «лиминальности», то есть существования между прошлым, которое явно ушло, и будущим, которое все еще неопределенно. Лиминальность может быть неприятным эмоциональным состоянием. Люди, проходящие через него, чувствуют себя не пришвартованными, теряют ориентацию и колеблются между «удержанием» и «отпусканьем». Этот чреватый опасностями этап является необходимой частью путешествия, потому что он позволяет вам обрабатывать множество сложных эмоций и противоречивых желаний, и в конечном счете предотвращает вас от преждевременного закрытия и упущения лучших вариантов, которые все еще лежат впереди.

Нынешний кризис, вероятно, продлевает это промежуточное состояние для многих из нас. Хотя временами это вызывает разочарование, у государства есть свои преимущества. Неврологические исследования показывают, что использование лиминального времени для выполнения этого «внутреннего дела» может быть более полезным, чем вовлечение в шквал напряженных усилий по самосовершенствованию. Время простоя имеет решающее значение не только для пополнения запасов внимания и мотивации мозга, но и для поддержания когнитивных процессов, которые позволяют нам полностью развить нашу человечность. Это то, как мы консолидируем воспоминания, интегрируем то, что мы узна-

ли, планируем будущее, поддерживаем наш моральный компас и строим наше чувство самих себя.

Саморефлексия, как это ни парадоксально, - это практика, которая лучше всего питается разговорами вслух в социальных обменах с родственными душами, которые отвечают, сочувствуют, спрашивают, читают язык вашего тела и делятся своим собственным опытом. Одна из причин, по которой потенциальные карьеристы так выигрывают от посещения курсов, заключается в том, что их сокурсники представляют собой готовое сообщество родственных душ, с которыми можно поговорить. Простой акт создания и рассказа истории о том, что вы хотите сделать или почему вы хотите перемен, может прояснить ваше мышление и продвинуть вас вперед, публично обязав вас сделать изменения.

Таким образом, потенциальная предлиминальная фаза - это промежуточное, преходящее и амбивалентное состояние «ни там, ни здесь», в недрах которого индивид уходит от нормативного контекста и путем трансформации создает противоположный мир. В результате лиминальная фаза приобретает значение особой, несомненно, сакральной, пространственно-временной области. Процесс «мистического путешествия», «транзита», «таинственного движения» связан с символикой смерти и рождения, увядания и расцвета. «Обряды перехода» - это ритуал перехода одна модель существования к другой. Пограничное время, как и лиминальное пространство, выражает, с одной стороны, наиболее сложный процесс отделения индивида от упорядоченной хронологической системы и, с другой стороны, его присоединение к альтернативной, антихронологической системе.

Можно с большой степенью уверенности полагать, что литература – идеальное проявление предлиминальной фазы. Можно отметить, что с целью наглядной демонстрации наступающих пороговых процессов можно прибегать к рассмотрению литературных произведений, особенно драматического жанра, хотя считается, что пороговые процессы выражены в любом другом литературном жанре.

Можно с уверенностью считать, что изучение литературных жанров в контексте предлиминальности сегодня является одной из самых серьезных методологических технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Stenner, Paul, and David Kaposi. 2020. «Virus ante portas: the Covid-19 pandemic as a liminal hotspot.»
2. Timothy L. Carson, *Liminal Reality and Transformational Power*. – Lanham, New York Oxford, 1984.
3. Arnold Van Gennep, *The Rites of Passage*. – London, 1960.
4. V. Turner, *The Ritual Process. Structure and Anti-Structure*. – New York, 1995.
5. Mihai I. Spariosu. *The Wreath of Wild Olive*. - New York Press, 1997.

6. R.E. Palmer. The Liminality of Hermes and the Meaning of Hermeneutics // Proceedings of the Heraclitean Society. A Quarterly Report on Philosophy and Criticism of the Arts and Sciences, vol.5. – Michigan, 1980, p.4-11.
7. Тернер В. – Символ и ритуал М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 277 с.
8. Bollas Chr. The Shadow of the Object. Columbia University Press. 1989
9. Фусу Л.И. Кризисное состояние, переломное и лиминальное в политическом дискурсе / The crisis, the critical and the liminal in political discourse Евразийский юридический журнал. 2018 (8):428-429т.
10. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я»/пер. с нем //ЯМ Когана. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика. – 2010.
11. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии/Зигмунд Фрейд //Сиб.: Алтейя. – 2000.

© Фусу Лариса Ивановна (flogayu@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах

ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

TRANSCENDENT EXISTENCE OF HUMAN SUBJECTIVITY

S. Shatilov

Summary: The article is devoted to the analysis of the ontological foundations of the transcendental existence of human subjectivity. The author considers it as a modus of "in-itself-being", as an individual conscious goal-setting human activity, drawing on the concepts of modern Western philosophy as sources.

Keywords: human subjectivity, subject, consciousness, transcendentalism, transcendental being, «in-itself-being».

Шатилов Сергей Федорович

К.ф.н., Военный учебно-научный центр ВВС
«Военно-воздушная академия имени
профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
sshatilov@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу онтологических оснований трансцендентного бытия человеческой субъективности. Автор рассматривает его в качестве модуса «в-себе-бытия», как индивидуальную сознательную целеполагающую деятельность человека, привлекая в качестве источников концепции современной западной философии.

Ключевые слова: человеческая субъективность, субъект, сознание, трансцендентализм, трансцендентное бытие, «в-себе-бытие».

Понятие субъективность включает сознательные и бессознательные, эмоциональные и интеллектуальные, ценностные и когнитивные проявления человека. Субъективность можно представить как многомерную реальность с многослойной и многоуровневой структурой, состоящей из сознания и самосознания, внутреннего мира, Я-концепции, личности, свободы и т.п. [15, с. 5]. Автономия личности, её свобода, достоинство и ответственность являются одними из базовых аксиологических идей европейской культуры, связанная с пониманием судьбы человека и будущего нашей цивилизации, что придает ей особую значимость в современном мире и актуализирует ее философское осмысление.

Человеческая субъективность, именно как субъективность, обладает двумя особенностями: во-первых, возможностью обращенности на самое себя, т.е. «для-себя-бытием», а во-вторых, сопровождающей эту обращенность трансцендентностью, т.е. «в-себе-бытием». Это два модуса ее бытия, которые охватывают собой определенные бытийные отношения, своеобразные подпространства, в сфере которых человеческая субъективность развертывает свое существование.

Особенностью модуса «в-себе-бытия» является то, что он не задает человеческую субъективность как таковую, саму по себе в ее конкретной определенности. Этот модус задает способ бытия субъективности только в одном простом качестве, а именно как принципиальную ее «необъектность», взятую в своем бытийственном аспекте. Это означает такой способ ее существования, где субъективность есть абсолютная неопределенность, непостижимое, невыразимое, полное ничто. Так, у Ж.-П. Сартра «бытие-в-себе» понимается как не сознательное бытие, это бытие феноменов, но вне пределов знаний, которые мы имеем. Это некая содержательность, о ко-

торой, строго говоря, мы можем сказать только лишь то, «что она есть» [9, с. 38]. Характеризуя человеческую субъективность в модусе «в-себе-бытия», следует подчеркнуть, что эта субъективность сама по себе не превращается в объект, что любая объективная форма субъективности уже не есть субъективность сама по себе, а раз это так, то она заведомо недоступна познанию в своем «в-себе-бытии».

В различных философских системах «в-себе-бытие» человеческой субъективности часто связывают с понятием трансцендентного или трансцендентального. Определиться с методологическим подходом к анализу этого явления возможно обратившись к опыту И. Канта, который впервые наиболее обстоятельно изложил трансцендентализм как таковой [6].

В своей теории познания он использует это понятие для обозначения источника активности субъекта, внутренней, независимой силы, выступающей в качестве необходимого условия познания, которая, в то же время, не может стать объектом познания. Если все предшествующие гносеологические теории противопоставляли субъект и объект познания, считая субъект (каковым является человек) пассивным участником процесса познания, то в кантовской гносеологии именно человеку отводится роль истока и причины любой из возможных объективностей [2, с. 370-372].

Человек находится в подчинении у природных законов в той степени, в какой он сам принадлежит феноменальному миру. В области своего человек свободен настолько, что сам устанавливает все природные (относящиеся к феноменам). Тем самым И. Кант вводит в антропологию идею освобождения подлинного бытия человека от претензий объективизма и натурализма.

Однако подобное конституирование не имеет произвольно-субъективного характера. Ему присуща общезначимость, поскольку сам субъект, согласно Канту, не является идеальным, он – всеобщий и не зависит от потока истории. Явления получают от него свою структуру, человек – сущность. Поэтому в свободе Кант видит его неподвластность всем приходящим извне определениям, способность противостоять им. Эта независимость свободы означает, что все законы человек задает самому себе с помощью разума. Эти законы носят вечный и общезначимый характер, над ними не властно время. Так, освободив своего идеального субъекта от господства натурализма и объективизма, Кант обосновывает его зависимость от трансцендентализма.

В области трансцендентального философ выделяет две сферы – теоретическую и практическую. Обе они представляют собой продукт деятельности трансцендентального субъекта. В сфере теоретического разума объединяются феномены, то есть явления. Она базируется на строгой, научно доказуемой необходимости и детерминизме природных законов. Научные идеи и положения имеют здесь конституирующий характер. В области практического разума, включающей ноумены, «вещи-в-себе», они обладают лишь регулятивным характером и имеют практическую значимость.

Однако, признавая научную значимость теоретического разума, Кант все же настаивает на превосходстве разума практического, очерчивая тем самым границы теоретического знания [2, с. 49]. Подобный агностицизм призван освободить пространство для насущных вопросов практического характера, поскольку, исследуя такие проблемы человеческого бытия как свобода, душа, бессмертие, Бог, невозможно получить знание, имеющее какую-либо значимость теоретическую.

Общим для двух этих сфер является заданность их структур одним и тем же трансцендентальным субъектом. Борьба против традиционной этики, отстаивающей предписывающий характер объективно заданных устоев и ценностей, приводит Канта к выводам не в пользу идеи автономии, которая означает резкое неприятие того, что воля и действия человека определяются извне. Теперь индивид получает такие же строгие и обязательные законы, но только «изнутри» [3, с. 99]. Человеческая свобода, противопоставляемая детерминизму естественных закономерностей, отныне связывается с общезначимостью категорического императива.

Таким образом, сформулированный И. Кантом трансцендентализм выводит человеческую субъективность из объективной сферы, но при этом воссоздает общезначимые порядки и подчиняет ее им. Такой подход, признающий человека частью упорядоченного мира и исследующий его опыт с позиций должного, гарантиро-

ванного телеологической структурой трансцендентального субъекта, является характерным для трансцендентализма классической философии в целом.

Онтологический анализ трансцендентного бытия человеческой субъективности требует рассмотрения этой проблемы сквозь призму экзистенциально-антропологического подхода, когда акцент делается не на внешней, предметной деятельности субъекта, а на его внутренней активности как создании собственного мира. Этот подход в качестве общей предпосылки трансцендентного бытия субъективности учитывает тот факт, что какие-либо объективные установления и отношения, понимаемые в духе традиционной философии, не играют здесь никакой роли.

Как отмечал М. Хайдеггер, сущее не содержит в себе никаких сущностных структур. Оно есть бессмыслица, абсурд, хаос и находится в совершенной фундаментальной скрытости, потаенности. Даже слова Ф. Ницше о смерти Бога немецкий мыслитель понимает как отсутствие всяких общих порядков и норм, всяких объективно данных, умопостигаемых смысловых и закономерных связей [13]. Поэтому и противостоящий человеку мир абсолютно беспорядочен и хаотичен, а сущее, не имеющее внутренней структуры, требует, чтобы человек задавал ему форму [12, с. 42]. Однако и сам человек, призванный к этой смыслообразующей деятельности, не имеет никакой устойчивой и постоянной субстанциональной основы. В процессе деятельности он лишь проектирует самого себя и уже как деятельное существо формирует себя и свою окружающую среду [12, с. 213].

Хайдеггер считает, что отсутствие сущностной структуры и ясной определенности несколько не означает обреченности человека на прозябание. Напротив, оно решающим образом выделяет человека из всего сущего. Человек всецело устремлен в будущее, он открыт для всех грядущих возможностей, поэтому, по сути, он сам есть экзистенция [12, с. 116]. В выборе будущих возможностей реализуется его свобода.

И свобода, и «бытие-в-возможности» обретают свой смысл только благодаря элементу, который М. Хайдеггер называет трансценденцией. Трансценденцию он определяет, как то, что присуще человеческому существованию, и при этом не в качестве одного из возможных способов поведения, но как осуществляющее себя до всякого поведения основное состояние этого существа [7, с. 152]. Бытие человека, как «бытие-в-возможности» никогда не завершено, напротив, оно всегда представляет собой некоторое «еще-не»; оно должно то и дело выходить за пределы своего состояния на данный момент, трансцендировать его [12, с. 64-72].

Человек сам решает, что есть, например, добро и что

зло и он в этом выборе абсолютно свободен. Авторство человека в осуществляемом выборе выступает в качестве онтологического коррелята его глобальной личной ответственности. Как раз на свободе выбора как «онтологическом акте» во всей его случайности зиждется культ-тура как совокупность различных значений и смыслов мира.

Итак, человек не имеет устойчивого бытия, ему приходится самому формировать себя, самому делать себя тем, что он есть. Такое свободное самоконструирование связано именно с индивидуальным субъектом, поскольку каждый субъект сам творит свою уникальную, неповторимую структуру. Экзистенциалистское самосозидание и прагматическое формирование мира как раз и выступают в качестве онтологических предпосылок трансцендентного бытия человеческой субъективности.

Каким же образом человек придает форму и смысл сущему – абсурдному и лишённому структуры, и на основании чего происходит развертывание трансцендентного бытия человеческой субъективности и осуществляется собственная реализация человека?

В поисках ответа на эти вопросы следует обратиться к анализу трансцендентного бытия субъективности, который был осуществлен Ж.-П. Сартром [9; 10].

Философию Ж.-П. Сартра сближает с трансцендентализмом признание автономной самосознательной субъективности конечным источником всех смыслов и значений опыта. Он рассматривает ее в качестве исходного пункта и единственной основы подлинного философствования. Однако, в отличие от трансцендентализма классического, его позиция ориентирована на исследование уникальности и определенности «экзистенциального опыта» человека.

Французский философ отвергает трансцендентальное сознание и трансцендентального субъекта классической философии и, формулируя собственное представление о субъекте, модифицирует сам способ выявления трансцендентальной субъективности и понимания характера ее независимости и самосознательности. Он стремится избежать предопределенности и оставаться в пространстве сознательных смыслов, очевидность которых для субъекта задается его собственными действиями.

Для Сартра человеческий мир – это мир «экзистенциального опыта», поэтому он стремится понять, что происходит при «встрече» человека с миром до всякого научного познания. Он сохраняет «привилегированное» положение за субъектом, объясняя это специфичностью человеческого бытия в мире и особенностями существования сознания, тем, что позволяет человеку трансцен-

дировать существующее и свободно, сознательно самоопределяться.

Сартр уверен, что субъект существует с того момента, когда возникает желание превзойти конкретную ситуацию, при этом ее сохраняя. Так возникает проблема выхода «за пределы». Субъекту свойственно стремление к полной самодостоверности всех моментов своей деятельности и всех содержаний своего сознания. Он должен принимать только то, что может быть порождено его собственным сознанием, его личным проектом. Поэтому отправной точкой философского анализа Ж.-П. Сартр делает не рефлексивное сознание классической философии, а сознание дорефлексивное [10, с. 115]. Этот слой сознания представляет собой совокупность являемых ему в результате феноменологической редукции непосредственных реальностей мира. Эта совокупность соотносительна конкретному типу экзистенциального опыта, определенному типу субъективности, и сама эту совокупность конституирует. Благодаря ей устанавливается единство сознания с единством мира, обеспечивается устойчивость и целесообразность поведения человека в нем. Субъекту надлежит «примерять на себя» все моменты своих мыслей и действий, поэтому его следует рассматривать под знаком трансценденталистского предположения возможности полного понимания им акта своей деятельности и значений опыта. Любое содержание опыта имеет своим истоком конституирующую деятельность трансцендентальной субъективности, осуществляемую на дорефлексивном уровне.

Отказываясь от понимания трансцендентального «Я» как необходимой структуры сознания, как источника рефлексии [10, с. 90], Сартр сохраняет возможность сознательного единства всей жизнедеятельности человека, для чего и переносит его из рефлексивного сознания в сознание спонтанное, дорефлексивное. Тем самым он отвергает наличие каких-либо заранее заданных идеальных структур, регулирующих конституирующую деятельность человеческой субъективности.

Сартр исследует экзистенциальный опыт исключительно с позиций *de facto* и провозглашает дорефлексивное сознание постоянным спутником всех моментов деятельности человека, обеспечивающим «глубокое единство нашего фундаментального проекта», создавая тем самым свой вариант концепции сознания.

Итак, Сартр предлагает «избавить сознание от ненужной подпорки – трансцендентального субъекта» [8, с. 84]. Выявленное «трансцендентальное поле без субъекта» или «собственно сознание» наделяется свойством его первоначальной открытости для себя самого. Поэтому его онтологический статус определяется как «ничто» и описывается в таких характеристиках, как «несубстанциальный абсолют», недетерминированность ничем

внешним, свобода и т. п.

В результате сознание предстает как осознание сознанием самого себя [10, с. 113]. Именно такое абсолютное сознание, по мнению Сартра, и есть первоначальное условие и абсолютный источник экзистенции. Это дорефлексивное сознание есть «рассеянный свет сознания» на себя самого, составляющий «одно целое с сознанием, сознанием которого оно является». В «Бытии и Ничто» он скажет даже так: «Что можно в собственном смысле назвать собственно субъективностью, так это сознание сознания» [9, с. 35].

Таким образом, обнаруживаемая Сартром в ее дорефлексивном варианте самосознательная субъективность представляет собой подлинную сферу специфически человеческого. Ее наличие свидетельствует о безусловном авторстве человека, сознательном единстве всей его жизнедеятельности, преднамеренном содержании всех его действий, его безусловной вменяемости и ответственности. Это абсолютное свободное действие как раз и представляет собой конститутивный элемент трансцендентного бытия.

Онтологическое значение данной проблемы состоит в интерпретации конституирующей активности сознания субъекта как базиса культуры, как среды, где проходит ее генезис и развитие. Культура порождается работой сознания субъекта, которое своим проектом объемлет массив бытия и конкретизирует его, наполняя вполне ясным человеческим смыслом. Субъект посредством индивидуальной практики удерживает себя в состоянии постоянного напряжения, занимаясь абсолютно свободным означиванием мира.

Если Ж.-П. Сартр рассматривает проблему трансцендирования, конституирующей деятельности человека с точки зрения личностного напряжения, то М. Хайдеггер анализирует те всеобщие условия, при которых возможно экзистирование, а также его способности задавать смысл и раскрывать бытие. В своем понимании трансценденции Хайдеггер принципиально отталкивается от бытия, находящегося по ту сторону субъективного, личностного, которое само по себе иррационально и исторично [12, с. 25-40].

Подобное «в-мире-бытие» является трансцендентальной структурой, она означающей что человек и мир находятся в существенной взаимосвязи. Человек включен в эту связь не в качестве отдельного существа в каждом конкретном случае – она служит общим условием возможности существования его как живого. В своем конституитивном трансцендентном акте выхода за свои пределы человек в одно и тоже время определяет и себя, и мир. Но сказанное не ведет к идее о созидании человеком мира сущего. Скорее это говорит о придании

хаосу бытия порядка и смысла этим конституитивным актом.

«Dasein», «здесь-бытие» реализует проекцию своих возможностей на тьму и бессмысленность первоосновы всего сущего и лишь таким образом создает «мир». В акте трансцендирования «Dasein» выходит за рамки сущего и самого себя как сущего, соединяя оба элемента в осмысленное единство [11, с. 48].

У Хайдеггера такая трансцендентальная структура есть «забота», она имеет абсолютно трансцендентальный характер и основывается на временности [12, с. 191-196, 316-323; 5, с. 35]. Другой подход к этой проблеме осуществляет Э. Гуссерль. Он рассматривает сознание как интенциональную структуру, которая по своей природе, более сильно определена с помощью «рацио», и следовательно, явно далека от проблематики времени [14, с. 66].

Структура трансцендентального сознания, по представлениям Э. Гуссерлю, существенно отличается от описания ее М. Хайдеггером. Основатель феноменологии резко демаркирует реальную психологическую субъективность и трансцендентальное чистое сознание, в котором становится видно подлинную сущность человека. Философ не углубляет далее интенциональную структуру, а превращает ее в фактическую экзистенцию (как это было сделано Хайдеггером). Исток сущностного априори, по Гуссерлю, кроется в универсальном сознании и в контексте истории присовокупляется к рационализму декартовского мыслящего Я, которое Э. Гуссерль интерпретирует заново в трансценденталистском ключе [4, с. 24-25].

Не стоит сомневаться, что у обоих этих мыслителей (Хайдеггера и Гуссерля) ключевое внимание уделяют априорным структурам бытия человека. Но если М. Хайдеггер больше занимался истоками и генезисом данных структур, которые, именно за счет отделения от своих первокорней идеализируются и рационализируются, то Э. Гуссерлем трансцендентальные структуры всегда сводятся к активности и целедостижениям субъекта; таким образом, не преодолевается субъект-объектный раскол (реалистического или идеалистического типа), которому так хочет достигнуть М. Хайдеггер, писавший о нахождении структуры «в-мире-бытия» за гранью противоположности активного и пассивного.

Итак, в рассмотренных философских концепциях понимание сути трансцендентного бытия субъективности не совпадает. Ж.-П. Сартр видит проблему трансцендирования исходя из личностного усилия человека, единичности его жизнеосуществления. Для М. Хайдеггера характерен взгляд на трансцендентность через призму бытия как всеобщего условия экзистирования. Э. Гус-

серль в качестве главной трансцендентальной структуры анализирует чистое сознание как выражение подлинной сущности человека. Тем не менее, общим для них является признание за трансцендентным бытием функции конституирующей деятельности человека. В трансцендировании человек осуществляет как формирование мира, так и собственное самоконструирование. Если в наличном бытии человек погружен в среду обитания, то осознание предметного мира, трансцендентность позволяет выйти за пределы этого мира, чему способствуют идеи о мире, душе, о жизни и задачах собственного существования.

Таким образом, анализ трансцендирующей деятельности субъекта позволяют определить те условия свободного творческого акта и те онтологические струк-

туры сознания, которые обеспечивают развертывание трансцендентного бытия человеческой субъективности именно как «в-себе-бытия». В результате сам акт творчества предстает как «выхождение» за пределы данного. Как обладающий субъективностью, человек трансцендентален, ибо он выходит за рамки любого опыта, который может быть им приобретен. Кроме того, он сам является трансценденцией, поскольку обладает способностью к трансценденции: любой предмет он делает объектом своего познания, своей деятельности. И при исследовании индивидуальной человеческой жизнедеятельности, и при описании исторических событий, и при объяснении социального бытия следует учитывать трансцендентность как индивидуальную сознательную целеполагающую деятельность в качестве их безусловного правила и организующего принципа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюнинг В. Философская антропология: Исторические предпосылки и современное состояние // Западная философия: Итоги тысячелетия. Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссея, 1997. С. 209-410.
2. Бурханов Р.А. Человек в трансцендентальной философии Иммануила Канта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76). С. 48-51.
3. Васильева М.Ю. Проблема свободы в трансцендентальной философии И. Канта // Власть. 2015. № 7. С. 96-101.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
5. Ищенко Н.И. Мартин Хайдеггер: к вопросу о трансценденции // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 27-46.
6. Кант И. Критика чистого разума. Серия: Памятники философской мысли. М.: Наука, 1999. 655 с.
7. Михайлов А.А. Проблема «субъективности» в фундаментальной онтологии М.Хайдеггера // Проблема сознания в современной западной философии: Критика некоторых концепций. М.: Наука, 1989. С. 137-155.
8. Перцева А.А. Видимость субъекта между воображением и восприятием. Сартр и Мерло-Понти // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 3. С. 77-105.
9. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
10. Сартр Ж.-П. Трансцендентальность Эго. набросок феноменологического описания. М.: Модерн, 2011. 160 с.
11. Ставцева О.И. Очерк хайдеггеровской философии // Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.29-58.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
13. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1992. №10. С. 143-176.
14. Шиян А.А. Онтологические и методологические принципы феноменологического подхода Эдмунда Гуссерля // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т.1. № 3. С.63-79.
15. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола». Участники: В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.В. Катунин, И.Ф. Михайлов, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова, И.О. Щедрина, А.Ф. Яковлева // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5-35.

© Шатилов Сергей Федорович (sshatilov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Akulich E. – doctor of sociological Sciences, Professor, Tyumen state Institute of culture

Belkin V. – Applicant, Perm State Research University

Bobrovskaya E. – Graduate student, Novosibirsk State University of Economics and Management

Boudaoud Karim– Graduate student, Kazan Federal University, Kazan

Chernobrodov E. – candidate of psychological sciences, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Khabarovsk

Druzhinina I. – Kazan National Research Technical University. A.N. Tupolev – KAI

Dryaev A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)

Dylkova S. – Director of The Children’s Arts School No. 6 of Magnitogorsk

Fusu L. – candidate of medical sciences, psychoanalyst, rector, Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy

Gabaraev A. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, South Ossetian State University

Galkina N. – candidate of psychological sciences, associate professor, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Khabarovsk

Gimazetdinova A. – Kazan National Research Technical University. A.N. Tupolev – KAI

Ivanenko A. – postgraduate student, The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration

Our authors

Ivinskikh G. – Candidate of Sciences in Culturology, Assistant Professor, Perm State Institute of Culture

Kashlatova L. – candidate of cultural studies, BU "Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development", pqt. Beryezovo

Khripko O. – Educational psychologist, Markovskaya secondary school (Irkutsk region)

Kononov S. – Candidate of Philosophy, Transbaikalian State University

Kshevin N. – Pacific National University (Khabarovsk)

Kulzhanova G. – PhD of Philosophy, associate professor, Kostanay academy of the MIA of Republic of Kazakhstan after Sh. Kabyibaev, Kostanay

Larionova N. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Russian State Social University

Lebedeva P. – Postgraduate student of Saint-Petersburg State University

Logunova K. – Senior Teacher, Irkutsk State University

Lolaev T. – Doctor of Philosophy, Professor, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)

Machukha A. – Applicant, Southern Federal University

Markman E. – Post-graduate Student, Russian Christian Humanitarian Academy; Lecturer, Institute of Practical Psychology

Maisner T. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk

Minko E. – Graduate student, Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmulla(Ufa)

Morozova E. – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, teacher, Municipal Autonomous educational institution «Secondary school No. 12», Tobolsk

Myasnikova Z. – PhD Student, Pacific State University

Petukhova T. – candidate of law, associate Professor, Ural Institute of GPS EMERCOM of Russia

Plyakhotko A. – Teacher, Tyumen State Institute of Culture

Potapchuk V. – Candidate of sciences (philosophy), Associate Professor, Pacific National University (Khabarovsk)

Sachkova N. – teacher of the State Budgetary Professional Educational Institution "Orenburg Regional College of Culture and Arts"; post-graduate

student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Chelyabinsk State Institute of Culture"

Samoylyuk L. – Candidate of Psychological Science, Associate Professor, Irkutsk State University

Shatilov S. – candidate of philosophy, Military educational scientific center air force "air force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin", Voronezh

Sirin S. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Irkutsk State Medical University

Vasilyeva O. – candidate of biological Sciences, Professor, Southern Federal University

Yadrishenskaya T. – Ph.D., associate professor, Pacific National University, Khabarovsk,

Zhigulina M. – Applicant, GOU VO Moscow region "Moscow Region State University" (Mytishchi)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).